ЧЕЛО

альманах

№ 1-2 [54-55] 2014

Издаётся с 1995 года

Новгородский
государственный университет
им. Ярослава Мудрого

ЧУДО НОВГОРОДСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ

Подлинный расцвет научной реставрации произошёл в послевоенные годы. Этот феномен является одним из ярчайших проявлений европейской (да и мировой) культуры, одной из причин широкой известности Новгорода в мире.

В годы Великой Отечественной войны Новгород был захвачен фашистами и в значительной мере разрушен. Все деревянные постройки сгорели или были сожжены, каменные имели большие пробоины и утраты, храмы стояли без кровель и деревянных конструкций.

Статью В.А. Ядрышникова читайте на стр. 15

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород

А.Н. Сорокин –
Великий мост Древнего Новгорода 3

В.А. Ядрышников –
Чудо новгородской реставрации 15

архив

Т.Е. Кузнецова –
Дела земские (Деятельность Боровичского земства по документам ГАНО) 25

Т.А. Данько –
«Война... изменила нормальный ход развития детей...» 30

эхо

Л.А. Секретарь –
Учащиеся и выпускники Новгородской духовной семинарии в тылу и на фронтах Первой мировой войны 33

И.Д. Савинова –
Деятельность Новгородской епархии в годы Первой мировой войны 39

extranea

И.В. Хохлов –
Новгородские злоключения полковника Купа 41

С.Ф. Витушкин
Первая мировая война устами С.С. Ольденбурга 47

кафедра

Т.В. Шмелёва –
Новгородика: что это за наука и кто её основоположник? 51

Н.Н. Вихрова –
Из Новгорода Великого. (Новгородские материалы на страницах славянофильской газеты «День» (1861–1865) 55

О.В. Ланцова –
Зарубежные новости на страницах «Волховского Листка» (1903 год) 61

слово

Н.С. Савельев –
Отзывы советских и иностранных туристов о пребывании в Новгороде в 1960–1970 годы 63

вернисаж

Т.А. Данько –
Из альбома кречевицкого офицера 68

В.С. Булыгин –
Опалённые страстью 70

Великий Новгород
2014

мастера

Т.Б. Зозуленко –
Загадка без разгадки... 73

имена

В.В. Демидов –
О Лядове, который всё же побывал в Новгороде 79

родники

Л.В. Федина –
Гостевая книга Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина 82
«Благодаря любви, которую испытывают к Вам люди, Ваше дело будет жить вечно...». (Фрагменты Гостевой книги Центра музыкальных древностей) 85

перо

Л.В. Антонова –
На древней Новгородской земле. (Предыстория посёлка Батецкий) 99
Ю.А. Симонов –
Зимние эскизы 105
Алиса Денисова –
Стихотворения 107

горенка

Мария Коврижко –
Заповедный клад 109

exlibris

В.В. Рукавичникова –
От автора (Автографы на книгах редкого фонда научной библиотеки НовГУ) 117
Н.И. Морылёва –
«Лишь письмена имеют память...» 125

Редакция альманаха выражает благодарность дирекции Новгородского объединённого музея-заповедника за помощь, оказанную в подготовке выпуска

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор альманаха)
Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Коваленко Г.М.
Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Савинова И.Д.
Секретарь Л.А.
Семёнова А.Л.
Сигалова Т.Н.
Хохлов И.В.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

Чело

© В.И. Поветкин, 2014
© Авторы статей, 2014

А.Н. Сорокин

ВЕЛИКИЙ МОСТ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

В четырёхтомной коллективной монографии, изданной в 2005 г., история отечественного мостостроения начинается только с 1861 г. Примеры изучения мостов более раннего времени представлены лишь единичными публикациями, в которых эта тема даже не была основной. Между тем, в древней Руси, территория которой изобиловала большими и малыми реками, существовало множество мостов, сведения о которых содержатся в различных источниках. Древнейшим из них был мост в Киеве, о строительстве которого упоминается в летописных сообщениях, датированных началом второго десятилетия XII в. Однако наибольшей известностью пользовался Великий мост древнего Новгорода.

По мнению шведского дипломата начала XVII в. Петра Петрея, Новгород был одним «из четырех главнейших промышленных городов в Европе, каковы: Берген в Норвегии, Визби на Готланде и Антверпен в Брабанте», а Юхан Видекинд, шведский историограф второй половины XVII в., характеризовал Новгород как «знаменитейший по всей Европе торговый город». Особенностью топографии этого крупнейшего экономического и культурного центра не только древней Руси, но и всей Европы, было то, что он разделялся рекой Волхов на две равнозначные части — Софийскую и Торговую (Рис. 1). Не позднее 1133 (6641) г. они были соединены мостом, который первоначально назывался просто «мост». Однако уже с 40-х годов XII в. в летописях появляется топоним «Великий мост» и производные от него: «Великий мост на Волхове», «мост Великои чрез Волхов», «мост Великий Волховский»[1]. Название моста «Великим», вероятно, объясняется прежде всего монументальностью этого гидротехнического сооружения, на что обращали внимание многие иностранные путешественники, посещавшие Новгород: например, Николаас Витсен, дважды побывавший в Новгороде в составе голландского посольства в 1664–1665 гг., отметил, что Великий мост, хотя и «сделан из дерева», но «по величине не уступает» амстердамскому и лондонскому мостам; архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший восточных патриархов в поездках по России в 1655–1656 гг. и 1666–1669 гг., также отметил «огромный деревянный мост» в Новгороде. Кроме того, по значению, которое Великий мост занимал в жизни древних новгородцев, его можно сравнить только с главной христианской святыней Новгорода и всей Новгородской земли — храмом св. Софии, а также их экономическим центром — Торгом. Об этом свидетельствует тот факт, что летописцы скрупулёзно отмечали все, иногда даже незначительные происшествия, связанные с повреждениями и разрушениями Великого моста во время междоусобиц и при стихийных бедствиях (ледоходы, наводнения, пожары), работы по его восстановлению и новое строительство. Великий мост неоднократно упоминается в летописях в связи с различными событиями городской жизни: например, на мосту проводили публичные казни, устраивали торжественные встречи приезжавших в Новгород князей и духовных владык. Великий мост запечатлён в новгородских легендах, например, о крещении новгородцев и в чуде о посаднике Добрыне.

Рис. 1. Вид Новгорода на Знаменской иконе

Изучением Великого моста древнего Новгорода занимались многие авторы, которые рассматривали такие вопросы как время и причина его появления, местоположение, особенности строительства и использования (И.И. Красов, П.И. Сумароков, В.С. Передольский, П.Л. Гусев и др.). Особенности конструкции редко становились предметом специального исследования, хотя для этого имеется обширная источниковедческая база, состоящая из отечественных и иностранных письменных и изобразительных (рисунки, планы) источников. В последнее время к ним добавились археологические материалы, полученные благодаря ежегодным подводным археологическим изысканиям, которые с 2005 г. проводятся на дне Волхова в районе Великого моста в рамках научной программы «Мосты как res publika и их значение для реформирования самоуправления в Западной и Восточной Европе».

В силу отрывочности письменных свидетельств, условности и схематичности большинства изображений, относящихся главным образом к XVI–XVII вв., а также ограниченности и неоднозначности археологических материалов, каждый в отдельности из этих источников не может дать полного представления о конструкции Великого моста. Поэтому существующий историографический пробел может быть восполнен только в результате комплексного исследования.

Из разных источников известно о существовании нескольких типов конструкции древнерусских деревянных мостов: на опорах; крепостные подъёмные мосты «на ужищах»; наплавные («живые») мосты из соединённых между собой бревенчатых плотов; наплавные мосты на понтонах, в качестве которых использовались лодки. Великий мост древнего Новгорода относится к деревянным балочным мостам на стационарных опорах. Специалисты различают две основные части конструкции такого типа гидротехнических сооружений: мостовые опоры и пролётное (верхнее) строение.

Рис. 2. Икона «Битва новгородцев с суздальцами» (фрагмент)

МОСТОВЫЕ ОПОРЫ. В теории «мостного строения» крайние опоры мостов называются «устоями», промежуточные — «быками». В летописях и других письменных источниках древнерусского времени для обозначения опор Великого моста независимо от их местоположения употреблялся исключительно термин «городня», иногда — «огородня». Исторически так называли деревянные «срубы», которые устраивали, в том числе, «в виде быков, устоев под мостами» (В. Даль). Большинство исследователей древнерусского деревянного зодчества под «городней» также однозначно понимали «бревенчатый сруб» (М.Г. Рабинович, А.В. Ополовников, Л.Е. Красноречьев и др.). В противоположность общему мнению специалистов руководители научного коллектива, проводящего подводные изыскания на Волхове (А.В. Степанов, С.В. Трояновский, О.В. Хархордин), выдвинули альтернативную «рабочую версию», согласно которой Великий мост опирался на сваи. Объективный анализ доказательств, которые приводят сторонники данной гипотезы, свидетельствует об уязвимости её основных положений.

1. В качестве аргумента, якобы, доказывающего свайную конструкцию мостовых опор, приводится отсутствие остатков срубных городней на дне Волхова в районе Великого моста. Однако это не может быть принято в качестве прямого свидетельства того, что их там никогда не было, поскольку городни могли не сохраниться: например, были уничтожены при строительстве каменных опор моста в XVIII–XIX вв. или во время прокладки подводных коммуникаций и очистке русла реки земснарядами в XX столетии. Поэтому не исключено, что при расширении района подводных изысканий фрагменты срубных городней могут быть найдены.

2. Утверждается, что дубовые сваи, обнаруженные при подводных исследованиях и датированные с использованием радиоуглеродного метода XII–XIII вв., являются остатками опор Великого моста. Во-первых, применение радиоуглеродного метода для датирования археологических памятников древнерусского времени ещё не вышло за пределы более или менее удачных экспериментов. При этом следует заметить, что вместе с дубовыми найдены сосновые сваи, которые по результатам более надёжного дендрохронологического исследования были изготовлены из брёвен, срубленных (NB) в 1778–1782 гг.

3. К деталям свайных опор Великого моста отнесены две сосновые плахи («пластины»), датированные дендрохронологическим методом 1286 и 1354 гг. Однако не доказано, что они имели отношение именно к опорам. Кроме того, следует заметить, что при строительстве мостовых опор, как правило, использовались цельные, а не расколотые брёвна.

4. Весомым доказательством в пользу гипотезы о срубной или свайной конструкции городней Великого моста могла бы стать его иконография, насчитывающая десятки летописных миниатюр, икон («Битва новгородцев с суздальцами», «Видение пономаря Тарасия», «Житие Варлаама Хутынского», «Знамение» и др.)[2], рисунков из сочинений иностранцев XVI–XVII вв. (Адам Олеарий, Августин Мейерберг, Николаас Витсен, Эрик Пальмквист и др.), отечественных и иностранных планов Новгорода XVI–XVIII вв. Удивительно, но до сих пор не было сделано ни одной попытки систематизировать имеющиеся изображения Великого моста. Между тем, изучение даже сравнительно небольшой выборки позволяет выделить несколько вариантов конструкции мостовых опор.

Рис. 3. Великий мост на иконе «Житие св. Варлаама Хутынского»

Вариант А. На новгородской иконе «Битва новгородцев с суздальцами» (XV в.) рисунок городней не имеет ничего общего с реальными прототипами, известными по другим источникам (Рис. 2). Поэтому можно предположить, что это, скорее всего, вымысел художника или подражание какому-то образцу.

Вариант В. На одной из икон «Житие Варлаама Хутынского» опоры Великого моста показаны в виде срубов, стены которых составлены из плотно прилегающих друг к другу венцов, соединённых в углах самым распространённым в русском плотницком деле строительным приёмом — рубкой «в обло»[3], причём только на этой иконе городни изображены целиком, включая их подводную часть (Рис. 3). Срубная конструкция опор Великого моста угадывается также на лубочной картинке «Великий Новград — древняя столица Российская», отражающей ситуацию рубежа XVII–XVIII вв. (Рис. 4), на врезке к плану новгородского кремля первой половины XVIII в. и на рисунках того же времени.

Рис. 4. Лубок XVIII в.

В традиционном русском деревянном мостостроении внутреннее пространство срубных городней заполнялось «землею или каменьями», чтобы их «не унесло весенним паводком» (Рис. 5). Примечательно, что в конце XVII в. при возведении каменных опор Великого моста «около всех тех столпов» были «зделаны кругом обрубы в брус деревянные ис толстого соснового лесу», причём, видимо, в соответствии с древней традицией пространство между ними «выбучено»[4], то есть завалено «диким каменем з глиною накрепко». Некто И. Неронов, совершивший экскурсию в Новгород в 40-х гг. XIX в., правда, без ссылки на источник также отметил, что в древности опоры Великого моста были «загружены камнем».

Яркой иллюстрацией того, каким образом могла происходить установка срубных опор Великого моста, является летописное описание строительства в первой половине XVI в. на Софийской стороне Новгорода в районе релки[5] Крюк мельничной плотины, основу которой составляли срубы: архиепископ Макарий «по неколицех летех святительства своего в Великом Новегороде[6] замысли... мельницу поставити, где искони не бывало, на славной реце на Волхове, пониже мосту»; по совету некоего «псковитина» («хитреца от Псковские страны»), «мужа (мужика)» по имени Невежа, «снетогорского мельника человека», новгородцы «начаша от тоя рельки делати *срубы великие*, и *вести* вверх по реце ко владычню двору и берегу, и *топити те срубы камением велицем на дно Волхова*»; для этого «по благословению архиепископа Макария начаша монастыри и Великий Новгород концами возити в судех камень валень (валуны? — ***А.С.***), и сыпати в пруды[7], и возведоша пруд сверх воды, и угрузиша дно пруда»; однако уже следующей весной ледоход разрушил «древие и *срубы*», так что «толико мало *срубов* осталося да *камение* в воде»[8].

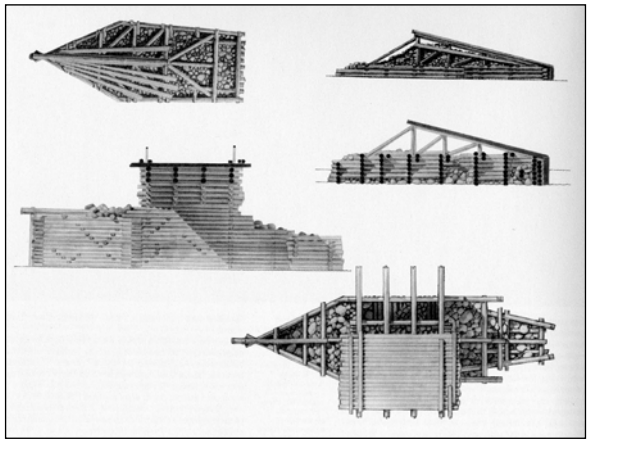

Рис. 5. Мост в деревне Очвинконец

Летописный рассказ позволяет реконструировать процесс строительства срубных опор Великого моста. По всей вероятности, сначала городни собирали на берегу Волхова, а затем при помощи лодок буксировали по воде к отведённому для них месту. Здесь срубы топили, заполняя их внутреннее пространство валунами. В.В. Данилевский, исследователь истории отечественных гидросиловых установок, высказал предположение, что при устройстве мельничной плотины на Волхове в XVI в. срубы надстраивали в высоту по мере их погружения в воду. Очевидно, таким же образом могли поступать при возведении опор Великого моста.

Рис. 6. Новоспасский мост

Вариант С. Отдельную группу образуют изображения опор Великого моста в виде перекрещивающихся балок, неплотно прилегающих друг к другу и образующих подобие клетки.

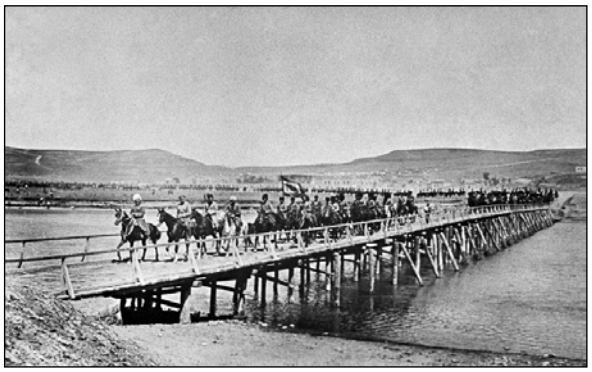

Рис. 7. Российские кавалеристы в Тифлисе (1914 г.)

Было бы серьёзной ошибкой интерпретировать такую конструкцию как столбовую. Прежде всего, свайные опоры обычно равномерно распределялись по всей длине моста (Рис. 6, 7). На рисунках Великого моста перекрещивающиеся балки, образующие опоры, изображены компактными группами на некотором удалении друг от друга (Рис. 8). В тех случаях, когда свайные опоры всё-таки составлялись в группы, их забивали в дно не вертикально, а под углом, как это показано, например, на книжных миниатюрах, иллюстрирующих строительство мостов и переход по одному из них войска князя Дмитрия Ивановича на Куликово поле (Рис. 9). Таким же образом на «иконе Жиглевича» с видом Пскова, датируемой третьей четвертью XVIII в., но отражающей топографическую ситуацию рубежа XVII–XVIII вв., изображён один из мостов через реку Псков (Рис. 10). Подобная конструкция из наклонно вбитых свайных опор была изучена при подводных исследованиях остатков моста X–XI вв. у острова Ледницкий в Польше (Рис. 11). Между тем все сваи, обнаруженные на дне Волхова в районе Великого моста, находились в вертикальном положении.

Необходимо отметить ещё одну принципиально важную особенность устройства мостов на опорах, возведённых из наклонных свай. На всех рисунках они поддерживают только края проезжей части, середина которой как бы повисает в воздухе, в то время как срубные городни подпирают настил Великого моста по всей его ширине.

Вместе с тем, способ изображения городней Великого моста в виде перекрещивающихся балок имеет несомненное сходство с другим вариантом срубной техники, известным по письменным и этнографическим источникам как рубка «в реж»[9]. Данный строительный приём предполагал укладку брёвен «не плотно, а на расстоянии одно от другого», причём венцы «связаны между собой только в углах» (Рис. 12). В «Толковом словаре» русского языка В. Даля упоминается *«режевый мост на рубленых клетках, срубах, рубленых режах (ошибоч. ряжах), береговых устоях»*, а также «реж» как *«бревенчатая решетка*, под строение, плотину, устой». На плане новгородского Николо-Розважского монастыря и его окрестностей, составленном в 1695 (7203) г., опоры крепостного моста через ров Малого Земляного города в Неревский конец изображены как раз в виде «режей», причём один из них стоит в воде (Рис. 13). По сведениям упоминавшегося выше И. Неронова Великий мост в древности «был устроен на деревянных *ряжах*».

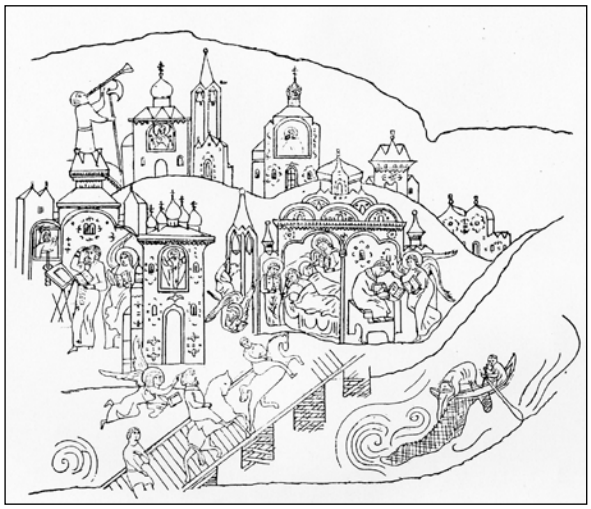

Рис. 8. Клеймо «Видение пономаря Тарасия»

Рис. 9. Князь Дмитрий выступает с войском навстречу Мамаю (Лицевой летописный свод)

Рис. 10. Икона Жиглевича

С одной стороны, режевая конструкция городней, для которой характерно наличие щелей между венцами, облегчала их затопление камнями, с другой — значительно уступала по прочности срубам, сложенным в технике рубки «в обло». В данной связи следует особо подчеркнуть, что на всех изображениях Великого моста показаны только те части режевых опор, которые выступали над водой. Поэтому можно предположить, что их подводные части были сооружены в технике рубки «в обло». С какого-то времени надводную часть городней начали строить «в реж», причём её, видимо, не заполняли камнями, так как на большинстве рисунков просматриваются боковые и задние стенки срубных режей. Тем самым обеспечивался свободный пропуск воды, а, следовательно, уменьшалось давление водного потока на городни. Примечательно, что с XII по XV вв., когда опоры Великого моста, видимо, имели полностью срубную конструкцию, подобную той, что изображена на иконе «Житие Варлаама Хутынского», летописцы неоднократно отмечали, как из Великого моста во время наводнений выбивало несколько городней, но со второй половины XV в. подобные сообщения из летописей полностью исчезли. С одной стороны, данный факт позволяет датировать время внесения изменений в конструкцию срубных опор Великого моста, а с другой — свидетельствует об эффективности такого инженерного решения.

Вариант D. На некоторых иконах и летописных миниатюрах возвышавшиеся над водой части городней Великого моста изображены в виде вертикальных балок с горизонталь-

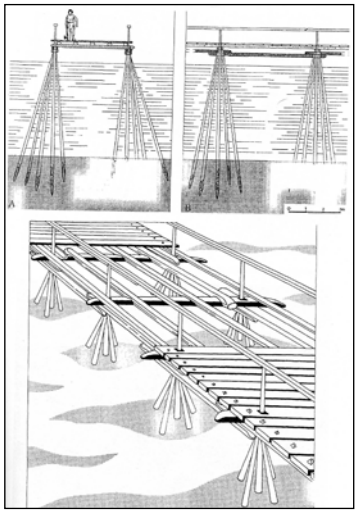

Рис. 11. Реконструкция моста на острове Ледницкий (Польша)

Рис. 12. Мельница из села Азополья (Архангельская область)

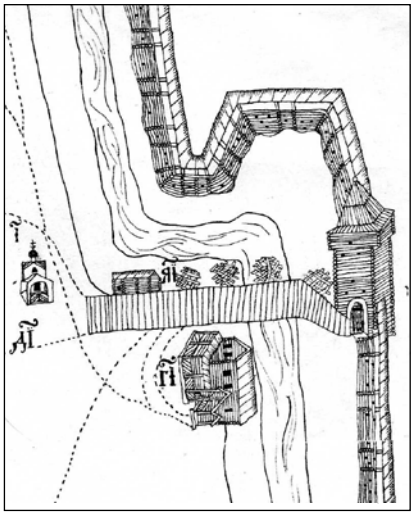

Рис. 13. План Николо-Розважского монастыря (фрагмент)

ными или наклонными распорками между ними, то есть здесь можно предполагать использование каркасно-столбовой конструкции (Рис. 14, 16, 25). Это не противоречит предположению о срубной конструкции подводной части мостовых опор: по всей вероятности, столбы устанавливали внутри срубов вплотную к их стенкам, фиксируя в вертикальном положении при помощи каменной забутовки.

5. Участники датского посольства, посетившие Новгород в 1602 г., отметили, что «из крепости на другую сторону ведет *прочный*» мост. Эту прочность Великому мосту могли обеспечить только срубные опоры. Показательно, как в 1228 (6736) г. «месяца декабря в 8 день, на святого Патапия», под напором льда «взодре (вынесе, выдере, выломи)» 9 городней из Великого моста, но «рознесе» только одну из них, а остальные, видимо, целиком прибило «к Пидбе под святыи Николу», то есть ниже по течению Волхова к его левому берегу. Возможно, именно по этой причине в районе Великого моста пока не обнаружены скопления валунов.

Рис. 14. Великий мост на клейме с иконы «Житие св. Варлаама Хутынского»

Вместе с тем свайные опоры обычно применяли в конструкции *временных (сезонных)* или небольших мостов: так, сооружённый в 1883 г. свайный деревянный Новоспасский мост в Москве приходилось каждый год разбирать при весенних половодьях. *Стационарные* мосты на свайном основании, как правило, были небольшими, их возводили на узких и мелких реках, ручьях или озёрах (Рис. 15), где им не грозили паводки и ледоходы: например, в новгородской «оценочной памяти», датированной 1653/54 (7161) г., упоминается «через Пшаскои *ручеи* мост», стоявший *«на дубовых сваях»*; на «иконе Жиглевича» большой капитальный мост через реку Пскову имеет срубные опоры, а другой мост, значительно уступающий ему по размерам, устроен на сваях (Рис. 10).

Рис. 15. Мостки в деревне Холм

Непрактичность использования свайных опор в конструкции Великого моста была обусловлена гидрологическим режимом Волхова, для которого характерно «множество воды» и «тяжкое нашествие ледное», представлявшие угрозу Великому мосту не только весной, но и осенью (Рис. 16, 17). Во время ледохода сначала речной, а затем озёрный лёд, двигавшийся из Ильменя с высокой скоростью[10], сметал бы на своём пути свайные опоры, после чего Великий мост приходилось бы каждый раз заново полностью восстанавливать. Однако, как следует из летописных записей, подобные происшествия случались крайне редко, очевидно, благодаря именно тому, что городни имели прочную срубную конструкцию, в целом успешно противостоявшую наводнениям и ледоходам.

6. Срубная конструкция опор Великого моста косвенно подтверждается также отсутствием сведений о том, что уже в XII в. новгородские «мостники» располагали техническими возможностями и достаточным опытом для того, чтобы забивать массивные сваи в дно Волхова на большой глубине, которая по сведениям неизвестного немецкого автора второй половины XVII в. в пределах Новгорода достигала 8 фаденов (около 14–16 м), а по современным данным — 9–10 м.

Самые ранние известия о копрах в России, то есть строительных машинах для забивки («бойки») свай, появляются не ранее XVII в. Поэтому не случайно, первое свидетельство о дубовых «свайных боевых колодах», поставленных «посадским человеком» Архипом Балиным для строительства каменных опор Великого моста в Новгороде, причём только той его части, которая проходила по берегу, относится лишь к концу XVII в. До этого времени сваи забивали вручную простейшими инструментами: например, при строительстве в 1435 (6943) г. моста «на Пскове реке» псковичи обязались обеспечить нанятых ими мастеров («наймитов») не только строительными материалами, но также «дубьями», то есть дубинками, которые, по всей вероятности, предназначались для того, чтобы забивать сваи мостовых опор. Такими «дубьями» в зависимости от плотности грунта можно было забить только сравнительно короткие и тонкие сваи на небольшую глубину. По материалам археологических исследований свайные конструкции в древнерусском строительном деле в целом и в Новгороде в X–XV вв., в частности, применялись чаще всего при устройстве частокольных оград, фундаментов каменных церковных и гражданских построек, причём для этого в качестве свай использовались сравнительно тонкие и короткие дубовые колья. Примером может служить конструкция фундамента каменного «терема» XV в., изученного на Неревском раскопе[11]. Только на Нутном раскопе встретился свайный фундамент постройки неизвестного назначения из сосновых брёвен диаметром 10–20 см и длиной до 2,3 м, но по уточнённым результатам дендрохронологического анализа они были срублены в 1707–1709 гг.

7. В тех случаях, когда опоры моста действительно имели свайную конструкцию, для её обозначения в источниках не использовался термин «городня»: например, мост середины XVII в. *«на дубовых сваях»*, построенный «через Пшаскои ручеи мост»; в июне 1655 (7163) г. «по государеву указу»

Рис. 16. Ледоход в Новгороде

Рис. 17. Наводнение в Новгороде

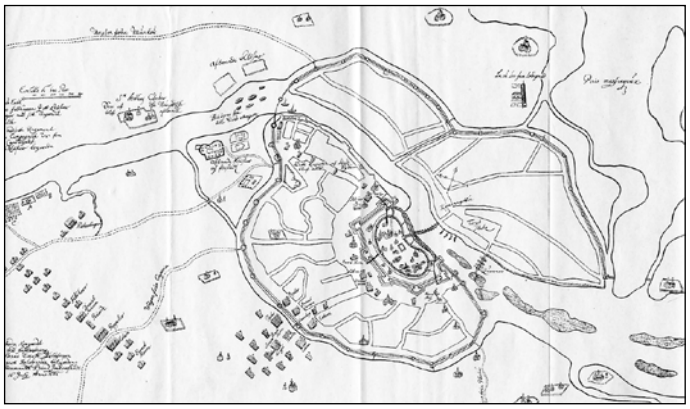

Рис. 18. Шведский план осады Новгорода в 1611 г.

повелевалось «под Шкловом на реке на Днепре сделать *мост на столбех* доброй, шкловскими посадскими и уездными людьми, вскоре».

* * *

Отдельного рассмотрения заслуживают форма и размеры опор Великого моста, а также расстояние («просвет») между ними.

На иконе «Видение пономаря Тарасия» стоящие в воде срубные городни обращены углом поперёк проезжей части Великого моста (Рис. 3). Это может означать, что они могли иметь пяти- или шестиугольную форму. На шведском плане осады Новгорода в 1611 г. опоры Великого моста, в том числе стоящие на берегу Софийской стороны, заострены с обоих торцов (Рис. 18). На рисунке из сочинения Адама Олеария и панораме Новгорода из альбома Августина Мейерберга городни Великого моста показаны с одной стороны, которая также как-будто заострена (Рис. 19). Этнографическими исследованиями установлено, что на русском Севере городни деревянных мостов представляли собой «пятигранный или шестигранный сруб, словно сплюснутый с боков и вытянутый по течению реки для уменьшения лобового сопротивления водному потоку» (Рис. 5, 20, 21). Опоры Великого моста могли иметь такую же форму. Примечательно, что в конце XVII в. при строительстве на Софийском берегу каменой части Великого моста, его «столпы», вероятно, в соответствии с древними строительными традициями были оборудованы защитными стенками, видимо, пятиугоульной в плане формы, поскольку у них «с верхних концов зделаны кроме меры их водорезы для лду по 2 сажени с полусаженью, а с нижних концов зделаны откосы по полусажени» (Рис. 22).

Размеры деревянных срубных городней Великого моста в источниках не указаны. Сохранилось описание параметров «каменных болших 5 столпов», то есть мостовых опор, которыми в конце XVII в. заменили деревянные городни при строительстве каменной части Великого моста

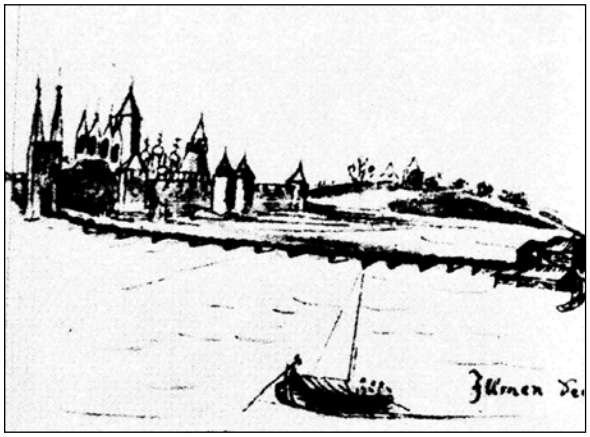

Рис. 19. Великий мост на панораме из альбома Августина Мейерберга (фрагмент)

на Софийской стороне: «Первой шириною с подошвы 2 сажени, а четыре столпа шириною, которые на воде, по 3 сажени. В отделке все пять столпов шириною по 2 сажени, а длиною вдоль по реке против башенного основания по 8 сажень с полусаженью трехаршинных». По всей вероятности, каменно-деревянная конструкция Великого моста отражена на плане новгородского кремля, датированного 1701 г. (Рис. 23). На нём все опоры Великого моста имеют одинаковые размеры и форму, кроме тех, что расположены на побережье Софийской стороны, то есть в том месте, где совсем недавно был сооружён каменный мост: эти, видимо, каменные опоры приблизительно на треть длиннее и в полтора раза шире всех остальных. Возможно, таким способом чертёжник стремился показать разницу в пропорциях между новыми каменными «столпами» и городнями, которые остались деревянными. Если это действительно так, то последние могли иметь около шести-семи саженей в длину и двух саженей в ширину, что в переводе на современный формат соответствует 4,32х14,04х15,12 м.

Рис. 20. Мост в селе Кенорецком

Расстояние между деревянными городнями на чертеже 1701 г. примерно соответствует «просвету» между каменными «столпами», «промеж» которыми было «оставлено свободного места воде для проходу по 5 сажень» (10,8 м). Примечательно, что это соответствует стандартам древнеримского каменного мостостроения, согласно которым ширина быков «достигала 1/3–1/2 пролёта».

ПРОЛЁТНОЕ (ВЕРХНЕЕ) СТРОЕНИЕ. Сведения письменных, изобразительных и графических источников позволяют составить представление о конструкции и размерах проезжей части Великого моста, её конфигурации (плане), а также высоте над поверхностью Волхова.

Конструкция проезжей части. На всех изображениях Великого моста настил проезжей части ориентирован перпендикулярно направлению движения[12]. Однако имеется существенное отличие. На одних рисунках края мощения не видны, поскольку сбоку закрыты горизонтальными балками (Рис. 8, 14, 16, 17). Такая конструкция имеет несомненное сходство с дворовыми мощениями, которые устраивали на новгородских усадьбах в X–XII вв.: торцы настила крепились в двух брёвнах, в которых для этого с внутренней стороны сбоку по всей длине делали продольный паз или уступ, выбирая 1/4 диаметра (Рис. 24). На других изображениях Великого моста торцы настила отчётливо просматриваются (Рис. 25). Следовательно, продольные брёвна, на которые укладывали настил, должны были находиться под ними. Эта конструкция, также хорошо известна по новгородским раскопкам: она использовалась при строительстве деревянных уличных мостовых, по меньшей мере, с XI в. (Рис. 26).

Таким образом, верхнее строение Великого моста имело сходство с дворовыми вымостками и уличными мостовыми. Примечательно, что в русском разговорном языке, как и в древнерусское время, под «мостом» понималось не только гидротехническое сооружение — «сплошная постройка поперек реки, либо оврага, для перехода», но также «всякого рода сплошная настилка из досок, бревен, брусьев, для езды и для ходьбы» (В. Даль).

В археологической литературе для обозначения брёвен, на которые укладывается настил, используется термин «лага». Между тем, данный научный термин не встречается в источниках. Для того, чтобы понять, как называли «лаги» в древности, следует обратиться к новгородскому «Уставу о мостех», составленному по мнению В.Л. Янина в 1265–1267 гг. В нём упоминаются некие «рили», которые, как признают все комментаторы этого источника, имели прямое отношение к конструкции Великого моста. Среди исследователей отсутствует единое мнение о том, что они собой представляли. Так, по

Рис. 21. Мост в деревне Овчинконец

Рис. 22. Каменный мост в XVII в.

мнению авторитетного новгородского краеведа XIX в. В.С. Передольского «рилями» назывались опоры Великого моста: «Произошло это слово от глагола «рыть»; вода нарывает течением песок к подводному ли камню, или к дереву-топляку, — и получается нарытый ею островок. Устои Волховского моста укреплялись на искусственных, нарытых в воду, кучах камня, песку, глины и т.п. Эти то насыпные кучи и утвердившиеся на них городни и были «Риле» «Устава Ярослава». П.Л. Гусев, исследователь топографии, истории и культуры древнего Новгорода, также отождествлял «рили» и «ряжи» Великого моста. Аналогичного мнения придерживаются некоторые современные авторы, называющие «релями» опоры Великого моста.

В источниках проводится чёткая грань между городнями и рилями: например, в 1435 (6943) г. «наяли псковичи наимиты на новои мост на Пскове реке, а запас балки наимитов, а *рилины и городни* и дубья псковская»;

в летописном известии под 1563 (7072) г. сообщается о том, как 9 декабря «на Волхове вода была до *релеи мостовых*», что полностью исключает понимание рилей как мостовых опор;

в «оценочной памяти», датированной 1653/54 (7161) г., «рели» и «дубовые сваи» упоминаются как отдельные детали конструкции небольшого моста «через Пшаскои ручеи».

В отчёте о строительстве каменной части Великого моста в конце XVII в., раскрывается смысл того, «что зовут рели»: это — «всякой лес», «бревна сосновые», «длинные толстые бревна». В новгородских Таможенных книгах за 1610/11 гг. «релями» также называются брёвна: «Тово же дни да июня во 2 день явил новгородец Олексей Иванов сын да Офанасеи Олексеев сын лесовик с Варежской улицы дватцать ведов пяти сажен, шесть ведов четырех саженных, сорок *релеи* десяти сажен, шесть ведов пятерика». В «Толковом словаре» русского языка В. Даля среди значений слова «рель» указаны «просто жердь, жердина, лесина, шест, *тонкое и долгое бревно*».

Таким образом, в «Уставе о мостех» под «рилями», скорее всего, следует понимать верхнее (пролётное) строение между опорами Великого моста, названное так по детали его конструкции. Прямые сведения о количество собственно «рилей», то есть брёвен, служивших основанием настила Великого моста отсутствуют, но его можно установить косвенным путём, сопоставив ширину проезжей части Великого моста и новгородских улиц, конструкции которых имели очевидное сходство.

Ширина Великого моста может быть установлена по описанию его каменной части, сооружённой в конце XVII в., где сказано, что «по конец того каменного мосту, идучи с Торговой стороны на тот каменной мост», то есть на стыке с деревянным мостом, была «зделана вместо ворот болшая каменная перемычка для украшения... *шириною 5 сажень с четвертью*, без затворов», что соответствует 10,98 м в переводе на современный формат мер длины XVI–XVII вв.[13] Это несколько больше ширины улиц в Новгороде, установленной после пожара 1508 (7015/16) г., когда «присла князь великыи Василеи Ивановичь в Новгород Василья Бобра улиц мерити, болши старого учиниша: 4 сажени ширина» или 8,64 м. В более древнее время ширина главных новгородских улиц, называвшихся «Великими», «Пробойными» или «Большими», не превышала 5–6 м; при этом уличные настилы обычно опирались на 3, редко 4 «рили». Видимо, примерно столько же рилей было под настилом проезжей части Великого моста.

В древности мостовой настил иногда называли «постелью», что означало «ровный помост, из брусьев либо из развалу» (В. Даль). О строительных деталях, использовавшихся при сооружении настила проезжей части Великого моста, почти нет никаких сведений. Заслуживает внимания единственное прямое свидетельство анонимного немецкого автора брошюры о Новгороде, изданной в 1572 г., который сообщает, как во время опричного разгрома, устроенного Иваном Грозным, по его приказу несколько сотен новгородцев привели «на приготовленное *место, выстланное досками*», после чего «тех людей для потехи и удовольствия бросали в воду». По данным всех отечественных и иностранных источников «местом» тех казней был Великий мост. Кроме того, поскольку конструкция верхнего строения Великого моста, скорее всего, была идентична уличным мостовым, можно предположить, что проезжую часть Великого моста, как и на улицах, мостили плахами, уложенными плоской стороной вверх, причём для прочного соединения с «рилями» (лагами) в нижней части плах делали чашеобразные вырубки[14]. Может быть, две плахи, обнаруженные при подводных исследованиях в районе Великого моста, были деталями его настила.

Впрочем, нельзя исключать, что дорожное полотно Великого моста могло иметь более сложную конструкцию. Например, в середине XVII в. даже настил небольшого новгородского моста перекинутого через «Пшаскои ручеи» был двойным: «*дощатои на перекладах* и на

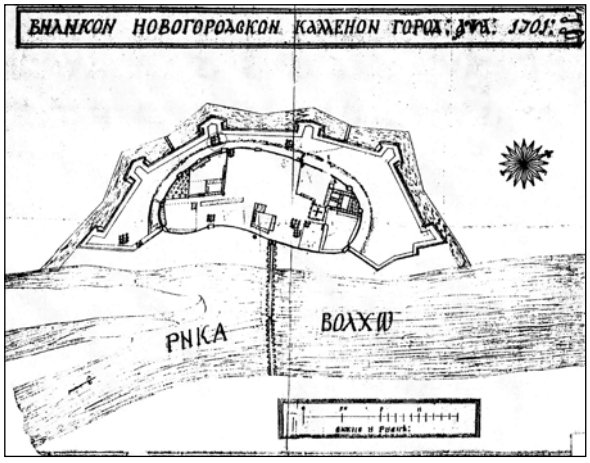

Рис. 23. План кремля 1701 г.

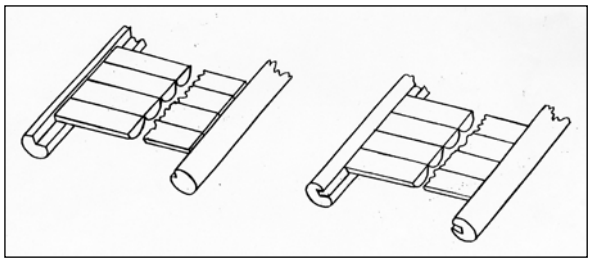

Рис. 24. Варианты конструкции дворовых вымосток

релех». Настилы деревянных мостов Нового и Новейшего времени также были двухслойными: нижний состоял «из притесанных пластин, а верхний из досок».

Следует отметить ещё одну характерную особенность конструкции пролётной (верхней) части Великого моста, а именно — боковое ограждение, изображения которого имеются на некоторых летописных миниатюрах (Рис. 25), лубке «Великий Новград древняя столица Российская», одном из планов кремля XVIII в. и др. В древности, как и теперь, подобные ограждения назывались «перилами»: например, рязанский воевода в своей отписке, датированной августом 1630 (7138) г., сообщает, что в «Переславле-Рязанском у Глебавскаго и у Рязанскаго мостов, по которым съезживали в город и из города.., *перила* повалялись». Под «перилами» понималась конструкция в виде «переводины на столбиках, балясинах». В альбоме Августина Мейерберга встречаются рисунки русских мостов с такими перилами.

Рис. 25. Казнь стригольников

Конфигурация Великого моста. В мировой практике мостостроения «обыкновенно стараются располагать мосты перпендикулярно к направлению пересекаемой реки», то есть по кратчайшему расстоянию между берегами. Великий мост древнего Новгорода был редким исключением из общего правила: на плане осады Новгорода в 1611 г. и прориси, сделанной М. Корниловичем со Знаменской иконы, заметен небольшой изгиб в центре Великого моста, направленный против течения Волхова. На нескольких планах Новгорода XVIII в. излом трассы Великого моста выражен ещё более отчётливо. Французские путешественники Фортиа де Пиль и Л. Буазгелен де Кердю, посетившие Россию в начале 90-х годов XVIII в., также отметили данную особенность Великого моста: «Этот мост не прямой, а образует угол, вершиной обращенный против течения реки»[15]. Предполагается, что подобное конструктивное решение могло быть обусловлено «необходимостью в целях большей устойчивости в преодолении напора вод реки» (И.И. Кушнир).

Более ранние свидетельства о необычной конфигурации Великого моста отсутствуют, но в некоторых летописях описание повреждений, нанесённых Великому мосту пожаром в 1340 (6848) г., сопровождается примечательной фразой: «...а великыи мост згоре по воду *по обе стороне*». Можно предположить, что здесь подразумевались не Софийская и Торговая стороны Новгорода, а части Великого моста, находившиеся по разные стороны от характерного излома его трассы. Ключевым значением для доказательства древнего происхождения этой особенности Великого моста является интерпретация топонима «Острая городня», который встречается только в «Уставе о мостех» (1265–1267 гг.). В нём регламентировались обязанности населения Новгорода и Новгородской земли, а также лиц, облечённых духовной и светской властью (владыка, посадник, тысяцкий), по мощению отдельных участков городской территории, локализация которых остаётся предметом научных дискуссий. Согласно «Уставу» владыка должен был мостить «сквозе городнаа ворота с изгои и другими изгои до *Острой* городни», после чего, и с этим соглашаются все исследователи, следует перечень городских и сельских сотен, ответственных за строительство Великого моста. В научной литературе имеется несколько вариантов интерпретации топонима «Острая городня». П.Л. Гусев понимал под ней частокол, окружавший Детинец. М.Х. Алешковский, отметив этимологическую связь между словами «Острая» и «Остров», доказывал, что «Острой городней» называлась первая, ближайшая к Детинцу, опора Великого моста, поскольку она, якобы, располагалась на так называемом «Владычном островке». В.Л. Янин, ссылаясь на данные писцовых книг XVI в., справедливо заметил, что «Владычный островок» находился в районе Владимирской башни Детинца, то есть относительно Великого моста ниже по течению Волхова, после чего путём логических рассуждений отверг принадлежность «Острой» городни Великому мосту, считая её опорой другого моста, перекинутого через некогда засыпанный древний овраг, пересекавший Детинец с запада на восток. Но это не объясняет происхождение названия городни «Острой». Более того, структура текста «Устава» не исключает того, что «Острая городня», как это и предполагал М.Х. Алешковский, действительно являлась частью Великого моста, а «городскими воротами», через которые согласно «Уставу»

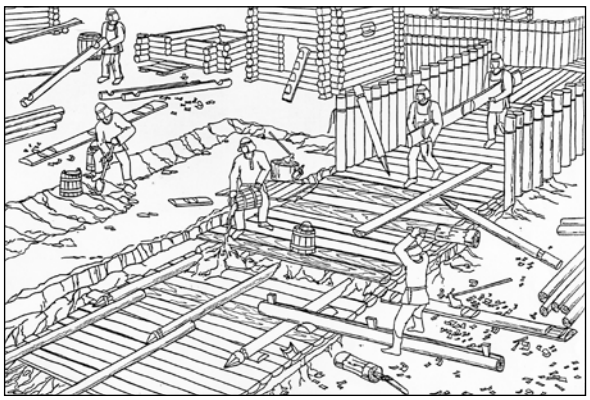

Рис. 26. Строительство уличных мостовых

мостил владыка, были не Воскресенские, на чём настаивал В.Л. Янин, а Пречистенские.

Этимологию названия «Острой городни» можно было бы вывести из особенности её конструкции в виде пяти- или шестиугольника, но это исключено, поскольку такую же форму, по всей вероятности, имели все городни Великого моста. И здесь вспоминается нетрадиционная конфигурация его верхнего строения. Название одной из городней «Острой» может трактоваться как отражение особенности её местоположения на «острие» моста, то есть в вершине угла, образованного изломом трассы Великого моста. Ещё М.Н. Тихомиров заметил, что содержащийся в «Уставе о мостех» список новгородских и сельских сотен, принимавших участие в строительстве Великого моста, представляет собой интерполяцию, которая нарушила логичность и последовательность первоначального текста. Если её исключить, то Великий мост разделяется на две части: одну из них — от Пречистенской башни «до Острои городни» — строит владыка с изгоями, а другую — софьяне, тысяцкий, вощники и посадник — «до торгу», «до великого ряду». Вероятно, «не позднее XIV в.», которой датируется интерполяция со списком сотен, обязанности по долевому строительству Великого моста были перераспределены между другими участниками (городскими и сельскими сотнями), но «Острая городня», видимо, осталась в качестве ориентира: начиная с Софийской стороны, до неё мостили городские сотни, а далее по направлению к Торговой стороне — сельские.

Высота проезжей части Великого моста над Волховом. В теории мостостроения XIX в. высота мостов устанавливалась не менее, чем на 0,3 м выше уровня паводковых вод, «на реках с ледоходом» — 0,7-1 м, около 2,5 м — для пропуска плотов, 4,5-5 м — для прохода речных судов.

По предположению В.Л. Янина высота верхнего строения Великого моста над уровнем воды в Волхове была небольшой, что доказывается его изображением на клейме с иконы «Житие Варлаамия Хутынского». В подтверждение данного тезиса можно сослаться на то, что в 1543 (7051) г. в результате наводнения в окрестностях Новгорода «на Соколницы мост сняло, иже бысть намощен за год до сеи воды, а был *человеку в перси высотою*». Это был небольшой мост через протоку Волхова с низкими берегами. Вместе с тем, существуют прямые свидетельства противоположного рода: так, в летописном описании опричного террора в Новгороде повествуется о том, как людей привозили на Великий мост и сбрасывали *«с великия высоты»*; на рисунках из сочинений Эрика Пальмквиста и Николааса Витсена (вторая половина XVII в.), а также на гравюрах XVIII в. проезжая часть волховского моста располагается на одном уровне с Пречистенскими воротами кремля, то есть довольно высоко над водой. По свидетельству Павла Алеппского вселенских патриархов, прибывших из Москвы в Новгород по Волхову (60-е годы XVII в.), «провезли на судах под огромным деревянным мостом, перекинутым через реку», причём это была не утлая лодчонка наподобие той, что изображена на иконе «Житие Варлаамия Хутынского», а «великолепное судно», присланное «от митрополита и воеводы Новгорода».

Выбор модуля высоты Великого моста, скорее всего, диктовался не столько потребностями судоходства, сколько уровнем подъёма воды в Волхове во время наводнений. Согласно наблюдениям XIX в. весной в черте Новгорода вода поднималась «над обыкновенным уровнем» на 6–7 футов (около 2,1–2,45 м). Даже после строительства Волховской ГЭС среднее значение почти не изменилось и не превышало 3 м, хотя один раз в два года уровень реки в половодье мог подниматься на 5,6 м, однажды в 4,10 или 100 лет — на 6–7 м, а максимально — до 8 м. Эти наблюдения согласуются с прямыми данными о высоте верхнего строения Великого моста над водой, которые содержатся в описании его каменной части, построенной в конце XVII в. на Софийской стороне: «Меж теми большими каменными столпами зделано по 4 перететивья столба на столб и сомкнуты... *Вышиною те перететивья до лавочного мосту от земли, как вода обсохнет, 8 аршин с четвертью*». В переводе мер длины XVI–XVII вв. в современный формат это соответствует 5,94 м.[16]

Очевидно, оптимальная высота моста над поверхностью реки, предотвращавшая угрозу разрушения его верхнего строения, определялась и корректировалась эмпирически, путём ежегодных наблюдений над разливами Волхова. Так, в 1229 (6737) г. «заложиша великыи мость всь нов выше старого моста». Это не означает, что Великий мост, как утверждал П.Л. Гусев, перенесли выше по течению. Ещё В.С. Передольский объяснил смысл данного сообщения тем, что в предыдущем году Великий мост получил значительные повреждения в результате осеннего наводнения, которое «указало, что мост был низок сравнительно с уровнем реки, потому его и подняли».

Таким образом, при каждом новом строительстве Великого моста, по всей вероятности, ориентировались не на «горизонт меженных вод», а на максимальный уровень подъёма воды в Волхове за прошедшие годы. Следовательно, высота верхнего строения Великого моста над рекой не была постоянной, а время от времени изменялась. При этом инженерные расчёты строителей Великого моста отличались эффективностью, так как отсутствуют свидетельства о повреждении его верхнего строения при наводнениях: например, осенью 1468 (6977) г. «от Сентября бысть вода велика, мало мосту великого не снялося»; весной 1544 (7052) г. «в Новегороде была вода велика, потопиша монастыри многие и дворы многие, а воду черпали с мосту с Волховского колпаки»; в 1563 (7072) г. «на Волхове вода была до релеи мостовых».

* * *

В заключении необходимо напомнить, что под «Великим мостом» следует понимать не одно, а несколько сооружений, последовательно сменявших одно другое на протяжении XII–XVII вв., которые не были клонами, полностью копировавшими некий исходный образец. Прослеживается качественное изменение отдельных деталей при сохранении общей балочной конструкции Великого моста. Так, надводная часть его опор могла сооружаться в технике рубки «в обло», «в реж» или иметь каркасно-столбовую конструкцию, а сами городни могли быть как прямоугольной, так и пяти- или шестиугольной в плане формы. Характерный излом верхнего строения Великого моста прослеживается не ранее 60-х годов XIII в. («Устав о мостех»), однако не исключено, что он мог появиться в более раннее время. На одних изображениях Великого моста излом выражен отчётливо, на других почти не заметен или вовсе отсутствует. То же самое относится к наличию бокового ограждения в виде перил. По всей вероятности, изменялись не только качественные, но и

количественные параметры Великого моста: длина и ширина, количество и размеры опор и пролётов, высота верхнего строения над уровнем Волхова. Анализ конструктивных особенностей Великого моста свидетельствует не только о высоком уровне развития древнерусского инженерного и строительного дела, а также об организованности новгородской общины, сумевшей в сложных гидрологических условиях на далёкой окраине европейской цивилизации создать такое выдающееся гидротехническое сооружение, каким являлся Великий мост. Если бы по аналогии с античностью существовало семь древнерусских «чудес света», то Великий мост древнего Новгорода несомненно должен быть признан одним из них.

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В XVI–XVII столетиях употреблялся также топоним «Большой мост».

[2] Специальными исследованиями установлено, что на летописных иконах и миниатюрах и нередко отображались реально существовавшие объекты — предметы и сооружения.

[3] «Обло, рубка „в обло", или „с остатком" — способ соединения брёвен в углах, при котором концы брёвен — остатки — выходят за пределы наружной плоскости стены».

[4] Видимо, от слова «бутить», что значило «заваливать яму, ров или воду камнем и землёй; заваливать ров щебнем, камнем, кирпичом» (В. Даль).

[5] Слово «рель» имело несколько значений. В данном случае под ним, видимо, следует понимать «возвышенность среди поймы»; в новгородском говоре так называлась «наносная, наволочная гряда в воде, вдоль берега, но в расстоянии от него, так что между релью и берегом стоит вода» (В. Даль).

[6] Макарий был хиротонисан в новгородские архиепископы 4 марта 1526 (7034) г.

[7] Среди значений слова «пруд» были «запруда» и «плотина».

[8] Возведение речных плотин из срубов, видимо, получило широкое распространение: так, из Белоозёрского архива происходит документ, согласно которому в 1673/74 (7182) г. «по обе стороны речки Киснемки» был возведён каскад из двух мельничных плотин, причём каждая из них была «рублена клетками в 4 стены в угол, и насыпаны клетки землею».

[9] Между прочим, в одном из источников начала XVII в. слова «реж» и «сруб» употреблены в качестве синонимов.

[10] В пределах Новгорода она составляет в среднем около 0,38 м/сек.

[11] Для этого, вероятно, использовали дубовые колотушки, которые часто находят при археологических исследованиях в Новгороде, причём обычно они имеют следы сработанности. Такими инструментами могли также вбивать на небольшую глубину колья частоколов, ограждавших городские дворы. Но они бесполезны при работе по длинным и толстым сваям. Поэтому, например, вереи из массивных брёвен, на которые навешивали ворота, вкапывали, о чём свидетельствуют их горизонтально обрубленные основания.

[12] Настил моста на «гранитных балках», построенного в 1831 г., ориентирован по ходу движения.

[13] Для сравнения: Волховский мост, строительство которого было закончено в 1831 г., имел ширину 6 саженей или 12,8 м в современных мерах длины.

[14] В 30-х годах XV в. при строительстве моста «на Пскове реке», видимо, в качестве настила использовали «балки», опиравшиеся на «рилины».

[15] Аналогичную конфигурацию в XVIII в. имел «Кривой мост» в Туле.

[16] Мост через Волхов, возведённый в 1831 г., был «вышиною от воды на 7 сажен», то есть 14,94 м.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алешковский М.Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. 1962. № 14.

Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890.

Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб., 1894.

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Беспятых Ю.Н. Новгород в описаниях иностранных путешественников XVIII в. // Новгородский край. Л., 1984.

Беспятых Ю.Н. Новгород в «Россике» XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XX. СПб., 1897.

Большая Советская энциклопедия. Т. 17. М., 1974.

Великий Новгород в иностранных источниках XV–нач. XX века / Составитель Г.М. Коваленко. М., 2005.

Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007.

География Великого Новгорода. Природа, население и хозяйство. Великий Новгород, 2009.

Гусев П.Л. Новгород XVI века по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» СПб., 1900.

Гусев П.Л. Чтения по истории и топографии Великого Новгорода // Конспект лекций по истории и топографии города Великого Новгорода, читанных в 1909 году в Новгородском Обществе Любителей Древности гг. лекторами Императорского Археологического Института. Новгород, 1916.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. XI. СПб., 1869.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I (М., 1880/1989), II (М., 1881/1989), III (М., 1882/1990), IV (М., 1882/1991).

Данилевский В.В. История гидросиловых установок России до XIX в. М.; Л., 1940.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Иванова-Веэн Л.И. Русские деревянные мосты // Памятники науки и техники. 1982–1983. М., 1984.

Истомина Э.Г., Яковлев З.М. Голубое диво. Л., 1989.

История отечественного мостостроения. Т. 1-4. М., 2005.

Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984.

Колчин Б.А. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I // Материалы и исследования по археологии СССР, № 55. М., 1956.

Красноречьев Л.Е. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества по опыту работ в Новгородской области. СПб., 1999.

Красов И.И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851.

Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Новые данные оборонительных укреплениях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). СПб., 1989.

Кушнир И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1991.

Мальков Ю.Г. План Пскова конца XVII века («икона Жиглевича») // Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1988.

Неронов И. Трое суток в Новгороде. СПб., 1842.

Новгородские летописи. СПб., 1879.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1983.

Передольский В.С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.

Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.

Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Полное собрание русских летописей. Т. III (СПб., 1841), IV (СПб., 1848), IV, ч. I. вып. 1 (Пг., 1915), IV, ч. II, вып. 1 (Пг., 1917), IV, ч. I, вып. 3 (Л., 1929), V, вып. 1 (Л., 1925), VI (СПб., 1853), VI, вып. 1 (М., 2000), VII (СПб., 1856), IX (СПб., 1862), X (СПб., 1885), XV (М., 1965), XVI (СПб., 1889), XXV (М.; Л., 1949), XXVI (М.; Л., 1959).

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4. М., 1898.

Пушкарёв И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. I, тетрадь 1: Новгородская губерния. СПб., 1844.

Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в древней Руси // Средневековая Русь. М., 1976.

Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

Серова В.Н., Барышева А.А., Жекулин В.С. География Новгородской области. Л., 1974.

Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995.

Сорокин А.Н. Лобное место Великого Новгорода // Чело. № 3 (31). Великий Новгород, 2004.

Сорокин А.Н. «Чудный крест» в Великом Новгороде // Чело. № 1 (32). Великий Новгород, 2005.

Степанов А.В., Трояновский С.В., Хархордин О.В. В поисках Великого моста: археологические исследования 2005–2006 гг. на дне р. Волхов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007.

Степанов А.В. Трояновский С.В., Хархордин О.В. Новгородский Великий мост как археологический объект (по материалам подводных исследований 2005–2008 гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. IV. М., 2011.

Степанов М.А. Великий мост средневекового Новгорода. М., 2012. Дипломная работа, защищённая на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Сумароков П.И. Новгородская история. М., 1890.

Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996.

Тихомиров М.Н. Исследования о Русской Правде. М.; Л., 1941.

Урьева А.Ф. Результаты дендрохронологического анализа дерева сооружений Нутного раскопа в Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990.

Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В.Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город (исследования и материалы). Вып. 7. М., 1984.

Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М., 1986.

Янин В.Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М., 1999.

Яновский. Акты, извлечённые из столбцов Новгородского Софийского Дома, хранящихся в Императорской Археографической Комиссии // Вестник археологии и истории. Вып. XVI. СПб., 1904. С. 226.

Nordlander I. Real Estate Transfer Deeds in Novgorod. Text and Commentary. Stockholm, 1987.

В.А. Ядрышников

ЧУДО НОВГОРОДСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ

Панорама разрушенного Новгорода. Фото 1944 г.

В древнейшем русском городе Новгороде в течение веков происходило много деяний, которые можно отнести к реставрациям. Под этим термином мы понимаем особо трепетное отношение к древним святыням, попытки их сбережения с сохранением прежнего облика. Ещё в Средние века, в XV столетии, здесь была проведена серия строительных работ, которые мы называем «реставрациями» архиепископов Евфимия и Ионы. Реставрациями в кавычках, поскольку при этом древние храмы разбирались и возводились заново с повторением старых форм. Хотя прежние элементы при этом приблизительно воспроизводились, но исчезала подлинность памятников.

В конце XIX — начале XX веков в Новгороде были проведены одни из первых в России (а может быть и в Европе) научных реставраций. Отличие научной реставрации от реставрации в кавычках или ремонта заключается в глубоком и всестороннем изучении памятника, достоверности и обоснованности всех действий, составлении и защите проекта реставрации, фиксации всех этапов работ, гласности и коллегиальности. В 1890-х годах под руководством академика архитектуры В.В. Суслова была проведена реставрация древнейшего храма России — Софийского собора XI века, а в 1903–1904 годах под руководством П.П. Покрышкина — церкви Спаса на Нередице XII века. Эти работы имели большое значение для выработки методики научной реставрации. Новгород начала XX века может быть назван столицей, главным центром российской реставрации. Но это были немногочисленные, отдельные работы. Масштабные мероприятия имели место в Новгороде в 1930-х годах, однако они носили восновном ремонтный характер.

Подлинный расцвет научной реставрации произошёл в послевоенные годы. Этот феномен является одним из ярчайших проявлений европейской (да и мировой) культуры, одной из причин широкой известности Новгорода в мире.

В годы Великой Отечественной войны Новгород был захвачен фашистами и в значительной мере разрушен. Все деревянные постройки сгорели или были сожжены, каменные имели большие пробоины и утраты, храмы стояли без кровель и деревянных конструкций.

Спустя неделю после освобождения города от фашистов, в январе 1944 г., в Новгород прибыла Государственная комиссия по установлению ущерба, причинённого историческим памятникам. Из 66 обследованных памятников архитектуры 65 имели разрушения различной степени, семь лежали в руинах.

В сентябре 1944 года правительство СССР приняло постановление «О мероприятиях по восстановлению города Новгорода», а созданная при правительстве Комиссия под руководством академика И.Э. Грабаря начала разработку проекта восстановления Кремля, которому придавалось первостепенное значение.

Следующим важным шагом явилось создание в мае 1945 года Специальной проектно-реставрационной мастерской (СПРМ). Её основными задачами на первых порах являлись обеспечение работ по восстановлению

Новгородского кремля необходимой проектно-технической документацией и систематическое научное руководство ими. Но почти сразу же новорождённая мастерская расширила сферу своей деятельности, занялась и другими объектами в городе и окрестностях. Начальником мастерской был назначен Сергей Николаевич Давыдов — умелый организатор, квалифицированный архитектор и талантливый исследователь, уже имевший опыт работы с памятниками в Ленинграде. В Новгород были командированы опытные специалисты из Ленинграда В.Н. Захарова, А.Л. Ротач, Л.М. Шуляк, из Москвы приехал архитектор Ю.Э. Крушельницкий. Научным руководителем работ 1940-х годов стал профессор А.П. Удаленков, который вёл работы в Новгороде до войны и хорошо знал все объекты. Кадры техников, обмерщиков готовились на месте. Нужно особо подчеркнуть, что опыта создания постоянно действующих реставрационных организаций в стране не было и новгородская мастерская явилась первопроходцем. Отсутствовали также и основные документы — методические разработки, расценки на специальные работы. В научном отношении новгородские памятники архитектуры были изучены довольно слабо, оставалась не разработанной единая концепция развития зодчества Северо-Запада.

Сергей Николаевич Давыдов. Фото 1940-х гг.

Работу пришлось начинать в исключительно тяжёлых условиях. Сначала не было помещений для жилья и работы, не хватало инструментов, бумаги, научной базы, а самое главное — специалистов. Первое пятилетие деятельности Новгородской реставрационной мастерской (с 1947 года она получила строительную базу и стала именоваться Специальной научно-реставрационной производственной мастерской — СНРПМ) под руководством С.Н. Давыдова было труднейшим, поистине героическим периодом, «этапом спасения памятников», которым грозило дальнейшее разрушение. Был составлен план мероприятий, определены приоритеты, очерёдность объектов. Работы велись в двух направлениях: восстановление особо значимых памятников в центре города или зданий, которые можно было использовать (комплекс Кремля), и противоаварийные, спасательные меры для профилактики обрушений кладки. Целостных, законченных реставраций в первые годы не планировалось; это не исключало научных исследований, но в силу объективных причин они имели локальный характер.

При Главном управлении охраны памятников был создан Научно-экспертный совет по Новгороду, который рассматривал все планы, отчёты, проекты и предложения по реставрации памятников. В его состав был

Софийский собор. Вид до реставрации

Софийский собор. Вид после реставрации

включён цвет советской науки (академики, профессора, учёные). Центральные власти придавали огромное значение реставрации исторических зданий. Систематическое общение с крупнейшими специалистами повышало ответственность реставраторов, расширяло их кругозор, улучшало качество исследовательских проектных работ. Все положительные стороны усиливала, цементировала общая атмосфера патриотического подъёма и небывалых свершений, связанная с Великой Победой; вся жизнь страны была пронизана идеями созидания, противодействия варварству. Была налажена система защиты проектов в научных учреждениях: Учёном совете Управления по делам архитектуры, Главном управлении охраны памятников, в Академии Наук. Согласно Постановлению Правительства СССР от 1 ноября 1945 года Новгород вошёл в число 15 городов, подлежащих первоочередному восстановлению.

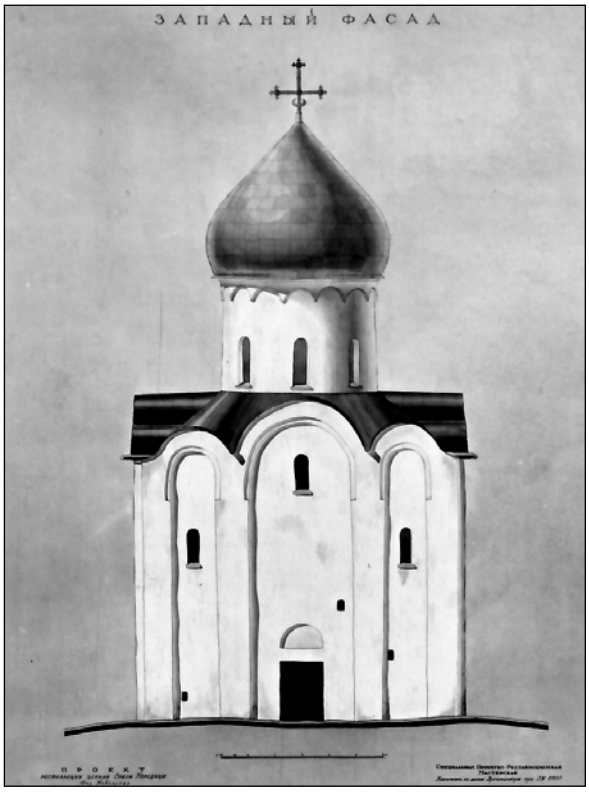
Руины церкви Спаса на Нередице

Реальная катастрофическая обстановка диктовала консервационный характер работ 1940-х годов: восстановление кровель или устройство временных покрытий, установка укрепляющих конструкций (кружал, подпорок, бандажей, специальных устройств и т.п.), заделка пробоин, укрепление кладки. Разрабатывались оригинальные устройства для профилактики обрушений. Острый дефицит квалифицированных кадров временно восполнялся сезонным использованием студентов и аспирантов Академии архитектуры СССР. Из-за нехватки рабочих широко использовались пленные.

В течение 1945–1950 годов были восстановлены Софийский собор, башни Кремля, реставрированы Софийская Звонница (архитектор Ю.Э. Крушельницкий), сильно разрушенный Дом при Звоннице (архитектор В.Н. Захарова), церковь Дмитрия Солунского (архитектор Л.М. Шуляк), восстановлены церкви Покрова в Кремле и Георгия на Торгу, проведены исследования и составлены проекты реставрации множества других объектов. Участвовали в исследованиях и давали консультации крупнейшие знатоки древнерусской архитектуры И.Э. Грабарь, А.В. Щусев, Н.И. Брунов, А.Л. Монгайт, М.К. Каргер, П.Н. Максимов и др. Одновременно велись работы по расчистке и укреплению древних фресок на стенах храмов, которыми руководил кандидат искусствоведения старший научный сотрудник СНРПМ Ю.Н. Дмитриев.

Было неясно, что делать с памятниками, превращёнными в руины. Это всемирно известные храмы Спаса на Нередице, Спаса на Ковалёве, Благовещения на Городище, Успения в Волотове и др. Первый такой опыт был проведён С.Н. Давыдовым в 1947 году: опираясь на дореволюционные материалы П.П. Покрышкина, он подготовил, защитил и начал осуществлять проект реставрации Нередицы в формах до разрушения.

К 1950-м годам подавляющее большинство древних памятников зодчества было выведено из аварийного состояния. Подготовлено основание для их последующей реставрации. В целом, первое пятилетие отличалось чрезвычайно насыщенной разносторонней творческой деятельностью всего коллектива, душой которого, безусловно, являлся С.Н. Давыдов. В этот период изобретались и применялись оригинальные инженерные решения. Например, был разработан метод выпрямления деформированных участков кладки без её разборки. Это было время практических действий, но благодаря С.Н. Давыдову на должную высоту была поставлена научная основа реставрации. Именно тогда происходила отработка структуры реставрационной мастерской, вырабатывались и испытывались методические идеи, оперативно публиковалась новая

Церковь Спаса на Нередице. С.Н. Давыдов. Проект реставрации

информация. Первый директор и его сотрудники за пятилетие опубликовали десять научных статей. Данный период явился надёжным фундаментом последующей научной реставрации. Образно выражаясь, это был Великий Разбег.

В 1950 году С.Н. Давыдов и В.Н. Захарова вынуждены были уехать из Новгорода. Командированные специалисты покинули его ещё раньше. Произошла некоторая заминка в работе мастерской, а затем наступил период крупных реставраций, новый этап в жизни памятников. Он характеризуется более глубоким изучением объектов в натуре и по письменным источникам, поиском иконографического материала (различных изображений), составлением проектов реставрации (в 1940-х годах работы велись часто без проекта, «по месту»). Начала крупные реставрации Любовь Митрофановна Шуляк, единственный оставшийся в Новгороде реставратор. Ею в 1950-х годах были проведены реставрации церквей Спаса на Ильине

Любовь Митрофановна Шуляк. Фото 1940-х гг.

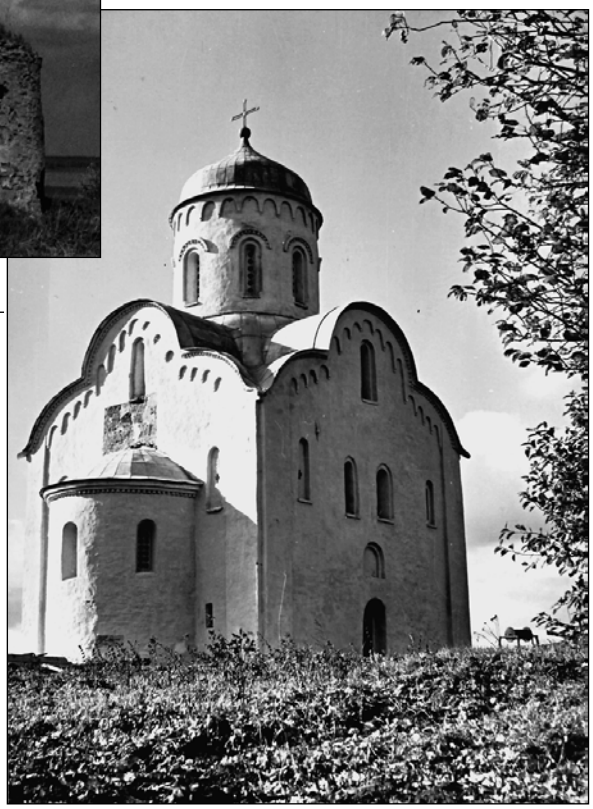
Церковь Николы на Липне. Вид до реставрации

улице, Иоанна Богослова на Витке, Фёдора Стратилата на Ручью, Николы на Липне. Вскоре мастерская пополнилась новыми талантливыми сотрудниками: приступили к работе Л.Е. Красноречьев, Т.В. Гладенко, Г.М. Штендер, Д.М. Фёдоров. Всем им были доверены важные объекты и они блестяще справились со своей миссией.

Реставрация это не просто восстановление памятника в прежних формах. Это всестороннее изучение объекта, раскрытие его строительной истории (порой очень сложной и запутанной), тщательное сравнение архитектурных форм различных эпох, отложившихся в структуре памятника и на этой основе выработка предложений, в каком виде его реставрировать (проект в нескольких вариантах). Все объекты были значительно перестроены в XVII–XIX веках, многие — неоднократно, до десятка и более перестроек. Как реставрировать, скажем, храм XV века, если на фасадах имеются формы и XV, и XVII, и XVIII, и XIX веков? Имеем ли мы право уничтожать поздние детали, чтобы раскрыть более древние части? Можем ли мы разбирать поздние пристройки и колокольни, «мешающие» восприятию первоначального облика памятника? Имеем ли мы право воссоздавать утраченные элементы, при каких условиях и в каком объёме? Подобные вопросы постоянно возникали в каждой новой работе.

Единственный методический документ, Инструкция 1949 года, рекомендовала реставрировать памятник на одну «оптимальную» дату. Это чрезвычайно ограничивало работу специалистов. В Новгороде имелись лишь единичные постройки, которые можно было реставрировать по этой методике. Остальные объекты ставили в тупик. Необходимо было принимать ответственность на себя и выходить за рамки Инструкции. Заслуга новгородских мастеров помимо прочего заключалась и в этом аспекте: они предлагали новые принципиальные решения, которые согласовывались в центральных учреждениях и затем входили в практику. То есть новгородцы быстро переросли Инструкцию и своей деятельностью создавали новую методику реставрации.

В 1950-е годы проведены или начаты крупные реставрационные работы примерно на сорока объектах, причём значительная часть из них — шедевры мирового значения.

Церковь Николы на Липне. Вид после реставрации

Поражают размах и, может быть, ещё более — высокий научный уровень, обоснованность реставрации. Ныне многие работы тех лет признаны классическими, служат образцом, эталоном, включены как примеры в обобщающие и теоретические труды, учебники: например, реставрации церквей Петра и Павла в Кожевниках (Л.М. Шуляк, Г.М. Штендер), Фёдора Стратилата на Ручью, Параскевы Пятницы (Г.М. Штендер), Иоанна Предтечи на Опоках (Т.В. Гладенко) и многие другие. Уже первые работы отличались высоким научным уровнем. Пятидесятые годы можно назвать «Великий Старт».

Тамара Викторовна Гладенко. 1970-е гг.

В 1960-х годах интенсивность реставрационных работ возросла ещё более, восстановлено примерно 50 объектов. Совершенствуется методика, углубляются исследования, расширяется географический охват (кроме Новгорода — это ещё Старая Русса, Валдай). Наиболее удачные из работ этого десятилетия — церковь Рождества Богородицы в Перыни, два храма Воскресенского монастыря на Мячине, церкви Рождества Богородицы Михалицкого монастыря (все — Л.Е. Красноречьев), Троицы с трапезной Свято-Духова монастыря, Жён

Церковь Иоанна Предтечи на Опоках. Вид до реставрации

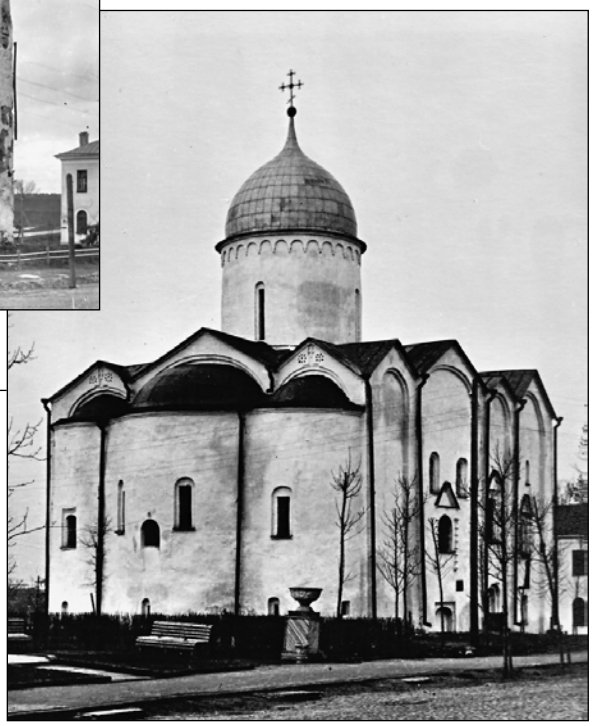
Мироносиц, собор Сыркова монастыря (Т.В. Гладенко), церкви Петра и Павла на Сильнище, Николы Белого, Симеона Богоприимца (Г.М. Штендер), Деревяницкий монастырь (Н.Н. Кузьмина). В ряде случаев шла реставрация уже не отдельных объектов, а целых комплексов. Так, были начаты исследования и строительные работы в крупных ансамблях — Вяжищском, Клопском, Иверском Валдайском монастырях (все — Л.Е. Красноречьев), Спасо-Преображенском монастыре в Старой Руссе (Т.В. Гладенко).

В 1964 году по инициативе знатока народной архитектуры Л.Е. Красноречьева был основан музей деревянного зодчества «Витославлицы» и мастерская занялась изучением и спасением шедевров не только каменной, но и деревянной архитектуры, которых в Новгородской области сохранилось немало. В короткий срок удалось создать один из лучших в стране музеев деревянного зодчества.

Важно подчеркнуть, что большинство работ в 1940–1960-е годы проводилось в условиях жёсткой экономии и нехватки времени, средств и кадров. Парадоксально, но чем труднее была обстановка, тем полновеснее и ярче были результаты. Изобретались новые решения, методические приёмы, способы исследования, проектные предложения.

В 1950–1960-е годы реставрировано большинство древних памятников Новгорода. Происходит становление местной реставрационной школы, которая по праву считалась одной из лучших в стране и пользовалась авторитетом за рубежом. Эти годы можно образно назвать «Золотым веком» новгородской реставрации.

Особо следует отметить роль новгородцев в выработке методики реставрации. Её основные принципы — всестороннее изучение памятника, бережное отношение ко всем его элементам (даже поздним переделкам), сохранение подлинности, достоверность, документированность решений, подробная фиксация на чертежах — были сформулированы ещё в начале XX века. Однако в довоенный период эти положения были почти забыты, во всяком случае соблюдались далеко не

Церковь Иоанна Предтечи на Опоках. Вид после реставрации

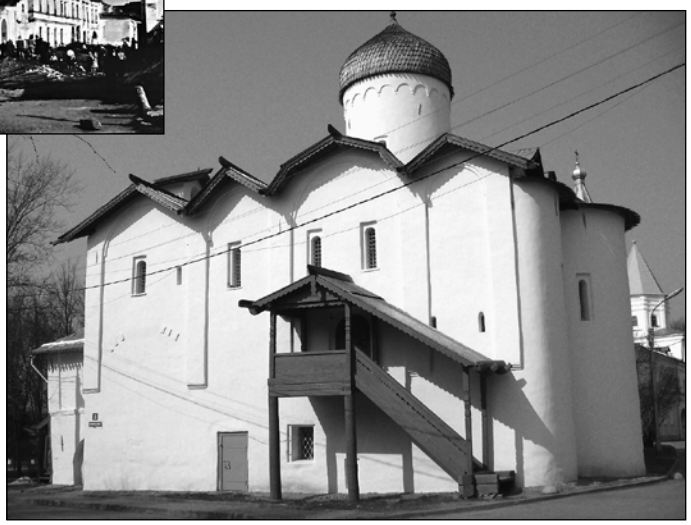
Церковь Троицы Свято-Духова монастыря. Вид до реставрации

Церковь Троицы Свято-Духова монастыря. Вид после реставрации

Церковь Жён Мироносиц. Вид до реставрации

Церковь Жён Мироносиц. Вид после реставрации

Каждый из ведущих архитекторов работал одновременно на нескольких (иногда — многих) объектах. И несмотря на это, все операции проводились быстро и оперативно: обычно полный цикл реставрации занимал два-три года, в отдельных случаях даже один год.

Трудно переоценить научные достижения новгородских специалистов. Из главных научных открытий следует указать в первую очередь на создание верной схемы эволюции новгородского зодчества, её новой концепции. Предпосылками к этому послужили установление верных датировок памятников, реконструкция их первоначального облика и подробной картины древнего строительного процесса. Первым обобщающим опытом явилась серия брошюр по отдельным памятникам, изданная в 1959 году к 1100-летию города, а также большая совместная статья 1964 года «Архитектура Новгорода в свете последних исследований»*, до сих всегда. Таким образом, в первые послевоенные десятилетия реставраторы не имели чётких ориентиров и сами на практике искали правильные подходы к восстановлению памятников. Историческое значение новгородской мастерской в значительной степени и заключается в том, что её практическая деятельность признана наиболее удачной, перспективной и послужила базой (наряду с опытом московской и ленинградской ведущих мастерских) для разработки методики, дала мощный импульс развитию реставрационной науки. Одна из причин этого — сохранение преемственности, традиций «археологической» (дореволюционной) и советской научной реставрации: А.П. Удаленков и Л.М. Шуляк до войны работали под руководством ведущих специалистов дореволюционной школы П.П. Покрышкина, К.К. Романова и передали свой опыт талантливым ученикам.

пор остающаяся важнейшим источником. Кроме того, был издан целый ряд серьёзных научных статей, в том числе в самых престижных сборниках («Древнерусское искусство», «Памятники культуры. Новые открытия», «Советская археология», «Новгородский исторический сборник»). В данной области лидирующее место занял и прочно удерживал Григорий Михайлович Штендер.

Леонид Егорович Красноречьев

В лучших работах первых десятилетий была достигнута гармония между составными частями реставрации (исследования, обмеры, проект, строительный цикл), между её научной, методической и производственной сторонами. В конце 1960-х годов в штат мастерской были включены научные сотрудники (искусствоведы), что заметно повысило качество вспомогательных предпроектных исследований и освободило архитекторов от этой довольно специфической деятельности.

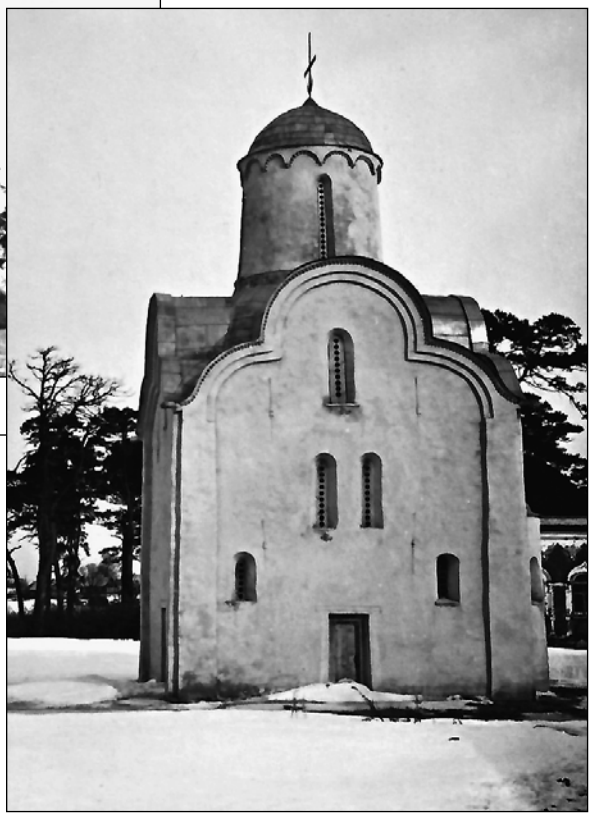
В 1970-х годах реставрационные мероприятия велись достаточно активно, но появились и тревожные тенденции. Некоторые работы затягивались, шли с перерывами, сократилось количество законченных объектов. Наиболее интересные и показательные примеры тех лет — церкви Покрова Зверина монастыря (Л.М. Шуляк), Троицы в Ямской слободе, многочисленные постройки деревянного зодчества (Л.Е. Красноречьев).

Церковь Рождества в Перыни. Вид до реставрации

В 1984 году новгородскую мастерскую разделили на две самостоятельные структуры: проектная группа теперь стала именоваться архитектурно-реставрационной мастерской Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация», а производственное подразделение сохранило прежнее название — СНРПМ, хотя научные кадры в его состав уже не входили. Дисциплина проектных работ повысилась, но в целом нововведение имело отрицательные последствия: стали ослабевать связи между архитекторами и строителями, появилась несогласованность в работе, участились случаи долгостроев (примеры — Хутынский и Клопский монастыри, Лихудов корпус в Кремле, Воротная башня Гостиного двора). В 1989 году мастерская преобразована в самостоятельный филиал института «Спецпроектреставрация».

Несмотря на неразбериху, резкое сокращение финансирования, кадров и заказов в начале 1990-х годов, новгородская реставрация уцелела и продолжила свою деятельность, хотя далеко не с тем размахом, как прежде. За последние 20 лет проведено немало крупных реставраций: ансамбль Хутынского монастыря (окончание работ по проекту Г.М. Штендера), Николо-Дворищенский собор (В.А. Дружинин, Е.В. Скрипцова по проекту Г.М. Штендера), церквей Фёдора Стратилата на Щиркове улице (В.А. Дружинин), Спаса на Нередице (В.А. Дружинин по проекту Г.М. Штендера), Успения в Волотове (Л.Е. Красноречьев, Н.Н. Кузьмина), Воскресения с трапезной на Красном поле (Н.Н. Кузьмина). Однако, в основном это работы по старым проектам. Можно считать, что после кончины лидера новгородской реставрации Г.М. Штендера в 1992 году её активный, творческий период закончился.

Церковь Рождества в Перыни. Вид после реставрации

Церковь Троицы на Редятине. Вид до реставрации

В процессе послевоенных реставрационных работ накоплен колоссальный научный материал, который позволяет совершенно по-новому взглянуть на развитие древнерусского зодчества. Произошёл качественный скачок в представлениях о древнем строительном искусстве — можно сказать, что до начала послевоенной реставрации мы не знали своей архитектуры. Изучены не только отдельные постройки и общая эволюция новгородского зодчества, но и древняя строительная техника, сам процесс строительства.

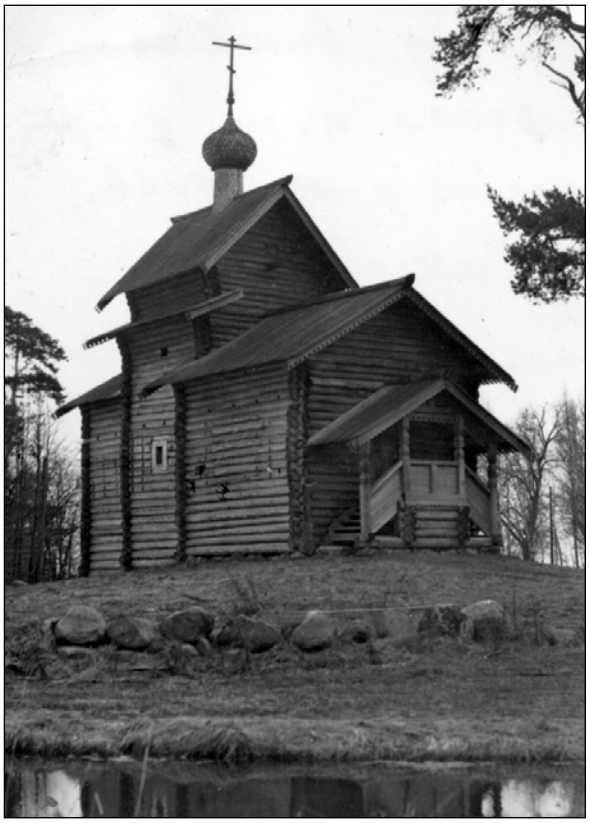

Церковь Троицы на Редятине. Вид после реставрации

Всего за 70 лет новгородскими реставраторами исследовано, восстановлено или законсервировано около двухсот памятников зодчества (включая повторные реставрации). Все исторические здания предстали ныне в ином облике, чем до войны. Некоторым из них возвращён первоначальный вид, другие подверглись фрагментарной реставрации, на третьих выявлено несколько строительных периодов, но возросла историческая и художественная значимость всех.

Церковь Николая Чудотворца в д. Тухоля до реставрации. Слева Л.Е. Красноречьев

Церковь Николая Чудотворца из д. Тухоля после реставрации

Наиболее интересные материалы обобщены в книгах, специальных и популярных статьях, докладах на научных конференциях. Всего новгородскими реставраторами опубликовано около 200 книг, брошюр, статей, прочитано около 150 докладов на научных конференциях (в том числе международных). Особенно велик научный вклад Г.М. Штендера. Ему принадлежат более 60 публикаций, более 40 докладов, в 1984 году Григорий Михайлович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Архитектура Новгородской земли XI–XIII вв.». Он являлся одним из лучших в стране специалистов по домонгольскому зодчеству Древней Руси, привлекался для исследований важнейших памятников России, Украины, Белоруссии, Кавказа. Другой корифей новгородской реставрации Л.Е. Красноречьев считался одним из лучших в СССР знатоков деревянной архитектуры, привлекался как эксперт при обсуждении проектов.

Григорий Михайлович Штендер. Фото 1960-х гг.

Церковь Параскевы Пятницы. Вид до реставрации

Оценивая опыт новгородской реставрации, следует заключить, что совершён настоящий подвиг. Причём подвиг комплексный, многоплановый.

Во-первых, это подвиг трудовой. Все древние памятники Новгородской области спасены от разрушения, укреплены, раскрыты от малоценных поздних дополнений, на долгие годы гарантировано их физическое существование.

Во-вторых, это подвиг нравственный, поскольку возвращено к активной жизни культурное наследие человечества, доказательством чего служит включение всех древних памятников Новгорода в Список объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО; выше этого признания в мире не существует. Именно благодаря усилиям новгородских реставраторов Новгород превратился в международный центр туризма и широко известен за рубежом.

В-третьих, это подвиг научный. Заново, практически с чистого листа, на высочайшем научном уровне, обоснованно и ярко написана история новгородского зодчества. Жаль, что ведущие мастера не выразили эту славную историю в обобщающем труде. Но это сделают их последователи. Главное, что информационный материал добыт. Г.М. Штендер, Л.Е. Красноречьев и другие мастера оставили в архивах гигантские пласты новой информации, которая до сих пор осмыслена лишь частично.

Наконец, сделан прорыв в методике реставрации памятников. В условиях методического вакуума 1940–1960-х годов найдены интересные, порой неожиданные решения, которые в значительной мере послужили базой советской реставрационной методики и практики позднего периода. Даже сейчас, на новом уровне знаний, сделанные работы представляются безукоризненными. Спорных, необоснованных проектов практически не было.

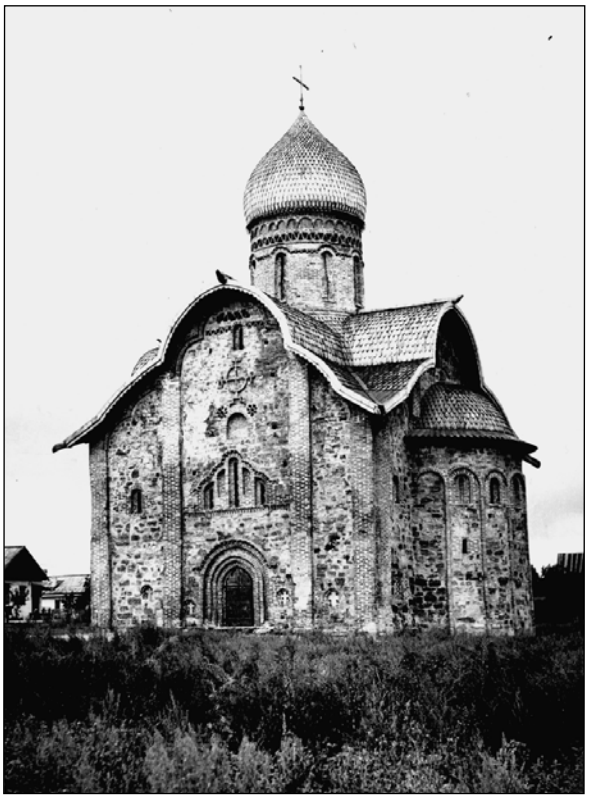
В целом, новгородская реставрационная мастерская проявила себя не просто как небольшая проектная контора, как это мыслилось при её создании, а как важнейший в Европе научно-производственный центр по изучению и восстановлению памятников архитектуры Новгородской области.

Церковь Параскевы Пятницы. Вид после реставрации

Церковь Петра и Павла в Кожевниках. Вид до реставрации

Церковь Петра и Павла в Кожевниках. Вид после реставрации

В реставрации чрезвычайно велика роль личности, автора исследований и проекта. Среди обилия ярких имён следует особо отметить основоположника и первопроходца, выдающегося организатора реставрационного процесса в Советском Союзе С.Н. Давыдова, крупнейшего учёного европейского уровня, научного лидера новгородской реставрации Г.М. Штендера, неутомимого труженика, «рыцаря реставрации» Л.Е. Красноречьева, «бабушку новгородской реставрации» Л.М. Шуляк, прожившую сто лет и связавшую лучшие традиции дореволюционного и советского периодов. Каждый из этих специалистов был способен возглавить крупную региональную мастерскую, но они остались верны Новгороду (кроме ленинградца С.Н. Давыдова) и образовали невиданное средоточие талантов в одном месте и в одно время. Во многом это и предопределило «чудо новгородской реставрации».

Самоотверженный труд реставраторов был оценён по заслугам, хотя и с опозданием. Архитекторы Г.М. Штендер (посмертно), Т.В. Гладенко (посмертно), Л.М. Шуляк (посмертно), Л.Е. Красноречьев, инженер М.И. Никольский (посмертно), каменщик В.Ф. Платонов, плотники Е.А. Стрижов, Г.П. Липатов были удостоены Государственной премии 1996 года «За возрождение городского ансамбля Великого Новгорода как результат восстановления и реставрации памятников архитектуры XII–XVII веков». В 2005 году архитекторам Л.Е. Красноречьеву и Н.Н. Кузьминой была присуждена Государственная премия «За воссоздание памятника архитектуры XIV в. церкви Успения на Волотовом поле».

Феномен новгородской реставрации является одной из наиболее ярких страниц истории России XX века. Имена её героев должен знать каждый культурный новгородец, учиться жизни, отношению к делу на их примерах.

* Новгород. К 1000-летию города. М., 1964. С. 183–263.

Т.Е. Кузнецова

ДЕЛА ЗЕМСКИЕ

Деятельность Боровичского земства по документам ГАНО

Отмена крепостного права в России в 1861 году обусловила необходимость проведения в стране других буржуазно-демократических преобразований. В 1860-1870-х годах произошли изменения в системе государственных учреждений (создан Совет Министров), были проведены судебная, городская, цензурная, а также финансовые и военные реформы, преобразования в области просвещения. Одной из наиболее крупных реформ было создание земства. 1 января 1864 года было принято «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». «Положение» получило силу закона, согласно ему были сформированы органы местного самоуправления: земские собрания и земские управы, получившие свободу действия в кругу вверенных им дел, с запрещением вмешательства в компетенцию правительственных, сословных и других учреждений. Компетенция земств ограничивалась, прежде всего, хозяйственными вопросами и народным образованием. Земства ведали местными денежными и натуральными повинностями, имуществом, дорогами, больницами, земской почтой, благотворительными учреждениями, обеспечением населения продовольствием, страхованием, хозяйственным обеспечением тюрем. Согласно новому «Положению», принятому 12 июня 1890 года, были созданы губернские по земским и городским делам присутствия. Губернатор получил право рассматривать целесообразность постановлений земских учреждений, многие вопросы требовали утверждения губернатора. Были расширены права земств в области устройства путей сообщения, пожарной охраны, здравоохранения и т.д. Это «Положение» с незначительными изменениями продолжало действовать до февраля 1917 года.

Из «Правил для взимания и расходования земских сумм и счетоводства в земских управах Новгородской губернии»[1], составленных Губернской управой в 1866 году известно, что уездные управы составляли окладные листы для всех учреждений, обществ, лиц, подлежащих сбору на земские потребности, и отсылали их по принадлежности. В окладные листы вносились следующие суммы: определённый по раскладке сбор текущего года на земские потребности (губернские и уездные); недоимки за прежнее время сбора на губернские повинности и мировые учреждения; недоимки земского сбора по окладам с 1866 года; страховые платежи текущего года; недоимки страховых платежей.

Суммы по окладным листам вносились в уездное казначейство, суммы земского сбора и недоимок земского сбора по окладам с 1866 года казначейство записывало в депозит уездной управы, остальные взносы — в депозит губернской управы, квитанции отсылались в уездную управу.

Для произведения из губернских сумм расходов на месте, Губуправа доставляла уездной и уездному казначейству разассигнование, по которому казначейство, по требованиям уездной управы, производило выдачи и с депозита Губернской.

Статьи прихода денежных сумм уездной управы включали:

- земской сбор по окладу текущего года с земель частных лиц; крестьянских обществ; земель казны, удела, города; монастырских; со сплавного леса; с лодок за перевозы грузов; с торговых и питейных заведений; с фабрик и заводов; с городских недвижимых имуществ;

- недоимки земского сбора по платежам оклада 1866 года;

- остатки земских сумм депозита уездной управы и разные случайные приходы;

- заимообразные суммы (из губернских сумм);

- капиталы и приходы уездных земских больниц, куда входили: плата за содержание больных военного и гражданского ведомств, арестантов, частные пожертвования, проценты на суммы, хранящиеся в процентных бумагах, разные приходы.

Статьи расхода уездной управы:

- дорожная повинность: содержание дорог, мостов, перевозов;

- подводная повинность: содержание городской обывательской станции, станций по тракту;

- содержание местного гражданского управления: наём помещения для Рекрутского присутствия, квартирные деньги становым приставам, судебным следователям, выписка Сенатских ведомостей для полиции и Губернских ведомостей;

- на оспопрививание;

- содержание судебных мировых учреждений: канцелярии мирового съезда, мировых посредников, суточные кандидатам мировых посредников, наём частных землемеров, содержание участковых мировых судей, наём

квартир, сторожей и рассыльных, на обзаведение мирового съезда и покупку законов, на содержание судебных приставов и др.;

- расходы неудовлетворённые в 1866 году;

- народное здравие: наём докторов, фельдшеров, покупка медикаментов, обучение фельдшерскому и повивальному делу, пособия больницам.

Также денежные суммы выделялись на народное образование, почтовые расходы, содержание уездных управ и другие расходы.

Одним из важнейших дел Боровичской уездной земской управы был вопрос о страховании. Страховали не только недвижимость, но и хлебные запасы, сено, товары, хранящиеся на складах, и другое имущество. Так, в 1914 году Губернская управа уведомляла Боровичскую о разрешении *«страховому агенту г. Котову принять на страх сено по представленному им списку на сумму 80 500 рублей»*. Среди документов фонда уездной управы (Ф. 99) содержится обширная переписка последней с судебными следователями Новгородского окружного суда по *«производству следствий о пожарах»*, акты о заключении страхования, ходатайства различных лиц о выдаче страховых вознаграждений, пожарных дружин о выдаче пособий. В отчёте за 1906 год Боровичская уездная управа сообщала Губернской следующее: *«...по счету кассы по обязательному и дополнительному страхованию поступило 47 669 рублей 10 копеек, из означенной суммы следует исключить 11 рублей 31 копейку, как вторично поступившие от Степанковского волостного старшины... которые возвращены по требованию Губернской управы, следовательно, действительное поступление будет 47 657 рублей 79 копеек.*

По добровольному страхованию строений поступило всего 21 734 рублей 29 копеек... По добровольному страхованию движимости действительное поступление 2328 рублей 74 копейки»[2].

В марте 1914 года в Новгороде проходил съезд страховых агентов, в котором принимали участие представители уездных земств. Боровичское уездное собрание, соглашаясь с мнением гласного Д.И. Аничкова о необходимости реорганизации страхового дела, с целью достижения более правильных оценок имущества при принятии его на страхование, постановило: ходатайствовать перед губернским земством об изъятии страхового дела из ведения волостных правлений и о введении порайонных страховых агентств по примеру Тверского земства. Однако стоимость этой реорганизации обошлась бы губернскому земству в сумму 150 тысяч рублей, в связи с чем было принято решение воздержаться от введения порайонных агентств. По вопросу о противопожарных мероприятиях комиссия Боровичского земского собрания внесла на съезде ряд предложений. Придя к заключению, что более успешное распространение пожарных труб является одним из главных противопожарных мероприятий, признавалось полезным: во-первых, более планомерно снабжать население трубами, создав для этого *«необходимую сеть с трехверстным радиусом и на каждые 100 дворов такого района назначить одну пожарную трубу стоимость до 150 рублей за счет губернского земства»*[3]. В первую очередь планировалось охватить населённые пункты, где пожары случались наиболее часто, затем учитывать плотность населения, скученность построек, количество оплачиваемых страховых сборов. Во-вторых, *«выдачу бесплатных пожарных машин обусловить обязательным приобретением населением за свой счет огнегасительных инструментов и принадлежностей»*. В-третьих, при желании частных лиц, обществ или селений приобретать пожарные машины, причём половину суммы должно было покрыть земство.

Вопрос о водохранилищах, возбуждённый Боровичским земством, также обсуждался на съезде. Предлагалось приступить к обследованию возможностей устройства водохранилищ в селениях, расположенных вдали от рек, озёр и не обеспеченных водой на случай пожара.

Боровичским земством был также подготовлен доклад «О постройке кирпичных заводов», но ввиду позднего представления он не был заслушан на съезде страховых агентов[4]. Подчёркивая важность проводимых в данном направлении мероприятий, в докладе говорилось, что *«из числа 1939 пожаров в губернии, бывших в 1912 году — 136 были от неисправности дымоходов, но если к этому числу отнести... пожары, происшедшие по неизвестной причине, то цифра будет несравненно большей»*. Для решения проблемы земство предлагало наметить пункты открытия заводов в каждом уезде, произвести обследование залежей глины. Для удобства доставки и получения кирпича Губернское земство должно было устроить заводы на таких началах, чтобы житель деревни или хутора в Боровичском уезде мог свободно пользоваться кирпичом ближайшего завода, даже если таковой находится за пределами уезда. Кроме того, подчёркивалась необходимость ходатайствовать перед Министерством путей сообщения о введении льгот на перевозку кирпича. Затраты на устройство заводов предлагалось разделить с Главным управлением землеустройства и земледелия.

Одной из мер борьбы с частыми пожарами в губернии было открытие в 1905 году в Новгороде школы огнестойкого строительства *«с тем, чтобы в означенную школу на установленные стипендии принимались ежегодно по три ученика от каждого уезда губернии, с таким расчетом, чтобы в известный период времени обучилось хотя бы по одному ученику каждой волости, причем те волости, которые выдаются по числу пожаров и опустошительности их, следует поставить на первую очередь»*[5]. Боровичская земская управа рассылала волостным старшинам так называемые объявления о имеющихся в школе вакансиях для поступления, с тем, чтобы сельские старосты вывесили такие объявления в населённых пунктах. Желающие воспользоваться этими вакансиями должны были подать письменные заявления или лично явиться в уездную управу до определённого срока. В школу принимались лица, достигшие 21 года, окончившие курс в начальном училище, ранее занимавшиеся какими-либо строительными или земледельческими работами. Ученики-стипендиаты пользовались при школе готовой квартирой и пособием от губернского земства в размере 15 рублей. Курс обучения составлял год. После получения всех заявлений уездная управа выбирала одного кандидата «соответствующего требованию устава школы».

Одним из направлений деятельности Боровичского земства была работа по благоустройству дорог, строительству мостов, так называемая дорожная повинность. Дорожные комиссии заседали в помещении земской управы. На заседании, проходившем 20 декабря 1902 года, в котором принимали участие гласные уездного земского

собрания Пётр Николаевич Ридигер, Алексей Фёдорович Товаров, Степан Иванович Коновалов, Александр Сергеевич Филатов, Александр Александрович Зотов, Александр Михайлович Нолле, Николай Арсеньевич Висленев и уездный предводитель дворянства Иван Иванович Аничков комиссия рассмотрела такие вопросы, как разделение дорог и сооружений на разряды, о расходовании дорожного капитала, ремонте дорожных сооружений. Все важнейшие дороги уезда были разделены на четыре категории в зависимости от важности обслуживания. К первой категории были отнесены земские тракты; ко второй — дороги, ведущие к городу Боровичи и земским трактам по направлению к городу; к третьей — дороги, соединяющие между собой волостные правления и торговые пункты; к четвёртой — ветки к подъездным путям[6].

В отношении расходования дорожного капитала предполагалось установить следующие правила: а) на земских трактах строить только каменные мостовые и каменные трубы; б) на трактах второй, третьей и четвёртой категории вновь строить только «мосты отверстием не менее 2½ саженей, а по настилу — 3 саженей».

Боровичская земская управа на заседаниях рассматривала прошения крестьян о постройке мостов в населённых пунктах (через реки Шегринка, Сухая, Узьмень); ходатайства о пособиях на содержание паромных переправ через реки Мсту, Уверь; о строительстве в уезде шоссейных дорог, например, шоссе Боровичи–Волгино; о ремонте дорог и *«починке санных путей»*. Одной из проблем, стоящих перед земством, было плохое поступление земских сборов и, в результате, к примеру, задержка устройства мостовых и других ремонтных работ.

Земская управа вела работу по составлению земельных книг, основываясь на материалах, собранных статистическим отделением. К 1898 году по земельному отделу управой были составлены земельные книги (лицевые счета) на надельную землю крестьян; земли дворян; земли купцов и почётных граждан; земли мещан, нижних чинов и др. неопределённых сословий; земли церквей и монастырей, лиц духовного звания; земли крестьян-собственников.

Позднее предполагалось составление земельной книги владельцев крестьян других уездов, имеющих землю в Боровичском уезде, и озёр; затем составить земельный инвентарь, что и было сделано впоследствии. Губернское земство содействовало уездному в деле приведения в порядок земельного инвентаря и поземельных книг.

Для подъёма сельского хозяйства Боровичское земство принимало участие в деле осушения болот, выделяло средства на покупку семян для крестьян уезда, открывало сельские склады, продававшие населению сельскохозяйственные орудия, удобрения, технику. Собирая сведения о положении и значении находящихся в уезде болот, управа обратилась с просьбой к земским начальникам, землевладельцам, врачам и волостным правлениям за сбором данных: какие болота служат источником эпидемий, затрудняют сообщение между населёнными пунктами, служат источником заболачивания местности.

В «Докладе Боровичской управы уездному земскому собранию 1900 года» по вопросу обеспечения народного продовольствия, отмечалось, что в 1899 году было позаимствовано из губернского продовольственного капитала для выдачи ссуд на обсеменение озимых полей крестьянам Пирусской, Рядовской, Долговской, Любытинской, Льзичской, Степанковской и Шереховской волостей — 3648 руб. 55 коп.

В заведовании Боровичского земства к 1900 году находились: продовольственный капитал мещан Опеченского посада — 1009 руб. 73 коп.; капитал крестьян Ровенской волости деревни Еглы — 689 руб. 18 коп., Хоромской волости деревни Больших Новоселиц — 182 руб. 44 коп., дер. Потерпельца — 293 руб. 01 коп., дер. Черноручья — 179 руб. 09 коп., дер. Каремеры — 51 руб. 36 коп., дер. Налец — 108 руб. 06 коп., дер. Бутырок — 62 руб. 11 коп., дер. Толмкчевой Горушки и Ручейка — 62 руб. 21 коп., дер. Устья, Шипина и Подольна — 67 руб. 70 коп.

Уездная земская управа уделяла большое внимание медицине и санитарному делу. В «Очерке состояния медицинской части в уездах губернии за всё время существования земских учреждений с 1865 по 1882 г.» содержатся следующие сведения по Боровичскому уезду.

Первым мероприятием земства было увеличение числа фельдшеров. Земское собрание 1865 года поручило управе представить в 1866 году соображения об устройстве фельдшерского института. Управа планировала вызывать ежегодно в больницу четырёх оспопрививателей, обучать их фельдшерскому искусству и затем подвергать испытанию. Кроме того предлагалось вызывать их ежегодно в больницу на месяц для «освежения знаний». Жалованье таким фельдшерам не полагалось. В сметы расходов на 1867 и 1868 годы было внесено содержание врача для уезда и двух фельдшеров. Врач назначался и увольнялся управой, должен был раз в два месяца объезжать медицинские пункты и принимать больных. В 1869 году уезд был поделён на санитарные участки, в каждом — фельдшер, аптека, при наличии больничного приюта — надзирательница. Управа составила расписание выездных пунктов; для пополнения фельдшерского персонала было постановлено посылать в московскую фельдшерскую школу ежегодно по одному крестьянскому мальчику. В 1873 году уезд был поделён на три санитарных участка с двумя больницами в уезде и одной в городе; врачей было четверо (один для городской больницы); в 1875 году — пять врачей. В 1876 году принято постановление учредить съезд врачей при управе с тем, чтобы он собирался не менее трёх раз в год и представлял собранию годовой отчёт.

Городская больница, по сообщению уездной управы была принята от приказа общественного призрения всего с *«4 рублями денег и в крайне плохом состоянии»*. В 1874 году из Мошенского и Шереховичского больничных приютов образовались больницы; в 1878 году была открыта больница в Минцах. Земские больницы долго оставались без врачей, за неимением персонала, отвлечённого на войну. Медикаменты с 1865 года покупались у дрогистов, с 1870 года был заключён контракт с содержателем вольной аптеки на год. С 1872 года земство предлагало устроить земскую вольную аптеку. Собрание 1879 года постановило, чтобы требования на лекарства проходили через управу, в них должен был значиться сорт товара, деньги за лекарства должны были уплачиваться только по удостоверении от больниц о доброкачественности и количестве принятых лекарств, съезды врачей должны были составлять приблизительные сметы на медикаменты. До 1875 года лекарства отпускались бесплатно, затем по 7 копеек с рецепта; в 1880 году плата была отменена.

Санитарный врач губернского земства Е.И. Лебедев отмечал, что отношение Боровичского земства к

медицинской части заслуживает подражания, Боровичская городская больница содержится в наилучшем порядке.

Из сообщения врача А.И. Душечкина, делегата XI съезда земских врачей Новгородской губернии от Боровичского уезда, известно, что в 1910 году в уезде работала санитарная комиссия в составе: председателя, членов управы, восьми выбранных земским собранием гласных, врачей и попечителей больниц. В уезде действовало семь врачебных и шесть самостоятельных фельдшерских участков. Городская больница имела 46 кроватных мест, два отделения, амбулаторию и аптеку. При больнице состояло три врача, три школьных фельдшера, две акушерки и служащие.

В период Первой мировой войны Боровичское земство вело переписку с комитетом Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам об освидетельствовании военнообязанных в Боровичских эвакуационных лазаретах, хлопотало о выдаче недостающего обмундирования для находящихся на излечении воинов; собирало сведения о лицах, находившихся на излечении в городской земской и других больницах, о количестве больных и раненых; данные о потреблении в лазаретах мыла и средств дезинфекции. В январе 1916 года уездная управа разослала во все лазареты города и уезда Правила ношения формы для сестёр милосердия и женского санитарного персонала Красного Креста. В Правилах указывалось: *«...сестры милосердия носят одежду, состоящую из шерстяного или холстинкового платья коричневого или серого цвета, имея на переднике отличительный знак своего звания... Сестры милосердия... не должны: а) за исключением случаев командирования для сопровождения воинских команд, посещать в присвоенной им форменной одежде театры, кинематографы, концерты и всякого рода другие публичные увеселения и зрелища, а также рестораны»*[7].

Весной 1916 года в связи с увеличением числа эпидемических заболеваний среди военных и гражданского населения, Главным управлением Российского общества Красного Креста был издан циркуляр «О недопустимости отказа сестер милосердия работать в заразных госпиталях». В документе подчёркивалась *«необходимость разъяснять сестрам милосердия, что они обязаны оказывать помощь не только раненым воинам, но и больным инфекционными болезнями, недопустимость отказа с их стороны... т.к. это противоречит основной идее Института сестер милосердия... Такой отказ несомненно должен повлечь за собою немедленное откомандирование их обратно в Общины»*[8].

Уездная управа принимала участие в отправке на родину больных и раненых, вела переписку по этому вопросу с канцелярией губернатора.

Одним из ведущих направлений земской работы являлось образование, несмотря на то, что оно как и здравоохранение относилось к «необязательным» статьям в плане финансирования. Боровичское земство анализировало состояние действующих в уезде школ, потребность населения в образовании, изыскивало средства для организации учебных заведений, подготовки учительских кадров. Проблема изыскания денежных средств была наиболее сложной. Земством организовывались съезды учителей, материалы которых затем издавались. Земства собирали статистические сведения о школах, училищах, бесплатных народных библиотеках, которые отражались в «Очерках по народному образованию». В «Докладе Боровичской земской управы уездному земскому собранию 1913 года о состоянии начального народного образования» приводятся данные о развитии школьной сети уезда за период существования земства[9].

В 1861 г. открыто 3 школы		В 1898 г. открыто 7 школ	
1863 г.	1 школа	1899 г.	2 школы
1865 г.	2 школы	1900 г.	3 школы
1869 г.	2 школы	1901 г.	4 школы
1870 г.	2 школы	1902 г.	5 школ
1871 г.	4 школы	1903 г.	2 школы
1872 г.	1 школа	1904 г.	3 школы
1873 г.	2 школы	1905 г.	6 школ
1874 г.	1 школа	1906 г.	1 школа
1875 г.	3 школы	1907 г.	4 школы
1887 г.	1 школа	1908 г.	31 школа
1889 г.	1 школа	1909 г.	31 школа
1891 г.	1 школа	1910 г.	22 школы
1893 г.	1 школа	1911 г.	7 школ
1894 г.	2 школы	1912 г.	5 школ
1896 г.	2 школы		
1897 г.	1 школа	Всего: 163 школы	

В Боровичском уезде среди земских преобладали школы с трёхгодичным курсом обучения, наибольшее число их за указанный период было открыто в волостях: Долговской — 12, Льзичской — 9, Минецкой — 9.

Для сбора сведений о земских школах губернская управа рассылала специальные осенние бланки. Они содержали точный адрес школы, училища, тип (одноклассное и т.п.) учебного заведения и в чьём ведении оно находилось (земское, Министерство народного просвещения, частное, городское и т.п.), количество отделений и учащихся, продолжительность курса обучения, сведения об отказе в приёме, об учителях, дополнительных предметах, преподающихся в школе, о школьных библиотеках. Бланки заполнялись учителями и отсылались в губернскую управу. Уездные земства распространяли вопросные листы, один экземпляр хранился в делах школы, второй — в земской управе. В фонде Боровичского земства имеются сведения о школах за 1912–1913 гг.

Из 163 земских школ уезда 129 помещались в наёмных зданиях, 34 — в собственных. Для строящихся в 1912–1913 гг. школ уездной управой был обеспечен бесплатный отпуск леса из дач казны, что дало возможность, не выводя из сметных назначений, внести улучшения в постройках: лучинные кровли были заменены железными, некоторые школы были обнесены заборами. Средствами для постройки школ служили: безвозвратное пособие от Министерства народного просвещения (половина стоимости), 1/5 части ассигнований из местных средств и 3/10 частей, выданных министерством в ссуду на 20 лет.

В целях экономии земства зачастую арендовали крестьянские дома, где размещалась школа и жили учителя. Иногда квартиры нанимались отдельно, стоимость их по данным Боровичского земства составляла в среднем 36–60 рублей в год. Школьные помещения и квартиры учителей зачастую были тесными, холодными, имели низкие потолки, плохо проветривались и убирались, требовали ремонта или перестройки. Так квартиры при Назарьинской школе были *«очень холодные, так что зимой замерзают чернила и вода»*[10]. Учитель Вычеремской земской школы Льзичской волости Иван Васильев, сообщая о недостатках школьного помещения, указывал, что местные жители готовы оказать материальную помощь.

В школьных библиотеках Боровичского уезда находилось по данным 1912–1913 гг. от 200 до 929 экземпляров учебников, книги для внеклассного чтения и пособия для учителей.

В 1903–1904 гг. Боровичское земство израсходовало на учебные принадлежности для 49 школ уезда и на постройку трёх новых школ 1142 руб. 59 коп.[11] В смете расходов значится: бумага, тетради, карандаши, перья, линейки, грифельные доски, ручки, ножички, мел, чернильницы, счёты, медицинские термометры.

Ассигнования на содержание школ в 1912–1913 гг.

Жалование учителям	71 805 руб. 60 коп.
Квартирные учителям	1609,00 руб.
Жалование законоучителям	6270,00 руб.
Разъездные законоучителям	1440,00 руб.
Наём школьных помещений	14 280,00 руб.
Отопление	2375,00 руб.
Освещение	1735,00 руб.
Наём прислуги	2190,00 руб.
Классную мебель	2080 руб. 81 коп.
Ремонт школьных помещений	895 руб. 50 коп.

В «Докладе Боровичской уездной земской управы уездному земскому собранию 1913 г.» приводятся сведения об учителях: всего в земских школах уезда состояло 210 учителей, из них — 127 учительниц. Все они получали жалование от казны 360 руб. в год, законоучители — 30–90 руб. в месяц.

В июне–июле 1913 года земская управа командировала за счёт Губернского земства 45 учителей на педагогическо-общеобразовательные курсы в Новгород при Григоровской учительской семинарии.

В ведении уездного земства состояло 12 бесплатных библиотек-читален, публичная библиотека в Боровичах. Земские библиотеки-читальни были открыты при участии губернского земства, оплатившего половину расходов по первоначальному обзаведению библиотек книгами. Уездное земство ежегодно ассигновало на каждую библиотеку по 85 рублей, из которых 60 рублей — жалованье библиотекаря. Боровичская земская публичная библиотека была открыта в 1865 году и содержалась за счёт уездного земства. В 1912 году расходы по содержанию библиотеки выразились в следующих цифрах: оплата библиотекаря — 306 рублей, пополнение фондов и прочие расходы — 377 рублей.

Большая работа проводилась статистическим отделением земства по оценке недвижимых имуществ, предприятий, земель. Так инженер Новгородского губернского земства В.З. Маркелов в 1909–1912 гг. производил оценку и переоценку заводов и фабрик Боровичского уезда, позднее Губуправа высылала копии оценочного описания в уездную управу. В документах подробно расписана стоимость недвижимого имущества предприятий уезда и оборудования. К 19 июля 1912 года была закончена работа по исследованию копей огнеупорной глины, расположенных в уезде. В фонде управы содержатся материалы о 21 копи с указанием владельца, количества добываемой глины в год, типа месторождения и качества глины, устройства штолен и штреков, количества рабочих, производительности труда, числа рабочих дней, описания имеющихся построек и механических устройств, а также общей оценки копи. В заключении горный инженер Николаевский отмечал, что: *«Для справедливого обложения земли, занятой копями, земским сбором желательно иметь более точные величины, которые могут быть доставляемы владельцами копей по истечении каждого года и, в случае надобности, должны быть подтверждаемы конторскими книгами»*[12]. За основание при обложении земским сбором предлагалось принимать количество глины, добытой и вывезенной с копей в год, если эта величина будет сообщена Управе владельцем и подтверждена документально. Наиболее крупными в Боровичском уезде были копи: общества Боровичского завода им. Крутецкого; Павловская Товарищества производства глиняных и гончарных изделий; Волгино Общества Боровичского завода бывш. Вахтер; на реке Вельгия Товарищества производства глиняных и гончарных изделий в Боровичах; при деревне Сушани П.Н. Ягупова.

Создание земских учреждений и их деятельность изменили жизненный уклад российской провинции. Стали привычными земские школы, больницы, приюты. Земские учителя в деревнях обучали грамоте взрослых и детей, врачи из благородных побуждений оставляли прибыльную городскую практику и возглавляли земские больницы в отдалённых населённых пунктах, юристы отстаивали права крестьян в суде, агрономы читали им бесплатные лекции о *«правильном травосеянии»*. Первая перепись крестьянского населения была проведена именно земскими статистиками. Предоставленные земствами небольшие денежные ссуды позволили крестьянским хозяйствам ускорить достижение экономической независимости. Возникло понятие земского уклада жизни с особыми чертами, правилами и собственными деятелями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 583. Л. 1–61.
[2] Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 15–15об.
[3] Там же. Ф. 99. Оп. 2. Д. 1. Л. 26.
[4] Там же. Л. 158–159.
[5] Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
[6] Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12.
[7] Там же. Ф. 99. Оп. 2. Д. 10. Л. 5–6.
[8] Там же. Л. 145–145об.
[9] Там же. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1356. Л. 2об.
[10] Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 37. Л. 30.
[11] Там же. Ф. 99. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–3.
[12] Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

Т.А. Данько

«ВОЙНА... ИЗМЕНИЛА НОРМАЛЬНЫЙ ХОД РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ...»

Из истории учебных заведений Новгородской губернии в годы Первой мировой войны

Сначала XX века в России активно разрабатывался проект школьной реформы. К 1914 г. значительно выросло финансирование народного образования с 43 млн. рублей в 1904 г. до 143 млн. рублей в 1914 г. В 1908 г. в Государственной думе ставился вопрос о введении всеобщего начального образования, выросло число средних учебных заведений, школ начальных и частных[1]. В Новгородской губернии по данным земства за 1914 г. насчитывалось 1820 учебных заведения (без учёта церковных школ), в т.ч. гимназий — 14, семинарий — 1, училищ реальных — 8, технических — 2, епархиальных — 2, духовных — 7, школ лесных — 1, сельскохозяйственных — 1, огнеупорного строительства — 1, училищ высших начальных — 16, городских приходских — 56, земских одноклассных и двухклассных, частных учебных заведений — 130, училищ Министерства народного просвещения — 70, иноверческих — 13 и училищ по особым уставам — 115. Общая численность учащихся в этих учебных заведениях составляла 96 345 детей (58 882 мальчика и 37 463 девочки) и преподавателей насчитывалось 4 148[2].

Последний этап школьной реформы совпал с Первой мировой войной, которая значительно ухудшила материальное положение образования и оказала глубокое психологическое влияние на общество, особенно на юное поколение, которое, как следовало из циркуляра попечителя Петроградского учебного округа от 28 июля 1915 г. *«...непосредственной и восприимчивой душевной жизнью ощущает эти события по-своему глубоко»*[3].

Первая мировая определила и направления школьной политики, о которой говорил министр народного просвещения Павел Николаевич Игнатьев на совещании попечителей учебных округов в феврале 1915 года: *«Необходимо через школу способствовать развитию производительных сил страны: школа должна служить жизни и нуждам населения, для достижения чего необходимо деятелям и руководителям школы проникнуться психологией обывателя, участливо и любовно подойти к его нуждам, подыскать пути к их удовлетворению. С точки зрения запросов жизни и надлежит рассматривать школьное дело»*[4].

В связи с общей мобилизацией, объявленной 19 июля (1 августа) 1914 г., в учебных заведениях Новгородской губернии занятия своевременно начаться не могли по нескольким причинам. Во-первых, учителей мобилизовали на фронт, и необходимо было перекраивать расписание и перераспределять учебную нагрузку, и, во-вторых, здания учебных заведений предоставлялись для размещения призванных в запас нижних чинов и оборудования лазаретов.

По постановлениям уездных по воинской повинности присутствий и городских дум заведующих училищами обязывали подготовить или освободить учебные помещения, поскольку размещали ратников «казарменным порядком», а не в одиночку по квартирам обывателей. Материальное обеспечение призывников, так называемые «материальные блага» — солома и освещение — предоставлялись городскими управами. Уже с августа 1914 г. в Новгороде и Боровичах освобождались помещения училищ. В Демянском училище занятия начались вовремя и не прекращались даже в январе 1915 г., когда в одно и то же время здесь разместили 20 ратников и занятия 3-го и 4-го классов объединили. *«Никаких недоразумений из этого не вышло,* — писал заведующий училищем. — *... Ратники оказались очень серьезными и каждый день присутствовали на общей ученической молитве»*[5].

В сентябре 1914 г. директор народных училищ обратился к учителям Новгородской губернии с просьбой *«принять на себя труд по сбору пожертвований в пользу воинов»*. В ведомости пожертвований, которые назывались по-разному: «Пожертвования в пользу воинов», «Список вещей, пожертвованных учащимися училища храбрым русским воинам», «Пожертвования на нужды войны», записывали собранные денежные суммы, но в большинстве своём — «предметы потребления» — чай и сахар, спички, папиросы, табак, кисеты, книжки курительные, бумагу для курения, рубашки и кальсоны, платки носовые и прочее. Набор собранных предметов, перечисленных в ведомостях, был практически одинаковым[6]. Инспектора, заведующие и учителя в ответ на отправленные деньги и посылки получали от директора народных училищ уведомление на типографском бланке Петроградского учебного округа со словами *«...За означенные пожертвования приношу Вам свою глубокую благодарность, каковую прошу передать также учащимся во вверенном Вам училище, а равно и всем тем лицам, которые приняли участие в пожертвованиях своими средствами и трудом»*.

В сопроводительных письмах директору народных училищ к денежным переводам и посылкам отражено живое, непосредственное отношение к событиям 1914 г.: *«Извиняюсь, что посылка запоздала*, — пишет зав. Марьинской земской школы, — *что было вызвано неокончённостью полного сбора и шитьем кисетов. Предложение Вашего превосходительства горячо было поддержано как*

учащими, так и детьми, все дети и даже посторонние женщины несли все, что могли». Учитель Н. Осин из Чудовского министерского училища писал: *«Посылаю посильную лепту от учащих и учащихся нашим страдальцам героям-воинам. Сожалею, что теплых вещей и белья весьма мало: Чудово льну не сеет, да и вообще народ себе на уме».* Учитель Теребецкого начального училища Шоров уведомлял, что в их местности уже дважды проводились сборы в пользу воинов — один раз полицией, второй церковными попечителями Косицкой церкви, поэтому на его долю *«выпало принять приношения учащихся школ и лиц населения исключительно деньгами, в общем скромном размере 8-ми рублей»*[7]. В октябре-декабре 1914 г. такие пожертвования поступали от приходских училищ № 6 и № 7 Новгорода, Псковско-Слободского училища, земских школ — Бережковской, Теребутицкой, Любинопольской и земских училищ — Конецкого, Маковицкого и Высоковского, от Чудовского заводского училища, Кшентицкой школы, Волкинского начального и Тёсовского двухклассного училищ.

Начиная с августа 1914 г., на заседаниях педсоветов высших начальных училищ Новгорода, Валдая, Череповца, Устюжны, Тихвина принимались решения о денежных отчислениях из жалования учителей для армии «вплоть до окончания войны». Одним из первых 22 августа 1914 г. такое решение принял педсовет 1-го Новгородского высшего начального училища: *«Принимая во внимание тяжелый исторический момент, переживаемый в настоящее время нашим Отечеством ежемесячно перечислять 1% в пользу раненых воинов и 1% их семействам»*[8]. Формулировки в документах были различные: «на армию и флот», «на Красный Крест», «на содержание раненых», но едины по сути: посильная помощь Отечеству. Суммы составляли от 2 до 5% жалования, что в денежном выражении составляло от 9-ти копеек до 2-х рублей. Учителя городских и земских училищ вносили суммы в городские и земские управы. От учителей Валдайского училища деньги направлялись в местный комитет Красного Креста на выдачу пособий беднейшим семьям низших чинов, взятых на службу при мобилизации в 1914 г., на этапный лазарет Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича в Новгороде. Для этого же лазарета «на содержание кровати» были собраны 200 рублей от учителей земских школ Тихвинского уезда. Отчисления из учебных заведений поступали на счёт Дамского комитета — благотворительного комитета помощи, который возглавляла председатель, жена губернатора Марфа Валерьяновна Ислявина.

Работа учебных заведений Новгородской губернии выстраивалась на основании циркулярных предписаний попечителя Петроградского учебного округа Министерства народного просвещения. Один из таких циркуляров, последовавший 31 июля 1914 г., указывал на *«возможность и необходимость для учебных заведений оказывать помощь правительственным учреждениям и органам местного самоуправления в мероприятиях связанных с надобностями войны»*[9]. Первоначально эта помощь состояла в том, что учащиеся под руководством учителей изготовляли и ремонтировали в школьных мастерских мебель для лазаретов: кровати, носилки и фуры для раненых, столы и табуреты, даже ремонтировали «военные автомобили»; в женских учебных заведениях девочки шили бельё и одежду для раненых — от носовых платков и полотенец, до халатов, рубашек, ватных курток и набрюшников. Только спустя год с начала войны, 20 июля 1915 г. в губернии был учреждён Комитет по снабжению армии, который организовывал и направлял эту работу, объединил усилия земства, городов, промышленных и торговых предприятий и способствовал *«к получению и успешному выполнению в Новгородской губернии заказов по снабжению армии продовольствием и фуражированием».* В этот комитет входили по одному представителю от технических училищ и ремесленных школ. Исполнительный орган комитета имел непосредственную связь с правительственными учреждениями и общественными организациями. Средства комитета состояли из пособий правительства, центральных общественных организаций, в том числе Всероссийского земского и городских союзов, и из отчислений от суммы заказа, полученного промышленным предприятием от комитета.

Сведения о техническом состоянии училищ, оборудовании и преподавателях технических специальностей губернии направлялись в Центральный военно-промышленный комитет. Так в список преподавателей по слесарному мастерству, механической обработке металла, учителей физики и математики *«для исполнения работ по усилению артиллерийским снаряжением действующей армии»*, который директор народных училищ направил попечителю Петроградского учебного округа, попали только шесть специалистов из Новгорода, Череповца, Боровичей, Малой Вишеры и Крестец. Для выполнения военных заказов не хватало оборудования. В документах не много примеров исполнения таких заказов в училищах. Здесь всё держалось на патриотических порывах: *«горя желанием принести посильные труды на пользу Родине»* специалисты мастерских низшей ремесленной школы Новгорода изъявили желание изготовлять оболочки снарядов, при этом в школе было лишь «некоторое оборудование», а необходимые материалы, образцы и чертежи отсутствовали. В училищах, где преподавалось токарное дело, например, в Маловишерском высшем начальном, в 1916 г. делали мелкие токарные металлические части для походных кухонь. Причём заказ этот был получен местными ремесленниками от военного ведомства и передан в училище.

Спустя год с начала войны 27 июля 1915 г. от попечителя учебного округа в учебные учреждения губерний поступил циркуляр «О содержании воспитательной работы в школах в связи с военным временем»[10]. В документе отмечалось, что война оказала *«безмерно глубокое психологическое влияние на российское общество»*, тем более это влияние ощущало юное поколение, которое *«с более непосредственной и восприимчивой душевной жизнью ощущает эти события». «Наслышавшись, начитавшись о войне, дети жертвуют на раненых, принимают участие... в изготовлении предметов для армии, бегут на театр военных действий. Война изменила нормальный ход внутреннего развития детей, его нельзя оставлять без руководства. Никто не станет оспаривать, что задачей школы... является.... помимо обучения, направление душевных движений, воли и понимания учащихся на правильный возвышенный путь... Война пробуждает противоречивые свойства человеческого духа: героизм, самоотверженную любовь к ближнему, доблесть и великодушие — с одной стороны, а с другой — эгоизм, жестокость, злобу. Задача школы — укреплять и развивать в юных сердцах чувства первой категории».* Циркуляром предписывалось *«влиять на волю путем ознакомления с примерами отваги, благородства и добрых порывов в святом деле помощи Родине».*

Учащиеся старших классов могли попасть на фронт добровольцами исключительно с письменного разрешения родителей и по постановлению педсоветов. Такой случай был в Демянске, когда коллежский асессор Соловьёв просил разрешения поступить добровольцем в действующую армию его сыну — ученику 4-го класса Евгению Соловьёву, и при этом оставить его в списках учащихся. 28 сентября 1914 г. Соловьёва *«провожали всем училищем при участии огромного количества народа»*. Участвуя в боях под Ловичем (ноябрь 1914 г.), он был ранен в кисть левой руки, вернулся обратно в Демянск и продолжал учёбу. Ушёл на войну с согласия отца «извозопромышленника» новгородец Василий Быстров, 18-ти лет, но уже в ноябре вернулся, поскольку на медкомиссии был признан негодным к военной службе. Ещё до начала занятий вместе с отцом, прапорщиком 22-й артиллерийской бригады в армию отправился ученик 2-го класса I-го Новгородского высшего начального училища Александр Тимофеев, 16-ти лет. В ноябре, по неизвестной причине, он вернулся в Новгород и стал посещать занятия.

С осени 1914 г. отмечались случаи побегов подростков на фронт, о чём заведующие и инспектора училищ обязаны были доносить в дирекцию училищ[11]. Судя по архивным документам, возраст беглецов колебался от 12-ти до 16-ти лет. Это были выходцы из семей крестьян, зажиточных крестьян-лесопромышленников, мещан. Из характеристик учеников Валдайского высшего начального училища Александра Семёнова и Антона Померанцева, которые сбежали на фронт в феврале 1915 г., следовало, что один был *«вялый и замкнутый, при отличном поведении имел слабые успехи»*, а второй *«живого характера и при отличном поведении учился отлично»*. Несколько раз они пытались бежать. Первый план поездки в Петроград не удался, тогда они поехали во Псков, и просили казаков взять их на войну. Повезло Семёнову: он всё-таки попал с казаками попал на фронт, был в Галиции близ Львова. Однако на линию огня взрослые его не пускали, он ухаживал за ранеными в лазарете, и уже к рождеству вернулся домой. На фронт убегали ученики из школ Новгорода, Старой Руссы, Валдая, Демянска. Обычно, для розыска беглецов родители обращались в полицию. Но имели место случаи, когда только школа била тревогу об отсутствии ученика на занятиях.

Летом 1915 г. были изданы несколько циркуляров относительно детей и учителей-беженцев, и осенью этого же года образованы губернские совещания по устройству беженцев под личным руководством губернаторов, работавшие при участии представителей администрации, самоуправления и общественности. Попечитель Петроградского учебного округа Министерства народного просвещения предписывал *«принять самые энергичные меры к обеспечению учащимся, независимо от их национальности и вероисповедания, полную возможность продолжения образования в учебных заведениях»*. Поскольку большинство беженцев в Новгородской губернии были из западных губерний — Минской, Лифляндской, Ковенской, Виленской, Псковской, то преимущество имели при трудоустройстве учителя, которые знали польский, литовский, латышский и эстонский языки. Распределение учителей регулировала дирекция народных училищ, как правило учителей-беженцев устраивали на вакантные должности преподавателей, призванных на фронт, назначали для них содержание по должности и пособие *«по соответствию с трудами и материальной нуждой»*. При трудоустройстве наводились справки о благонадёжности, что было крайне затруднительно, поэтому обычно довольствовались удостоверением о службе. По сведениям директора народных училищ такие школы для беженцев были открыты во всех городах и уездах губернии и численность детей-беженцев на 1 января 1916 г. составляла более 600 человек[12]. В Новгороде работала школа для детей-беженцев на Петроградской улице на 25 учащихся; для литовский детей была оборудована школа в доме Соловьёвой по Большой Михайловской; открыли начальное училище для детей беженцев-поляков при приюте римско-католического благотворительного общества, которое располагалось в собственном доме председательницы правления баронессы А.Д. Врангель в доме 3 по ул. Мининской.

Учителя и учащиеся оказывали посильную помощь пребывающим в лазаретах губернии выздоравливающим раненым, *«еще слабых физически, но уже тяготеющихся праздностью»*. Организовывали общеобразовательные и религиозно-нравственные чтения и беседы, при этом занятия согласовывались с заведующими лазаретами, с учётом «образовательной нужды» и способностей раненых. Списки лекторов и краткие программы чтений и бесед предварительно просматривались в канцелярии губернатора. Такие занятия проводились в лазаретах Новгорода на Торговой стороне: в клубе Соединённого общества, в городской богадельне, в доме в память врача Лебедева, на Софийской — в земской больнице, в артиллерийском собрании, в винном складе (адрес в документе не указан), «в Выборгском собрании» (очевидно в собрании Выборгского полка). Беседы делились на темы религиозно-нравственные, словесность, история, география. И ещё были чтения по отечествоведению или родиноведению с использованием «туманных картин». Ни в одном из лазаретов уроки ремесла не преподавались[13].

В 1916 г. по предложению министра просвещения в числе мер воспитательного характера для учащихся, которых *«захватывают переживания нашей Родиной грозных событий»*, при учебных заведениях учреждались школьно-сиротские фонды *«для воспитания детей сирот воинов, погибших на фронтах Великой войны»*. Фонды эти пополнялись за счёт пожертвований, приобретения облигаций военного займа, однодневных школьных сборов, поступлений от казны и общественных организаций, устройства платных музыкально-литературных вечеров, спектаклей и лекций[14].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Балашов, Е.М. Школа в Российском обществе. 1917–1927 гг. Становление нового человека. — СПб., 2003. – С. 15.
[2] Статистический ежегодник Новгородского губернского земства за 1914 г. — Новгород. — 1915. — С. 132-141.
[3] ГАНО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 444.
[4] Балашов, Е.М. Школа в Российском обществе. 1917–1927 гг. Становление нового человека. — СПб., 2003. — С. 17.
[5] ГАНО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 386, 442.
[6] Там же.
[7] Там же. Д. 447.
[8] Там же. Д. 390.
[9] Там же. Д. 457.
[10] Там же. Д. 444.
[11] Там же. Д. 388-а.
[12] Там же. Д. 447.
[13] Там же. Д. 466.
[14] Там же. Д. 524.

Л.А. Секретарь

УЧАЩИЕСЯ И ВЫПУСКНИКИ НОВГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В ТЫЛУ И НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 г. Германия объявила войну России. Накануне, 17 июля (30 июля по новому стилю), в преддверии неизбежного вооружённого конфликта, Российское правительство объявило всеобщую мобилизацию. Все российские периодические издания ответили на это событие мирового масштаба различного рода сообщениями. Публиковались указы и распоряжения императора и правительства, сводки из штаба Верховного главнокомандующего и театра военных действий. Активную позицию в освещении событий военного времени заняла редакция Новгородских епархиальных ведомостей, в которых появились специальные рубрики, посвящённые участию духовенства как в военных сражениях, так и в решении многих проблем, созданных войной, в Новгородской епархии.

В 1915 г. появляются рубрики «Новгородская семинария и война» и «Участники войны — воспитанники Новгородской духовной семинарии». Редакция собирала и публиковала письма родных и знакомых о семинаристах — участниках войны[1]. К письмам часто прикладывались фотографии. Предполагалось впоследствии издать альбом, но судьба распорядилась иначе, и, скорее всего, все материалы погибли после закрытия в 1918 г. семинарии и начавшихся вслед за этим преследований и репрессий со стороны новой власти.

При Новгородской епархии создали Центральный Епархиальный Комитет, который занимался сбором пожертвований (денежных и вещевых) на военные нужды[2]. Уже в первые месяцы войны при Юрьеве монастыре в бывшем доме графини А.А. Орловой-Чесменской открыли лазарет для раненых воинов на 50 кроватей. Затем в Епархиальном доме в кремле устроили ещё один епархиальный лазарет на 20 кроватей, позднее значительно расширенный[3]. Юрьевским лазаретом заведовал известный врач Н.Г. Чакалев. Кроме епархиальных в Новгороде открылись лазареты для раненых воинов при различных организациях и даже в частных домах: при Григоровской земской учительской семинарии, также устроенный земством при Екатерининской Общине сестёр милосердия на средства Общества Красного Креста, при городской богадельне и другие[4].

Воспитанники духовной семинарии активно включились в работу по оказанию помощи раненым: переносили на носилках тяжелобольных и раненых воинов, прибывавших в Новгород поездами по узкоколейной дороге, читали книги в лазаретах, иллюстрируя их световыми картинками, покупали на свои сбережения Евангелия и дарили их воинам. Переносить раненых научил семинаристов их врач А.В. Малинин.

В начале учебного 1915 г. учащиеся из своих скудных сбережений собрали 71 руб. 50 коп., и отправили на содержание лазарета духовно-учебных заведений преп. Серафима Саровского в г. Минск.

27 января 1915 г. в зале семинарии учащиеся провели музыкально-вокальный вечер для раненых воинов, находящихся на излечении в лазаретах. Посетил этот вечер новгородский губернатор М.В. Ислявин. В вокальной части семинаристы наряду с другими исполняли композиции преподавателя церковного пения в семинарии А.В. Покровского: «Помогите героям» (вокальный квартет), «Казачья песня» (соло для тенора с хором), «Сливайтесь, славяне» (для хора). В музыкальной части прозвучали произведения Шуберта, Моцарта, Сокольского в исполнении квинтета. В программу вечера включили гимны «Коль славен», «Славься, славься» для поднятия духа и патриотических чувств. Накануне вечера раненые воины посетили семинарию, где хозяева вечера угостили их чаем[5].

Патриотический подъём, охвативший в начале войны российское общество, особенно молодёжь, заставил многих оставить учёбу в учебных заведениях, в том числе духовных семинариях, и добровольцами отправляться на фронт. Так поступили и некоторые учащиеся семинарии. Они записывались в рядовые и уходили на фронт или поступали в различные военные училища — Владимирское и Павловское в Петербурге, Виленское, Петергофскую школу прапорщиков, получая там военную подготовку.

В январе 1915 г. пожелали служить рядовыми Борис Фефилов и Дмитрий Соловьёв (5-й класс), Алексей Астреин (4-й класс). В военные училища тогда же поступили: Михаил Борисов, Михаил Георгиевский, Александр Парвовицкий (все из 6-го класса), Михаил Агеев, Димитрий Богоявленский, Авенир Быстров, Павел Львовский, Леонид Светлов (из 5-го класса), Сергей Образцов (из 4-го класса)[6]. Ранее, в сентябре 1914 г., добровольцем ушёл в действующую армию воспитанник 5-го класса Алексей Феофилов. На фронт его провожали одноклассники[7].

В течение 1915 г. ещё группа учащихся-семинаристов оставила учёбу для того, чтобы поступить в военные училища или отправиться рядовыми на фронт. Из 4-го класса рядовыми ушли служить Антонин Фруктовский и Павел Георгиевский. Большая часть воспитанников из разных классов решила поступать в военные училища: Алексей Светлов, Клавдий Борисов, Леонид Косинский, Леонид Любынский,

Анатолий Вещезеров, Аркадий Мегринский — во Владимирское, Павел Шотовский — в Виленское, Александр Устьинский и Александр Яковцевский — в Павловское[8]. Семинарию в том же 1915 г. покинули сироты Николай Любомудров и Николай Нумеров, чтобы отправиться на военную службу, Владимир Кондратьев, Николай Устрицкий, Анатолий Парвов и Порфирий Цветаев вышли из семинарии, чтобы поступить в военные училища[9].

Некоторые из таких юных добровольцев получили ранения или погибли на фронтах Первой мировой войны. В бою под Ровно в конце августа 1915 г. убили Антонина Фруктовского. Его брат, Александр Фруктовский, окончивший семинарию в 1910 г., 30 августа того же года погиб под г. Вильно, где и был погребён. Третий их брат, Иван, выпускник семинарии 1906 г., окончивший школу прапорщиков, был ранен[10].

По набору в 1914 г. на военную службу взяли воспитанника 6-го класса Алексея Платоновича Зубчанинова. Вначале он проходил службу рядовым в г. Старая Русса. В феврале 1915 г. поступил в Старо-Петербургскую школу прапорщиков, после чего был зачислен в пехотный полк и отправлен в действующую армию. После лечения в госпитале от полученной раны А. Зубчанинова вновь отправили на передовые позиции[11].

Через год после окончания семинарии в октябрьский призыв 1914 г. взяли в армию Полиена Александровича Соколова. Он только начал работать учителем. Вначале служил рядовым в Запасном батальоне, затем прошёл курс обучения во Владимирском военном училище, после чего отправился на фронт в чине прапорщика[12]. Командовал ротой. В Гражданскую войну его вновь призвали уже в Красную армию. Его однокурсник по семинарии Д.А. Кулигин вспоминал впоследствии: *«Он был у меня в Белозерске стриженый, в военной форме. Отправлялся священствовать»*. Это случилось в 1921 г. В то время это был путь на Голгофу. В 1930 г. его арестовали и сослали на Соловки[13].

Иван Викторович Мамонтов

Трагично сложилась и жизнь бывшего семинариста того же выпуска 1913 г. Антония Александровича Алмазова (семинаристы звали его Анатолий). Он ушёл на фронт добровольцем после окончания Владимирского военного училища. Как лучшего курсанта его оставили при училище обучать офицеров. Но он выбрал путь боевого офицера. Его отец, священник Замошской церкви Новгородского уезда, получил 24 сентября 1916 г. телеграмму о том, что *«подпоручики Смирнов и Алмазов, ворвавшись на неприятельские окопы, пали смертью храбрых»*[14].

Товарищ Антония Алмазова по семинарии Василий Весский со слов Константина Фруктовского уточнил обстоятельства его гибели: когда Антоний вскочил во вражеский окоп, его подняли на штыки[15]. За участие в боях Антоний Алмазов был награждён орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. О геройской смерти товарища инспектору семинарии М. Кедринскому сообщил Константин Митропольский[16].

В 1915 г. завершил обучение в семинарии уроженец Устюженского уезда, сын священника, Владимир Иванович Смирнов. Он не стал поступать в светское учебное заведение, а добровольно избрал Павловское военное училище, после окончания которого в чине прапорщика начал службу в Новгороде. И вновь по собственному желанию отправился в пехотный полк, был контужен, получил чин подпоручика и награду — орден св. Станислава . Как сложилась его судьба после 1916 г. — неизвестно.

После начала военных действий в июле 1914 г. в действующую армию призывали, в первую очередь, кадровых военных, священников и врачей, в том числе ветеринарных.

Профессию кадрового военного в мирное время семинаристы избирали редко.

Карьеру военного предпочёл сын протоиерея Андреевского собора в Грузино Михаил Васильевич Соловьёв. Он покинул семинарию в 1905 г. и поступил в Петроградское юнкерское училище. Окончив его в 1907 г., отправился по назначению подпоручиком в Вологодский 18-й пехотный полк в г. Новоград-Волынский. Его очень любили солдаты и называли «Соловушка». Как человек, преданный своему делу, Михаил Васильевич решил поступить в Академию Генерального штаба и серьёзно готовился к сдаче экзаменов, но судьба распорядилась иначе. 13 августа 1914 г. поручик Соловьёв геройски погиб в бою с австрийцами. Рота под его командованием, находясь в разведке, внезапно столкнулась с неприятелем. Командир был убит пулей в лоб навылет. Похоронили его возле церковной ограды в деревне Майдан-Галагурский в Галиции[18].

Из семьи священников происходил и другой военный Иван Викторович Мамонтов. Он родился в селе Ильина гора Демянского уезда, где служил его отец. Позднее семья переехала в Новгород. Иван Викторович поступил в семинарию и окончил её в 1895 г.[19] Отец в семинарии исполнял должность духовника. Духовным отцом будущего героя стал ректор семинарии Алексий (Симанский). Семинария для И.В. Мамонтова была родным домом. Когда началась война, он служил в 85-м Выборгском полку, расквартированном в Новгороде. Иван Викторович безвозмездно вёл гимнастику и военный строй в семинарии и духовном училище, преподавал и в частной женской прогимназии. Затем ушёл на фронт, был ранен и за год до гибели после ранения побывал на своей родине, встречался там с родными людьми и односельчанами. Посетил семинарию и рассказывал семинаристам о том, что он пережил на войне.

Штабс-капитан Выборгского полка И.В. Мамонтов погиб как герой. По желанию семьи его решили похоронить в Новгороде. 7 марта 1915 г. от вокзала на траурной колеснице гроб с телом в сопровождении новгородцев перевезли в Антониев монастырь. Траурная процессия ненадолго остановилась на Софийской площади у дома, где жил штабс-капитан. Прощание происходило в церкви Сретения Господня.

Чин отпевания совершал ректор семинарии архимандрит Тихон с помощниками: архимандритом Варсонофием Лебедевым и духовником семинарии протоиереем Иоанном Знаменским. Служба совершалась в сопровождении хора семинаристов. При опускании тела в могилу 107 солдат произвели оружейные залпы[20].

В 2008 г. внучка И.В. Мамонтова Татьяна Александровна Семёнова приехала в Новгород и передала в музей семейный архив. Среди фотографий — портрет семинариста И.В. Мамонтова и его же портрет в военной форме, а также портрет Алексия (Симанского) — будущего патриарха всея Руси[21].

Профессию врача после окончания Новгородской духовной семинарии избирали многие её выпускники.

Получив образование в Новгородском духовном училище и семинарии, сын священника Владимир Александрович Алмазов (брат Антония Алмазова) поступил на медицинский факультет Юрьевского университета, который окончил по первому разряду. Работал до мобилизации 1914 г. врачом в Архангельской губернии. После мобилизации его зачислили в Артиллерийский дивизион. Но он по собственному желанию отправился в действующую армию. Участвовал в боях под Варшавой и на реке Бзуре. Был награждён орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и св. Анны 3-й степени. В декабре 1914 г. его перевели в военно-санитарный транспорт, где он служил и в 1915 г.[22]

Владимир Михайлович Ильинский — выпускник семинарии 1909 г. — дальнейшее образование получил на медицинском факультете Варшавского университета. Мобилизован в действующую армию как врач и служил в пехотном полку, в составе которого прошёл по всей Галиции, участвовал в боях под Ивангородом, Люблином, Красноставом, Брест-Литовском[23].

Сын священника Оксочской церкви Петра Ильинского Василий в 1915 г. состоял врачом 2-го Туркестанского артиллерийского дивизиона. Это была не первая война, в которой он участвовал. В Русско-японскую войну В.П. Ильинский воевал в Маньчжурии ветеринарным врачом, т.к. после семинарии успешно завершил обучение в Юрьевском ветеринарном институте. После войны поменял профессию: окончил Томский медицинский институт и стал лечить людей. Его карьера продолжилась в Москве в лечебнице доктора приват-доцента Г.Д. Воскресенского и 1-й Московской городской больнице, откуда он и отправился в действующую армию. В Москве Василий Петрович имел собственную квартиру на Арбате и хорошую врачебную практику. Эту благополучная жизнь прервалась в 1914 г.[24]

Врач Петр Иванович Левочский — сын священника Левочской церкви Боровичского уезда — стал участником Первой мировой войны, когда ему было 58—59 лет. Семинарию он окончил в 1870-х гг. Получил в дальнейшем блестящее образование — четыре года проучился на физико-математическом факультете Петербургского университета и четыре — в Военно-медицинской академии. Защитил диссертацию и получил диплом доктора медицины. Работал в Москве заведующим бесплатной лечебницей военных врачей, затем дивизионным врачом в Калуге. Во время китайского мятежа (боксерского восстания) отправлен в Китай военным врачом. В 1915 г. состоял врачом 12-го армейского корпуса[25].

Короткой оказалась жизнь Виктора Арсеньевича Вихрова — сына известного в Новгороде инспектора Деревяницкого женского приходского училища, который умер, не узнав о смерти сына. После окончания семинарии В.А. Вихров поступил в Юрьевский университет на медицинский факультет. Немного поработав в Новгородской земской больнице, он переехал в г. Ржев, где получил работу врача на железной дороге. Из Ржева он и отправился на фронт. Выпив воды из заражённого колодца, он умер от дизентерии в 1914 г. в Брест-Литовске, где шли ожесточённые бои. Спасая других, В.А. Вихров не сумел спасти себя[26].

Судьба ветеринарного врача, выпускника 1913 г., Анатолия Митецкого раскрывается в его письмах однокласснику по семинарии С.М. Смирнову. Он учился в Юрьевском ветеринарном институте в годы Первой мировой войны и был мобилизован в ветлагерь 3-й армии, базирующийся в Полоцке. После того, как город оккупировали немцы, Митецкий работал врачом на бойне, а после ухода немцев остался трудиться участковым врачом в Полоцком уезде. В 1919 г. его призвали в Красную армию. Со своей дивизией он побывал в Вологде, под Архангельском, в Польше, на Кубани, в Закавказье. Переболел сыпным тифом и бруцеллёзом. До выхода на пенсию с 1945 до 1954 г. исполнял должность начальника ветинспекции МВД в Краснодаре[27].

Выпускник семинарии 1906 г. (уроженец Кирилловского уезда) Иван Алексеевич Успенский, сначала работал учителем, затем поступил на медицинский факультет Томского университета. Получил специальность эпидемического врача. Был мобилизован в 1914 г. в действующую Кавказскую армию. В 1915 г. воевал в Персии[28].

Выпускник семинарии 1907 г. Николай Иванович Великословинский в начале своей карьеры недолгое время преподавал в церковно-приходской школе. Вскоре решил продолжить обучение в Юрьевском ветеринарном институте. Окончив институт в 1914 г., Николай Иванович приступил к врачебной работе, но был призван в действующую армию из деревни Сомино Устюженского уезда. Воевал в Галиции, где заслужил награду — орден св. Станислава 3-й степени[29].

Доблесть и геройство проявляли на фронтах Первой мировой войны военные священники, которым приходилось рисковать жизнью рядом с солдатами на полях сражений. Среди них — много выпускников Новгородской духовной семинарии, получивших заслуженные награды: ордена св. Георгия, наперсные кресты на Георгиевской ленте, панагии на Георгиевской ленте, Георгиевские кресты, медали «За храбрость». Их имена стали известны благодаря замечательному исследователю К.Г. Капкову, который написал свои труды на основе огромного архивного материала[30].

Наперсный крест на Георгиевской ленте из Кабинета Е.И.В. и орден св. Анны 3-й степени с мечами заслужил за участие в военных походах выпускник семинарии, с 1901 по 1902 гг. её надзиратель, а с 1902 по 1906 гг. — учитель Новгородского духовного училища священник Александр Петрович Любимцев. В годы войны он состоял священником 15-го Финляндского стрелкового полка и в одном из сражений был ранен[31].

Священник Алексий Витальевич Богословский начинал церковную службу иподиаконом Софийского собора в Новгороде. В 1892 г. перешёл в Военное ведомство. В годы войны за участие в походах в составе 26-го пехотного Могилёвского полка заслужил орден св. Анны 2-й степени с мечами и наперсный крест на Георгиевской ленте из Кабинета Е.И.В.[32]

Участником Первой мировой войны и Гражданской войны был уроженец с. Мшаги Новгородской губернии (родился в 1872 г.) выпускник семинарии военный священник

Леонид Алексеевич Розанов. Начал службу псаломщиком Адмиралтейского собора в г. Николаев (1897–1898 г.), после чего был произведён в сан священника 41-го пехотного Селенгинского полка, затем переехал в Херсон, где служил в военном госпитале. В годы Первой мировой войны участвовал в составе 16-го Стрелкового полка Императора Александра III в сражениях, был ранен и дважды контужен. В 1915 г. его наградили орденами св. Анны 2-й степени с мечами и св. Владимира 4-й степени, а в 1925 г. признали награждённым за участие в боях в 1917 г. золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. В 1920 г., являясь священником Корниловского ударного полка, через Галлиполи Розанов эмигрировал в Нидерланды, где в Гааге с 1902 г. в российской посольской церкви служил его брат Алексей Алексеевич. Закончил службу в Германии и похоронен в 1936 г. на кладбище близ Берлина[33].

Александр Мефодиевич Щеглов — участник Первой мировой войны — родился в 1868 г. Окончив семинарию, работал здесь надзирателем с 1890 по 1895 г. Прослужив некоторое время священником в Новгородской губернии (1895–1898 г.) перешёл в военное ведомство. Дальнейшая его жизнь связана со службой на военных судах: крейсерах «Герцог Эдинбургский», «Адмирал Корнилов», броненосце «Слава» и одноименном линейном корабле (1903–1912 г.). Местом его службы в период Первой мировой войны был крейсер «Богатырь» (1912–1917 г.). Одновременно он исполнял обязанности благочинного при штабе командующего морскими силами Балтийского моря, участвовал в военных походах. В 1915 г. был возведён в сан протоиерея, получил орден св. Анны 2-й степени с мечами и наперсный крест от патриарха Иерусалимского. В марте 1916 г. награждён наперсным крестом на Георгиевской ленте из Кабинета Е.И.В.[34]

Андрей Александрович Богословский

Судьбу военного священника выбрал уроженец Новгородской губернии (родился в 1869 г.), выпускник семинарии Андрей Александрович Богословский. После недолгого служения в Новгородской епархии, в 1893 г. он перешёл в военное ведомство. Более 10 лет прожил в Туркестане. Служил в священническом сане в разных храмах, в том числе Ташкентском военном соборе. Написал серию статей и очерков на основе собранных им самим материалов о легендарном покорителе Средней Азии священнике Андрее Малове. Участвуя как священник 22-й и 23-й Восточно-Сибирского стрелкового полка в Русско-японской войне, был ранен, награждён орденами св. Анны 3-й степени и Владимира 4-й степени (оба с мечами — за ранения) и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. В 1915 г. за участие в сражениях Первой мировой войны заслужил орден св. Георгия 4-й степени. Вот как вспоминал сам священник об одном таком сражении, когда оказался на волосок от смерти (он служил тогда в 6-м Финляндском полку): в ночь с 14 на 15 мая 1915 г. во время боя встал во весь рост, чтобы благословить солдат. Внезапно началась стрельба и, как написано в его докладной записке, он *«почувствовал какой-то странный жесткий толчок, от которого зашатался, и потемнело в глазах, удар был в области груди, на которой была дарохранительница и крест на Георгиевской ленте»*. Они-то и спасли священника от вражеской пули. После 1917 г. А.А. Богословский остался в русском «Легионе чести», который воевал вместе с французами против Германии. Награждён орденом Почётного легиона и представлен к французскому Военному кресту с пальмовой ветвью. Дослужился до благочинного 1-й особой пехотной дивизии. Погиб в 1918 г.

Необычный героизм в годы войны проявил священник Сергей Михайлович Соколовский — уроженец Новгорода (родился в 1877 г.), выпускник семинарии. Недолго прослужив диаконом в Новгородской епархии, он был посвящён в сан священника 1-го Закаспийского стрелкового батальона. С 1906 по 1916 г. Сергей Михайлович служил священником 7-го Финляндского стрелкового полка. Участвовал в сражениях в период Первой мировой войны, проявляя бесстрашие и мужество при исполнении священнических обязанностей. В 1915 г. благочинный Финляндских стрелковых бригад Николай Окунев так охарактеризовал С.М. Соколовского: *«В течение семи месяцев войны отец Соколовский постоянно находился в самых опасных пунктах боя, в непосредственной близости к находящимся в бою ротам своего полка, являя собой пример поразительного бесстрашия и самообладания»*. Высокую награду — орден св. Георгия — С.М. Соколовский получил за то, что добровольно вызвался возглавить отряд солдат, которому удалось разрушить проволочные заграждения противника. В 1916–1917 гг. уже в сане протоиерея 6-го Особого пехотного полка и Благочинного Особых пехотных полков С.М. Соколовский воевал на Французском фронте.

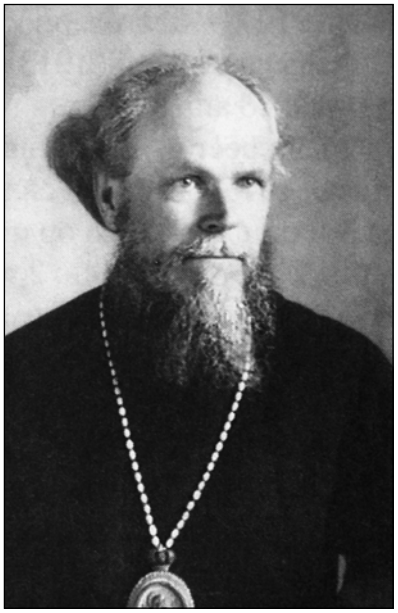
К духовенству Благочинный относился с особой строгостью и предъявлял к ним ряд требований. Некоторые из этих правил казались даже для прошедших войну священников невыполнимыми: жить при окопах, ежедневно ходить по окопам на передовой, чтобы беседовать с солдатами, немедленно исполнять приказы Благочинного и т.д. Эмоционально, страстно о своём требовании к священникам быть рядом с солдатами отец Сергий написал в письме генералу Марушевскому: *«И когда закипает ад, чтобы стереть эти окопы, с крестом в руках и сердце, быть с теми, кто одушевляет эти окопы!! А когда в этих окопах тишина, когда от этой мертвой тишины сжимается сердце, хуже, чем от ада, тут, священник, пойди по этим окопам!..»*.

После тяжёлого ранения, полученного в 1916 г. в провинции Шампань, отец Сергий попал в госпиталь, где ему ампутировали правую руку. В госпитале за особенный героизм из рук французского генерала Дюна он получил орден Почётного легиона. Французское правительство пожаловало ему также Военный крест.

Когда началась революция, С.М. Соколовский остался во Франции и служил в Александро-Невском соборе в Париже. Начал изучать богословие и каноническое право в Католическом богословском институте.

После того, как мятежный отец Сергий примкнул к «обновленцам», Архиерейский Синод Западной РПЦ лишил его сана протоиерея. В результате, он принял советское гражданство, создал религиозную общину в 1926 г. в русле «обновленческого» движения и активно сотрудничал с советским посольством. За активную советскую пропаганду С.М. Соколовского в 1930 г. выслали из Франции в СССР, а в 1932 г. митрополит Сергий Страгородский восстановил его в сане протоиерея, после чего его приняли в клир Московской патриархии. На родине он также не нашёл себе достойного применения. Перед смертью гордый, ищущий своего места в жизни, бесстрашно бросающийся «из огня в полымя») отец Сергий принял католичество[36].

К лику святых Русской Православной Церкви причислили в 2001 г. одного из воспитанников семинарии, участника Русско-японской войны и Первой мировой войны, Михаила Владимировича Пылаева (в монашестве Онисима). Он родился в 1876 г. и сразу после окончания семинарии решил служить в военном ведомстве. Начинал псаломщиком Ново-Георгиевского военного крепостного собора. Затем продолжил церковную службу в военных храмах Двинска и Карска. С 1902 г. — священник 4-го Стрелкового полка. Служба его до 1917 г. продолжалась в различных стрелковых и пехотных военных соединениях. За участие в Русско-Японской войне М.В. Пылаев был награждён орденами св. Анны 3 и 2-й степеней с мечами (за ранения), а в 1915 г. — наперсным крестом на Георгиевской ленте из Кабинета Е.И.В.

Михаил Владимирович Пылаев

В 1918–1919 г. его мобилизовали в Красную Армию, и он успел там поработать казначеем. Поняв, что призванием его является служение духовное, М.В. Пылаев в 1919 г. становится настоятелем собора в Нижнем Новгороде. В 1926 г. он принял монашеский постриг и был рукоположен во епископа Красно-Бакинского.

Первый его арест в 1928 г. закончился ссылкой в Соловецкий лагерь особого назначения. Выйдя из ссылки в 1933 г., Онисим (Пылаев) не отказался от духовного звания и с 1933 г. по 1935 г. управлял Тульской епархией. По обвинению в насаждении тайного монашества и организации контрреволюционной группировки духовенства в Туле Онисим (Пылаев) был арестован в 1935 г. и спустя два года несломленный, верный своим принципам и долгу расстрелян[37].

В военных событиях 1914–1917 гг. участвовали также приходские священники, учителя и те, кто продолжил после семинарии учёбу в высших учебных заведениях.

Владимира Добровидова — выпускника 1913 г. — мобилизовали в действующую армию в 1914 г. До этого он трудился учителем Бологовской церковно-приходской школы. Служить его отправили в чине прапорщика командиром роты.

Только месяц проработал учителем земской школы выпускник 1914 г. Леонид Петрович Нумеров. Призвали его на военную службу рядовым Лейб-гвардии Финляндского полка. После окончания Павловского военного училища он отправился с полком на Германский фронт[38].

Учителем земской школы в деревне Бор Крестецкого уезда трудился до начала 1914 г. Василий Иванович Долговский. Он успел уже поучаствовать в сражениях Русско-японской войны. Ушёл тогда на фронт после 3-го класса семинарии как вольноопределяющийся Московского Гренадёрского полка. Дослужился до прапорщика. Был награждён орденами св. Анны 4-й степени и Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1914 г. воевал на Германском фронте. За взятие Нейденбурга награждён орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (за ранение). 18 августа пропал без вести[39].

Преподаватель женской гимназии в Либаве Виктор Семёнович Судаков не завершил учёбу в семинарии, окончив только четыре класса в 1906 г. Это не помешало ему получить высшее образование в Петроградском университете. При приближении врага в 1914 г. он добровольно поступил в Павловское военное училище и получил чин прапорщика. По желанию отправился на фронт. Участвовал в боях на Рижском фронте. Был ранен, представлен к ордену св. Владимира 4-й степени. В 1916 г. погиб в бою[40].

Выпускник 1910 г. Пётр Николаевич Смирнов был призван в армию в июле 1914 г. и отправлен каптенармусом на Карпаты в продовольственный эшелон. За усердие награждён медалью. До призыва он работал сельским учителем, в последнее время в Антушевском 2-классном Министерства Народного Просвещения училище[41].

Однокурсник П.Н. Смирнова Александр Васильевич Шоленинов, по происхождению мещанин г. Белозерска, начинал свою трудовую деятельность как учитель церковно-приходской школы в Белозерском уезде, затем заведовал Крохинским приходским посадским училищем. Написал прошение и был зачислен санитаром в полевой лазарет, с которым перемещался по району боевых действий: в Лодзи, Беловежской пуще, Лиде, Минске[42].

За участие в сражениях Первой мировой войны Георгиевским крестом был награждён выпускник семинарии, уроженец Новгородской губернии Евгений Николаевич Высокоостровский (в монашестве Геннадий). До 1914 г. он преподавал в министерской школе, затем служил регентом в новгородском Софийском соборе и диаконом в посаде Малая Вишера. В 1914 г. в сане священника получил назначение в Архангельский дисциплинарный полуэкипаж. После 1917 г. продолжил службу приходским священником в Петроградской губернии и Ленинграде, перейдя на сторону обновленческой церкви. Дальнейшая жизнь о. Евгения Высокоостровского складывалась непросто: в 1935 г. его осудили и выслали из Ленинграда. Приняв в 1946 г. монашеский постриг, он вернулся в клир Московской патриархии в сане архимандрита. После этого

последовали назначения настоятелем храмов в городах Сумы, Псков, Петрозаводск. Перед уходом на покой о. Евгений вернулся на Новгородскую землю священником Георгиевской церкви в г. Старая Русса. Последние годы жизни (1966–1973) провёл в Псково-Печерском монастыре, где и был похоронен в пещерах[43].

21 год прослужил в Боровёнской церкви Валдайского уезда бывший воспитанник Вениамин Поликострицкий. Когда началась война, о. Вениамин написал прошение о переводе в действующую армию. 8 октября 1914 г. по приказу протопресвитера военного и морского духовенства он отправился в пехотный полк. Смертельную рану о. Евгений получил 7 марта на перевязочном пункте, где причащал раненых. Похоронили священника в ограде военной церкви в Остроленке[44].

Когда началась война, выпускник семинарии Николай Устрицкий учился в Варшавском университете. Став свидетелем страданий раненых в размещённом в здании университета лазарете, записался добровольцем и ушёл на фронт санитаром. В письме к отцу, священнику, он написал: *«Как я счастлив, дорогой мой, что избрал этот путь, часами горький и прискорбный, но зато единственный, в котором теперь можно стоять смело и чувствовать, что ты не укрываешься за спиною ближнего, а всем, чем можешь, до жизни включительно, утоляешь его горькие страдания»*[45].

Многие воспитанники Новгородской духовной семинарии погибли на фронтах Первой мировой войны. Тех, кто выжил, ждали не менее тяжелые испытания после революционных событий 1917 г.: Гражданская война и жесточайшие репрессии 1920–1930-х гг. Они коснулись, в первую очередь, людей, оставшихся служить Русской Православной Церкви. Но пострадали и те, кто принял советскую власть и успешно трудился в различных сферах государственной службы: образования, культуры, медицины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Участники войны — воспитанники Новгородской духовной семинарии // НЕВ. 1915. № 43. С. 1409.
[2] Известия о войне // НЕВ. 1914. № 29-30. С. 949-955; № 34. С. 1094-1099; № 35. С. 1115-1116, 1132-1137.
[3] Освящение монастырского лазарета в городе Новгороде // НЕВ. 1914. № 40. С. 1288-1290; Новый лазарет в Арсениевском епархиальном доме // НЕВ. 1914. № 47. С. 1544-1546.
[4] Хроника епархиальной жизни // НЕВ. 1914. № 40. С. 1305; Посещение госпиталей для больных и раненых воинов Высокопреосвященным архиепископом Арсением // НЕВ. 1914. № 42. С. 1356-1359.
[5] М.К. (Михаил Кедринский) Новгородская духовная семинария среди современных событий // НЕВ. 1915. № 9. С. 317-323.
[6] Новгородская духовная семинария и война // НЕВ. 1915. № 5. С. 185-186.
[7] М.К. Новгородская духовная семинария среди современных событий // НЕВ. 1915. № 9. С. 318-319.
[8] Новгородская духовная семинария и война // НЕВ. 1915. № 38. С. 1254-1255.
[9] Около войны // НЕВ. 1915. № 47. С. 1546; № 49. С. 1610.
[10] Около войны // НЕВ. 1915. № 49. С. 1599.
[11] Участники войны...// НЕВ. 1915. № 49. С. 1599.
[12] Участники войны... // НЕВ. 1915. № 50. С. 1636-1637.
[13] ОПИ НГМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 39. Л. 65-65об.
[14] Участники войны... // НЕВ. 1916. № 41. С. 1282-1283.
[15] ОПИ НГМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 37. Л. 38.
[16] Письмо Кедринскому от Константина Митропольского и Николая Митропольского // НЕВ. 1916. № 44. С. 1376.
[17] Участники войны... // НЕВ. 1916. № 22. С. 691-692.
[18] Никольский Ф. Герой — жертва войны // НЕВ. 1914. № 39. С. 1264-1265.
[19] Выпуск воспитанников, окончивших курс в новгородской духовной семинарии // НЕВ. 1895. № 14. С. 794.
[20] Погребение убитого на войне капитана И.В. Мамонтова // НЕВ. 1915. № 11. С. 370-378.
[21] Рудь О.А. Из семейного архива // Ежегодник НГОМЗ. 2008. Великий Новгород, 2009. С. 12.
[22] Участники войны — воспитанники Новгородской духовной семинарии // НЕВ. 1915. № 46. С. 1503-1504.
[23] Участники войны... // НЕВ. 1916. № 7. С. 241.
[24] Участники войны... // НЕВ. 1915. № 43. С. 1410-1411.
[25] Участники войны... // НЕВ. 1916. № 45. С. 1409-1410.
[26] Жертва войны // НЕВ. 1914. № 37. С. 1237-1238.
[27] ОПИ НГМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.
[28] Участники войны... // НЕВ. 1915. № 47. С. 1544.
[29] Участники войны... // НЕВ. 1916. № 27. С. 854-855.
[30] Капков К.Г. Священники кавалеры Императорского военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.-Белград, 2012.
[31] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 407.
[32] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 510.
[33] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 488-489.
[34] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 407, 410, 424.
[35] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 694-701.
[36] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 196, 682-693.
[37] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 402-403.
[38] Участники войны — воспитанники Новгородской духовной семинарии // НЕВ. 1916. № 3. С. 91-92.
[39] Участники войны... // НЕВ. 1916. № 5. С. 120.
[40] Письмо Модеста Судакова М. Кедринскому о смерти брата // НЕВ. 1916. № 44. С. 1375-1376.
[41] Участники войны... // НЕВ. 1915. № 43. С. 1409.
[42] Участники войны... // НЕВ. 1915. № 47. С. 1544-1546.
[43] Капков К.Г. Священники кавалеры... С. 500-501.
[44] Никольский М. Жертва войны // НЕВ. 1915. № 15. С. 517-518.
[45] Величие духа русского воина // Там же. С. 515-517.

И.Д. Савинова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о позиции Русской Православной Церкви в Первой мировой войне долгое время не привлекал внимания советских историков (как и вся война), что вполне естественно в атеистическом государстве. Случившиеся в стране перемены сделали доступными многие интересные документы, находившиеся до того под грифом «СЕКРЕТНО» или же закрытые для печати. К ним можно отнести и воспоминания князя Николая Жевахова, который с сентября 1916 года был товарищем обер-прокурора Синода. Воспоминания написаны в эмиграции: первый том был опубликован в Мюнхене (1923), второй — в Сербии (1928). В нашей стране они были изданы лишь в 1993 году.

Занимая довольно высокий пост в государственной системе, Жевахов знал многие стороны взаимоотношений Церкви с правящими кругами страны, от императора до генералов в военной ставке. Эти воспоминания весьма полезны для изучающих данный вопрос в масштабах всей России. Предлагаемая работа посвящена непосредственно Новгородской епархии, её духовенству и рядовым христианам.

Изучение имеющихся материалов позволяет определить основные направления деятельности церковной общины Новгородской губернии в годы Первой мировой войны.

Как известно, 20 июля 1914 года вышел Высочайший Манифест, в котором, в частности, говорилось: ***«Ныне предстоит уже не заступаться за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав»***. 22 июля Манифест был зачитан в Новгороде, в Софийском соборе, после богослужения. Следом прозвучало послание Священного Синода, а затем к собравшимся обратился новгородский владыка Арсений, архиепископ Новгородский и Старорусский: *«Мы стоим перед лицом событий громадной мировой важности. Серьезность положения исключительная. Все мы прекрасно понимаем гибельные ужасы войны вообще, а настоящей – в особенности. Наше Отечество, наши святыни, наши благие начинания находятся в великой опасности. Неотвратимые обстоятельства вынуждают нас для оберегания нашего прадедовского достояния, для усмирения и наказания тех, кто посягает на наше добро, кто покушается на честь и достоинство России. Наступают опасные грозовые дни, а, может быть, и месяцы, и года»*, — провидчески говорил владыка.

Эти слова прозвучали предупреждением о грядущих трудностях и были напутствием в долгий и жертвенный путь.

Конечно, священнослужители прежде всего выполняли свои прямые обязанности, предписанные им ещё основателем Церкви. Следует сразу уточнить, что в отличие от войны 1812 года в стране уже существовала воинская повинность, и призыву в армию подлежали псаломщики и церковные старосты. В воинских подразделениях несли свою службу полковые священники. Сохранились опубликованные в «Новгородских епархиальных ведомостях» впечатления солдат и офицеров об их фронтовой жизни:

«В эту войну и им нелегко. Раньше бывало священник с обозом, а теперь вместе с полком. Когда бой, священник, благословив полк, отходит назад. И тут же, на поле сражения, принимает и напутствует раненых. Часто помогает медперсоналу».

«Батюшки за эту войну также привыкли к пулям и снарядам, как и мы. Ездят верхом на лошади, реже — в телегах и других повозках».

«Наш священник так вместе с командиром в окопах сидел. Не хотел от полка отставать, да и интересно, вить, ему было последить за немцем».

«Священник делится последним с солдатами, а в другой раз и сам одалживается у них».

«Пастырское служение на войне вырастает в подвиг. Священники на войне привыкают к свисту и жужжанию пуль и реву снарядов. Но! Солдаты и офицеры к этому частью привыкли на учениях, а он — не-е-ет. А каково тем, кому под 60 и более?»[*]

Это о священниках непосредственно на войне. Но война давала о себе знать и в тылу, такому близкому к фронту, каким была Новгородская земля.

В добрых словах напутствия нуждались те, кто отправлялся «на театр боевых действий». Священники городских церквей в июльские дни проводили все полки, квартировавшие в Новгороде. Следом пришёл черёд санитарным отрядам. Архиепископ Арсений и его сподвижники регулярно благословляли в дальнюю дорогу санитарные отряды и отряды сестёр милосердия из Екатерининской общины Красного Креста.

По-прежнему велись богослужения в храмах, но в канонических традициях стал остро ощущаться дух войны. В проповедях и молитвах зазвучали слова о страданиях, гибели людей, жертвах и потерях. Среди прихожан появились вдовы и дети-сироты. Для них нужны были особые слова и всяческая поддержка.

Для руководства всей деятельностью в военных условиях 30 июля 1914 года создаётся Центральный епархиальный комитет под председательством владыки Арсения. В его состав вошли настоятели монастырей, представители городского духовенства и мирян. Уже в августе в комитет поступило 3336 руб. 29 коп., которые предназначались на содержание раненых.

Следующей зоной действия церковных общин стали лазареты. Уже к осени 1914 года на средства монастырей и приходов в доме графини Орловой в Юрьевом монастыре был подготовлен Монастырский лазарет. Совместно с Григоровским лазаретом, в учительской семинарии, он принял первую партию раненых.

Она прибыла в Новгород 10 октября 1914 года в 2 часа дня. Встречать её вышли губернатор М.В. Ислявин, городской голова А.А. Соловьёв, епископ тихвинский Алексий (владыка Арсений был в отъезде), представители духовенства, учащиеся гимназий, училищ, семинарии. После слов приветствия,

угощения в вагонах чаем легкораненые двинулись в лазареты пешком, многие были отправлены на извозчиках. Тяжелораненых погрузили на подводы, которые безвозмездно поставили крестьяне Колмова и Юрьевской слободы, и сами вызвались отвести пострадавших в лазареты.

Этот день пришёлся на пятницу — базарный день. В Новгород съехалось много жителей из округи. Узнав о прибытии санитарного эшелона, большинство отправилось на Легощую улицу, по которой началось невиданное ранее шествие. По обе стороны стояли сплошные людские ряды, между которыми шли и ехали раненые. Конные городовые освобождали дорогу. Несмотря на огромное стечение народа не было слышно ни криков, ни возгласов «Ура!». Одни в толпе молились, другие молча утирали слёзы. Так в окровавленных бинтах, на костылях и на носилках в Новгород вошла Первая мировая война.

Второй эшелон прибыл уже 15 октября, третий — 1 ноября. Новгородцы по-прежнему встречали раненых с угощением, музыкой, добрыми словами приветствия. Со временем эмоциональный настрой утих, началась повседневная нелёгкая работа. Уже на 20 октября в Новгороде насчитывалось десять лазаретов, относящихся к различным организациям — Земскому союзу, Дамскому комитету и т.п. Для духовной опеки и поддержки консистория определила к ним священников. Лазареты в уездных городах и на железнодорожных станциях поручались местным священникам.

Число раненых росло постоянно. 28 октября 1914 года на заседании Центрального епархиального комитета после докладов и отчётов владыка Арсений предложил расширить монастырский лазарет за счёт отделения на 20 коек. Разместить их намечалось в Арсеньевском доме — в помещениях для приезжего духовенства. Содержать этот филиал было решено за счёт вещевых и денежных пожертвований школ и белого духовенства. К 15 ноября лазарет был готов к приёму раненых. Лазарет в Юрьеве оставался на содержании монастырей.

На следующий год владыка Арсений распорядился отвести под лазарет лучшее помещение в епархиальном доме — двусветный зал, в котором проходили духовные чтения. В нём разместилось 70 коек (20 перевели с верхнего этажа). Вместе с монастырским лазаретом на попечении городского духовенства стало уже 120 коек. Торжественное освящение нового лазарета состоялось 16 сентября 1915 года. По сообщению корреспондента «Новгородских епархиальных ведомостей», для раненых выделялось постельное и нательное бельё, халаты, домашние туфли. Имелся шкафик-столик и табурет. На передней стене размещалась большая икона всех Новгородских святых, а также портреты императора и владыки. Все подсобные помещения — кухня, столовая, перевязочная находились на втором этаже. Хозяйство нового лазарета вели монахини городских женских монастырей.

На освящении нового лазарета присутствовали городские и губернские власти. После молебна архиепископ, обращаясь к собравшимся, сказал: *«Затянувшаяся жестокая война со многими жертвами человеческих жизней повелительно требует от каждого сына Отечества усиленных трудов и жертв для облегчения того креста, который на полях сражений несут наши братья-воины... Я рад, что дом просвещения, названный моим именем, все более и более делается домом милосердия. Нужно ли говорить, что этим не умаляется, а укрепляется и возвышается его значение, ибо милосердие есть Царица добродетелей... Будем все трудиться, будем утешать сердца страждущих словом и делом, будем любовью облегчать их болезни и скорби, чтобы они с любовью вспоминали открываемый нами расширенный епархиальный лазарет».*

Пока не удалось обнаружить сведений о жизни других лазаретов в городе, но в епархиальном в скором времени началась духовно-просветительская жизнь, и речь идёт не только о посещении раненых священниками, о проведении богослужений — это происходило везде. Здесь же прихожане-волонтёры и преподаватели духовного училища стали обучать недавних крестьян грамоте, основным действиям арифметики, проводить чтения произведений классиков русской литературы. Услышали раненые и хорошую музыку, которую исполняли дочери священников на фисгармонии, подаренной владыкой.

Существенную помощь вдовам и сиротам различными средствами оказывала Церковь и верующие новгородцы. Во всех приходах проводились сборы, принимались добровольные пожертвования. Уже в августе 1914 года в недавно созданный Епархиальный комитет поступила значительная сумма, которая пошла на устройство и содержание лазарета при Юрьеве монастыре. В начале сентября в этот же комитет было сдано 6179 аршин холста, из которого за несколько дней монахини городских монастырей пошили 222 рубашки, 236 кальсон, портянок 960 пар, 55 простынь, 119 наволочек.

Сохранились данные о поступлениях в Центральный епархиальный комитет за пять месяцев 1914 года: рубашек — 4571, кальсон — 4577, носков — 1686 пар, шарфов — 140, полотенец — 10 824, портянок — 1313 пар, простыней — 449, наволочек — 626, холста — 5825 аршин, ниток — 1 080 мотков, кисетов с табаком — 3457, валенок — 55 пар, корпии 1 пуд 37 фунтов и многое другое, необходимое в солдатской жизни.

10 января 1915 года на склад Красного Креста в Царском Селе было отправлено 40 тюков с материалами и 9 ящиков, в которых упаковано 1880 кисетов, 38 фунтов табаку, 10 пачек спичек, 1 пуд сахара. В тюках находилось 760 рубашек и кальсон, 1390 полотенец, 430 пар портянок, 1180 пар тёплых носков, 330 варежек, 250 наволочек и столько же простыней, 155 ватных жилетов, 9 шлемов, 140 носовых и 100 головных платков, 30 пар наколенников. На 1 марта 1915 года в кассе Комитета имелось 15 785 рублей 50 копеек.

Приведённые выше цифры говорят о существенном вкладе новгородцев в снабжение армии, содержание раненных солдат. Следует учесть, что это данные только по линии епархии. Сбор же средств и пожертвований проводили и другие организации.

По благодарственным письмам и телеграммам можно определить, что основными получателями новгородских даров были «родные» полки, которые квартировали до войны в Новгороде: 88-й пехотный Петровский полк, 85-й пехотный Выборгский полк, 22-я артиллерийская дивизия. Один из транспортов, отправлявшийся на передовые позиции, сопровождал наблюдатель от комитета священник Михаил Войк.

Помимо материальной поддержки, о которой говорилось выше, следует сказать и о духовной опеке, которая оказывалась до конца 1916 года. В чём выражалась эта опека? В постоянной связи правящего архиерея с командирами полков и дивизии. На Рождество и Пасху из Новгорода отправлялись праздничные подарки вместе с поздравлениями и благопожеланиями владыки. Они зачитывались солдатам, а командиры слали ответы архипастырю. Эти письма публиковались в «Новгородских епархиальных ведомостях», сближая новгородцев с воинами на фронте.

Дальнейшие события прервали установившийся порядок. Военные неудачи, экономические трудности, революционная стихия – всё это отодвинуло войну на второй план, а потом превратило её в гражданскую. В период революционной анархии погибли многие документы за 1914–1917 годы, поскольку они ещё не были сформированы и переданы в архив. Уцелели печатные публикации, которые стали ценным источником информации.

И.В. Хохлов

НОВГОРОДСКИЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПОЛКОВНИКА КУПА

Эпизоды из жизни военнопленных русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Новгороде

12 апреля 1877 г.[1] началась очередная русско-турецкая война. Вместе с одержанными русской армией победами появились и взятые в плен неприятельские военнослужащие, одним из мест содержания которых стала Новгородская губерния. Правила их содержания регламентировались «Временным положением о военнопленных Восточной 1877 года войны», утверждённым императором 2 июля 1877 г. В соответствии с ним, взятые в плен неприятельские военнослужащие сосредотачивались сначала в «определенных местах» на театре войны, а оттуда распределялись на сборные пункты в тылу армий в Кишинёве и Ростове-на-Дону для дальнейшего отправления «во внутрь Империи». Здесь они разбивались на команды, каждая из которых содержалась при одной из частей местных войск. При этом начальники этих частей были обязаны *«строго смотреть за тем, чтобы пленным не было причиняемо обид и притеснений и чтобы положенное им довольствие доходило до них полностью и в надлежащем виде»*. Кроме того, запрещалось стеснять пленных в исполнении обрядов богослужения, если только это не угрожало сохранению порядка среди них.

Партии пленных разбивались на взводы, полуроты, роты, а в случае необходимости и на более крупные подразделения, заведовали которыми офицеры или унтер-офицеры из состава частей местных войск. Размещались пленные в свободных казармах или, при недостатке последних, в частных зданиях, но непременно казарменным порядком. Пленным офицерам разрешалось жить на частных квартирах, при условии, что они дадут честное слово не удаляться за пределы обозначенного им района. Военнопленных нижних чинов разрешалось использовать на государственных, общественных и частных работах. При этом часть заработанных денег выдавалась им на руки сразу, остальные — при освобождении из плена, за вычетом суммы, потраченной на их содержание. Особо оговаривалось, что *«военнопленные не могут быть употребляемы на такие работы, которые были бы унизительны для их воинского звания и общественного положения, занимаемого ими в своей стране, и которые имеют прямое отношение к военным действиям, предпринятым против их отечества и его союзников»*. Надзор за содержанием пленных возлагался на губернских воинских начальников и штабы военных округов.

Довольствие военнопленные нижние чины получали наравне с нижними чинами частей местных войск, при которых они содержались, при этом рекомендовалось по возможности снабжать их теми продуктами, которыми они питались на родине. По прибытии в место содержания внутри империи каждый пленный получал две рубахи, двое исподних брюк, две пары сапог, галстук, суконные тёмно-зелёные шаровары без выпушек, куртку «по образцу суконных камзолов», шинель солдатского покроя, но без погон и клапанов, шапку чёрного или тёмно-зелёного сукна без кантов и кокарды. В зимнее и холодное время им также выдавался полушубок и суконные рукавицы. Пашам (генералам) и офицерам вместо натурального довольствия полагалось денежное содержание: пашам — 1017 рублей, штаб-офицерам — 441 рубль, а обер-офицерам — 276 рублей в год[2].

В Новгородской губернии подготовка к приёму партий военнопленных началась в конце лета 1877 г. 12 августа губернатор сообщил новгородскому городскому голове о скором прибытии в город 600 военнопленных[3], а 9 сентября по просьбе новгородского губернского воинского начальника запросил сведения о том, *«какие государственные, общественные и частные работы могли бы быть предоставлены в Новгороде пленным, на каких условиях, какое число людей могло бы ими быть занято и в продолжении какого времени»*[4]. Отвечая на этот запрос, городской голова писал: *«Можно бы было указать на работы для пленных турок по углублению Федоровского ручья, но так как по постановлению Городской думы, состоявшемуся 21 июля сего года, возбуждено пред правительством ходатайство об отнесении этих работ к разряду потребностей государственных, с обращением расходов на процентный сбор, взимаемый с грузовых судов на улучшение судоходных путей в Империи и с ассигнованием от города на этот предмет семи тысяч рублей, то распоряжение об означенных работах зависит от ведомства путей сообщения. Затем, как для благоустройства города, так и в санитарном отношении было бы небесполезно производство в городском саду около Кремля очистку канала, с отнесением расхода на эти работы на городские средства. Имея однако же в виду, что на очистку в саду канала может потребоваться довольно значительный расход, превышающий средства городского бюджета, то я с своей стороны полагал бы возможным допустить эту работу в таком только случае, если правительство разрешит городу платить в казну за эти работы по 500 руб. каждогодно,*

впредь до погашения долга. Что же касается до размера поденной платы пленным туркам за работы по очистке канала в городском саду, то таковая в настоящие осенние месяцы не должна превышать пятнадцати копеек в сутки на каждого человека, так как число рабочих часов с каждым днем будет сокращаться. Числа людей, которое может быть занято означенными работами, и продолжения времени работ определить не представляется возможным, так как время прибытия пленных неизвестно и сметного исчисления работ не составлено»[5].

Губернатора такой ответ не удовлетворил, так как, несмотря на указание, не заключал *«соображений о работах по устройству сквера вокруг памятника тысячелетия России»*[6]. Однако, по мнению городского головы, для разбивки сквера у памятника *«потребны занятия специального деятеля (садовника), рабочие же силы при этом нужны в размерах очень незначительных»*. К тому же, для посадки растений *«время уже проходит»*. Очистка же канала была им предложена *«в том внимании, чтобы занять их каким-нибудь трудом и с тем вместе сделать в некоторой мере воспособление средствам государственного казначейства в содержании пленных»*[7].

В преддверии прибытия пленных Департамент полиции исполнительной отношением от 12 сентября № 2741 и циркуляром от 16 сентября № 111 уведомил губернатора: первым — о том, что в Новгороде будет водворено 600 человек турецких военнопленных, вторым — о правилах привлечения военнопленных к работам (§ 39 и 40 «Временного положения о военнопленных Восточной 1877 года войны»). Чтобы занять работой военнопленных, которых во всей империи в то время насчитывалось 9000, и облегчить государству бремя их содержания, Военное министерство просило рекомендовать частным лицам нанимать их на работы через уездных воинских начальников, а также по возможности привлекать к работам, производимым за счёт казны по ведомству Министерства внутренних дел.

Идя навстречу пожеланию Военного министерства, Строительное отделение Новгородского губернского правления согласно резолюции, утверждённой губернатором 9 октября, ставило в известность об этом новгородское городское и все уездные полицейские управления, городские, посадские и земские управы, полицейские управления, управления Новгородской, Боровичской и Николаевской железных дорог, а также начальников III округа и дистанции Ведомства путей сообщения, предписывая по прибытии в Новгородскую губернию военнопленных нижних чинов приглашать их на работы через уездных воинских начальников. «Прочим местам и лицам» было рекомендовано поступать также[8].

Между тем, первые партии пленных начали прибывать в Новгород лишь в ноябре. 4 ноября из Кишинёва в Новгород были отправлены «на водворение» один паша, 37 офицеров и 592 нижних чина[9]. 11 ноября губернатор сообщил городскому голове о том, что в Новгород назначена партия пленных турок, состоящая из 20 офицеров и 426 нижних чинов, прибытие которой ожидалось 12 ноября[10].

17 ноября в городе уже находилось 300 военнопленных турок, и уездный воинский начальник просил устроить на работы хотя бы часть из них, так как отпускаемых казной на их содержание средств было недостаточно[11]. 30 ноября губернское правление просило городскую управу *«по получении от правительства разрешения на очистку Федоровского ручья на счет казны при пособии от городского общества и ручья вокруг крепостной стены г. Новгорода сделать неотлагательное распоряжение о найме на эти работы согласно сообщения от 15-го минувшего октября прибывших в г. Новгород военнопленных турецких нижних чинов чрез посредство уездного воинского начальника»*[12].

Для воплощения в жизнь указаний министра внутренних дел о занятии работами военнопленных 7 декабря 1877 г. в Новгороде была образована комиссия под председательством вице-губернатора и при участии городского головы, председателя губернской земской управы, губернского инженера и полицмейстера[13]. 12 декабря Городская дума согласилась с соображениями управы о предоставлении военнопленным работы по очистке канала в городском саду с оговоркой, что покупку инструментов следует произвести в счёт заработной платы или за счёт казны[14]. Однако ещё 9 декабря Новгородский губернский воинский начальник уведомил губернатора о том, что в ответ на соответствующий запрос государственный контролёр уведомил Главный штаб о следующем: на основании § 29 «Временного положения о военнопленных» часть заработанных ими денег (не менее половины) должна выдаваться им на руки. Поэтому ходатайство о том, чтобы город выплачивал в казну с рассрочкой по 500 рублей в год было бы равносильно отпуску более или менее долгосрочной и беспроцентной от казны ссуды, что могло бы стать поводом для возбуждения ходатайств о том же другими городами. Поэтому ходатайство это не могло быть удовлетворено[15]. По всей видимости, привлечь военнопленных к казённым работам в Новгороде в итоге так и не удалось.

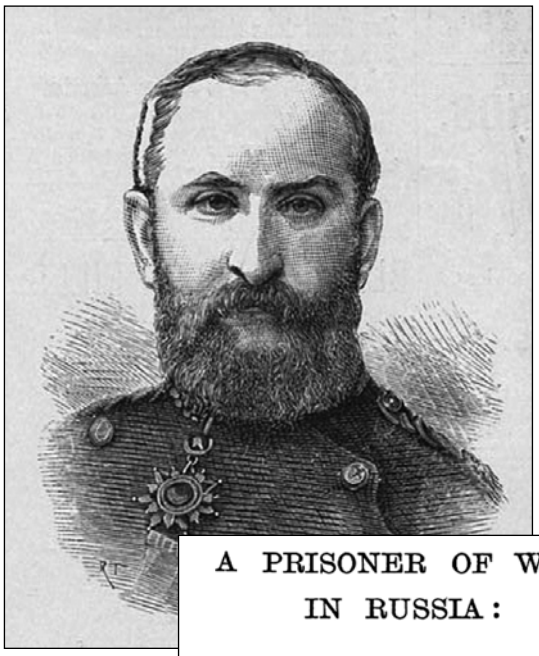
Прибывавшие в Новгород пленные нижние чины размещались в казармах в здании бывшей Парусной фабрики, а также в манеже. Обеспечение им более-менее сносных условий существования было предметом постоянных забот губернского и уездного воинских начальников. Так, 22 декабря 1877 г. Новгородский губернский воинский начальник, заметив, что у пленных турок в манеже недостаточно соломы, просил городскую управу доставить туда соломы *«еще хотя три воза»*[16]. 27 января 1878 г. по просьбе уездного воинского начальника в манеж были доставлены 195 пудов соломы[17]. Уделялось внимание и питанию военнопленных. В частности, в Новгородской губернии отмечалось, что *«щей из капусты турки не жалуют, но с ржаным хлебом свыклись. Варится для них суп из разных круп с говядиной и с сильной примесью муки и перца»*[18]. И всё же, условия содержания военнопленных нижних чинов были тяжёлыми. Ситуация усугублялась непривычными для турок зимними холодами и распространившимся среди них тифом.

Партии пленных продолжали прибывать в Новгородскую губернию и в 1878 г. Так, 11 февраля прибыло 600 человек[19], 19 февраля — 83 штаб- и обер-офицера и 402 нижних чина[20], 24 марта — 400 человек[21], 16 апреля — ещё 122[22]. Кроме Новгорода, пленные прибывали и в другие населённые пункты губернии — 15 декабря 1877 г. из Ростова-на-Дону были отправлены 29 офицеров и 476 нижних чинов в Старую Руссу. Другие партии пленных (более 700 человек) должны были отправиться в село Медведь и Бронницу[23].

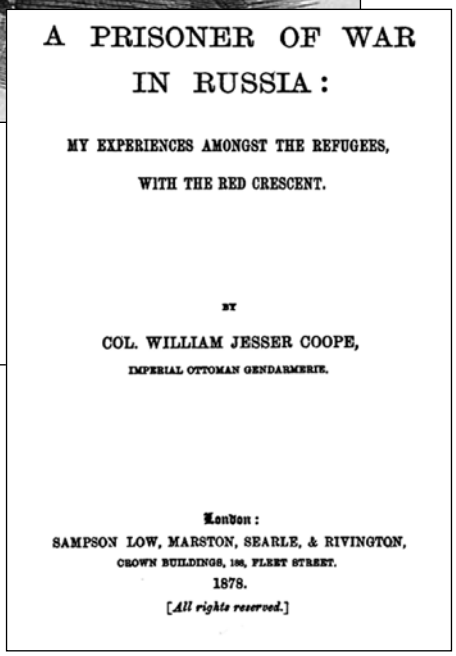
19 февраля 1878 г. был заключён Сан-Стефанский

мирный договор между Россией и Османской империей, по условиям которого все военнопленные подлежали освобождению. Этот процесс растянулся на месяцы. Ещё 20 августа ожидалось прибытие из Аракчеевских казарм Новгородского уезда в Новгород 1100 турок для возвращения на родину[24].

Среди многих сотен военнопленных русско-турецкой войны 1877–1878 гг., побывавших в Новгородской губернии, выделялся один — британец Уильям Джессер Куп. Его военная карьера началась 17 февраля 1854 г., когда он получил чин прапорщика. Вскоре, 15 сентября того же года, он стал лейтенантом[25]. В составе 57-го пехотного полка во время Крымской войны лейтенант Куп принял участие в осаде и взятии Севастополя в 1855 г., в том числе в штурме Большого Редана 18 июня 1855 г. и общем штурме Севастополя 8 сентября 1855 г., а также во взятии Кинбурна. 18 июня он проявил храбрость, доставляя под сильным огнём депешу лорду Раглану, а затем сэру Джорджу Брауну. За Крымскую войну лейтенант Куп был награждён британской и турецкой медалями[26], 26 февраля 1856 г. произведён в капитаны и служил впоследствии в 7-м пешем полку (Королевских фузилёров) и 2-м (Эдмонтском) Королевском Миддлсекском полку[27].

Полковник Уильям Джессер Куп

A PRISONER OF WAR IN RUSSIA:

MY EXPERIENCES AMONGST THE REFUGEES, WITH THE RED CRESCENT.

BY

COL. WILLIAM JESSER COOPE,

IMPERIAL OTTOMAN GENDARMERIE.

London:
SAMPSON LOW, MARSTON, SEARLE, & RIVINGTON,
CROWN BUILDINGS, 188, FLEET STREET.
1878.
[*All rights reserved.*]

Титульный лист воспоминаний У.Дж. Купа

В 1877 г. капитан Куп вместе с несколькими другими британскими офицерами отправился в Турцию для того, чтобы участвовать в качестве инспектора в организации жандармерии на подвластных Османской империи территориях, получив в турецкой армии чин подполковника[28]. Однако к началу русско-турецкой войны жандармерия всё ещё не была сформирована. Стремясь найти себе какое-то занятие, подполковник Куп спустя некоторое время присоединился к госпиталю № 5 «Красного Полумесяца» и в его составе был взят в плен под Телишем[29]. Генерал И.В. Гурко, которому был представлен пленник, пообещал отпустить его, как представителя «Красного Полумесяца», к туркам в Рахово. Однако в последний момент пленник проговорился, что является подполковником и инспектором турецкой жандармерии. Вместо обещанного освобождения он едва не был расстрелян как шпион, взятый в плен в гражданской одежде и с повязкой «Красного Полумесяца», но, в конце концов, всё же был отправлен на сборный пункт для военнопленных в Кишинёв, а оттуда в декабре того же года — в Новгород.

Обстоятельства пребывания подполковника Купа в Новгороде описаны в приводимом ниже фрагменте его воспоминаний. Получивший свободу благодаря усилиям британских дипломатов, он вскоре после освобождения отбыл на родину, а затем вновь поступил на службу в турецкую жандармерию. В феврале 1880 г. ему было предписано отправиться в Эрзурум и занять там пост главного инспектора жандармерии[30]. Однако из-за отсутствия средств ввиду невыплаты трёхмесячного жалованья он отказался ехать по назначению, и 17 апреля 1880 г. был уволен турецким военным министром[31].

В последующие годы его судьба оказалась связана с Африкой. В 1891 г. он с исследовательскими и колонизаторскими целями организовал экспедицию в один из районов Юго-Восточной Африки[32]. Во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. он, по иронии судьбы, служил в администрации лагеря для военнопленных буров в Дияталаве на Цейлоне[33].

Вернувшись из России в Британию, подполковник Куп написал и издал воспоминания о пребывании в русском плену. Ниже публикуется их фрагмент, посвящённый времени, проведённому им в Новгороде.

Уильям Джессер Куп

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННОГО В РОССИИ

...В Чудово я покинул Московско-Петербургскую линию, чтобы пересесть на ветку, ведущую в Новгород, куда и прибыл в семь часов пополудни 18 декабря. На станции я был встречен обер-офицером, доставившим меня в гостиницу. Там я впервые с тех пор, как 15 октября покинул Софию, спал в кровати. До того я всегда ложился в одежде, даже во время моей болезни, имея в качестве дополнительной постельной принадлежности лишь мой болгарский плащ.

Я нашёл Новгород полным турецких пленных, которым, однако, было разрешено свободно перемещаться по городу. Венгерский военный врач доктор Финкельштейн, взятый в плен в Горном Дубняке[34], и его аптекарь жили в той же гостинице. Ахмед Хефзи-паша[35] и полковник Изет-бей занимали меблированный дом в городе. Офицеры рангом пониже занимали другой дом. Русский обер-офицер сказал, что он зайдёт завтра с бумагой — обещанием

не участвовать в военных действиях, и когда я подпишу её, часовой, поставленный у двери моей комнаты по приказу генерала[36], будет убран, и я буду свободен. С учётом этого, я договорился с хозяйкой, одной вдовой-полькой, о том, что поселюсь и буду столоваться у неё. Однако пришедший на следующий день, 19-го, обер-офицер после подписания мной бумаги сказал, что у него очень плохие новости. Вместо освобождения я должен был отправиться жить в дом вместе с младшими турецкими офицерами и ко мне должен был быть постоянно приставлен часовой. Он не мог понять, почему ко мне отнеслись иначе, чем к другим. Я должен был перебраться на следующий день. Назавтра он пришёл снова и сказал, что мне не нашлось комнаты в доме с турецкими офицерами, которых и так уже было по пятеро в комнате. Поначалу это меня не расстроило, поскольку эти люди происходили из тех же слоёв, что и рядовые солдаты и были очень нечистоплотны в своих манерах. Но я был настолько же изумлён, как и возмущён, когда он сообщил мне, что вместо этого я должен отправиться в казармы, где были собраны турецкие рядовые солдаты. Нужно помнить, что в русских казармах нет офицерских квартир, эти господа живут в съёмных комнатах.

Ахмед Хефзи-паша предложил свои услуги и выразил готовность предоставить мне комнату в своём доме, но генерал не позволил мне принять это любезное предложение. Мой опыт русского двуличия теперь, по крайней мере, обогатился. Это был уже третий раз, когда я получал обещание от русских и был обманут. Впервые это случилось, когда генерал Гурко[37] сказал мне, что я буду отправлен в Рахово и там получу свободу. Во второй раз, когда генерал Шумлянский[38] обещал доктору Бернштейну[39], что мне будет дозволено останавливаться в любом месте по пути из Кишинёва в Новгород, когда я почувствую усталость, и, тем не менее, дал строгий приказ отвечающему за меня жандарму везти меня прямо в Новгород без остановок где бы то ни было. После этого у меня возникло ощущение, что когда русский пообещает мне что-то, он сделает прямо противоположное тому, что обещал. Судьба моих писем подтвердила это, ибо, хотя я и взял их к коменданту незапечатанными и получил его уверения в том, что они будут отправлены, лишь одно письмо из семи когда-либо достигло моей жены. Точно так же, после моего прибытия в Санкт-Петербург, я обнаружил, что моё письмо лорду О. Лофтусу[40] не дошло до него, пока тот не начал наводить справки о нём спустя месяц, после получения касающегося меня доклада мистера Лесли (консула в Москве). В действительности благодаря этому почти случайному сообщению мистера Лесли моя жена и британское Министерство иностранных дел впервые смогли узнать о моём местонахождении. Если бы этого не случилось, или если бы не представилась другая возможность непосредственного общения с нашим послом, я был бы обречён оставаться в России до окончания войны, предоставив моему организму выказывать достаточную силу, чтобы нести меня сквозь лишения, столь беспричинно выпавшие на мою долю.

Страдая от возобновившейся болезни, я позвал медика в некоторой надежде, признаюсь, что его отчёт о моём действительном состоянии спасёт меня от казармы. Этот господин пришёл к генералу и прямо сказал ему, что моё здоровье не выдержит грубого обращения. Господа из города, видя моё несчастное положение, также пришли и выразили свой протест генералу. Я сам нанёс ему визит в сопровождении обер-офицера, но единственный ответ, который я получил, заключался в том, что от властей из Санкт-Петербурга было получено особое распоряжение насчёт меня, и что ко мне должны были относиться с предельной серьёзностью. Таким образом, я должен был отправиться в казармы. Там я был помещён в тёмное казарменное помещение, занятое ста пятьюдесятью турецкими солдатами, спящими на досках в самой ужасной грязи. Когда открылась дверь, запах из этой комнаты словно оглушил меня. В России с наступлением зимы ставится второе окно позади внешнего и герметично запечатывается; это сохраняет тепло, но препятствует вентиляции. Угол этого помещения был отгорожен для русских солдат, которые отвечали за этих сто пятьдесят турок. Среди них мне был постелен тюфяк с сеном. Мне, однако, было разрешено выходить ежедневно на два часа, чтобы питаться. После нескольких дней такого я нашёл себя становящимся всё слабее и слабее и начал думать, что конец моего плена не за горами. В это время русский обер-офицер зашёл повидать меня и сразу заявил, что я умру, если останусь там. Он посоветовал мне тотчас отправиться в госпиталь. Он был совершенно уверен, что если я обращусь к генералу, который придёт в казармы во второй половине дня, тот разрешит мне сделать это. Я спросил его, разрешено ли мне будет тогда покидать больницу как сейчас, чтобы поесть. Он ответил: *«нет»*. Я должен был оказаться в строгом заключении. Тогда я ответил ему, что риску заразиться тифом предпочитаю пусть даже и два часа на открытом воздухе ежедневно; что без сомнения моё уже подорванное здоровье будет полностью сломлено в строгом заключении. Тогда он, чтобы убедить меня пойти, сказал: *«Это место пропитано тифом. Офицер, чьей обязанностью было посещать этих пленных, был сегодня похоронен, умерев от тифа, которым он заразился в этом самом помещении»*.

Видя, что я всё ещё непреклонен, он сказал: *«Хорошо, я должен сказать вам правду. У нас есть приказ из Санкт-Петербурга держать вас в строгом заключении, и вам предстоит провести в этой дыре все ваше время»*. Это убедило меня, так что я попросил генерала разрешить мне отправиться в госпиталь. Он, как показалось, ухватился за мою просьбу, и я был переведён на следующее утро, 28 декабря, в госпиталь, где и был помещён в тифозную палату, имея турецкого офицера с этим недугом в двух кроватях от себя.

Тем временем, однако, помощь была близка. Лорд Огастес Лофтус уже оказывал давление на имперские власти, чтобы те разрешили секретарю посольства повидаться со мной. Письмо мистера Лесли и одно из моих собственных, которое я изыскал способ напрямую доставить моей жене, дало ей знать о моём состоянии. Она тотчас обратилась в британское Министерство иностранных дел, и граф Дерби[41] незамедлительно телеграфировал лорду Огастесу Лофтусу, чтобы тот разобрался в этом вопросе. В соответствии с этим 31 декабря прибыл мистер Эдвин Эгертон[42], первый секретарь посольства. Едва он успел сказать «как поживаете?», как вошёл офицер и поторопил его отправиться в дом генерала. Как только исчезла его спина, тот самый обер-офицер, который советовал мне отправиться в госпиталь, был доставлен и положен в следующую за моей кровать, опасно больной тифозной лихорадкой. К вечеру я был отправлен в генеральский дом, где

обнаружил его жену, которую видел ранее (она выступила в роли переводчика для мужа, который, странно сказать, не говорил по-французски), и другую леди, говорившую по-английски.

Через несколько минут появился мистер Эгертон, и мы заговорили друг с другом по-английски, но громко, а незнакомая леди переводила то, что мы говорили, генералу, делавшему замечания по ходу беседы. Я рассказал мистеру Эгертону, не щадя генеральского слуха, о скверном обращении, которому я подвергся. Он сказал, что надеется в течение недели добиться для меня полной свободы и что в любом случае он будет просить, чтобы моё положение как военнопленного было улучшено.

И действительно, на следующий день мне было разрешено перебраться в дом Ахмед Хефзи-паши. В то утро русский младший офицер разбудил меня до зари, попросив поменяться с ним кроватями. Я тотчас встал и отдал ему мою, раздумывая, однако, как бы не угодить в ту, которую занимал он. Поэтому я ждал почти до рассвета, когда мне было разрешено скинуть моё госпитальное одеяние и отправиться в дом паши. Я нашёл его всё таким же бодрым. Он не мог сделать много для меня. Я провёл два относительно счастливых дня с ним и Иззет-беем. Оба они были ярко выраженными джентльменами. Последний был профессором турецкого языка в Венском университете, хорошо говорил по-немецки и сносно по-французски. Ахмед Хефзи-паша также говорил по-французски.

В ночь на 4 января 1878 г. в десять часов, когда я был уже в постели, генерал вошёл в мою комнату у паши и, схватив меня за руку, повторил урок, который, вероятно, его жена преподала ему на французском и который заключался в словах: *«Полковник, наш великодушный император освободил вас!»*.

Тотчас он убрал часового от моей двери, и я продолжил, воспрянув духом, читать последний новый роман мисс Браддон[43], который леди Огастес Лофтус с любезной заботой прислала мне через мистера Эгертона в посылке с книгами и номерами газеты «Таймс».

На следующее утро, 5 января, я получил следующую телеграмму от лорда Огастеса Лофтуса: *«Я счастлив сообщить вам, что этим утром император приказал освободить вас»*.

Венгерский врач также был освобождён. Итак, после выражения благодарности нескольким добрым друзьям, проявившим по отношению к нам симпатию, и отправки телеграмм нашим жёнам, мы взяли билеты на идущий в 11 часов пополудни в Санкт-Петербург поезд.

На станции я слышал, что 160 турецких солдат отправлялись в тот день в Старую Руссу, расположенную в 100 верстах, при температуре в двадцать градусов ниже нуля по Реомюру[44], полуголые и зачастую без обуви или чулок. Половина из них должна была обморозиться. Такая бессмысленная жестокость вызывала сильное возмущение, даже среди русских, особенно со стороны некоторых русских леди.

Среди тех, к кому я отправился проститься перед отбытием из Новгорода, был джентльмен, хорошо известный как истинно добросердечный человек, друг всем в несчастье. Я застал его завтракающим с двумя польскими политическими заключёнными. Один из них провёл четырнадцать лет ссылки в Сибири, помимо ещё восьми. Мне рассказали историю первого, чьё необыкновенно белое лицо выглядело так, словно его покрыли белилами, и его рассказ объяснял его внешность.

Во время польского восстания 1863 г. он был молодым восемнадцатилетним, подающим надежды художником. Горя патриотическим энтузиазмом, он присоединился к повстанцам. Он сразу проявил себя, напав на русскую охрану места, где содержались в заточении 300 его соотечественников, и тем самым освободив их. Позднее он сам попал в плен. Поскольку он был евреем, судивший его генерал обратился к нему со словами: *«Я могу понять польских дворян, присоединяющихся к восстанию, но какое право имеет грязный, невоспитанный еврей, как ты, восставать против нас?»*

От этих слов кровь молодого художника вскипела, и, сделав шаг вперёд, он хорошо направленным ударом повалил генерала наземь. За это он был приговорён к смерти. Чёрный список, в который было занесено его имя вместе с несколькими другими, был отправлен на согласование великому князю Константину[45]. Напротив всех остальных имён в этом списке была указана вина, напротив же имени художника было пусто.

«Что сделал этот бедняга?» — спросил великий князь.

Некоторое время он не мог получить чёткого ответа, но заинтригованный этой тайной, настаивал, чтобы ему сообщили, в каком преступлении обвиняли художника. В конце концов, ему сообщили, после чего он сказал: *«О, и это всё? У нас много генералов, которых следовало бы сбить с ног. Я меняю приговор на поселение в Сибири»*.

Таким образом, он был сослан в Сибирь, и на протяжении шести лет не снимал кандалы, будучи прикованным ночью к служившим ему кроватью деревянным козлам. Через четырнадцать лет хорошего поведения он получил, наконец, помилование. Это означало, что он может провести остаток жизни политическим заключённым в Новгороде, ежедневно отмечаясь в полиции, под чьим рысьим взглядом он находился.

Он был ещё молод годами, тридцати двух лет, но выглядел стариком. Его спина была покрыта рубцами от полученных розог. Здоровье было подорвано на всю жизнь и не было никакой надежды, что он снова сможет трудиться. Его друзья в Польше поддерживали его, присылая деньги. <...> Есть вещи хуже смерти, и помимо болгарских зверств есть и другие. Что должен был выстрадать этот несчастный представитель человечества, что сделало его немощным в его тридцать два года!

Я прибыл в Санкт-Петербург в восемь утра 5 января и отправился в гостиницу «Англетер», но потом отбыл в комнату в апартаментах мистера Эгертона в частной гостинице, так как тот настаивал, чтобы я стал его гостем.

Публикуется по изданию: A Prisoner of War in Russia: my experiences amongst the refugees, with the Red Crescent. By Col. William Jesser Coope, Imperial Ottoman Gendarmerie. London, 1878. P. 256-268.

Перевод и комментарии И.В. Хохлова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Даты отечественной истории приведены по старому стилю, даты, связанные с биографией У. Дж. Купа — по новому.
[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2. Т. LII. Отделение 2. СПб., 1879. С. 1–7.
[3] Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 295. Л. 1.
[4] Там же. Л. 4.
[5] Там же. Л. 5–6об.
[6] Там же. Л. 7.
[7] Там же. Л. 8–8об.
[8] Там же. Л. 11.
[9] Там же. Л. 12.
[10] Там же. Л. 13.
[11] Там же. Л. 15.
[12] Там же. Л. 18–18об.
[13] Там же. Л. 20.
[14] Там же. Л. 27.
[15] Там же. Л. 33.
[16] Там же. Л. 32.
[17] ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 282. Л. 4.
[18] Познахирев В.В. Особенности продовольственного обеспечения турецких военнопленных в России (конец XVII — начало XX веков) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 262.
[19] ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 282. Л. 28.
[20] Там же. Л. 22.
[21] Там же. Л. 32.
[22] Там же. Л. 36.
[23] Там же. Л. 1–1об.
[24] Там же. Л. 68.
[25] The New Annual Army List and Militia List, for 1859. By H. G. Hart, Lieut.-Colonel, H.P. Depot Battalion. London, 1859. P. 185.
[26] The New Annual Army List, Militia List and Indian Civil Service List, for 1877. By Major General H. G. Hart. London, 1877. P. 740.
[27] Там же. P. 724.
[28] British officers organizing Turkey // The Brisbane Courier. October, 27, 1877. № 3259. P. 3.
[29] Prisoner // The Tablet. November, 10, 1877. Vol. 50. № 1961. P. 1.
[30] Шмелёва О.И. К вопросу о влиянии курдского восстания 1880 года на внешнеполитический курс Великобритании // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 4. С. 46.
[31] The Turkish Minister of War dismissed Colonel // New York Evening Express. April, 19. 1880. P. 1.
[32] A Filibustering Expedition // San Francisco Call. Volume 69. Number 110. March, 20. 1891. P. 1.
[33] Boers at Ceylon. Grateful for Kind Tratment // The Examiner. February, 23. 1901. Vol. LXI. № 47. P. 15.
[34] Имеется в виду сражение при Горном Дубняке 12 октября 1877 г.
[35] Ахмед Хефзи-паша — турецкий генерал, взятый в плен в Горном Дубняке 12 октября 1877 г.
[36] Вероятно, имеется в виду Новгородский губернский воинский начальник генерал-майор Степан Григорьевич Севастлицкий (1819–1890).
[37] Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — русский военачальник, в 1877 г. генерал-лейтенант, одержал победы над турецкими войсками под Горным Дубняком и Телишем.
[38] Шумлянский Пётр Осипович (? — не ранее 1882), генерал-майор, Бессарабский губернский воинский начальник и начальник временного военного госпиталя № 60 в г. Кишинёв.
[39] Бернштейн Натан Осипович (1836–1891) — русский врач, учёный физиолог, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заведовал палатой лазарета «Красного Креста».
[40] Лофтус, Огастес Уильям Фредерик Спенсер (1817–1904) — лорд, британский посол в России.
[41] Стэнли, Эдуард Генри, 15-й граф Дерби (1826–1893) — британский министр иностранных дел.
[42] Эгертон, Эдвин Генри (1841–1916) — британский дипломат.
[43] Браддон, Мэри Элизабет (1837–1915) — британская писательница. Вероятно, имеется в виду её роман «Joseph Haggard» или «Dead Men's Shoes» (оба вышли в 1876 г.).
[44] 25 градусов ниже нуля по Цельсию.
[45] Константин Николаевич (1827–1892) — великий князь, в 1862–1863 гг. наместник Царства Польского.

С.Ф. Витушкин

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ УСТАМИ С.С. ОЛЬДЕНБУРГА

Ольденбурги осели в Курляндии и при Петре I пришли на службу в русскую армию. По традиции все они избирали для себя военное поприще. Однако представитель очередного поколения этой ветви, Сергей Фёдорович Ольденбург (1863—1934) выбрал другую дорогу в жизни: он посвятил себя науке. Круг его научных интересов — повествовательная литература Индии, буддизм, литературные связи Запада и Востока.

Серьёзные и глубокие исследования в этом направлении позволяют называть С.Ф. Ольденбурга одним из крупнейших индологов своего времени. В 1930 г. он возглавил Институт Востоковедения АН СССР.

В 1912 г. С.Ф. Ольденбург стал членом Государственного совета, в июне 1917 г. — министром просвещения в очередном составе Временного Правительства. Однако действительно серьёзную работу в масштабах страны Ольденбург проделал, находясь на посту непременного секретаря Академии Наук (1904—1929). Его вклад в развитие российской (затем советской) науки и образования в первой трети XX в. трудно переоценить.

Сын Сергея Фёдоровича, русский историк и публицист, журналист, профессор истории Сергей Сергеевич Ольденбург был чиновником Министерства финансов России. В отличие от отца, придерживавшегося либеральных политических взглядов, Сергей Сергеевич с молодых лет был сторонником правых взглядов, поддерживал партию «Союз 17 октября», симпатизировал председателю Совета министров П.А. Столыпину.

В эмиграции С.С. Ольденбург был политическим соратником П.Б. Струве, одним из ведущих авторов правых эмигрантских изданий, членом Парижского Союза освобождения и Воссоздания Родины. Высший монархический совет поручил Сергею Сергеевичу Ольденбургу написать историю царствования императора Николая II, которая была опубликована в 1939 (том 1) и 1949 (том 2)* годах.

Написанный им труд носит апологетический характер. Автор считает, что революция прервала успешное поступательное экономическое развитие России: *«...на двадцатом году царствования императора Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспеяния»*.

С.С. Ольденбург смог выполнить такое научное исследование, имея доступ к уникальным документам: копиям подлинных исторических актов Российской империи в Российском посольстве в Париже на улице Гренель, дубликаты оригиналов которых в целях предосторожности, ещё задолго до Первой мировой войны, стали посылаться на хранение в русское посольство в Париже. Безусловно, история Первой мировой войны в изложении автора несёт отпечаток его личности, его воззрений, жизненного опыта, представляет собой срез представлений об идеальном обществе верхнего слоя российского общества того времени.

Предлагаем вниманию читателей изложение одной из глав издания «Царствование императора Николая II» — «Мировая война (1914—1917 гг.)».

15/28 июня 1914 года в Сараеве, столице Боснии, был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. В эти тревожные дни 28 июня в кабинете австрийского посланника в Белграде скоропостижно скончался русский посланник А.А. Гартвиг. В Петербурге надеялись, что Германия окажет на Австрию умиряющее влияние.

Между тем к началу июля в России «злобой дня» стали забастовки, принявшие угрожающие размеры.

Утром 11 июля министерство иностранных дел получило телеграмму из Белграда: накануне вечером австрийский посланник Гиэль вручил сербскому правительству ультиматум с требованиями, явно неприемлемыми для независимого государства. Негласный совет России Сербии был таким — не оказывать сопротивления, чтобы не обострять конфликта. Официальное заявление гласило: *«Правительство зорко следит за развитием австрийско-сербского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной»*. Издавна Россия считала себя преемницей Византии и покровительницей остальных славянских народов. После того, как Австрия зашла так далеко, а Россия заявила, что есть вещи, на которые она согласиться не может, — международное положении стало, в сущности, сразу безвыходным, хотя переговоры ещё продолжались несколько дней.

* Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: «Петрополь», 1991. Репринтное воспроизведение с издания: Вашингтон, 1981.

Сербия не принимала только вмешательства австро-венгерских властей в судебное следствие на её территории. Но Австрия 13 июля разорвала с Сербией дипломатические отношения, а 15-го объявила ей войну. В воскресенье 13 июля в Санкт-Петербурге состоялись уличные манифестации: толпа кричала: *«Да здравствует армия, да здравствует война!»*. Была объявлена частичная мобилизация (в четырёх военных округах). Вечером 17-го Государь согласился на всеобщую мобилизацию. В ночь с 18-го на 19-е германский посол Пурталес явился к министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову и предъявил ультимативное требование — немедленно приостановить мобилизацию. Оно было

явно невыполнимым. 19-го июля (1 августа) в 7 часов 10 минут вечера германский посол Пурталес вручил Сазонову официальное объявление войны.

21-го Германия объявила войну Франции. В ночь с 22 на 23 Англия объявила войну Германии. Италия, Румыния и Швеция, вопреки ожиданиям Германии, не оказали ей поддержки.

Период мобилизации и развёртывания армий продолжался недели две: первые вести о боях пришли с Западного фронта. Из Франции настаивали на том, чтобы главные операции русской армии были направлены не против Австрии, а против Германии. Немцы держались на Восточном фронте оборонительной тактики и заняли только несколько незащищённых городов в западной части польского выступа (Калиш, Ченстохов). В австрийских войсках имелись польские добровольческие части в особой форме, во главе которых стал испытанный революционер Иосиф Пилсудский. Польше Россия пообещала воссоединение и самоуправление. Державы Согласия обещали полякам больше, чем их противница. Все прочие народности Империи в минуту испытания оказались лояльными. Исключение составляла Финляндия, где недавние законы об общеимператорском законодательстве оставили в населении затаённую обиду. Несколько тысяч молодых людей окольными путями бежали за границу и составили добровольческие «егерские» батальоны в рядах германской армии.

4 августа начались первые боевые столкновения на Восточном фронте. К этому времени определилась неудача французского наступления в Эльзасе и Лотарингии. Французский посол Палеолог, в личной аудиенции у Государя, настоятельно просил о скорейшем оказании помощи своему государству.

В действующую армию России входило около трёх с половиной миллионов воинов. Всё это количество могло быть сосредоточено на театре военных действий не раньше, чем через два месяца с начала мобилизации.

Английское посольство также просило через Сазонова о высылке 3-4 русских корпусов на Западный фронт и обещало доставить для этого в Архангельск потребное количество судов.

Всё это заставило русское командование отойти от «требований благоразумия» и предпринять ускоренное наступление против сильно укреплённого района Восточной Пруссии.

Вначале немцы стали отступать. Однако вскоре армия генерала Самсонова попала в кольцо. Она была разгромлена, её командующий покончил с собой, десятки тысяч русских были взяты в плен. После этого немцы заставили отойти к границе армию генерала Ренненкампфа.

Это, конечно, помогло Западному фронту, с которого немцами были переброшены два корпуса и четыре задержаны в пути.

Вскоре союзники подписали договор о незаключении сепаратного мира.

На австрийском фронте русские войска заняли 21 августа Львов, столицу Восточной Галиции, и древний русский город Галич, осадили Перемышль.

Во Франции создавалась застывшая укреплённая линия фронта. После боёв у Варшавы (1–7 октября) русская армия подошла к Кракову, проникла в провинцию Познань. В начале ноября последовал со стороны

Германии контрудар, немцы прорвали фронт, но оказались окружёнными. Дивизии генерала Макензена вырвались из кольца под Бжезинами.

К концу ноября маневренная война закончилась, установился сплошной фронт — от Балтийского моря до Румынии; и, вместе с тем, стало ясно, что близкого конца войны ожидать не приходится. Около того же времени «застыл» и на западе твёрдый фронт от Северного моря до Швейцарии.

Турция сначала закрыла Дарданеллы для русской торговли, а затем 16 октября начала обстреливать без всякого предупреждения Одессу и Феодосию. Русское правительство немедленно разорвало дипломатические сношения с Турцией. Открылся новый фронт.

Для сношения с внешним миром оставались только далёкий Владивосток и Архангельск.

Через несколько месяцев всё немецкое население

России оказалось взятым на подозрение. Закрылись все немецкие газеты.

Когда определилось к концу года, что война затягивается, в стране стали воскресать старые настроения. Не хватало винтовок, снарядов. Союзники считали главным фронтом Западный. Всё это сыграло немалую роль в том замедлении боевых действий, которое ощущалось на фронте с конца ноября по начало марта.

Союзный англо-французский флот пытался форсировать Дарданеллы, но неудачно. 9 марта 1915 г. сдалась крепость Перемышль. В плен к русским попало 117 тысяч солдат. В марте возбудились слухи о существовании шпионов. В начале апреля русские войска заняли более двух третей Галиции и Буковины. Они овладели хребтом Карпат на значительном протяжении.

17 апреля 1915 г. произошёл взрыв большого военного завода на Охте. Вечером 18 апреля (1 мая) началось большое австро-германское наступление с применением нового приёма борьбы — «ураганного огня». Русский фронт между Вислой и Карпатами был прорван. С остатками своей дивизии попал в плен и выделявшийся своей храбростью генерал Л.Г. Корнилов.

Немцы заняли также Либаву. Их остановили на Немане, Бобре и Нареве.

В Галиции к началу мая русские отошли за линию р. Сана. В ночь на 21 мая был оставлен Перемышль. 9 июня — Львов, С Северного фронта, из Ковенской, Гродненской, Курляндской губерний внутрь страны текла волна беженцев.

Недостаток снарядов и ружей проявились особенно ярко в тот момент, когда австро-германцы перешли в наступление. Это оказало самое деморализующее действие на солдатскую массу. Начались всеобщие толки о том, что это — измена.

В Москве 27–29 мая разразились серьёзные беспорядки. Кучки народа стали обходить заводы, фабрики, магазины и частные дома, чтобы «проверять», не имеется ли там германских и австрийских подданных. Имущество таковых тут же уничтожалось. В итоге пострадало 475 торговых и промышленных предприятий, 207 квартир и домов.

По инициативе начальника штаба, генерала Н.Н. Янушкевича, было предпринято массовое выселение евреев из Галиции и из прилегающих к фронту русских областей. Вся эта масса еврейского населения, зачастую не знавшая русского языка, эвакуировалась принудительно вглубь России, где она могла служить рассадником сначала паники и эпидемий, а затем — жгучей ненависти к властям.

Русское командование способствовало массовому исходу населения на восток, причём деревни сжигались, так же как и посевы, а скот убивался на месте, лишь бы ничего не досталось врагу.

Из армии шли вести о невероятном возмущении офицерства. Был найден «козёл отпущения», уволили военного министра В.А. Сухомлинова. На очередь встал вопрос о реорганизации правительства. Фронт, везде, где германские войска производили решительный нажим, обваливался, оседал. К концу июня была потеряна Галиция, немецкие войска проникли вглубь Курляндии.

В этих условиях был объявлен созыв 19 июля 1915 г. Думы. Между Государем и обществом слагалось некое недоразумение: Государь считал нужным, для целей войны, сосредоточить власть в своих руках и управлять через людей, которым он мог, безусловно, доверять, без учёта их популярности. Общество, наоборот, сочло, что настал момент, когда оно получает возможность не только «свергать», но и «назначать» министров.

В газетах свирепствовала цензура. 22 июля была оставлена Варшава, потом Ковно. Была объявлена эвакуация Риги. Италия, вступив в войну 11 мая 1915 г., больших военных действий не предпринимала.

С распространением театра военных действий на всю западную часть России двоевластие между Ставкой и Советом Министров должно было стать совершенно непереносимым. 22 августа 1915 г. Государь принял на себя командование всеми вооружёнными силами России. Под ружьём было уже свыше 10 млн. человек. На этот момент свыше 4 млн. воинов империи были убиты, ранены, находились в плену (последних насчитывалось свыше 1,6 млн.) Фронт отодвинулся на линию Западной Двины, до пинских болот. Австро-венгерские войска, пройдя Царство Польское, проникли в пределы Волыни и оттеснили русскую армию в Галиции почти до государственной границы.

Дума и съезды земского и городского союзов приняли резолюции с требованием смены правительства. В Думе был объявлен перерыв.

Тем временем в сентябре немцы нанесли ещё один сильный удар, прорвав русскую линию около ст. Ново-Свенцяны на Варшавской железной дороге. Пришлось оставить Вильно. Вскоре клин, вбитый в русский фронт, был полностью ликвидирован. Фронт опять застыл вдоль Двины, по линии озёр, немного впереди Минска, на линии пинских болот, южнее на р. Горыни и р. Стыри. Угроза Риге, Пскову, Киеву отпадала.

Успехи подняли дух русских войск. Солдатская масса разделяла мнение Царя о том, что именно он должен был

взять на себя командование в такую трудную минуту, а офицеры *«были охотно готовы ценой отставки Великого Князя купить столь желанное для них увольнение Януковича и Данилова»*.

В 1915 г. Россия вынесла на себе главную тяжесть борьбы. К осени 1915 г. на Восточном фронте было сосредоточено 137 пехотных австро-германских дивизий и 24 кавалерийских; на Западном оставалось 85 пехотных и одна кавалерийская. На Западном фронте была предпринята всего одна сильная атака около Арраса и в Шампани. Она сыграла известную роль в прекращении германского наступления на Россию. Хотя в целом союзники мало сделали для того, чтобы оплатить за русские жертвы, принесённые ради них в 1914 г.

В стране наступило некоторое успокоение. Возникал, правда, кризис разменной монеты (выпустили марки), рост цен, недостаток сахара и мяса в столицах. Запрещение спиртных напитков привело к увеличению потребления сахара.

Болгария делает приготовления к нападению на Сербию. 23 сентября Россия прервала дипломатические отношения с Болгарией, а Германия начала наступление на Сербию. Румыния отказалась пропустить русскую армию по своей территории. Остро не хватало ружей. В течение октября и ноября Сербия, а в декабре и Черногория, были завоёваны противником. Сербскую армию доставили на о. Корфу.

Результатом противостояния в 1915 году стали застой на западе, германское продвижение на востоке, завоевание Сербии. Страны Согласия не склонны были заключать мир. Но народные массы идея мира всё больше увлекала. Возникла весьма популярная формула: «Англия и Франция решили воевать до последнего русского солдата». На Западный фронт отправили 8 тысяч солдат из России.

Срок полномочий 4-й Думы истекал через полтора года. 20 января 1916 г. был уволен И.Л. Горемыкин. Председателем Совета министров стал Б.В. Штюрмер. 4 февраля пала крепость Эрзерум. 9 февраля Государь присутствовал на открытии заседания Думы в Таврическом дворце. Влияние Распутина на Царя было вредной легендой, считает С.С. Ольденбург. Поиски виноватых привели к тому, что бывший военный министр Сухомлинов был заключён в Петропавловскую крепость. Позднее его отпустили под домашний арест. Дума заседала до 20 июня. Кстати, в её документах было предложение предоставить равноправие евреям. Но его отвергли.

Немцы начали наступление под Верденом, а русская армии — в районе оз. Нарочь и Вишневское к югу от Двинска. Австрийцы предприняли поход на Италию. По просьбе союзников русская армия опять, раньше намеченного, перешла в наступление. 22 мая генерал А.А. Брусилов прорвал фронт на Волыни и в Галиции и начал быстро продвигаться вперёд. Поход в Италию сразу прекратился. Из-под Вердена пришлось посылать войска на Восточный фронт. Союзники смогли осуществить наступление на Сомме. В ряды союзников вступила Румыния.

Усталость от войны достигла высокой точки. В русской армии было отмечено небывалое до сих пор явление, когда целый полк отказывался идти в атаку. К осени 1916 г. фронт «вычерпал» 15 млн. мужчин из страны. 2 млн. работали на военных заводах. Нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве, народные восстания в Средней Азии.

В стране ощущался товарный голод. Продовольствие припрятывали. Наступала разруха на железных дорогах. В 1916 г. удалось отвоевать широкую полосу территории на Волыни, в Галиции и Буковине. На Кавказе русская армия глубоко проникла в пределы Турции, на Анатолийское плоскогорье. Почти вся Армения была в русских руках.

Общее число пленных приближалось к 2 млн. Наконец-то возросло производство вооружения. Стало поступать оно и из-за границы.

Но Россия была больна войной. Нарастала усталость от неё. Широко обсуждались «министерство доверия» и «тёмные силы». В среде легальных политиков зрела мысль добиться отречения Государя. 1 ноября 1916 г. состоялось открытие заседания Думы. На нём будировался вопрос о якобы желающих достичь сепаратного мира.

22 ноября был взят немцами Бухарест. К концу месяца более половины Румынии находилось в руках противника.

В ночь с 16 на 17 декабря был убит в особняке князя Ф.Ф. Юсупова Распутин. Государь принял меры по наказанию виновных и приближению к себе особо доверенных лиц. Тем временем зрел заговор по отстранению его от власти, который и завершился принятием 2 марта 1917 г. его отставки. Ему предшествовали забастовки и манифестации из-за перебоев в снабжении продовольствием, отказ в поддержке Государя генералитета и политиков. *«Кругом измена, трусость и обман»*, — записал он в дневнике за этот день.

«Держа победу уже в руках, она (Россия) пала на землю заживо, как древле Ирод, пожираемая червями», написал об этом У. Черчилль.

Текст подготовлен к публикации С.Ф. Витушкиным

Т.В. Шмелёва

НОВГОРОДИКА: ЧТО ЭТО ЗА НАУКА И КТО ЕЁ ОСНОВОПОЛОЖНИК?

В журнале, отдающем большую часть своего пространства материалам о Великом Новгороде, кажется уместным и даже нужным уделить внимание размышлениям о термине *новгородика.* Размышлениям в первую очередь лингвистическим, но и не только.

Итак, термин *новгородика* хорошо известен, о чём позволяет говорить хотя бы тот факт, что Яндекс выдаёт почти десять тысяч ответов. Что же им обозначается?

С 2006 года в нашем городе проводится конференция «Новгородика», собирая большой круг учёных[1] и поддерживая термин *новгородика* в академическом научном

обороте. Тогда же областные власти организуют конкурс инновационных творческих проектов «Новгородика-1150», продолжающийся до сих пор[2]. В 2005 году Новгородская областная универсальная научная библиотека начинает оцифровку книг редкого фонда, создавая ресурс «Новгородика в электронном виде»,[3] и этот проект ещё не завершён. На сайте Библиотечного центра «Читай-город» представлена медиатека «Новгородика»[4]. Сайт «Библиотекарь.ру» включает страницу «Новгородика», где размещены научные тексты, документы, визуальные материалы[5]. Муниципальным учреждением культуры «Библионика» («Городские библиотеки») создан сайт «Новгородика для детей», включающий информацию об основных датах новгородской истории, библиографические обзоры (для взрослых) и электронные пазлы «Собери Софию» и «Собери кремль»[6].

На «Форуме Умных Людей» — самодеятельном ресурсе новгородцев — в 2009 году сформировался сайт «Новгородика. Альтернативное краеведение Новгородской области», работающий по принципу народных энциклопедий, где каждый может написать статью — серьёзную или шутливую[7]. В 2011 году газета «Звёздный порт» вела рубрику «Новгородика. Сквозь глубину веков».

Зафиксировав эти, собственно говоря, языковые факты, подтверждающие бытование термина в академической, библиотечной и медиасреде, можно поставить ряд вопросов. Почему термин активизировался в последнее десятилетие? Как он вписывается в рамки современной терминологии гуманитарной науки? Что он обозначает — коллекционирование, народное творчество, науку? Наконец, если это наука, то кого следует считать её основоположником? Попытка ответить на эти вопросы и составит содержание этой работы.

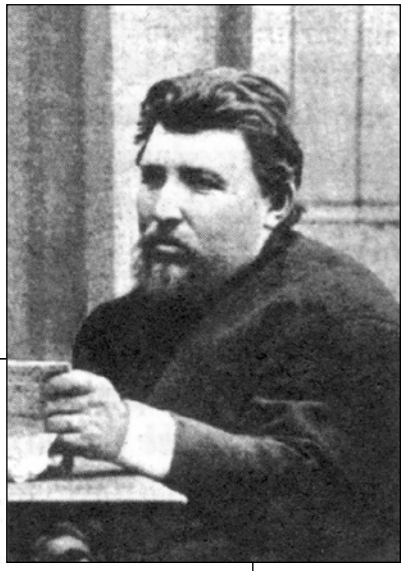
Отвечая на первый из поставленных вопросов, приходишь к выводу, что активному бытованию термина способствовали, кажется, более всего празднование 1150-летия нашего города в 2009 году и интернет. Именно в рамках подготовки к этой масштабной дате была организована и конференция «Новгородика», и одноимённый конкурс творческих работ, и фонд оцифрованных публикаций. Жизнь ряду проектов под интересующим нас именованием дал интернет, на нём же представлены и названные библиографические ресурсы.

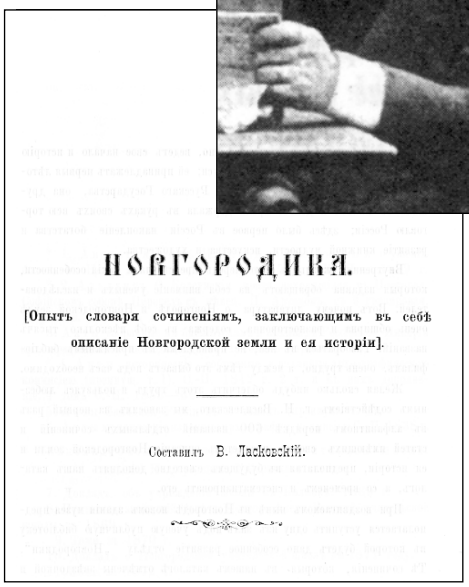

Что касается второго вопроса, то следует сказать, что, во-первых, морфемная структура слова прозрачна, понятна и вполне терминологична: одна его часть *новгород-* соотносится с названием нашего города; другая *-ик(а)*, как в словах *физ-ика*, *граммат-ика*, *техн-ика* — с «существительными, обозначающими отрасли науки, искусства, сферы занятий»[8] или с существительными собирательными *период-ика*, *конкрет-ика.* И потому его значение

легко выводится из такой структуры: новгородика — это всё, относящееся к Новгороду, или область знаний о нём, занятия формированием и распространением таких знаний.

Таково собственно языковое значение слова, которое можно вывести из его структуры. Но, как хорошо известно, реальное значение слова может быть обогащённым и иными смыслами, что обычно происходит в истории его бытования. Лингвистическое толкование практически совпадает с пониманием *новгородики*, сформулированным в информационном письме о конференции 2006 года: *«...научная концепция конференции „Новгородика" заключается в объединении усилий отечественных и зарубежных учёных в комплексном изучении Новгорода как историко-культурного феномена отечественной и мировой истории»*. Эта формулировка повторяется в упомянутой программной статье С.В. Трояновского[9] и далее уточняется в формулировке «сугубо научного плана» — *«преодоление дробности и узкой специализации в исследованиях по новгородской тематике за счёт создания „площадки" для обмена концептуальными идеями, методическими новшествами, архивными и археологическими открытиями и просто актуальными для научного сообщества нюансами исследовательской работы»*[10]. Интересно при этом, что далее, характеризуя научный контекст, в который вписывается конференция, С.В. Трояновский говорит о назревшей необходимости проведения междисциплинарных форумов, нацеленных на интеграцию и сотрудничество *«в первую очередь между историками и археологами, историками и филологами»*[11]. Таким образом, *новгородика* к моменту проведения первой конференции мыслится как комплексная историко-филологическая область знаний и исследований. С таким пониманием согласуется и название всех приведённых в начале статьи реалий — от конкурса творческих работ до альтернативных сайтов.

НОВГОРОДИКА.

[Опытъ словаря сочиненіямъ, заключающимъ въ себѣ описаніе Новгородской земли и ея исторіи].

Составилъ В. Ласковскій.

Василий Павлович Ласковский и титульный лист «Новгородики» в «Памятной книжке Новгородской губернии» на 1892 г.

Легко предположить, что в других городах России существует практика такого изучения и исследования. И действительно, хорошо известны *москвоведение* и *петербурговедение*; менее — *томсковедение* и *иркутсковедение*, *барнауловедение*, *курсковедение*. Мотивированы такие термины названиями не только городов, но регионов: *кубановедение, доноведение; ставропольеведение, сибиреведение*. Все они представлены в интернете, что не позволяет усомниться в их существовании. Правда, есть регионы, где особых терминов не образовано; там обходятся составными наименованиями типа «краеведение в...» или, как у наших соседей, «краеведение Пскова»[12]. Так обстоят дела в Архангельске, Белгороде, Омске, Чите и многих других городах. Это маленькое расследование с помощью интернета показывает, что *новгородика* — термин, с одной стороны, ожидаемый и типичный для обозначения знаний о локальных культурах, а, с другой стороны, уникальный, поскольку образован с помощью не русского форманта *–ведение*, а греческого *–ик(а)*.

В поисках объяснения этому различию обратимся к общему понятию, которое должно «обнимать» все приведённые здесь термины, включая *новгородику*. Таким общим понятием выступает традиционный термин *краеведение — «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населённых пунктов главным образом силами местного населения»*[13], предшествовавшие ему *отчизноведение*, *родиноведение*. В современной науке эту нишу занимает серия однокоренных образований *регионоведение*, *регионалистика (регионистика)* и даже *регионавтика*. К ним можно отнести и *страноведение*, которое, правда, имеет в виду чужую страну. Отношения между этими терминами небезынтересны для научного терминоведения, однако в данном случае достаточно обозначить наличие общего термина и практики изучения регионов в разных аспектах и под разными наименованиями[14].

Понятно, что все приведённые конкретные термины соотносятся с общим как «отрасли краеведения» (такие формулировки находим в Википедии). И понятно, что почти все приведённые названия конкретных краеведений образованы совсем недавно и по образцу *краеведения* с заменой общей части *крае-* конкретным именем города или региона, изучением которого занимается соответствующая «отрасль краеведения». Термин же *новгородика* родился безотносительно к краеведению и раньше его, поскольку о появлении последнего есть данные — 1914 год[15]; *новгородика* же заявила о себе гораздо раньше, правда, несколько не в том значении, которое сформулировано и культивируется в последнее десятилетие.

Как указывается в материалах первой конференции «Новгородика», впервые термин *новгородика* использован В.П. Ласковским для обозначения библиографии трудов о Новгороде, опубликованной им в «Памятной книжке Новгородской губернии» в 1892 году с подзаголовком «Опыт словаря сочинениям, заключающим в себе описание Новгородской земли и ее истории»[16]. В этом же библиографическом значении термин *новгородика* фиксируется в 2007

году в энциклопедии[17]. Поскольку с тех пор этот факт не только не оспорен, но и не подвергнут сомнению, можно уверенно утверждать, что первенство в использовании термина *новгородика* принадлежит Василию Павловичу Ласковскому, который известен даже современным читателям, имевшим возможность познакомиться с репринтным изданием его Путеводителя, вышедшего в 1910 году[18].

Но при этом, судя по материалам даже двух упомянутых статей, ему не стоит приписывать первенство в создании библиографии публикаций о Новгороде и тем более в начинании исследования истории и культуры Новгородской земли.

Если понимать *новгородику* как многозначный термин, то есть обозначающий весь комплекс знаний о Новгороде, пополнение этих знаний и их распространение, в том числе собиранием публикаций соответствующей тематики (библиография), то следует установить, кому принадлежит первенство в этих областях деятельности.

Полагаясь на уже упомянутые статьи, можно сказать, что идея собирать и публиковать библиографию принадлежит Николаю Гавриловичу Богословскому, протоирею, выпускнику Новгородской духовной семинарии, опубликовавшему в 1874 г. библиографический указатель под названием «Материалы для словаря», включавший 50 наименований работ, вышедших в 1786–1863 гг.[19]

Остаётся выяснить, кто стал начинателем в деле изучения Новгорода и публикации трудов на эту тему. Есть все снования утверждать, что первой значительной публикацией по *новгородике* (тогда ещё не получившей такое название) стали «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» Евгения (Болховитинова), изданные в 1808 году и переизданные репринтом в 2009 году[20]. Построенная как диалог, эта работа представляет собой обсуждение места Новгорода в русской истории, его масштабов в иные эпохи, его церковной жизни и других моментов. Прожив в Новгороде всего четыре года, Евгений оставил после себя множество замечательных дел, и это произведение, которое надо считать значительнейшим камнем в основании *новгородики*. Анализ этого труда и фигуры его автора — предмет особых публикаций[21], здесь же важно обратить внимание на его роль основоположника новгородики, вызывающей особое уважение новгородцев[22].

Говоря о зачинателях новгородики, иногда называют и архимандрита Макария (Миролюбова), имея в виду его фундаментальное «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях»[23]. Не подвергая сомнению значимость труда Макария, нельзя не отметить тот факт, что он опубликован в 1860 году, тогда как «Разговоры...» в самом начале века.

Итак, всем, кто причастен к новгородике, которая, как и всё краеведение, «и наука и деятельность», важно понимать, в какую традицию мы включаемся, и знать имена наших предшественников-начинателей на фоне следующей хронологии:

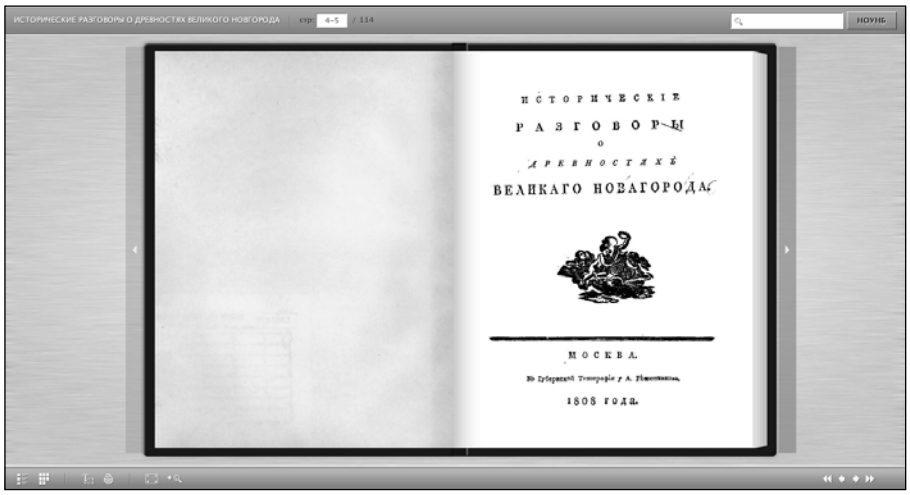
1808 — выход первого труда Евгения (Болховитинова);

1874 — публикация первой библиографии Николаем Гавриловичем Богословским;

1892 — первое использование термина *новгородика* Василием Павловичем Ласковским по отношению к библиографии.

Мы уже упустили возможность отметить 200-летие новгородики, но это не значит, что не имеют смысла рассуждения и дискуссии о составе конкретных исследований, распространении добытых знаний и включении их в педагогическую практику.

В 2014 году исполнилось 100 лет термину *краеведение*, и это хороший повод для рефлексии о новгородике. Потому как сегодня ясно, это не просто сумма усилий всех, кто себя с ней связывает. Нужны обобщающие работы и, быть может важнее, учебная литература, последовательно представляющая новгородику юным новгородцам — с первого класса до «образования взрослых». Сегодня мы располагаем рядом серьёзных работ, из которых назову уже упомянутый энциклопедический словарь, словарь новгородских диалектов[24], компендиум о Новгороде в русской литературе[25], описание монастырей в Новгороде и его окрестностях[26], массу публикаций и републикаций исторической тематики[27]. Всё это может служить новому этапу развития новгородики в XXI веке.

Книга «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» Евгения Болховитинова из фонда Новгородской областной универсальной научной библиотеки в электронной библиотеке «Новгородика в электронном виде» на сайте http://reglib.natm.ru/newsite

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Трояновский С.В. О работе организационного комитета конференции «Новгородика»: опыт и перспективы // Новгородика 2006: Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. Великий Новгород, 2007. С. 7-16.

[2] Областной конкурс инновационных творческих проектов «Новгородика» [Электронный ресурс] // Культура Новгородской области. Информационный портал. URL: http://culture.novreg.ru/oblastnoi-konkurs-innovacionnih-tvorcheskih-proektov-novgorodika.html

[3] Новгородика в электронном виде [Электронный ресурс] // Новгородская областная универсальная научная библиотека:[сайт].URL:http://www.reglib.natm.ru/newsite/index.php/resursy/novgorodika-v-elektronnom-vide?layout=blog

[4] Великий Новгород-NB. Медиатека «Новгородика». Биографический список электронных документов [Электронный ресурс] // Библиотечный центр для детей и юношества «Читай-город» : [сайт]. URL: http://chitaika53.ru/vnnb.php?id=7

[5] Новгородика. История, археология и культура Новгорода и Новгородской Земли // Библиотекарь.Ру (Библиотекарь Точка Ру) — электронная библиотека нехудожественной литературы по русской и мировой истории, искусству, культуре, прикладным наукам. Книги, периодика, графика, справочная и техническая литература для учащихся средних и высших учебных заведений: [сайт]. URL: http://www.bibliotekar.ru/novgorodika.htm

[6] Новгородика для детей : [сайт]. URL: http://www.child.biblionika.info

[7] Новгородика // Альтернативное краеведение Новгородской области : [сайт]. URL: http://www.nov.ru/wiki/Новгородика

[8] Потиха З.А. Строение русского слова : учебный словарь. М., 1981. С. 225.

[9] Трояновский С.В. Указ. соч. С. 9.

[10] Там же. С. 9-10.

[11] Там же. С. 10.

[12] См. сайт «Новости краеведения Пскова»; URL: druzhkova-news.ru

[13] Словарь исторических терминов / [сост.: В.С. Симаков; под общ. ред. д.ист.н., проф. А.П. Крюковских]. СПб, 1998. Подробнее о содержании этого понятия см.: Лихачёв Д.С. Краеведение как наука и как деятельность // Лихачёв Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 159-173; То же: [Электронный ресурс]. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/kra.htm

[14] О различии терминов краеведение и регионоведение см. в статье: Шмидт С.О. Краеведение — это всегда краелюбие // История. Приложение к газете «Первое сентября». 2004. 22 апр.; URL: http://his.1september.ru/2004/22/4.htm

[15] Краеведение. URL: www.grandars.ru/shkola/geografiya/kraevedenie.html

[16] Жервэ Н.Н. Первая «Новгородика» В.П. Ласковского и её истоки // Новгородика 2006 : материалы научно-практической конференции. Ч. 1. Великий Новгород., 2007. С. 18.

[17] Моисеев С.В. Новгородика // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 354. Со ссылкой на работу: Алейникова Н.В. «Новгородика» В.П. Ласковского и развитие краеведческой библиографии // НОЛД и краеведческие традиции : материалы научной конференции. Новгород, 1994.

[18] Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Софийская сторона. СПб., 2007.

[19] Жервэ Н.Н. Указ. соч. С. 18; Моисеев С.В. Указ. соч.; Подробнее о жизни этого замечательного деятеля культуры в Новгороде см.: Моисеев С.В. Богословский // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 97; Секретарь Л.А. Новгородская духовная семинария. Наставники и ученики. Великий Новгород, 2010. С. 71-74.

[20] Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода / сост. С.А. Коварская, Н.И. Морылева и др.; вступ. ст.: Л.А. Секретарь, А.А. Селин. Великий Новгород, 2009. 171 с.

[21] См. вступительную статью Л.А. Секретарь в репринтном издании «Разговоров...»; а также: Кошелев В.А. Евгений, посетивший Державина // Новгородский край в русской литературе / отв. ред. В.А. Кошелев. Великий Новгород, 2009. С. 229-234.

[22] Интересно отметить, что в Воронеже Евгений считается основоположником истории Воронежского края; см. напр.: Акиньшин А.Н. Судьба экземпляров болховитинского труда // Университетская площадь. 2011. № 4. С. 170-174.

[23] Жервэ Н.Н. Архимандрит Макарий // Архимандрит Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. В 2-х ч. Репринтное издание. СПб., 2003. Ч. 1. С. 655.

[24] Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. иссл. РАН; изд. подгот. А.Н. Лёвочкин и С.А. Мызников. СПб., 2010. XXVII.

[25] Новгородский край в русской литературе / отв. ред. В.А. Кошелев. Великий Новгород, 2009.

[26] Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011.

[27] См. уже названное переиздание «Разговоров...» Болховитинова, книгу Л.А. Секретарь о новгородской духовной семинарии, а также Смирнов В.Г. История Великого Новгорода. 2-е изд. М., 2007.; Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. 400 с. и многие др.

Н.Н. Вихрова

ИЗ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО

Новгородские материалы на страницах славянофильской газеты «День» (1861-1865 гг.)

Иван Сергеевич Аксаков

Московская еженедельная литературно-общественная газета «День», редактируемая старшим славянофилом Иваном Сергеевичем Аксаковым в 1861–1865 годы, представляла собой издание, в котором все материалы должны были соответствовать духу и направлению славянофильского учения. Вожди этого учения, старшие славянофилы — И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков — к началу 1860-х годов один за другим ушли из жизни, а Иван Аксаков и по общественным убеждениям, и по личным, чуть ли не семейным мотивам чувствовал необходимость *«посильно продолжить завещанное нам нашими дорогими умершими дело»*.[1]

С началом царствования Александра II в России заметно активизировалась журналистская деятельность, особенно в столицах. *«Сколько газет расплодилось в Москве, и ни одной путной!»* — восклицал И. Аксаков, намереваясь приступить к изданию своей газеты[2]. Больше полугода хлопотал Аксаков о позволении начать своё издание. Первый выпуск смог выйти только в октябре 1861 года. Формат газеты предполагал наличие следующих разделов: внутреннее и областное обозрение, общий, литературный, критический, экономический, славянский отделы, смесь. Формально не разрешено было иметь «политический отдел», однако Аксаков не был бы Аксаковым, если бы прошёл мимо самых злободневных политических вопросов современности: польский мятеж, крестьянское дело, вопросы земства и выборов, общественного воспитания и церковно-государственного взаимодействия — во внутренней жизни, славянской борьбы за освобождение от турецкого и германского владычества, противостояние России и Европы — в области внешней политики. Принципиальная позиция главного редактора по всем этим вопросам иногда приходила в такие столкновения с цензурой, что он вынужден был снимать передовые статьи (демонстративно оставляя название передовой на своём месте) или вообще приостанавливать издание газеты. Свою деятельность Аксаков мыслил как оппозиционную: исходя из соображения, что в послепетровское время государство окончательно отделилось от народа, славянофилы принципиально противостояли всем инициативам государства в области общественных и духовных дел. Несмотря на то, что не всё складывалось благополучно в этой издательской деятельности И. Аксакова, он явно не расценивал газету «День» как неудачную, когда писал в октябре 1865 года невесте: *«Когда я окончу „День“, я переплету себе все четыре года, — тогда, перелистывая его, ты сама увидишь, что, однако, много, много в нем было высказано нового, оригинального, меткого, умного, и что есть заслуги в этом четырехлетнем труде»*[3]. Однако ещё со времён М. Антоновича[4] в сферу интересов критиков и учёных в основном попадали передовые статьи И.С. Аксакова, а остальные материалы на их фоне продолжали оставаться «мебелью». Но по прошествии времени эти материалы становятся уже историческими артефактами, позволяющими не только разнообразить представление об утраченном, но и по-новому осмыслить некоторые значимые факты действительности.

Открывая в № 1 газеты Областной отдел, Аксаков отмечал: *«Мы намерены помещать в этом отделе не только „вести из областей“, присылаемые в редакцию, в виде писем, от наших постоянных или временных корреспондентов, но и статьи, посвященные обсуждению какого-либо областного вопроса, или вопроса всеобщей важности, но которого основание, повод, точка отправления стоят на областной почве...»*.

Среди прочих областных материалов следует обратить внимание на вести из Новгорода, бывшего в это время глухой провинцией, но оказавшегося в 1862 году в центре государственных торжеств по случаю тысячелетия России. В этих материалах со всей очевидностью обнаруживаются и частные вопросы новгородской провинции, и «вопросы всеобщей важности». Так, в рубрике *Областное обозрение* время от времени появлялись сообщения из Новгородской губернии о дворянских выборах и губернских собраниях (например, в № 2 от 12 января 1863 года говорилось: *«Из того, что делалось на выборах, мы пока можем сообщить, что Новгородские выборы были открыты речью губернатора, в которой он выразил надежду, что дворянство оправдает «еще недавно здесь, в Новгороде, выраженное самим Государем Императором милостивое доверие к первому сословию в дорогом нашем отечестве»*, а также *«что тот город и область, где*

праздновалось тысячелетие, будет примером стройного, дружного и успешного вступления в другое тысячелетие»), о решении волостных судов (в корреспонденции от 1 мая 1865 года со ссылкой на «Новгородские губернские ведомости» Аксаков обратил внимание, как на курьёз, на сообщение, что *«поставлено в обязанность волостным правлениям между прочим то, чтобы они в ведомостях своих и в донесениях именовали свои волости не названиями, народом им присвоенными, отчего могут происходить ошибки и всегда затруднение при отыскании их по спискам, но названиями, официально им присвоенными»*!), о ходе крестьянского дела (заметка в № 27 за 1862 год почтенного Поликарпа Ивановича Пузино (1781–1866), действительного статского советника, помещика Новгородской губернии; в 1860-е годы он занимал должность предводителя дворянства в Устюженском уезде, был заседателем в совестном суде и приказе общественного призрения, председателем Новгородской палаты гражданского суда, членом Новгородского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян).

Вместе с тем новгородская тематика на страницах газеты «День» служила основанием для поднятия вопросов «всеобщей важности». Разумеется, обойти вниманием Новгород в 1862 году, когда он стал центром официального празднования тысячелетия российской государственности, — было трудно. Уже в начале этого года И. Аксаков помещает в газете стихотворение своего брата Константина *«Новгород»* (1852), в котором покорение Новгорода Москвой изображается как замысел Божий — новый завет, качественно новый этап развития русского духа: не обособление, а объединение, не вече, а собор:

...Новгород, ты целой Руси́
Уступил права,
И, избранница всей Руси́,
Поднялась Москва.
И в Москву, на вольны речи,
Всей Землей с тех пор,
Заменяя древне вече,
Собрался собор.
И Великой Руси́ дело –
Собиранье сил –
Русью Малой, Русью Белой
Бог благословил...

В 1863 году была напечатана заметка П.Н. Полевого *«Из Новгорода Великого: несколько слов о новгородских древностях»*[5]. Сын известного писателя и журналиста, автора «Истории русского народа» (1829) Н.А. Полевого, Пётр Николаевич Полевой хорошо знал Новгород, так как в течение ряда лет преподавал в Новгородском Аракчеевском кадетском корпусе, который находился под Новгородом (сейчас — п. Новоселицы Новгородского р-на)[6]. Статья высвечивала разительный контраст между готовящимся пафосным торжеством и равнодушно-унылой атмосферой древнего города, забывшего свою историю. *«Зайдите в новгородский кремль со стороны волховского моста, поверните налево и ступайте вдоль древней стены новгородской. Что вы там встретите?* — с возмущением писал П. Полевой. — *Никем не поддерживаемые, заброшенные, заглохшие развалины, полные следов древней жизни и новейшего к ним презрения. В стене прежде всего неприятно броситься вам в глаза недавно отстроенная часть ее, обращенная в соляной магазин. Взгляните на первую башню, какая попадется вам на пути, загляните потом и во все остальные: невольную грусть навеют на вас их заложенные кирпичом окна и бойницы, отвратительная вонь и нечистота внутри них, всюду, куда только вход не загражден железною решеткой, из-за которой вы можете в одной из башен рассмотреть груды бумаг и старых дел, сваленных туда, вероятно, из соседних присутственных мест. К другой башне, рядом с Покровкою, прилеплена отвратительная, полусгнившая деревянная пристройка, служащая помещением для каких-то солдат: внизу грязная казарма, а наверху опять-таки архив, только не присутственных мест, а инвалидной команды, как мне рассказал солдат-сторож. К следующей за Покровкою башне опять очень неуклюже прилажена пристройка, но уж не деревянная, а каменная, помещающая в себе лестницу к трем этажам башни. Так как она покрепче других, то начальство придумало ей и употребление поблагороднее: внизу огородило каменной оградой с караульным домом и собирается в ней „тюрьму делать“, по выражению одного из солдат, сопровождавших меня на верх башни. Все пространство кремля между присутственными местами и стеною занято какими-то жалкими огородишками, кучами всякого сора и битого кирпича, обсыпавшегося со стены; среди огородов — несколько покривившихся сараев; везде грязь, нестерпимая вонь и нечистота, все поросло и заглохло крапивой и репейником...»*. Далее Полевой рассказывает о постоянном обрушении стен кремля и о равнодушии к этому властей, да и рядовых жителей. Вот как он передаёт разговор с местным купцом. *«Никого не придавило стеной? Как у вас слышно?» — спросил я его. «А кто его знает? — отвечал старик: — В ночь упала, а кабы днем, так наделала бы дела — народу-то тут внизу немало толчется. Вот разрывать станут, так увидят. А и то правда — как им старым не валиться, когда их никто не поддерживает: всякий еще норовит, как бы привалить к ним что-нибудь потяжелее, то кирпич, то бревна для построек — ну и надо им обрушиться»*[7]. Другую, более радужную, картину видит П. Полевой в Юрьевом монастыре, но и она свидетельствует о вопиющем пренебрежении к историческому наследию уже со стороны «просвещённого» духовенства. *«А что ожидает каждого любителя русской старины в Юрьевском монастыре? Там старины словно и нет вовсе, там все ново, чисто, так хорошо отделано, поправлено, так грубо подновлено... прежде всего ужасно неприятно поразит каждого яркая подмалевка стенной живописи на соборной паперти: за спиной Юрия, изображенного налево от входа, написан Юрьевский монастырь в том виде, какой придан был ему перестройками Фотия*[8] *на счет бесчисленных вкладов Орловой*[9]*; живописец особенно тщательно занялся отделкою золотых маковок и совершенно синей воды, не позабыл даже изобразить на горизонте пароход с дымящеюся трубою! Очевидно, древние сюжеты стенной живописи внутри собора (особенно в придельных алтарях) подновлены так же грубо и ярко. „Видно, вам уж новенькое-то надоело, что вы на старое-то так засмотрелись?“ — сказал мне монах, сопровождавший меня в собор. „А тут смотреть-то, правду сказать, и не на что: ведь в этой старине ничего хорошего нет, искусства, можно сказать, никакого-с, уродливо уж очень, некрасиво...“. Когда я обращался к нему с расспросами касательно времени, к которому относились те или иные образа и вещи, он отзывался совершенным неведением; говорил, что „это,*

мол, старое, значит, смотреть на это не стоит" и тут же сводил разговор на Фотия и на Орлову, восхваляя их до небес и рассказывал, в каком бедственном положении находился монастырь до Фотия: „тогда", говорил он, „было нас в монастыре всего десятеро, а теперь около ста". Вывод, который делает Полевой после посещения Новгорода накануне государственного празднования тысячелетия государственности, неутешителен: *«Да тяжелое, грустное впечатление оставляет новгородская старина для каждого, кто ее посещает и всматривается с любовью в ее великолепные обломки. Мне не раз приходило в голову, когда я бывал в новгородском кремле, что вместо пресловутого памятника тысячелетию России едва ли не гораздо лучше было бы поддержать в целости старинные кремлевские стены и башни, живые памятники столетий, оградить их, кроме того и от начальственного произвола, и от осквернения невежд. Не будет ли смешон этот памятник, новенький и красивенький, среди величавых стен, покрытых седым мохом веков? Не странно ли ставить памятник старине — к развалинам и красноречивым остаткам которой мы так убийственно равнодушны?..»*

Факты, описанные Петром Полевым (о бесхозном детинце и о безвкусной новодельной росписи Юрьева монастыря), вызвали возмущение Аксакова, что он специально подчеркнул в примечаниях, и вместе с тем эта статья явилась своеобразным фоном для собственно аксаковского видения новгородских торжеств.

Однако передовая статья И.С. Аксакова, которая должна была появиться на страницах газеты 8 сентября 1862 года, была запрещена цензурой. Опубликована она была только в семитомном собрании сочинений, изданном уже после смерти автора[10]. Статья начиналась с характеристики празднования тысячелетия России как навязанного властями казённого мероприятия, значение которого непонятно простому народу: *«Нынешний день назначен днем празднования тысячелетия России. Нынешний день Россия из собственных уст воздает себе хвалу и собственными руками ставит себе памятник славы в Великом Новгороде. Такова официальная программа официального торжества, которого значение, впрочем, едва ли доступно пониманию простонародной России. Она не ведает наших археологических вычислений, она не причастна юбилейной сантиментальности; ей — живущей непрерывным историческим преемством народного духа — мало известны времена и лета минувшего — внешние грани внешней истории»*[11]. Впрочем, внешняя история была органично передаваема летописцами в монастырях, а Пётр это нарушил. По мнению Аксакова, если говорить о народном восприятии истории, то существенной, коренной, очень важной чертой является то, что русский народ воспринимает историю с нравственных позиций, поэтому и возникают вопросы об оправдании или порицании Иоанна Грозного или Бориса Годунова, и ни одно *«темное пятно нашей исторической тысячелетней жизни, ни одна совершенная нами неправда в каком-нибудь XIV или XV веке не осталась и не останется без указания, без строгого осуждения и, следовательно, возмездия если не в жизни, то в области сознания»*[12]. Это касается даже *«двоедушия Москвы в собирании Московского государства». «Нам нечем превозноситься и славиться,* — пишет И. Аксаков. *— Итог нашего тысячелетия скуден благими даяниями человечеству; нам не на что указать, в чем бы плодотворно проявилось наше историческое призвание в семье народов».* Аксаков не сомневается в талантах и дарованиях русской нации, но считает, они были реализованы только во внешнем сложении государства. В этом отношении *«с уважением должны мы взглянуть на западные народы, которым дано едва ли не менее, чем нам, непосредственных даров духа, но которые врученные им таланты умножили сторицею, подвизаясь в непрерывной работе»*[13]. Утешительно в русском обществе только то, что характеризует нравственное народное чувство — веру, общину, мир. Заканчивает редактор «Дня» статью о тысячелетии российской государственности стихотворением Хомякова об историческом грехе отцов:

Не говорите: «То былое,
То старина, то грех отцов;
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Молитесь, кайтесь, к небу длани!
А все грехи былых времен,
За ваши каинские брани
Еще с младенческих пелен;
За рабство вековому плену,
За робость пред мечом Литвы,
За Новград и его измену,
За двоедушие Москвы;
За стыд и скорбь святой царицы,
За узаконенный разврат,
За грех царя-святоубийцы,
За разоренный Новоград...
За все беды́ родного края,
– Пред Богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!

Мысль, содержащаяся в этом стихотворении, была особенно близка И. Аксакову, который не был склонен идеализировать древнерусское прошлое, и именно эти стихи (как и некоторые пассажи из неопубликованной 8 сентября передовой) он вновь повторит при представлении новой книги «История Новгорода (Рассказы из русской истории). Сочинение Ивана Беляева. Книга вторая. Москва, 1864 г., 628 стр.[14] *«Новый труд многоуважаемого нашего ученого И.Д. Беляева,* — размышляет И. Аксаков, — *принадлежит к числу тех немногих в русской литературе трудов, которые вырабатывают в России самосознание. Известно, что самосознание — дело сколько великое, столько же и трудное... Нужно ли говорить русскому читателю, что у нас в России для людей просвещенных, долженствующих быть органами самосознания в России это дело затруднено вследствие переворота, которым нарушена жизненная связь нового поколения с началами, укреплявшими историею Древней Руси, и весь ход просвещения ускорен слишком спешным и несколько внешним сближением нашей жизни и мысли с жизнию и мыслию западноевропейских народов»*[15]. Противопоставляя «подражательный» характер западнической исторической науки — самобытный славянофильской, которая указала дальнейший путь её развития, Аксаков считает, что *«путь, которым должно после них (Хомяков, К. Аксаков и др. — **Н.В.**) идти самосознание России в каждом просвещенном русском, можно определить так: этнографический, знакомящий с современным коренным народом России и его бытом, равно как и с бытом племен*

славянских; археологический, раскрывающий все формы быта русско-славянского в прошлом, когда лучшие начала, его создавшие, обнимали весь народ русский, — и путь в собственном смысле исторический, указывающий условия, способствующие росту или замедлявшие и искажавшие его. Само собой разумеется, что все это должно быть в форме научной и, следовательно, не в разрыве, но в свободной самостоятельной связи с западноевропейскою наукою, а не в рабском лепетании с ее слов об ее жизни, ибо у ней, к ее несчастию, об нас слова не имеется. Таков путь, которым должна идти наука в России, — следовательно, и наука отечественной истории».[16] Что же касается причины падения Новгородской республики, то Аксаков убеждён, что ею стала совокупность «эгоизмов»: *«Эгоизм купцов и бояр подсекает жизнь каждой общины в отдельности или нескольких их вместе. Общий эгоизм всей Новгородской земли против власти, самим же им призванной и сознаваемой в ее необходимости до того, что народ буквально дня прожить без нее не может — только усиливает развитие предшествующей ступени эгоизма. Наконец эгоизм всего княжества Новгородского, не способный отречься от своей формы в пользу новой формы, найденной Русью только в Москве, — вот, что ведет в Новгород Великого Князя Московского завоевателем, а не государем. Таково нравственное убеждение, которое выносишь об истории Новгорода г. Беляева, рассказавшего ее нам с объективностью русского летописца»*[17].

Вообще И. Аксаков крайне отрицательно отнёсся к официальным торжествам по случаю тысячелетия российской государственности, устроенного в Новгороде и столице и, в отличие от восторженной санкт-петербургской прессы, весьма сдержанно отозвался о мероприятиях правительства. В № 37 от 15 сентября 1862 года в разделе «Смесь» на последней странице была помещена коротенькая заметка следующего содержания: *«О праздновании тысячелетия. 8 сентября по случаю тысячелетия России было для С.-Петербурга днем официального торжества и „народного“ праздника. Звон колоколов, гром пушек, молебствование, парад войск, иллюминация, гулянья, даровые спектакли — должны были, по распоряжению начальства, свидетельствовать о том, что С.-Петербург неравнодушно относится к такому важному и знаменательному событию... В Москве не было ни одного торжества или празднества по случаю тысячелетия. По крайней мере об нем не было возвещено жителям столицы, да и ничем всенародно не заявлено»*[18]. Стремясь найти основания для действительно «народного праздника», прославляющего «землю», а не государство, И. Аксаков с энтузиазмом принимает альтернативную идею М.П. Погодина о праздновании в 1863 году тысячелетия славянской письменности, связанной с именами первоучителей Кирилла и Мефодия[19]. По мысли И. Аксакова, Кирилл и Мефодий выступают не только как символы объединения славянских племён и осознания своей общеплеменной идентичности, но и как созидатели внутри отдельного славянского народа. Неслучайно в его газете материалы о праздновании памяти святых первоучителей представлены из двух городов — Москвы и Новгорода. Начиная с 1863 года и до конца издания в газете «День» появлялись репортажи о том, как отмечались в Новгороде дни славянской письменности. Причём в мае 1863 года сам главный редактор довольно пространно представляет со своими сочувственными комментариями автора из провинции и его репортаж: *«Но особенно одушевленно и как-то дружно отпраздновала этот день Новгородская духовная семинария. Вот письмо, полученное нами от одного из наставников, А. Громачевского*[20]:

Вчера Новгородская духовная семинария торжественно праздновала тысячелетнюю годовщину славянской грамотности и перевода Библии и церковно-богослужебных книг на славянский язык знаменитыми Солунскими братьями Кириллом и Мефодием. Инициатива в этом деле принадлежала о. ректору семинарии архимандриту Макарию[21]*, известному в нашей литературе своими трудами по русской археологии и несколько раз уже печатно заявившему свою любовь к русскому слову. Лучшие воспитанники семинарии, по назначению о. ректора, написали особые сочинения на темы, имевшие близкое отношение к воспоминаемому событию, а воспитанники высшего отделения, оканчивавшие в этом году курс своего учения, для торжественного ознаменования тысячелетней годовщины общеславянских учителей, своими средствами приготовили икону св. Кирилла и Мефодия, которая навсегда останется при семинарии памятником этого торжества.*

Самое торжество совершалось по следующей программе, составленной о. Макарием и утвержденной, по его ходатайству, высокопреосвященным Исидором, митрополитом Новгородским и С.-Петербургским[22].

Наше торжество началось молитвою. Преосвященный Герасим, епископ Старорусский, викарий Новгородской митрополии[23]*, по воле высокопреосвященного митрополита, совершил торжественную литургию и молебное пение св. Кириллу и Мефодию в Софийском кафедральном соборе, а о. ректор архимандрит Макарий — в Антониевом монастыре (где находится семинария), в присутствии наставников и воспитанников семинарии и множества посетителей, явившихся частию по приглашению, частию по собственному желанию для присутствования при торжестве. В конце литургии о. ректор произнес приличное торжеству слово. В половине часа преосвященный прибыл в семинарию: при входе его вместе с посетителями в зал библиотеки собрались наставники и воспитанники семинарии; певчие семинарского хора пропели тропарь св. Кириллу и Мефодию; затем произнесена была воспитанником семинарии краткая приветственная речь к посетителям и прочтено стихотворение в честь Кирилла и Мефодия, составленное воспитанником высшего отделения Влад. Тихомировым*[24].

По прочтении стихотворения семинарские певчие пропели гимн в честь Кирилла и Мефодия, составленный тем же воспитанником Тихомировым[25] *и положенный на ноты известным новгородской публике любителем духовного пения священником Старорусским*[26]*. Гимн был пропет удачно и произвел большой эффект. После гимна воспитанниками высшего отделения были прочитаны собственные сочинения на следующие темы: 1) О значении Кирилла и Мефодия в истории Русской церкви. (Сочинение на эту тему, прочитанное воспитанником высшего отделения г. Посадским*[27]*, заслуживает серьезного внимания как ученая диссертация, составленная с знанием дела). 2) Какую важность имеет настоящее время для русских проповедников славянский язык?*

За чтением указанных сочинений последовало

пение канта: „Колена, россы, преклоните“[28]*. Далее воспитанниками среднего отделения были прочитаны собственные сочинения на следующие темы: 1) Историческое обозрение перевода книг Священного Писания на славянский язык. 2) Судьба и значение славянского языка в России в продолжение тысячелетия.*

После чтения певчие пропели другой кант: „Богом Царь благословенный“[29]*, после которого воспитанники низшего отделения читали свои сочинения на следующие темы: 1) Воспоминание о Кирилле и Мефодии, просветителях славянских. 2) Почему история русской литературы должна говорить о трудах Кирилла и Мефодия? 3) Почему остаются доселе в России на славянском языке богослужебные книги? И это чтение было заключено пением канта: „Коль славен наш Господь в Сионе“*[30]*.*

Далее прочитано было воспитанником другое стихотворение в память просветителей Славянских... Потом певчие пропели: „Боже, Царя храни!“[31] *Все заседание поднялось и прослушало этот гимн с особенным одушевлением. Много дум возбуждал он в душах слушателей... Наконец один из воспитанников произнес краткую благодарственную речь к публике. Торжество было заключено пением: „Тебе Бога хвалим“*[32]*. Было два часа, когда окончилось наше торжество. Посетители были приглашены в квартиру о. ректора, где гостеприимный хозяин за завтраком предложил тост „за славу и процветание России, русской мысли и русского слова“. Гимн в честь Кирилла и Мефодия, по общему желанию, опять был повторен.*

Дай Бог, — приписывает г. Громачевский, — чтобы этот знаменательный для всего славянского мира праздник, напомнив о единстве славян, разрозненных историческими судьбами, но имеющих во главе своей истории одних и тех же равноапостольных учителей — Кирилла и Мефодия, способствовал к водворению между славянами мира и любви и к утверждению единения религиозного, нарушение которого чрез внесение чуждых славянскому духу элементов из стихийного Запада — принесло так много зла для целости славянского мира! Этого не может не пожелать каждый славянин, особенно ввиду настоящих событий — ввиду кровавой распри между славянами»[33].

Как уже говорилось выше, в дальнейшем в газете «День» были напечатаны на эту же тему следующие корреспонденции: в 1864 году «Праздник и акт в память св. просветителей Кирилла и Мефодия в Новгородской духовной семинарии, 11 мая 1864 года. Подпись: Пав — ский[34]; в 1865 году «Из Новгорода: Празднование дня св. Кирилла и Мефодия. Подпись: Один из посетителей акта, Новгород, 12 мая 1865 г.[35] (Отмечалось, что на празднике читались сочинения воспитанников семинарии, наиболее интересные: Разговор между православным и католиком о Кирилле и Мефодии и Сочинение о грамотности в Новгороде до Петра Великого. На праздник прибыл из С.-Петербурга профессор И.И. Срезневский[36] и слепец Ширяев[37], который раздавал свои книжки)[38].

Помимо новгородских исторических материалов, в газете «День» появлялись корреспонденции о духовно-религиозной жизни Новгородской губернии. В первую очередь надо отметить ещё две статьи уже упомянутого священника и педагога А.Л. Громачевского[39]. Одна из них «Движение раскола в Н-ской губернии»[40] о секте беспоповцев, вызвавшая, видимо, живой интерес самого главного редактора, судя по его примечаниям (Аксаков в своё время по роду службы подготавливал записку о расколе в Ярославской губернии и в дальнейшем следил за разными проявлениями сектантства — от описания изуверской секты помрачителей, статья о которой, кстати, помещена в газете «День», до статьи В. Соловьёва «Церковь и раскол»). Другая статья этого автора опубликована в октябре 1865 года и носит название «Церковно-юридический вопрос»[41]. Автор описывает ситуацию: в Новгороде казнили преступников, перед смертью им была предоставлена возможность приобщиться святых тайн (исповедь, причащение), однако после совершения казни, когда родные попросили совершить панихиду над телами, священники отказались, мотивируя тем, что им запрещено молиться за преступников. А. Громачевский видит в таком отказе нарушение не только христианской морали, но и христианской истины. Статья не оставила равнодушным И. Аксакова и послужила поводом для передовой, начало которой буквально следующее: «*Обращаем внимание наших читателей на небольшую статейку, помещенную ниже под заглавием „Церковно–юридический вопрос“...».* Правда, главный редактор, оттолкнувшись от представленного Громачевским сюжета, пошёл дальше и энергично поставил вопрос о необходимости полной отмены смертной казни в России. Кстати говоря, материалы А. Громачевского и Ивана Аксакова не оставили безучастным и цензурный комитет. Собственно предварительная цензура была уже отменена, однако цензурный комитет обязан был следить за публикациями и пресекать неблагонадёжные. За газетой «День» наблюдал член Главного управления по делам печати известный писатель И.А. Гончаров, автор «Обломова». Он и отметил эти статьи как явно противоправительственные (заводить разговор об отмене смертной казни после польского восстания и в период террористических актов было недопустимо)[42].

К религиозно-духовной тематике относятся ещё следующие корреспонденции из Новгорода:

Из Новгородской губернии: Чего мы ждём от монастырей. Подпись: Б...[43] (Отмечается, что в Новгородской губернии 24 монастыря мужских и 6 женских разной степени достатка, некоторые монастыри весьма богатые; автор предлагает кардинально решить вопрос нищенства: монастырям взять нищих на попечение).

В течение 1865 года в газете «День» регулярно появлялось объявление с просьбой о пожертвованиях новой Короцкой женской общине во имя святителя и чудотворца Тихона. (Женская община была учреждена 22 августа 1864 года и располагалась на высоком берегу большого озера в одной версте от Короцка Валдайского уезда. Сообщается, что к 1865 году уже были воздвигнуты: «каменный корпус в три этажа и церковь в самом здании, предназначенная быть с куполами и колокольней». Монахини планировали открыть бесплатную школу и лечебницу). И. Аксаков всемерно поддерживал и морально, и привлечением денежной помощи подобного рода братства; объявления о пожертвованиях в течение всего времени издания газеты были её непременным атрибутом.

В целом, приведённые выше материалы газеты «День» свидетельствуют об актуальной весомости в середине XIX века вопросов новгородской тематики не только в сугубо историческом, но и в общественно-идеологическом плане.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Аксаков И.С. Письмо М.Ф. Раевскому от 28 января 1861 г.; 9 января 1861 г. // И.С. Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. Письма к разным лицам. СПб., 1896. С. 44.
[2] Там же.
[3] Аксаков И.С. Письма к А.Ф. Тютчевой / публ. Г. Чагина и Л. Гладковой // Москва. 1992. № 7-8. С. 163.
[4] Антонович М. Суемудрие «Дня» // Современник. 1865. № 10. С. 181-210.
[5] Полевой П.Н. Из Новгорода Великого: несколько слов о новгородских древностях. Подпись: П. Полевой, 14 мая 1862 г. // День. 1863. № 33. С. 10-11. Прим. ред. С. 11. См. также: Вихрова Н.Н. Из Новгорода Великого. Новгородские материалы на страницах газеты «День» (1861–1865) // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2013. Вып. 1. С. 37-43.
[6] См. Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского гр. Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской гр. Аракчеева военной гимназии (ныне Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса). 1834–84 гг. СПб., 1884.
[7] Справедливости ради, надо добавить, что в течение лета центр города был подготовлен к приезду высочайших гостей. Вот что пишет Василий Колохматов о приготовлении города к торжествам: *«Кто видел Новгород прежде праздника и взглянет на него теперь, тот невольно скажет, что Новгород изменился... В крепости — наши губернские присутственные места красуются в новом цвете и с новыми прекрасными подъездами; вся площадь от Софийского собора перемощена, а от шоссе до присутственных мест кругом памятника выпланирована и отлично вымощена вновь; устроен новый тротуар между крепостными воротами полукругло мимо самого памятника. Крепостная стена исправлена, и все ее вековые повреждения теперь уже не существуют: часть ее в мае месяце обрушившаяся, воздвигнута вновь; древнее достояние и краса этой стены — башни (стоявшие без крыш) — все исправлены и покрыты (...)»* и проч. (Тысячелетие России. 862–1862 г. в Новгороде / сост. В. Колохматов. Новгород, 1863. С. 3-4)
[8] Фотий (в миру Пётр Никитич Спасский) (1792–1838), архимандрит с 1822 года. Служил в Деревяницком, Сковородском и Юрьевском монастырях Новгородской губернии, был учителем в Санкт-Петербургском Александро-Невском духовном училище.
[9] Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848), графиня, дочь фаворита Екатерины II графа А.Г. Орлова, камер-фрейлина, занималась широкой благотворительностью.
[10] Собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1. М., 1886. С. 4-9.
[11] Там же. С. 4.
[12] Там же. С. 5.
[13] Там же. С. 7.
[14] День. 1864. № 35. 29 авг. С. 15-17.
[15] Там же. С. 15.
[16] Там же. С. 16.
[17] Там же. С. 17. Подобного рода критическое исследование, но более пространное и подробное, — о книге «Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (Новгород, Псков, Вятка: лекции, читанные в С.-Петербургском университете в 1860–1861 г.)». Сочинение Николая Костомарова. Два тома. СПб., 1863 — было представлено тремя статьями А. Гильфердинга в мае-июне 1863 г. (День. 1863. № 21. 25 мая, № 22. 1 июня, № 23. 8 июня)
[18] День. 1862. № 37. С. 20.
[19] Активная позиция И. Аксакова по возрождению культа святых Кирилла и Мефодия как символа воссоединения славянских племён подготовила почву для Московского славянского съезда 1867 года. См. об этом статью: Майорова О. Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества // «НЛО». 2001. № 51. [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/mayor.html
[20] В настоящее время готовится к печати полное собрание сочинений И.С. Аксакова, куда войдёт и данное сообщение о корреспонденции А.Л. Громачевского; комментарий к ней, приведённый здесь, принадлежит А.П. Дмитриеву.
[21] Упомянут архимандрит Макарий (Миролюбов) — ректор Новгородской семинарии в 1860–1866 гг., впоследствии архиепископ.
[22] Митрополит Исидор (Никольский) занимал Новгородскую, С.-Петербургскую и Финляндскую кафедру с 1860 г. до своей кончины.
[23] Епископ Герасим (Добросердов) был викарным (т.е. без своей самостоятельной епархии) епископом Старорусским в 1863–1864 гг.
[24] Упомянут В.К. Тихомиров — выпускник Белозерского духовного училища (1857) и Новгородской семинарии (1863); затем учился в С.-Петербургской духовной академии и на юридическом факультете С.-Петербургского университета. Был фельетонистом и временным редактором ряда столичных и провинциальных газет. Тихомиров обладал поэтическим дарованием, печатал стихи в журналах «Странник» и «Будильник». См. подробнее: Бронзов А.А. Белозерское духовное училище за сто лет его существования (1809–1909 гг.). Сергиев Посад, 1909. С. 626-627.
[25] В корреспонденции упомянут гимн Тихомирова в честь свв. Кирилла и Мефодия («Славяне! Песнию высокой почтим Апостолов Славян...»), получивший в то время довольно широкую известность.
[26] Композитор и музыкальный педагог священник Василий Старорусский был в тот период (1856–1868) настоятелем Михайло-Архангельской церкви в Новгороде, позднее (1868–1871) стал регентом Новгородского архиерейского хора.
[27] Николай Посадский — выпускник Новгородской семинарии (1863), был направлен в С.-Петербургскую духовную академию, но её не закончил.
[28] Гимн П.И. Турчанинова на слова князя П.А. Ширинского-Шихматова.
[29] Гимн на слова князя К.Н. Батюшкова из «Сцены четырёх возрастов» (1814).
[30] Гимн Д.С. Бортнянского на слова М.М. Хераскова.
[31] Государственный гимн Российской империи в 1833–1917 гг. (музыка А.Ф. Львова; слова В.А. Жуковского, при участии А.С. Пушкина).
[32] Древний церковный гимн («Te Deum Laudamus», кон. IV в.), авторство которого приписывается св. Амвросию Медиоланскому; в России получил популярность в переводе Д.С. Бортнянского на его же музыку.
[33] День. 1863. № 20. 18 мая. С. 19.
[34] День. 1864. № 21. 23 мая. С. 17-18. Имеется в виду Павлинский Фёдор Николаевич, кандидат, преподаватель Новгородской духовной семинарии.
[35] День. 1865. № 21. 22 мая. С. 502.
[36] Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) — русский филолог-славист, этнограф, палеограф. В Новгороде бывал неоднократно. См., например, в воспоминаниях дочери О.И. Срезневской: *«В 1850-х годах бывали у Измаила Ивановича исследователи и описатели новгородских древностей, после того как Измаил Иванович побывал в Новгороде, занимаясь изучением рукописей знаменитой Софийской библиотеки: это был Макарий, учитель Добролюбова в нижегородской семинарии, К. Куприянов, учитель новгородской гимназии, И.В. Юшкевич, тоже учитель гимназии, известный как знаток и исследователь литовского языка».* Цит. по: Колгушкина Н.В. Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России. Рязань, 2011. С. 90.
[37] Г.И. Ширяев (1817–1875) — известный слепец, член Императорского Вольного Экономического общества и Миссионерского общества.
[38] Ранее о праздновании памяти святых Кирилла и Мефодия в Новгородской семинарии в 1863 году сообщал со ссылкой на А.Л. Громачевского сам И. Аксаков в: День. 1863. № 20. 18 мая. С. 19.
[39] Александр Лукич Громачевский (1838–1902), педагог, выпускник Московской духовной академии, кандидат (1862), в 1860-е гг. учитель Новгородской духовной семинарии (В Памятной книжке Новгородской губернии за 1863 г. записано с ошибкой Гросночевский), в 1900–1902 гг. был директором гимназии в Таганроге, которую в своё время заканчивал А.П. Чехов.
[40] День. 1864. № 46. С. 6-8.
[41] День, 1865. 7 окт. С. 824.
[42] Русский вестник, 1906. Т. X. С. 588-591.
[43] День. 1865. № 23, 5 июня. С. 545-547.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-04-00051

О.В. Ланцова

ЗАРУБЕЖНЫЕ НОВОСТИ НА СТРАНИЦАХ «ВОЛХОВСКОГО ЛИСТКА» (1903 ГОД)*

Газета «Волховский Листок» выходила в Новгородской губернии с 1903 по 1917 гг. Газета позиционировала себя как ежедневное издание информационного типа[1]. Структура и оформление издания указывают на близость его к типу «универсальной петербургской газеты»: подобные издания «уверенно лидировали» на информационном рынке России рубежа XIX–XX веков[2]. Для этих газет были характерны такие отделы и рубрики, которые были привычны для читателей: телеграммы, внутренние известия, статьи о проблемах современной жизни, политическая информация, судебная хроника, беллетристика, экономическая информация, статьи о деятельности обществ, объявления[3].

В первый год издания она представляла собой 4 полосы, последняя из которых чаще всего отводилась полностью под объявления. Первые номера строились из трёх колонок, спустя 36 номеров газета становится четырёхколоночной. В газете фигурировали различные рубрики. Например, «Телеграммы», «Хроника», «Кто хочет?», «Месяцеслов», «Внутренняя летопись», «От правления Новгородской Духовной семинарии» и др. Тематика издания охватывает как внутригубернские новости, так и новости Российской империи. Нельзя говорить о большом разнообразии жанров. Здесь мы можем увидеть заметки, в том числе и новостные, корреспонденцию, статьи с аналитическим началом и элементами репортажа. Также в издании публикуются литературные произведения: рассказы, стихи, басни.

Интересными рубриками в «Волховском Листке» являются «Телеграммы «Российского телеграфного агентства» и «Хроника». «Хроника» представляет собой обзор новостей со всей России, а также стран ближнего зарубежья. Можно заметить, что уже с первых номеров редакция работает над этой рубрикой. Сначала в ней даются точные даты, с разницей в один-два дня от выхода газеты. После же уже нет точных дат. Возможно, это связано с тем, что газета выходила три раза в неделю, и было сложно доставать абсолютно свежую информацию. Без указания даты читатель не знает наверняка, когда произошло событие.

Однако уже в первый год издания редакция старается делать выборку новостей для данной рубрики. Например, в № 20 за 14 февраля 1903 года «Хроника» состоит из подборки с преобладанием новостей криминального характера: розыск преступников, убийство, расследование, несчастный случай. Вообще в данной рубрике газета преподносит информацию о чрезвычайных ситуациях. Почти в каждом номере есть известия о крушении поезда или о последствиях, например, землетрясения в г. Андижан. Видимо, уже тогда был спрос на подобного рода информацию.

В № 16 от 5 февраля 1903 года в «Хронике» встречаем медицинскую тематику: здесь опубликованы открытия в области медицины, а также достижения в ветеринарии. «Хроника» охватывает сообщения из разных городов и стран: Варшава, Саратов, Москва, Петербург и т.д. — география обширна. В «Хронике» иногда делаются выделения, используется жирный шрифт, чтобы привлечь к чему-то внимание. Часто весь текст рубрики крупнее. Так, например, в № 45 от 16 апреля 1903 года «Хроника» расположилась в трёх колонках, и шрифт выделяется от остального текста газеты — он крупнее. Нас информируют о религиозных, медицинских, образовательных событиях в Туле, Финляндии, Пятигорске. Читатель получает разнообразную информацию из разных мест. В целом, «Хроника» представляет новости разного характера и географии, чтобы аудитория могла получить как можно более разнообразную информацию.

Ещё одна рубрика «Телеграммы» — это полученные телеграфным агентством сообщения. «Волховский листок» публиковал новости зарубежья. В этой рубрике можно встретить различные заметки из зарубежных газет или со ссылкой на информационные агентства разных стран. Они представляют особый интерес, так как можно на основе «Волховского Листка» отследить, какая тематика привлекала редактора при отборе заграничных сводок, а также узнать и немного об истории зарубежной журналистики.

Нельзя однозначно сказать, что редакция отдавала какое-то предпочтение в тематике. Здесь есть военные новости, дипломатические, культурные, чрезвычайные, аварии и т.д. — спектр разнообразен. Например, в № 18 от 9 февраля 1903 года в Нью-Йорке со ссылкой на ИА «Рейтер» сообщает о волнениях с лозунгами: «Долой, Кастро!». В это же время ИА «Вольф» информирует о стычках французских войск с туарегами. А в другом французском городе Валансьен поезд сошёл с рельсов, как сообщает французское ИА «Гавас». В итальянском городе Мессина произошло землетрясение — ссылка на ИА «Стефани». Данный номер получился больше с уклоном на какие-то негативные события. Но так бывало не всегда. Для сравнения: в № 21 от 16 февраля 1903 года говорится о спуске парохода на воду в столице Германии (по сообщениям газеты «Lokalanzeiger»). Или в № 2 от 3 января 1903 года со ссылкой на материал французского журнала «Международная медицина» можно прочитать об открытии лекарства от туберкулёза.

Важно заметить, что «Волховский Листок» берёт материалы из известных и крупнейших информационных агентств, имеющих богатую историю.

Первое бюро печати Шарля Гаваса действовало с

1832 года и занималось переводами зарубежной информации и доставкой её в редакции французских газет. Вскоре бюро переименовали в «Агентства Гавас», которое начинает в полной мере использовать возможности электрического телеграфа. После заключения соглашения с правительством Франции на поставку официальных сообщений для прессы оно становится «монопольным поставщиком зарубежной информации»[4]. Его информационные службы распространяли ежедневно до 80 тысяч слов по всему миру. Именно здесь получили опыт будущие основатели собственных агентств — Бернхард Вольф и Питер Юлиус Рейтер. Агентство просуществовало до 1940 года. Спустя четыре года на базе «Гавас» было создано информационное агентство «Франс-пресс».

В конце 1948 года сын берлинского банкира Берхард Вольф на деньги отца открыл своё агентство и получил должность исполнительного директора берлинской газеты «National Zeitung». Он подключил к редакции телеграф и помещал короткие сообщения, полученные с помощью нового средства связи, в своей газете. Так как цены на услуги телеграфа были высокие, он заключил договор с другими редакциями «о продаже им биржевых новостей»[5] из других европейских городов. Так возникло «Телеграфное корреспондентское бюро (Б. Вольф)».

У Рейтера своя история успеха. Он в 1851 году в Лондоне открыл телеграфную контору, которая поставляла биржевые новости. С ослаблением цензуры Рейтер сумел найти клиентов в лице нескольких провинциальных газет для передачи им политических новостей. С 1958 года его агентство стало уже главным поставщиком информации крупнейшим лондонским газетам. *«Даже финансовая империя Ротшильдов предпочла подписать контракт с Рейтером»*[6]. Свой авторитет агентство заработало на оперативности и достоверности передаваемой информации. До сих пор «Рейтер» — одно из крупнейших информационных агентств.

Как видим, «Волховский Листок» публиковал сообщения только из проверенных источников, какими, безусловно, являлись данные информационные агентства.

Телеграммы, которые публиковались в данной рубрике, часто сообщали об успехах Российской империи на мировой арене. В № 135 от 12 ноября 1903 года говорится о переговорах по русско-германскому торговому договору: *«Позволительно думать, что переговоры эти будут успешны»*.

Когда происходит какое-то серьёзное событие или происшествие, то сообщения иногда поступают из разных городов, а также данная тема может повторяться из номера в номер. Особого внимания на страницах «Волховского Листка» заслужило убийство консула А.А. Ростовского, которое взбудоражило политиков и общественность. В № 90 от 30 июля 1903 года жирным шрифтом сообщается об этом происшествии. Далее следуют несколько телеграмм, посвящённых этому событию. Например, султан выражает соболезнования и говорит о необходимости тщательного расследования. В телеграмме Российского Императорского посла в Константинополе рассказывается о причинах убийства консула, а также даются указания о жёстком наказании убийцы и всех виновных в этом. Такие указания дублируются в № 93 от 6 августа 1903 года.

Мы видим, что газета «Волховский Листок» не теряла из виду произошедшее событие, а продолжала отслеживать его развитие. Это похвально для провинциального издания и говорит лишь о его высоком качестве.

По материалам «Телеграмм» можно изучать и внутреннюю политику России. Например, в № 91 от 1 августа 1903 года Санкт-Петербург сообщает об указаниях императора Николая II по Дальнему Востоку: учредить особый комитет для согласования распоряжений главного начальства на Дальнем Востоке с общегосударственными видами и деятельностью министров; наместнику вверить командование морскими силами в Тихом океане, предоставить ему попечение о порядке и безопасности в местностях, состоящих в пользовании Китайской восточной железной дороги и т.д. Всё это было любопытно для новгородского читателя и представляло особый интерес.

Таким образом, «Волховский Листок» старался охватывать новости со всего мира и со всей России. Конечно, это не были развёрнутые новостные заметки, однако для читателя начала XX века узнать что-то о жизни на другом конце земли было уже интересно. Новгородское издание старалось предоставлять разнообразную информацию не только из разных уголков России, но и из зарубежных стран, в основном, это делалось в специальных рубриках — «Телеграммы» и «Хроника».

Статья написана на основе исследования, проведённого в рамках гранта РГНФ № 14-14-53001 «Новгородские газеты в 1838–1917 гг.: историко-типологическое исследование».

Грант предполагал исследование новгородских дореволюционных газет: официальных и частных. Изучалась особенность вёрстки, рубрикации, тематики и жанров, своеобразие рекламы. Прослеживалось становление и развитие газетного дела в Новгороде. При участии сотрудников Научной библиотеки Новгородского государственного музея-заповедника составлен биобиблиографический справочник редакторов, издателей, сотрудников новгородских газет. Также подготовлена электронная хрестоматия наиболее интересных материалов из дореволюционных газет и сформирован цифровой архив дореволюционных газетных изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хмелева А. Новгородская коммерческая периодика конца XIX–начала XX веков // История новгородских газет и журналов: взгляд из XXI века : сб. статей студентов и аспирантов / сост. А.Л. Семёнова; под ред. Б.Н. Ковалёва и Е.В. Лигус; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2012. Вып. 1. С. 47–68.

[2] Сонина Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб. 2004. С. 13–14.

[3] Там же. С. 206–207.

[4] Аникеев, В.Е. История французской прессы (1830–1945) : учеб. пособие. М., 1999. [Электронный ресурс] // URL: http://evartist.narod.ru/text19/036.htm (04.06.2014).

[5] Панарин И. СМИ, пропаганда и информационные войны. [Электронный ресурс] // URL: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/3 (04.06.2014).

[6] Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П., Лучинский Ю.В., Станько А.И. История мировой журналистики. М., Ростов-на-Дону, 2003. [Электронный ресурс] // URL: http://evartist.narod.ru/text8/49.htm (04.06.2014).

Н.С. Савельев

ОТЗЫВЫ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ТУРИСТОВ О ПРЕБЫВАНИИ В НОВГОРОДЕ В 1960-1970-Е ГОДЫ

Пятидесятые годы прошлого века стали переломными для развития туризма как в СССР, так и в мире. В рамках Организации объединённых наций были подготовлены и приняты конвенции, регламентирующие отдельные вопросы туристского движения, в сентябре 1963 года, на Конференции ООН, были определены организационные структуры, координирующие развитие международного туризма. Прошедшая по итогам её проведения Генеральная ассамблея Международного союза официальных туристских организаций приняла план глобальной реорганизации, реализация которого завершилась созданием 2 января 1975 года действующей под патронажем ООН межправительственной структуры — Всемирной туристской организации.

Новгород не был в стороне от этих процессов и, как город, обладающий уникальным архитектурным ансамблем, «открыл двери» иностранным туристам в 1956 году. Летом 1958 года в городе начало работу отделение Всесоюзного акционерного общества «Интурист» (далее ВАО «Интурист»), что также облегчило организацию туристических поездок для иностранцев и опосредованно послужило развитию инфраструктуры города и области, восстановлению исторического наследия.

География стран, туристы которых посещали в описываемый период Новгород, согласно изученным книгам отзывов, достаточно обширна, и если в первой половине обозначенных нами временных рамок Новгород, помимо туристов из различных областей Советского Союза, посещали путешественники преимущественно из Финляндии, США, Франции, ГДР, ФРГ, реже Голландии, Бельгии, Дании, Великобритании, Швеции, Чехословакии, Болгарии, то во второй половине 1970-х годов в книгах отзывов туристов можно видеть отзывы путешественников из довольно экзотических стран — например Новой Зеландии и Мексики. Хотя сравнение с официальными документами по развитию туризма в Новгороде и области даёт несколько другое соотношение. Так, например, справка о состоянии обслуживания иностранных туристов в г. Новгороде в 1965 году показывает следующее: наибольшее количество туристов было из Финляндии — 1543 человека, Франции — 1382, Англии — 885, США — 713, Австралии — 609, ФРГ — 420, Швеции — 267, из Дании и Бельгии по 265 и т.д.[1] При этом следует учесть, что приведённые данные отражают статистику только ВАО «Интурист». Так же, соотношение страновой принадлежности туристов, посещавших Новгород к началу исследуемого нами временного отрезка, рассматривал в своей статье, посвящённой иностранному туризму в Новгороде, А.Н. Чистиков. Согласно его данным, наибольший интерес Новгород вызывал у туристов США, Англии и Франции, а с открытием летом 1958 года автомобильного маршрута Хельсинки-Ленинград-Москва, проходившего также через Новгород, к ним добавляются и граждане Финляндии[2].

Новгород конца 1950-х годов[3]

Говоря о впечатлениях иностранных туристов при посещении ими Советского Союза, необходимо иметь в виду изначальный положительный, отрицательный или нейтральный настрой туристов по отношению к СССР. Таким образом, туристский контингент, в зависимости от восприятия ими советской действительности, принято разделять на три группы. К первой относились доброжелательно настроенные туристы. Вторую категорию туристов составляли лица враждебно настроенные к СССР, от которых гид-переводчик, сопровождавший группы, мог ожидать и идеологических провокаций. В третью туристскую категорию входили нейтрально настроенные туристы, которые, если они видели высокий, по их мнению, уровень жизни, считали и политический строй, и другие стороны воспринимаемой ими действительности как положительные.

В качестве основных мест пребывания туристов в рассматриваемый период в Новгороде были как непосредственно гостиница в городе, так и Новгородский летний туристический лагерь (в ряде официальных документов и в отзывах туристов — кемпинг). Рассматривать указанные места пребывания визитёров Новгорода следует по отдельности, поскольку как жалобы, так и хвалебные отзывы

о проживании в гостинице и кемпинге были во многом различными.

В кемпинге, открытом впервые в 1960 году, останавливались как организованные группы, так и индивидуальные путешественники и автотуристы, поскольку для автомобилистов имелось всё необходимое, что можно видеть из отзыва, оставленного 31 августа 1960 года одним из автотуристов, который выражает благодарность, за найденную и возвращённую 50-тирублёвую щётку для мытья машины, забытую им в кемпинге 1,5 месяца назад и отмечает, что на дороге Ленинград — Харьков это самый лучший и удобный кемпинг для автотуристов, имеется мойка и эстакада, чего нет в большинстве кемпингов[4]. Этой же датой оставлен отзыв группы автотуристов, отмечающих дружеское отношение, заботу и предлагающих *«распространить стиль работы Новгородского кемпинга, а особенно его сотрудников Л.А. Трофимовой, Вали Какшаревой и Бориса Ивановича Воронина, на другие аналогичные точки»*[5]. Характерно, что первый сезон работы кемпинга отмечается в целом положительно как с точки зрения инфраструктуры, так и с точки зрения управления лагерем. В частности перечисленных выше сотрудников благодарили неоднократно. Минусов в отзывах туристов летнего сезона 1960 года нет, есть, скорее, замечание — ленинградская переводчица Черепкова, сопровождавшая в августе 1960 группу из 33 человек, жаловалась на порядок сдачи постельного белья, при котором каждый турист сам сдаёт своё бельё одновременно с другими группами, что вносит путаницу и приводит к потере времени. Приводится порядок других гостиниц/кемпингов, где, когда речь идёт о группе, *«дежурный принимает постельные принадлежности в палатках, на месте»*[6]. Надо сказать, что иностранцы сами, своей рукой, очень редко оставляли негативные отзывы, когда это происходило, негативный отзыв или замечание писал гид-переводчик.

Летний сезон 1961 года напротив, отмечен в основном нелестными замечаниями, хотя управляющим оставался также Б.И. Воронин. В частности неоднократными были замечания о недостаточной оснащённости палаток — *«Нет корзин для мусора, кровати и матрацы должны находиться в палатках, а не в кладовых. Постоянная переноска матрацов и кроватей приводит к их порче и крайне затрудняет отдых»*[7] (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника). Также регулярно оставлялись замечания по поводу грязного постельного белья и полотенец. Одно из таких заявлений от 10 июля 1961 года можно привести полностью, поскольку заявитель указал адрес, на который был послан официальный ответ: *«Очень жаль, что идея туристических лагерей дискредитируется такими неприятными явлениями, как выдача грязного постельного белья. Нам выдали простыни и наволочки бывшие в употреблении не стиранные, но чуть подглаженные. На наше требование выдать чистое белье кладовщик ответил грубостью, но белья так и не выдал, видимо и нет чистого. Пора такие вещи изживать. Стыдно товарищи!»*[8] В ответ на это заявление указано, что на просьбу заявителя поменять простыни ей были оные предложены на выбор, однако брать их она отказалась, то есть претензия о том, что бельё выдано не было является безосновательным.

Возможно, что в данном конкретном случае часть претензий туриста и была безосновательна, но объём подобного рода претензий говорит о том, что всё-таки проблема чистого белья имела место, хуже то, что она не решалась или решалась не полностью, поскольку отзыв болгарских туристов, посещавших Новгород по линии Общества дружбы Болгария-СССР спустя десять лет, в 1971 году, был весьма негативным — *«Туристы были в Кишиневе, Одессе, Киеве, Орле, Москве; везде были встречены как работниками Интуриста, так же и членами комитета советско-болгарской дружбы. В Новгороде никто группу не встретил, но это в конце концов не главное. Хотя в Новгородском отделении „Интуриста“ товарищи знали что это группа особого внимания. Слов не находили туристы для возмущения по поводу порядка в кемпинге. Прибыв в кемпинг ни горячей, ни холодной воды не было, в туалете полнейший беспорядок, в номерах грязь. Не полотенца, а тряпки предложили туристам. Туристы подходили ко мне и жаловались на неудобные постели. Может и существует какая-то трудность в вопросе обслуживания, но туристов это меньше всего интересует»*[9].

Официальные власти города знали о проблемах кемпинга и туристической отрасли в целом. На совещаниях регулярно поднимались соответствующие вопросы. Так, низкая культура обслуживания туристов в кемпинге отмечалась и в 1965 году, в качестве мер, направленных на исправление указанных недостатков, предлагалось, к примеру, навести элементарный порядок или заранее и тщательнее готовить места для проживания иностранцев[10].

К 1968 году характер предложений также не претерпел существенных изменений — *«Привести гостиницы „Волхов“, „Садко“ и туристские базы (Новгородскую, „Озеро Ильмень“, Старорусскую и Валдайскую, Новгородскую для автотуристов (кемпинг) в образцовое состояние и обеспечить порядок по приему иностранных и советских туристов»*[11].

Как видно, предложения весьма расплывчаты, что может говорить о том, что задача ставилась не вполне чётко, что, в свою очередь, объективно приводило к тому, что конечные исполнители не имели возможности реализовать часть запланированных мероприятий, что приводило к топтанию на одном месте в таких мелочах как, к примеру, проблема грязного белья и общения с иностранными туристами, хотя сам по себе кемпинг в плане инфраструктуры и строительства постоянно развивался. Так, к 1965 году в кемпинге были построены зимние домики на 120 мест, решались проблемы со снабжением электроэнергией.

В условиях идеологического противостояния со странами Запада, гид-переводчик воспринимался официальными властями в качестве идеологического работника, в связи с чем благодарности гидам со стороны иностранных туристов были, в некотором роде, мерилами его профессиональных качеств. То, что к книгам отзывов иностранных туристов о пребывании в Советском Союзе пристальное внимание испытывали городские власти говорит тот факт, что ссылки на отзывы фигурируют и в официальных документах. Соответственно гидов-переводчиков требовалось специальным образом готовить, что и осуществлялось на практике — так, к середине 1960-х годов назрела необходимость дополнительной подготовки гидов в плане идеологической работы: *«С целью лучшей политической подготовки гидов-переводчиков рекомендовать „Интуристу“ включить гидов в идеологическую группу при обкоме ВЛКСМ и организовать их совместную подготовку»*[12].

Интересно что, как уже было сказано, в подготавливаемых ответственными за туристическую отрасль лицами различного рода отчётах присутствуют отзывы туристов в отношении гидов-переводчиков, странно, что в том же ключе не рассматривались вполне конкретные жалобы посетителей кемпинга, хотя жалобы постояльцев гостиниц «Волхов» и «Садко» регулярно становились предметом разбирательств — *«Были случаи, когда туристам выдавалось некачественное постельное белье, в номерах случались неисправные радиоточки, плохо открывались и закрывались некоторые оконные рамы»*[13]. Надо сказать, такое внимание к мелочам позволило выйти к началу 1970-х годов на достаточно высокий уровень обслуживания в новгородских гостиницах иностранных туристов — *«Группа туристов ГДР выражает благодарность коллективу гостиницы „Волхов“ за внимательное отношение, культурное обслуживание»* (1972)[14]. По нашему мнению, такая разница в обслуживании туристов и меньшее внимание к отзывам отдыхающих в кемпинге во многом объясняется тем, что иностранные туристы преимущественно селились в гостиницах, в кемпинге же останавливались, в большинстве своём, советские туристы.

Вестибюль гостиницы «Волхов»[15]

Возвращаясь к отзывам иностранных туристов, можно условно разделить их на положительные и отрицательные. Основной массив положительных отзывов — это благодарности непосредственно гидам и, в целом, «Интуристу», а также их впечатления от посещения Новгорода, как одного из древних исторических центров России. Благодарности не во всех случаях несут достаточно информативной нагрузки, которой хватило бы для анализа успешности работы гидов со стороны их непосредственных руководителей. В основе своей это короткие, в одно-два предложения, записи иногда несущие оттенок культурной составляющей народа, представитель которого оставил его. В качестве примера можно привести отзыв группы французских туристов, оставленный летом 1965 года, о сопровождавшей их девушке-переводчице — *«Новгород нам очень понравился. Город красивый и интересный. Прогулка на озеро была чудная, а переводчица очень милая и хорошо поет»*[16], очень похоже на галантных французов. У датчан, к примеру, всё более сдержанно — *«От имени и по поручению 32-х датских туристов благодарю переводчика шведского языка, Игоря Буткевич за добросовестную содержательную экскурсию»*[17]. Эмоциональны в положительном смысле были туристы из США, которые в описываемый период посещали Новгород — *«Россия уникальна по красоте своего искусства. Новгород помог сделать ее такой. Новгород и Москва — города, которым нужно быть благодарными и которыми можно гордиться. Это было открытие. Я надеюсь скоро вновь приехать сюда»*[18]. Вероятно, такой восторг мог быть вызван тем, что как раз жители Соединённых Штатов, учитывая внешнеполитические отношения между нашими государствами, во многом были настроены более враждебно к Советскому Союзу, чем другие туристы, и готовились увидеть не города с богатой историей и культурой, а нечто, что давала им государственная пропаганда. И если из Европы, как правило, приезжали организованными группами, то из США группами была только молодёжь, люди старше приезжали индивидуально или семьями. Список объектов показа для различных возрастных групп составлялся по-разному. Если Кремль фигурирует в списке всегда, то в отзывах групп студентов и молодёжи не найдёшь упоминаний о посещении промышленных предприятий и встречах с трудовым коллективом, но встречаются, например, оценки городского пляжа и рассказы о посещении пионерского лагеря и детского сада.

Новгород был частью маршрута, в который в качестве основного места пребывания входил Ленинград или Москва, что упоминается во многих отзывах, нас же в этом отношении привлёк отзыв Джанет Ломбард, участницы организации Корпус по гражданскому обмену (Citizen Exchange Corps), для которой поездка в Новгород явилась открытием — *«Нам стало ясно, что наша поездка в Новгород явилась настоящим знакомством с СССР и приятной сменой впечатлений после Ленинграда, который слишком уж похож на европейский город»*[19]. По нашему мнению, автор путает знакомство с СССР, которое как раз и олицетворял в их поездке современный Ленинград, и Россию, с её тысячелетней историей, которая предстала для этой туристки в образе древнего Великого Новгорода. Некоторые туристы изначально прибывали в СССР, имея вполне сложившийся стереотипный образ его как тоталитарного государства, в тоже время с древней и богатой историей, поэтому вполне европейский Ленинград мог диссонировать с имеющимся стереотипом, а вот Новгород вполне походил на историческое воплощение посещаемого государства. *«Программа была интересной, особенно возможность посетить занятия пения и танца»*, а народные танцы, видимо, дополнительно подчеркнули обаяние Новгорода как одного из главных центров исторических Русских земель. Несколько слов нужно сказать и об указанной выше организации — Citizen Exchange Corps. Это основанная в 1962 году в США неправительственная, однако пользующаяся поддержкой Государственного департамента и Конгресса США, организация, целью которой являлись укрепление взаимного доверия и налаживание контактов между гражданами Советского Союза и Соединённых Штатов через различные аспекты народной дипломатии.

Делились своими впечатлениями на страницах книг отзывов и туристы, попадавшие в нестандартные ситуации, такие записи представляют несомненный интерес в том отношении, что позволяют в целом понять ситуацию в туристической сфере глазами непосредственных участников. В такую нестандартную ситуацию попали автотуристы из ФРГ, которые летом 1976 года совершали путешествие по маршруту Москва-Ялта-Одесса-Ганновер и попали в аварию с грузовой автомашиной в 140 км от

Новгорода, в районе Валдая. Тот факт, что осуществлять ремонт им пришлось в Новгороде, хотя в план их поездки этот город не входил, говорит о том, что техническая инфраструктура вдоль шоссе Москва-Ленинград всё ещё не была развита на достаточном уровне. При этом, предложения на этот счёт ставились уже в 1958 году и поступали каждый последующий год от представителей Новгородского отделения Интуриста. В тоже время, своевременно оказанная местными жителями помощь в транспортировке разбитого автомобиля в город Новгород, говорит о том, что местные жители не пугались иностранных туристов, также в отзыве иностранных туристов фигурируют с положительной стороны сотрудники местного отделения Интуриста, которые сразу же по прибытии немцев предоставили им номера в гостинице, заказали билеты и оказывали всяческую помощь, что выразилось в искренней благодарности зарубежных гостей[20]. В подобной ситуации в августе 1958 года оказались французские туристы в сопровождении переводчика, которые в 120 км от Новгорода прокололи шины и вынуждены были ночевать на дороге. Никто не оказал им помощи поскольку иностранцы ещё только начали посещать Новгородскую область и были для местного населения в диковинку, а сами они не знали куда можно было бы обратиться[21].

Туристы, как и представители Интуриста, в конце 1950-х годов рассматривали Новгород как своего рода перевалочный пункт в путешествии из Ленинграда в Москву и из Москвы в Ленинград, что отмечает в своей служебной записке на имя заместителя начальника экскурсионно-методического отдела ВАО «Интурист» Н.Н. Баранова заведующий Новгородским отделением А.А. Артамонов, который говорит, что иностранные туристы стараются приехать в Новгород как можно позже, а уехать на следующий день как можно раньше, что не даёт возможности чётко организовать работу по показу достопримечательностей и организации обслуживания[22]. И если в конце 1950-х — начале 1960-х годов половины дня для осмотра открытых достопримечательностей было достаточно, то уже к середине десятилетия, вслед за увеличившимся потоком туристов и расширением списка объектов показа, этого времени стало недоставать, что отражалось, в том числе и в отзывах туристов. Также были проблемы с логистикой — часто группы приезжали позже чем надо, что естественно отражалось на программе, учитывая, что свободного времени иностранцам старались много не планировать, дабы исключить самостоятельные путешествия по городу и окрестностям. С такой проблемой столкнулась группа учителей из Гамбурга, посетившая Новгород в июне 1975 года. Они оставили достаточно большой отзыв, где рассказали о том, что довелось воспользоваться услугами зубоврачебной службы, чем пациентка осталась вполне довольна, программа пребывания была очень насыщенная, включая встречу с коллегами из Новгорода, но, учитывая, что с приездом они опоздали на полдня, пришлось пожертвовать свободным временем[23]. Ходатайства о продлении срока пребывания туристов в Новгороде до двух-трёх дней с целью расширения программы показа достопримечательностей города и окрестностей в различных предложениях областного уровня поднимались начиная с 1965 года, начиная с 1968 года эти предложения вышли на уровень союзного Управления по иностранному туризму — *«Наличие большого количества исторических памятников в таком благоустроенном городе оставляет хорошее впечатление от посещения его. Практика показывает, что иностранные туристы, посетившие Новгород, остаются довольны обслуживанием... Однако крайне ограниченное время пребывания (одна ночь и полдня, а в иных случаях только ночлег), свидетельствует о том, что в системе маршрутов данный город „Интуристом“ используется неправильно...»*[24]. В октябре 1970 года этот вопрос также поднимался в отчёте о работе Новгородского отделения ВАО «Интурист» на коллегии Управления по иностранному туризму[25].

Отзыв учителей из Гамбурга, в плане наличия или нехватки времени для полноценного осмотра города, уместно сравнить с отзывом оставленным тем же летом тремя туристами из ФРГ. Путешествовали они по маршруту Ленинград–Одесса и, после динамичного Ленинграда, Новгород стал для них полноценным отдыхом[26]. Они имели достаточно времени для того, чтобы не спеша и обстоятельно всё отсмотреть. В тоже время, плотное расписание, почти полное отсутствие свободного времени, диктовалось, как уже было сказано, идеологической необходимостью, поскольку турист предоставленный сам себе стремился попасть в места и на объекты не отреставрированные или вовсе не предназначенные для демонстрации туристам, а сделанные ими снимки, будучи напечатаны в иностранной прессе, могли негативно повлиять на имидж Советского Союза.

Конечно, не все туристы оставляли исключительно положительные отзывы, было и недовольство. Однако полностью негативных отзывов оставленных непосредственно иностранными туристами нет — имеет место восхищение непосредственно городом и экскурсионной программой с включением в отзыв жалобы на действия тех или иных лиц или пожелания по улучшению сервиса. Таких отзывов немного и касаются они, как правило, сферы ресторанного обслуживания и, в одном случае, проблем с обменом валюты. Так, бельгийские туристы выражают пожелание *«чтобы обслуживание в ресторане „Садко“ было на таком же высоком качественном уровне как памятники»*[27]. Претензии были и к ресторану «Детинец» — редкий образец отзыва полностью состоящего из замечания. Заказав в 11 утра, при выезде из кемпинга, для группы шведских туристов ужин в ресторане «Детинец» на 18.30, по обращению в 17.30 в бюро обслуживания, группа получила отказ в ужине в ресторане, поскольку в телефонограмме не была указана сумма. Гид-переводчик, писавшая этот отзыв, просит разобраться с процессом заказа мероприятий, дабы у туристов не оставалось плохого впечатления о пребывании в Новгороде[28]. Интересен отзыв туристов из Германии, посетивших Новгород 31 декабря 1971 года. Очень хвалили гида, которая сумела обойти все препоны предновогоднего дня, такие как санитарный день в музеях и дегустацию медовухи в «Садко», вместе с этим жалуются на «шантаж» при обмене валюты, когда так и не добились от обменного пункта при гостинице «Волхов» обмена на рубли 50 марок из купюры в 100 марок, хотя размен немецкой валюты в обменном пункте был[29]. Вопрос обмена валюты наряду с другими также поднимался на совещаниях, посвящённых приёму иностранных туристов. Так, в частности, говорилось о том, что обменный пункт иностранной валюты, находившийся в гостинице «Волхов», работает в неудобное для туристов время — с 10 до 17 часов дня, в связи с чем многие туристы, приезжавшие после 17 и уезжавшие следующим утром до

10 выражали недовольство[30]. Как одно из решений этой проблемы, предлагалось открыть в Новгороде фирменный магазин «Берёзка», где туристы могли бы покупать местные сувениры за валюту[31].

Отзывы и впечатления иностранных туристов о посещении Новгорода мы можем найти не только в рассмотренных книгах отзывов, но и в газетных статьях. Как, к примеру, интервью заведующего отделом культуры «Новгородской правды» Г.Т. Нарышкина с финской туристкой, учительницей из Уусикаупунки Мирьям Ломан[32]. Статья «Очень полезные контакты». Целью своей поездки гостья города ставила познакомиться с работой школ, посмотреть город-побратим Новгород и усовершенствоваться в русском языке. Мирьям рассказала о своих неоднократных поездках в Ленинград, в том числе и достаточно длительных на месячные курсы русского языка. Впечатления от посещения Новгородского Кремля плавно перетекают в рассказ о впечатлениях от посещения городской школы № 21 и выступлений спектакля самодеятельного театра, что имело большое значение для языковой практики. Интересно, что русский язык, наряду с французским и немецким, с осени 1972 года вошёл в обязательную программу как язык по выбору учащихся в лицее Уусикаупунки. Естественно не все туристы удостаивались такой чести — в основном это жители городов-побратимов Новгорода или члены официальных делегаций. В целом же такой вариант отзыва о пребывании в городе, как интервью прессе, в разрезе данной статьи, по нашему мнению, уступает в характере отзыву написанному лично туристом, непосредственно после полученных им впечатлений, поскольку материалы интервью к моменту выхода в печать подвергались как редакторской правке, так и цензурированию со стороны контролирующих органов, чего не происходит с автографом человека, оставляемым им непосредственно.

Подводя некоторый итог можно сказать, что за достаточно короткое время после открытия Новгорода для посещения иностранными туристами в плане туристской инфраструктуры, ввода в эксплуатацию новых объектов показа, как представляющих историческую ценность так и современных, администрация города проделала длинный и достаточно эффективный путь. Туристический поток рос очень интенсивно и от современного уровня инженерно-технического оборудования гостиниц и ресторанов, высокого качества мебели и инвентаря, безупречного санитарно-гигиенического состояния, художественно-декоративного оформления всех помещений и чёткого высококвалифицированного обслуживания во многом зависело общее впечатление, складывавшееся у иностранных туристов. А это, в свою очередь, было необходимо для популяризация нашей страны за рубежом. Так что конкретные замечания гидов-переводчиков на недостатки в обслуживании служили этой общей цели и новгородское руководство туристической сферы вполне отчётливо представляло, каким образом может действовать «фактор грязного белья» в информационно-пропагандистской работе, другое дело, что не всегда понимание сочеталось с конкретными возможностями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] [Справка о состоянии обслуживания иностранных туристов в г. Новгороде в 1965 году] 1965 г. // ГАНИНО. Ф 260. Оп. 23. Д. 97. Л. 14.
[2] Чистиков А.Н. Иностранные туристы в Новгороде и зарубежные поездки новгородцев в 1950–1960-х годах // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–23 сент. 2008 г. Ч. 2. В. Новгород, 2009. С. 68.
[3] Здесь и далее фотографии из фондов музея Новгородского Управления ФСБ РФ предоставлены Анисимовым Вадимом Валерьевичем, начальником группы общественных связей ФСБ России по Новгородской области.
[4] [Летний туристический лагерь в г. Новгороде] 1960–1961 гг. // ГАНО. Ф. Р-4063. Оп. 1. Д. 11а. Л. 9.
[5] Там же. Л. 8.
[6] Там же. Л. 1.
[7] Там же. Л. 28.
[8] Там же. Л. 32.
[9] [Книга отзывов иностранных туристов] 1964–1972 гг. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 7. Л. 18–19.
[10] [Справка о приёме и обслуживании иностранных туристов в 1965 году] 1965 г. // ГАНИНО. Ф 260. Оп. 23. Д. 97. Л. 20.
[11] [План мероприятий по подготовке к приёму и обслуживанию иностранных и советских туристов в 1968 году] 1968 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.
[12] [Справка о приёме и обслуживании иностранных туристов в 1965 году] 1965 г. // ГАНИНО. Ф 260. Оп. 23. Д. 97. Л. 20.
[13] [Справка о состоянии обслуживания иностранных туристов в г. Новгороде в 1965 году] 1965 г. // ГАНИНО. Ф 260. Оп. 23. Д. 97. Л. 15.
[14] [Книга отзывов иностранных туристов] 1964–1972 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.
[15] Из фондов музея Новгородского Управления ФСБ РФ.
[16] [Книга отзывов иностранных туристов] 1964–1972 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
[17] Там же.
[18] Там же. Л. 16.
[19] [Книга отзывов иностранных туристов] 1975 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.
[20] [Отзывы иностранных туристов о пребывании в городе] 1976 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.
[21] [Заместителю начальника экскурсионно-методического отдела правления ВАО «Интурист»] 1958 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
[22] Там же. Л. 5.
[23] [Книга отзывов иностранных туристов] 1975 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.
[24] [Отчёт о командировке в Новгород с 5 по 8 мая 1968 г. старшего референта отдела информации Ефимова К.Т.] 1968 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 2. Л. 80.
[25] [Выписка из протокола № 17 заседания коллегии Управления по иностранному туризму при Совете Министров РСФСР] 1970 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 2. Л. 96.
[26] [Книга отзывов иностранных туристов] 1975 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.
[27] [Книга отзывов иностранных туристов] 1964–1972 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.
[28] [Отзывы иностранных туристов о пребывании в городе] 1976 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.
[29] [Книга отзывов иностранных туристов] 1964–1972 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.
[30] [Справка о состоянии обслуживания иностранных туристов в г. Новгороде в 1965 году] 1965 г. // ГАНИНО. Ф 260. Оп. 23. Д. 97. Л. 17.
[31] Там же. Л. 16.
[32] [Книга отзывов иностранных туристов] 1973 г. // ГАНО. Ф. Р-4446. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–3.

Т.А. Данько

ИЗ АЛЬБОМА КРЕЧЕВИЦКОГО ОФИЦЕРА

Выставка «Из альбома кречевицкого офицера» — совместный проект Новгородской областной универсальной научной библиотеки (НОУНБ), Новгородского государственного музея-заповедника (НГОМЗ), отделения Российского исторического общества в Великом Новгороде и Новгородского общества любителей древности (НОЛД) — проходила в Новгородской областной универсальной научной библиотеке в сентябре-октябре 2014 г. Инициатором, вдохновителем, зачинщиком и ведущим в организации выставки стал гвардии-капитан Юрий Алексеевич Маркитанов — собиратель истории Лейб-Гвардии Драгунского полка.

М.О. Горелова и Ю.А. Маркитанов

На выставке впервые были представлены копии документов по истории полка из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Российского государственного военно-исторического музея, Государственного исторического музея, Российской национальной библиотеки, Российского государственного военно-исторического архива, частных собраний из России и дальнего зарубежья. В экспозицию были включены копии фотографий из альбома, подаренного в 1910 году музею Лейб-Гвардии Драгунского полка штаб-ротмистром Сергеем Яковлевичем Гребенщиковым — последним командиром полка, назначенным императором Николаем II.

На фотографиях, сопровождающихся подписями и комментариями, запечатлены картины бытовой и военной жизни солдат и офицеров: построений, эскадронных учений, офицерского собрания.

Выставку открыла заместитель директора НОУНБ Ирина Алексеевна Морозова, с приветственным словом выступил Сергей Викторович Трояновский, заместитель Генерального директора Новгородского музея-заповедника, член Совета отделения Российского исторического общества в Великом Новгороде, председатель НОЛД. По приглашению Ю.А. Маркитанова на выставке присутствовала внучка командира Лейб-Гвардии Драгунского полка Мария Олеговна Горелова (на фото), которая поделилась своими воспоминаниями и рассказом о семье Гребенщиковых.

Лейб-Гвардии Драгунский полк был сформирован 3 апреля 1814 г. в Версале по личной инициативе императора Александра I после победоносного завершения Отечественной войны 1812 г. Созданный первоначально как Лейб-Гвардии Конно-Егерский, в 1833 г. полк был переименован в Лейб-Гвардии Драгунский, и по замыслу императора стал живым памятником Отечественной войне 1812 г. и Заграничным походам Русской Армии 1813–1814 гг. В состав полка вошли наиболее отличившиеся офицеры и нижние чины из 30-ти полков армейской кавалерии, в числе которых были 9 кавалеров Ордена св. Георгия и 13 кавалеров Золотого Георгиевского оружия с надписью «За храбрость». Полк квартировал в Новгородской губернии около ста лет: в 1814–1815 гг. в Старой Руссе, в 1815–1836 гг. — в Новгороде, в 1836–1902 гг. — в гарнизоне Кречевицкие казармы. Лейб-Гвардии Драгунский полк участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Первой мировой войне. Отдельные военнослужащие полка писали рапорта и отправлялись на театр военных действий Крымской (1853–1856 гг.) и русско-японской (1904–1905 гг.) войн.

Командирами полка были Алексей Николаевич Потапов, Пётр Иванович Слатвинский, Иван Петрович Оффенберг, Карл Егорович Врангель, Николай Степанович Леонов, ставшие впоследствии выдающимися военачальниками. В полку служили известные люди — композитор Александр Александрович Алябьев, промышленник Павел Николаевич Демидов, декабрист Александр Александрович Крюков, художник Лев Иванович Киль, скульптор Николай Иванович Либерих и многие другие. Так, шефами полка назначались князь Илларион Васильевич Васильчиков, великий князь Владимир Александрович и его супруга великая княгиня Мария Павловна.

Фото А.А. Кочевника

В.С. Булыгин

ОПАЛЁННЫЕ СТРАСТЬЮ

Для стороннего глаза эта новгородская семья вроде ничем особо не отличается. Привычно трудоёмкая многолетняя работа, привычные домашние дела, взрослые дети, уже почти взрослые и подрастающие внуки, круговерть бытовых проблем да свойственные всем нам радости и огорчения — всё, как у всех... Светлана и Сергей Куликовы вместе уже четвёртый десяток лет. Оба они волгари. В уютный городок на Волхове залетели ещё в 80-х, как только «Акрон» начал комплектовать штат для своей большой химии, а «Русскому Лесу» вдруг понадобились мастера для изготовления сувенирной продукции. Тогда ведь Новгород даже не помышлял вернуть себе титул Великий, и о культурном воссоединении с современной европейской Ганзой речи не было.

Зато повсюду бодро открывались рабочие места, стремительно разрастались новостройки, а будущая интеллигенция, зарабатывая дипломы в нескольких городских вузах, увлеклась историческим прошлым легендарной северной столицы. Многочисленные отечественные варяги слетались со всех концов страны, наполняя опустошённый Второй Мировой бойней провинциальный городишко молодым энтузиазмом, свежим интеллектом, талантами. Прямо как в старые добрые времена. Даром что ли древние ильменские словены держали свой многовековой интерес на этом болотистом географическом перекрёстке? Укрепляя связи суровых варягов с книжными греками, новгородские посадские дети, боярство и духовенство получали вполне весомые дивиденды и с политики, и с торговли, и с ремёсел. Ну, а какое же ремесло без искусства?

Если аккуратно приподнять Великий Новгород над обоими берегами Волхова, да стряхнуть с него тысячелетний «культурный слой» (навоз времён), получим поразительную масштабную модель человеческого муравейника, где вековые уклады, скоротечные судьбы, традиции, современность пронизывают и взаимопроникают друг в друга независимо от социальных катастроф, которые пришлось пережить первому демократическому полису России. Мудрые, проницательные волхвы уверяли, что древний Хольмгард возведён на святой воде — и как раз в этом заключена его непотопляемая живучесть. Что ж, проводившие в конце прошлого века мониторинг акватории Ильменя шведы только подтвердили старую истину, заявив, что седой Волхов несёт в Ладогу, а затем в Балтику самую чистую в Европе водицу. Возможно, потому так славно работается в нашем городе мастерам да художникам. Хотя рынок произведений искусства в тихом малонаселённом областном центре отсутствует напрочь. Обе столицы, как прожорливые чёрные дыры, хищно оттягивают у нас и авторов, и артефакты. Там на них спрос выше, заработки больше, слава звонче. А личные творческие амбиции всегда были главным двигателем современного искусства. Кто ж не мечтает завтра утром проснуться знаменитым? Или хотя бы слегка востребованным.

РАСПИСНОЙ ФАРФОР СВЕТЛАНЫ КУЛИКОВОЙ

Светлана Александровна Куликова родилась в г. Дзержинск Нижегородской губернии. Окончила художественную школу по классу педагога В.И. Ганьшина. После переезда в Новгород работала технологом росписи по дереву на предприятиях «Агропрома», вела занятия детской изостудии на Новгородском фарфоровом заводе посёлка Пролетарий. Самостоятельно изучила и освоила технологию ручной росписи посуды, а также декоративной пластики из глазурованного белого фарфора — «белья».

Виртуозной орнаментальной, пейзажной, жанровой росписью Светлана превращает изящные фарфоровые предметы домашнего быта в сувениры, хранящие неповторимую красоту традиционного мастерства. Сам-то ведь по себе Господин Великий Новгород — не только великолепный ансамбль из руин восстановленных старинных храмов и монастырей. Это уникальный архитектурно-ландшафтный памятник русской государственности. Полный живописно-летописных преданий о легендарных и реально существовавших князьях, купцах, отшельниках, святителях, простых горожанах. Испокон веку он был и по сей день остаётся сокровищницей редчайших, оригинальных произведений искусства, созданных самобытно талантливыми мастерами. Фарфоровое «бельё», расцвеченное ручной росписью Светланы Куликовой — прекрасный тому пример. Оно абсолютно узнаваемо среди множества подобной сувенирной продукции.

А ведь когда-то главным признаком мастерства любого ремесленника считалась безымянная верность исконным национальным традициям. Но сегодня археологи навскидку оценивают возраст своих многочисленных находок: стекла, керамики, деревянной утвари, одежды и т.д. — по их соответствию типам и стилям, характерным для определённого исторического времени. Намётанный опытный глаз специалиста безошибочно определит, где псковская традиция, а где новгородская, по способу лепки, украшения, росписи, обжига керамики. Хотя для потомков и те гончары безымянны, и от их изделий остались одни черепки. Ибо не боги горшки обжигают, верно? К слову,

в зажиточном боярском Новгороде достаток любой семьи оценивался количеством битой посуды в приусадебной выгребной яме. Очевидно, это с тех пор стало правилом — бить её об голову супругов и сотрапезников. На счастье!

Будто сказочное наливное яблочко покатилось по блюдечку с золотой каёмочкой под кружевным киноварным орнаментом — и вот перед нами гордая златоглавая София, дозорные башни Кремля-Детинца, средневековые православные монастыри по крутым окоёмам нашей общей исторической памяти, именитые персонажи древнерусских былин. Сейчас Светлана с улыбкой вспоминает свою первую работу — фарфоровую собачку, тщательно оживлённую цветной затейливой росписью. Когда, замирая, открыла дверцу муфеля, даже вскрикнула от ужаса: собачкина мордашка была единственным светлым пятном, а вся остальная фигурка почернела от слишком большого жара внутри домашней печи для обжига. Навык пришёл со временем. Теперь её расписной фарфор, сияя красками, веселит и греет душу.

Люди, сведущие в восточной каллиграфии, понимают: мастером становится лишь тот, кто сумел объединить глаз-разум-сердце-руку-кисть. Роспись по фарфору требует того же. Плюс природное чувство колорита, ангельское терпение, героическое упорство, самоуглублённая отрешённость от мирской суеты. Такая работа сродни молитве. Она требует ежедневного уединения и абсолютной искренности автора. Чтобы выдумать, нанести, закрепить рисунок необходимы интуиция, безупречный вкус и... тёплое дыхание...

Садясь за стол, мы придвигаем к себе тарелку, с аппетитом поглощаем то, что в неё положили, а когда потом на кухне моем посуду, вдруг замечаем, что, оказывается, там ещё и нарисовано. Посуду, расписанную мастером Светланой Куликовой, можно ставить перед собой без съедобно-продовольственного наполнения и поглощать всё, что там изображено, с не меньшим аппетитом — в усладу сердцу. Это же прямо кино какое-то: терема-орнаменты-пейзажи-цветы-птицы-люди-звёзды! На одной старинной гравюрке человек, дойдя до края плоской Земли, просунул голову сквозь небесный свод и оторопело взирал на запредельный космос... Сюжеты Светланы завораживают своим оживлённым микрокосмом — гармоничной самодостаточностью волшебно-сказочного бытия. Она ведь не просто накладывает рисунок на вполне обычную чашку или вазочку, она сама вдумчиво, кропотливо проживает всю ту жизнь, которой заняты её персонажи. Щедро делясь с теми, кому такой сувенир приглянулся. Поэтому на её фарфоровых панно так много тишины, покоя, мыслей — и всё всегда свежее!

Выставки-продажи изделий расписанного Светланой фарфора проводились в Новгороде, Малой Вишере, Крестцах, на ярмарках Северо-Западного и Центрального регионов России, в Прибалтике, а также в городах Ганзейского Союза. Во многих домах Москвы, Санкт-Петербурга, Германии, Италии, Норвегии, США, Швеции, Японии фарфор её авторской росписи становится не только желанным гостем, почётным участником любого семейного застолья, но и символом традиционного респектабельного уюта. Ведь это ещё и славный подарочек на юбилей, именины, новоселье, свадебку, который новгородские гости могут увезти с собой как незабываемое воспоминание о встрече с тысячелетней историей такого древнего и такого хрупкого Государя Господина Великого Новгорода.

ЖИВОПИСЬ СЕРГЕЯ КУЛИКОВА

Сергей Александрович КУЛИКОВ тоже уроженец г. Дзержинск Нижегородской губернии. Там он окончил художественную школу по классу педагога Н.Ф. Кузнецова, а после переезда в Великий Новгород много лет посещал студию Эдуарда Иванова при городском дворце культуры. Сам — чуткий, эрудированный педагог, Сергей вёл занятия изостудии в культурном центре новгородского предприятия «Акрон», сотрудником которого является уже более тридцати лет.

Сергей — постоянный, творчески весьма плодовитый участник выездных пленэров на базе Новгородского дома народного творчества; завсегдатай собраний фольклорного коллектива Новгородского Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина; кроме того он активно на протяжении двадцати лет помогает Новгородскому киноклубу в организации фестивальных показов шедевров отечественного и зарубежного кинематографа, а также всех кинопремьер знаменитого режиссёра Александра Сокурова, с которым художника связывает многолетняя личная дружба.

Диапазон творческих интересов Сергея Куликова поражает воображение: иконопись, станковая живопись, графика, витражи, интерьерный дизайн, резьба по дереву, изготовление мебели, расписной фарфор, ювелирное искусство, русский музыкальный фольклор и т.п. Количество урбанистических и сельских этюдов, виртуозно исполненных в масле, акварели, пастели, гуаши, рисунке, не поддаётся исчислению. При этом каждая картина несёт на себе отпечаток яркой индивидуальности автора. Темпераментно работая в условной стилистике супрематизма, даже в портретах он создаёт эффектные живописные мифологемы, а для натурных, реалистических пейзажей находит композиционные решения, сближающие его собственное творчество как с древнерусской канонической иконографией, так и с народным лубком, а также с евразийной жанровой миниатюрой.

Друзья по живописному цеху знают Сергея как рубаху-парня. Его общительность, доброта, житейский оптимизм давно сделали его душой всех экспедиций велигородских художников. Лишённая пафоса ностальгия по уходящей натуре забытых полупустых деревень и выселков в труднодоступной глухомани Новгородчины впечатляет нежной грустью первозданной красоты русского севера, непритязательным бытом самочинного крестьянского хозяйства, невероятной живучестью традиционного сельского уклада. Характерной особенностью всех работ Сергея является покоряющая сердце простота и естественность пейзажа — какая-то по-особому чистая, незамутнённая радость автора от собственной сопричастности этой красоте. Рассматривая миниатюрные, иногда — в ладонь, этюды Куликова, зритель погружается в них, как в медитативный транс, и заворожённо готов следовать за художником по заповедным тропам его памяти, открывая для себя вполне знакомые, но такие умиротворяющие образы.

Обострённый, неутолимый инстинкт красоты заставляет Сергея мотаться по извилистым тропам велигородской тайги, бродить от погоста к погосту, от церквушки к церквушке, по ухабистым просёлкам кинутых на произвол природной стихии хуторов. С его ярких работ забытые или счастливо обойдённые цивилизацией крестьянские поселения взирают на нас пустыми

глазницами давно выплаканной тоски и печали. Сюжеты, колорит его живописных откровений надиктованы самой нашей реальностью, однако, горячие цыганские «кровя» автора бурлят, клокочут, пенятся десятками идей и замыслов, настойчиво требующих скорейшего воплощенья. Глубокое знание стилистического разнообразия живописного и культурного наследия позволяет включать в пейзажные композиции как частную судьбу персонажей, так и знаковые архитектурные мотивы, наряду с конкретными былинно-эпическими дискурсами — таким образом талантливо переводя вполне заурядную, скромную северную натуру с непритязательного дальнего фона на первый план зрительского восприятия. Однако это вовсе не сентиментально-романтическое очеловечивание природы, присущее современному горожанину, а её мифологизированная, архетипичная одушевлённость, столь характерная для славянского фольклора, но вовсе не стремящаяся к банальной кичевой красивости в ущерб естественной простоте. По глубокому убеждению художника, Россия — древний просторно-природный дом, чудом уцелевший под ураганом безжалостных кроваво-огненных столетий.

Куликов — безусловный лирик. Однако он философски осмысливает преходящую бренность бытия. Мусолить сусальное золото закатов, зеркальность озёрно-речной глади, ситцевую берёзовость опушек не в его правилах — он чутко улавливает ауру каждого конкретного места, умеет запечатлеть, донести до нас его неповторимость, при этом яростно заряжая свои работы неукротимой авторской энергетикой. В его полотнах природа — ласковый и нежный зверь — внимательно следит за человеком, пряча от него или доверительно открывая свою истинную сущность. Но она же — и труженица, и кормилица! А населяющий её шебутной человечий муравейник кажется чем-то случайным, временным, забавно беспомощным.

Без его насекомошной суеты планета вполне успешно обходилась миллионы лет и прекрасно обойдётся впредь. Кроме самого человека его грешными делами некому гордиться в этом лучшем из миров. Потому так веселят зрителя в работах Куликова жанровые сцены. Люди и техника вполне взаимозаменяемы, но вовсе не обязательны в придуманной обществом квази-реальности. И только храмовая архитектура хоть как-то успокаивает глаз посреди убогого, ущербного новодела. Что ни говори, а предки весьма вдумчиво заполняли своё жизненное пространство каменными шедеврами. Из дремучих инстинктов и чувственных впечатлений, через восприятие исторической связи человека с породившей его землёй автор приходит к просветлённому пониманию гармонии души и тела, рассудка, веры, красоты, гуманизма — в этом заключается пафос его яркого художественного таланта и высокий полёт творческого самовыражения!

Персональные выставки графики и живописных полотен Сергея Куликова проводились в Окуловке, Крестцах, Боровичах, Великом Новгороде. Его авторские работы приобретают коллекционеры Германии, Москвы, Норвегии, Петербурга, США, Франции, Швеции. Кредо художника — целенаправленное саморазвитие, поэтому он с энтузиазмом пользуется всеми возможностями, которые предоставляет творческому человеку близость таких культурных центров, как обе наши столицы. Посещение вернисажей в известных галереях для него давно стало правилом. Развозя многочисленным заказчикам сувенирный расписной фарфор, изготовленный женой Светланой, Сергей регулярно знакомится с актуальными тенденциями современного искусства, приобретает каталоги выставок, а потом щедро делится полезной информацией с друзьями и коллегами.

Семейный парусник Светланы и Сергея Куликовых выдержал многолетнее плавание в бурном житейском море. Им обоим свойственны активный творческий поиск, неповторимая авторская индивидуальность и глубоко личностный, не замыленный академизмом взгляд на красоту окружающего мира. Сменились века и даже тысячелетья, сменились общественно-политические формации и экономика страны. Тем не менее, живёт и свободно дышит в своей первозданной стихийности подлинная красота народного духа — исконная национальная идея нашего человеческого согласия. Многим кажется, что семья Куликовых знает какой-то особый рецепт гармонии — интегральной формулы успешного совместного творчества. Доброго здравия, благополучия, высокого полёта да благодарного зрителя — чего ещё желать трудолюбивым мастерам-супругам? Их яркое, пульсирующее подлинной страстью искусство вдохновляет и заряжает оптимизмом, а талант каждого из них вполне оценивается высокой степенью личной художественной уникальности.

Опыт позволяет принять и прожить судьбу такой, какая тебе досталась. Несмотря ни на что. И полувековые седины лебединой пары — не нафталин. По-прежнему ясен взор, всё так же светла нестареющая душа. Наблюдая, фиксируя жизнь во всех проявлениях, семья, как в молодости, бережно, но крепко держит кисть-весло и уверенно правит против мейнстрима в какое-то своё, ей одной ведомое, прекрасное далёко. Их крошечный кораблик выдержал долгое трудное плаванье. Путеводной звездой над ними — первородный инстинкт красоты. Когда они рука об руку проходят по городу, с ними раскланиваются, им смотрят вслед. Но что в них такого уж особенно притягательного? Да! Есть одно общее и совершенно явное — человеческое достоинство! К ним идут за советом, у них учатся житейской мудрости. Ну, ещё бы, ведь они владеют главным секретом семейного счастья! А вот это, знаете ли, не каждому даровано: чтобы тебя с малолетства крылом коснулось, осенило, обожгло и влекло по жизни твоё истинное призвание...

Фото на вкладке Александра Кочевника, Сергея Егорова, Ильи Куликова

Т.Б. Зозуленко

ЗАГАДКА БЕЗ РАЗГАДКИ...

Владимир Анатольевич Бабиков — член Союза художников России. С 1968 года после окончания Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. Мухиной живёт и работает в Великом Новгороде. Совместно с женой Риммой Григорьевной Бабиковой — тоже выпускницей ЛВХПУ имени В. Мухиной, — создал ряд монументальных работ — росписей, гобеленов для актовых залов, вестибюлей, столовых школ, училищ, ЗАГСа и других общественных зданий Новгорода. Эти большие по формату произведения создавали не только объём помещений, но и прежде всего свою удивительную атмосферу: яркую, энергичную, даже театральную, наполненную атрибутами весёлых праздников, музыкальными ритмами. Они нравились и взрослым, и детям, по-настоящему дарили радость и удивительные открытия. Столь же ярки, музыкальны, многозначительны и оригинальны его живописные работы, легко узнаваемые на любой выставке. Владимир Бабиков за 46 лет творческой работы в Великом Новгороде был участником многочисленных выставок: областных, региональных, в том числе выставки «Советский Север», всероссийских и зарубежных. В 2013 году в выставочном зале Музея художественной культуры Новгородской земли в Десятинном монастыре состоялась первая в жизни художника персональная выставка, посвящённая его 75-летию. Тогда для многих творчество В. Бабикова стало настоящим открытием. В своих полотнах он смело смешивает реалистическое и абстрактное, фантазии и библейские темы...

Когда я спросила, как это у него, всю долгую творческую жизнь прожившего в Новгороде, хватило терпения до сих пор не показывать свою персональную выставку, он весело ответил:

– А так интересней. Ведь такие нечастые экспозиционные выступления несут в себе определённо положительную окраску. Смотрите, сколько людей пришло на выставку. И мои коллеги, и студенты — мои теперешние и бывшие ученики, многие даже уже со своими детьми, и преподаватели, и просто незнакомые люди... Значит, им интересно. Не хотелось бы уподобляться многим нашим эстрадным певцам, пусть даже талантливым, которые не сходят с экранов и людям уже давно неинтересно на них смотреть и их слушать.

В.А.Бабиков на открытии персональной выставки

– Вы — философ? Ваши «библейские сюжеты» говорят об этом.

– Можно и так сказать. Вот эта работа — «Зависть» (2000), — говорит художник. — Она, казалось бы, на библейскую тему. Её по задуманному образу надо было так сделать, чтобы чуточку было от иконы, но не слишком. Потому что зависть — это не сегодняшнее состояние (явление) и не вчерашнее. Она была, есть и будет всегда, пока жив человек. И будет влиять на судьбы людей и даже на историю. Это не значит, что зритель мою задумку сразу поймёт. Но он скорее её почувствует... А может, даже узнает некоторых из моих героев. Ведь у меня это — реальные люди. Когда пишешь, вспоминаешь каких-то людей, определённые эмоции, состояния... Вот и получается, что окружают Иисуса (или, может, просто одарённого человека) не столько друзья и святые, сколько завистники. Смотрите, как один из них, самый недоверчивый, пытается дотянуться, дотронуться до нимба, словно говоря: «Не может быть, чтобы он был умнее, талантливее меня». Зависть растёт на недоверии. Или на безверии. Или недоверие растёт из зависти. Как хотите... — В этой работе мне нравятся какие-то цветовые отношения — как зелёный соединился с фиолетовым, серым..., как связаны группы людей, окружающих Христа, как всё это вместе будет воспринято зрителем. Зависть — это, конечно, нехорошее чувство. И с ней надо в себе бороться. Я думаю, что человек, который увидит эту работу, может быть, задумается над тем,

«Зависть», холст, масло, 2000 г.

несвойственно ли это и ему, и, если почувствует и в себе зависть, то хотя бы частично настроит себя на другой лад. Я замечал, что это действительно влияет на людей. Мне кажется, есть вечные темы, которые всегда будут волновать людей, бередить души, хотя, конечно, этих примеров, в том числе зависти, корысти, эгоизма, себялюбия будет ещё бесчисленное множество во все времена, так уж устроен человек...

На холсте Христос в красивых голубых одеждах сидит на каменистом возвышении с мудрым и спокойным лицом, а вокруг — двенадцать апостолов с очень выразительными напряжёнными лицами. Может, это сам художник и его собратья, не лишённые творческой зависти? А один, особенно недоверчивый, даже протягивает руку к нимбу, словно вопрошая, почему именно ты — избранный, разве ты лучше и умнее других? На первом плане лежит перевёрнутый вроде уже никому не нужный старинного литья бокал. Может, это таинственная чаша — Святой Грааль? Подними её, и вдруг она поведает что-то очень важное для людей. Для этой изящной картины художник выбирает не только библейский сюжет, но и манеру древнерусских иконописцев.

– В этой работе заметно влияние иконописи, как написаны складки одежд Иисуса и его учеников, фон... Вы считаете, что Иисуса можно изображать только так, в древней почти библейской манере?

– Нет, есть многочисленные примеры изображения Иисуса современным человеком. Но мне казалось более убедительным изобразить его и его товарищей именно так, по-библейски. Не натуралистично, конечно, а немного как бы с пониманием, что в искусстве, древнем искусстве, вот такие прорисовки рук, ног, одежд, ликов были очень важны. И сейчас они чуть-чуть настраивают современного художника на тот лад, чтобы чувствовалось, что эта изобразительная часть относится к тому времени, а не сегодняшнему. Ведь то время — все 33 года земной жизни Христа, за две тысячи лет так часто звучали во всех видах искусства, в том числе изобразительном, воспевались и анализировались, что, кажется, действительно вечны...

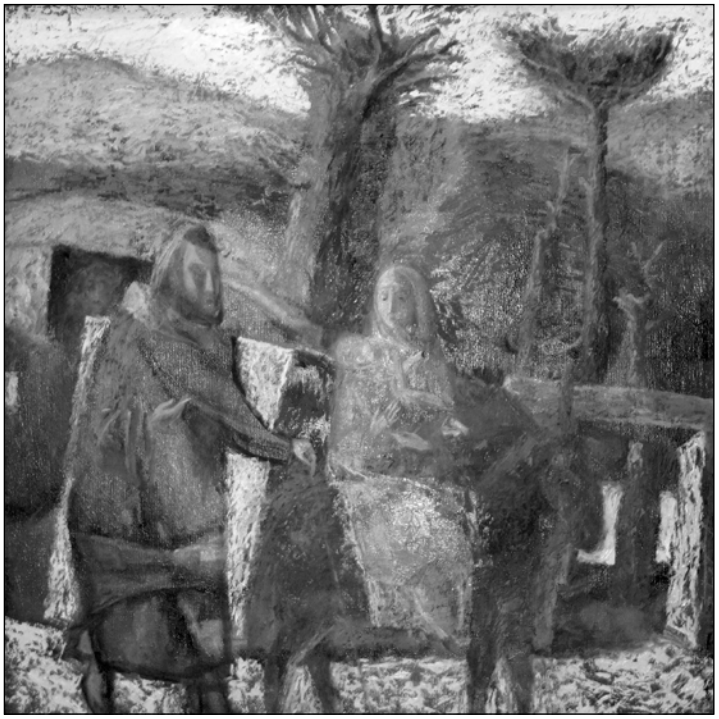
И ещё один его «Библейский сюжет» (1991). Въезд на ослике в Иерусалим. С красивым, очень гармоничным, но напряжённым колоритом. Кажется, в воздухе повис немой вопрос: что ожидает здесь, в этом огромном душном жарком многолюдном городе? Признание? Или это предчувствие неотвратимой беды?

– Да, часто задумываешься над тем, как устроен этот мир... И это не всегда радует, — философски замечает художник.

– И всё же Вы находите его красивым и удивительным. Или для этого нужно абстрагироваться от реальности, «включить» чувство юмора, как Вы это сделали, например, в сюжете с рыбаком и ангелом? Его можно трактовать по-разному. Но Вы ясно дали понять, что рыбак упрямо гребёт на своей лодчонке, как ему кажется, вперёд, не обращая внимания на то, что по-настоящему верный путь ему указывает летящий ангел совсем в другую сторону.

– Да, люди не всегда могут разглядеть своё предназначение, как и мой рыбак...

– Сюжеты многих ваших картин — загадка. Начинаешь разглядывать — и погружаешься в какой-то особенный мир... Вот и Новгород с его многочисленными

«Библейский сюжет», холст, масло, 1991 г.

«Ярославово дворище»

памятниками древнерусского зодчества Вы изображаете по-своему, и тоже загадочно. Но это скорее относится к загадке создания на земле прекрасного и вечного.

– Когда мы приехали сюда по распределению молодыми художниками, мне сразу очень понравился сам город, удивляла его история, памятники древнерусской архитектуры. Это ведь столица древней Руси, как бы сейчас затихшая. Но в интересной архитектуре Великого Новгорода и сейчас чувствуется застывшая мощь. Меня всё это поразило. Я остро почувствовал русскую историю, культуру. Наверное, ещё и потому, что учиться в Петербург (Ленинград) я приехал из Средней Азии, а там всё по-другому...

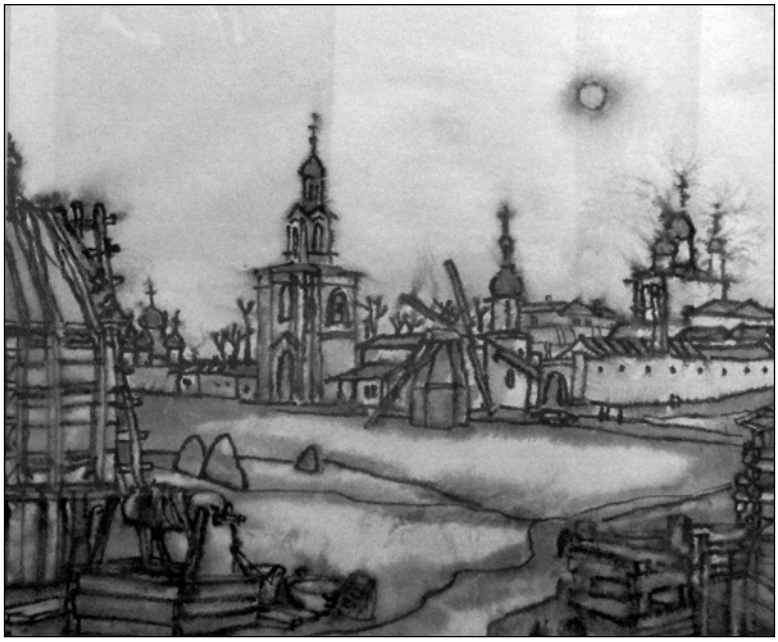
Много раз он писал и рисовал Великий Новгород, Софийский собор, древние монастыри. Особенно любил Юрьевский монастырь. Его он изображал по-разному и в разных техниках. Но всегда ярко и с большой любовью. Древний монастырь у него живёт активной деревенской жизнью, наполнен творчеством, музыкой, весельем... Может потому, что здесь долгие годы были мастерские художников, в которых они не только работали, но и жили весёлой, активной творческой коммуной и наполняли монастырскую территорию богемной суетой. И ещё — большим интересом и любовью к творчеству друг друга, тогда таких молодых, талантливых и амбициозных...

Музей деревянного зодчества Витославлицы с привезёнными из разных деревень новгородской земли и отреставрированными высокими избами, церквами, маленькими часовенками удивительной рукотворной красоты Владимир Анатольевич изображает тоже по-своему, оригинально, словно собирая их в своеобразные хороводы.

– Я не знаю, как я выбираю. Вот, например, такой сюжет — «Праздник в Витославлицах». Почему он у меня так там заворачивается — я и, правда, не знаю. Но мне интересно и весело. Мне кажется, в этом сюжете есть возможность сделать что угодно, только оттолкнувшись от идеи и самого этого яркого народного праздника, возрождающихся традиций. Вот у меня получилось так.

Есть у него много лирических полотен. В «Вечерней прогулке» (1990) с собаками всё так спокойно и красиво. И так удивительно. Домики, церковь. И неожиданно в небе — две большие красивые рыбины. И ещё свисает гроздью связка мидий. Впрочем, возможно, это не небо, а озеро Ильмень вдалеке. Или так он изобразил какие-то отрывочные воспоминания о далёких приятных вечерних прогулках? Всё здесь пронизано добрым юмором, лёгкой иронией. И руки гуляющей пары так причудливо переплетены, то ли он её обнимает, то ли она его... Или оба обнимают друг друга. Эта шутка делает картину очень живой и подчёркивает глубокую связь этих людей – мужчины и женщины, проживших вместе долгую семейную и творческую жизнь и так хорошо чувствующих и понимающих друг друга...

– Ну да. В «Прогулке», казалось бы, мало реальности. Конечно, маловероятно, чтобы в облаках были такие большие рыбины. Но мне так нравится. Или вот это женское лицо... Оно удивительно. Всё это мне напоминает тихие вечерние прогулки, разговоры интересные, какое-то удивительное настроение, почти нереальное (но я его чувствую) состояние. Я и хотел его передать. Какие-то видения наяву. И всё вверх ногами. Вон там коза идёт по проволоке тоже вверх ногами. Тут можно дописывать сколько угодно. Но мне кажется, «заквашено» всё нормально.

«Юрьево»

«Аттракцион», холст, масло, 1994 г.

А «заквашенное» действительно представляет собой яркое какое-то бесшабашно весёлое и немного грустное действо. Быстро посмотришь — видишь ковёр с яркими красками, каким-то дивным узором и орнаментом. А присмотришься — чего там только нет! И всё удивительно. И неожиданно. Настоящая жизнь кипит и катится колесом, как солнце в сказках...

«Масленица. Продавец весёлых колокольчиков с петухами» (1991). Яркое изображение церквей, колоколен, будто танцующих под весёлую музыку скоморохов... На переднем плане — мужичок на лошади посреди яркой многолюдной площади. То ли крестьянин, то ли торговец чем-то праздничным. А может, святой, такой у него иконный лик? А он — «Продавец весёлых колокольчиков». Да ещё обладатель такого большого былинного петуха с разноцветными перьями, который тоже восседает на лошади рядом с мужиком. Тут две девицы в замечательных милых шляпках встретились в толпе и радостно целуются. И музыканты на башне играют что-то развесёлое... Праздник!

Его работы действительно очень ярки и музыкальны. Иногда они кажутся театральными декорациями. Вот и «Аттракцион» (1994) — настоящее праздничное цирковое представление со скоморохами... И ещё он обязательно изображает разнообразные музыкальные инструменты: флейты и дудочки, скрипки и трубы, ложки и колокольчики... В «Натюрморте с керамическим цветами» холсты, причудливые диковинные предметы, собранные в мастерской художника, создают удивительный мир творчества, где рождается что-то новое и прекрасное и часто звучит скрипка, возможно, та, на которой играет (и играла на открытии выставки) его внучка Машенька.

– Птица счастья — «Птица Сирин». Её все ждут, — говорит художник. — Вообще мне нравится фольклор, древнее русское искусство, народное творчество. Анималистические темы в них. Они удивляют и радуют. Поэтому и у меня они часто звучат.

Вообще праздник, музыка, песни, театр, фантазии на эту тему, пожалуй, самые любимые на всю его творческую жизнь. Как и образ Птицы счастья — невероятной выдумки народа, смешавшей были и небылицы. У него птицей счастья может быть не только Сирин, но и простой петух. Впрочем, какой же он простой, если он ростом почти с пол лошади, на которой восседает рядом с мужиком... Но Счастье и должно быть Большим.

– Владимир Анатольевич, у Вас на холстах всегда так много всего изображено, будто закодировано. Можно увидеть то, о чём вы говорите, а можно картину воспринимать совсем по-другому или просто красивой ковровой композицией. Кстати, и этого будет достаточно, чтобы получить удовольствие от увиденного. А если бы ещё и разгадать Ваш «код»... Вы специально делаете всё так загадочно? Хотите заманить зрителя в свой мир?

– Может быть... — улыбается он. — Вот мои «Серегижские цветочницы» (1990). Это девушки из деревни Серегижи за Частовой. Туда ещё пять километров идти пешком... Я увидел их, бегущих на остановку автобуса с вёдрами, наполненными цветами... Они собирались ехать в город, чтобы продать цветы. Я залюбовался ими. Конечно, в

«Серегижские цветочницы», холст, масло, 1990 г.

«Натюрморт с витражом», оргалит, масло, 1999 г.

жизни всё было не так красиво. Ни одежда, ни деревня. Но мне понравилось. И вот что у меня получилось...

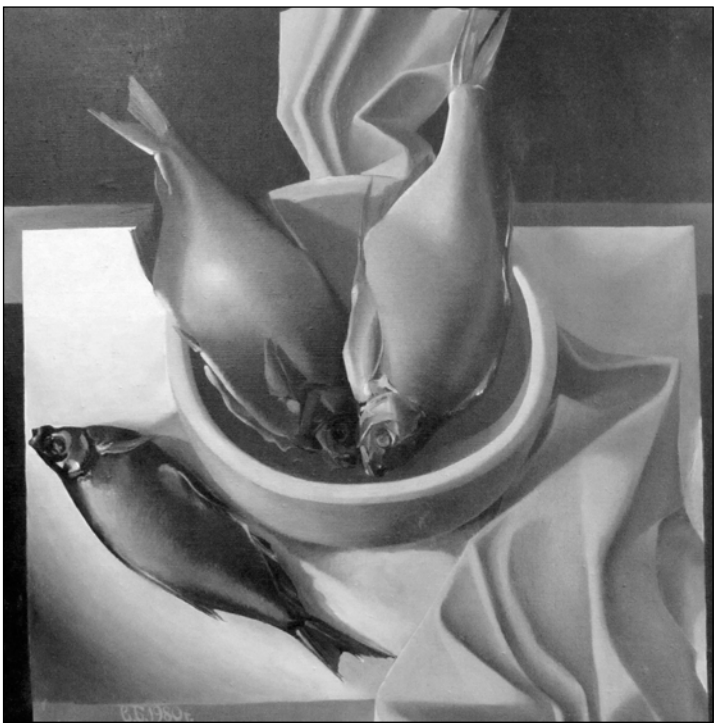
Бегут по деревенской улице весёлые нарядные кокетливые девушки с тонкими чертами лица в изящной одежде и высоких шляпах скорее из западного средневекового города, чем из российской деревни. Но — с коромыслом на плечах. А на коромыслах — вёдра с цветами. Ах, это милые цветочницы, бегущие скорее продать свой благоухающий нежный товар... А над ними, на фоне ярко-жёлтого почти золотого от лучей солнца неба, над маленькими деревенскими домиками летит быстрый конь — серебристый Пегас с широко раскинутыми в полёте крыльями, будто поднял их над землёй и несёт над родной деревней, над всем миром с сумасшедшей радостной скоростью... Это — вдохновение художника, создающее его особенный мир и окрашивающее всё вокруг в только его кисти присущие густые сложные тона и их причудливые переливы. Картина очень динамична. Здесь всё в движении. Даже сама улица. Каким чудом добивается этого художник — загадка. Загадок у него вообще много. Недаром студенты на его персональной выставке в Музее художественной культуры Новгородской земли подолгу стояли то у одной, то у другой картины, споря и пытаясь разгадать, что же имел ввиду художник. А сам он думал уже о новых планах.

– Владимир Анатольевич, Вашим живописным полотнам присущи какие-то особенные тона и краски... Будто из них лучится нежный свет. Особенно это заметно в изображении Новгорода.

– Дело в то, что мы живём в Северной зоне, где колорит чуть-чуть сдержанный. Это совсем не юг, где много солнца, ярких растений... А мы ближе к Санкт-Петербургу, который чаще всего такой немножко серебристо-туманный, пасмурный. Это и грустно и как-то таинственно. Вот на меня это и повлияло. Поэтому сдержанные краски для меня более приятны и приемлемы. Если я уезжаю куда-то на юг, там хочется писать по-другому. У меня есть такие работы. Что-то я рисовал на Иссык-Куле. Там всё по-другому. А на новгородской земле очень сдержанные цвета, но очень красивые, даже благородные. Я думаю, что это влияет даже на формирование характеров людей. Люди здесь тоже сдержанные, сами в себе, но достаточно дружелюбные, открытые, даже где-то бесшабашные. Послушайте на празднике, как они горячо говорят, кричат, жестикулируют, что-то доказывая друг другу. Новгородцы же умели и выйти на кулачный бой, и намять друг другу бока. Но всё-таки они это делали не злобно, не агрессивно, не как с врагом, а так, по-дружески, силушку показать. А потом вместе весело могли и за петухом на столб полезть, и в пляс пуститься... Праздники ведь всегда на Руси были потехой, разрядкой от нелёгкого труда. Это и есть наша северная среда, в которой мы и сейчас живём, формируемся. Это, конечно, на живопись тоже влияет. Я так чувствую.

– И все эти чувства, наблюдения, представления о новгородских праздниках вылились у Вас в яркие картины со скоморохами, петухами, диковинными музыкальными инструментами...

– Я ведь только коснулся этим своим рассказом деталей жизни и праздников новгородцев. Хотел показать новгородское гостеприимство, открытость,

«Новгородские лещи», холст, масло, 1980 г.

дружелюбие людей, их желание как-то развеселить, пошутить, и у них своё душевное понимание доброжелательности. И щедрость их, отзывчивость в праздники тоже раскрывается. Игры, веселье скоморошье, уличные представления, умение вместе повеселиться, посмеяться, всё это мне нравится. По-настоящему получаешь какой-то сильный заряд, который выливается на эти полотна. Конечно, это всё не в прямую, не в лоб, показать не конкретно какой-то аттракцион. У меня нет желания передать это всё натуралистично. Хочется рассказать со своей позиции художника. Тут важно даже не само событие, а его решение на холсте, находишь такие элементы, которые формально держат всю композицию, строишь взаимодействие всех фигур, находишь нужный колорит, чтобы точнее передать то или иное настроение. Некоторые художники, когда пишут праздники, стараются как бы цветом, может быть, даже перегрузить свои работы. Мне же ближе работы сдержанные по колориту. Это созвучно мелодии. Я люблю музыку, пение, гармонию в этом. Пожалуй, это то, что все понимают. Древние говорили: «Красота в глазах смотрящего». Если этот глаз воспитан воспринимать красоту, если он может её рассмотреть в этом огромном и не всегда приветливом мире, — то он — счастливый человек. И это для него спасительно.

«Натюрморт с цветами», холст, масло, 2008 г.

– В Ваших работах много фантазии, есть реализм и абстракции. Вы сами как-то определяете жанр, в котором работаете?

– Я об этом стараюсь не думать. Потому что я вижу, что складывается на холсте и как складывается. Важно именно то, что в конечном итоге получается, а не то, что ты предположил написать. Иногда в этом такие большие разногласия. Вот хочется сделать одно, а потом видишь, что всё складывается совсем по-другому, То есть всё рождается именно в момент исполнения и как бы само собой. И внутренне ты ощущаешь и цвет, и рисунок, и пластику, собственно, сам цветовой образ. Порой и сам не знаешь, как всё это выйдет в конечном счёте. А если получится — и сам радуешься...

– Помните, как в лирике А. Тарковского:
«Нас повело неведомо куда,
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города...
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...».
Пожалуй, это не только о любви, но и о самом творчестве?

– Да. И многое складывается как-то интуитивно, что ли. Если видишь, что получается что-то красивое, стараешься не разбить, не раздробить этот натюрморт. А сделать его и цельным, и в тоже время каким-то рождающим ощущение цветовой насыщенности, но при этом сдержанной насыщенности. Вот так я чувствую. Меня вполне устраивает небольшая условность изобразительная, даже в тех натюрмортах, пейзажах, которые кажутся вполне реалистичными, и большая доля фантазии и выдумок.

– Многое ещё хочется успеть сделать, — продолжает художник. — Вот только жаль, что мало времени для творчества остаётся. Прихожу в мастерскую после занятий в университете (он преподаёт на кафедре художественной и пластической обработки материалов НовГУ имени Ярослава Мудрого — ***Т.З.***) и никак не могу настроиться писать. Мысли ещё заняты студентами, планами и переключиться на творческую волну очень трудно. Настроишься, а на часах уже почти полночь. Всё. Опять ничего не успел. Ведь для творчества нужен особый настрой, какое-то душевное равновесие, спокойствие. А если какое-то беспокойство чувствуешь, то такая же и работа получается. А это совсем не то, чего бы ты хотел...

А хочет он всегда чего-то необыкновенного, что и происходит часто в его работах. Помните, как метко сказал великий поэт о таланте, делающем из окружающей его заурядной жизни настоящий шедевр: «А вы нктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?». ВЛАДИМИР БАБИКОВ СУМЕЛ.

Фото автора

В.В. Демидов

О ЛЯДОВЕ, КОТОРЫЙ ВСЁ ЖЕ ПОБЫВАЛ В НОВГОРОДЕ

Как известно, в Европе в XVII–XVIII веках славилась немецкая музыкальная династия Бахов. В России с конца XVIII, в XIX и XX веках тоже имелась музыкальная династия — Лядовых, которая дала России несколько десятков известных в своё время дирижёров, пианистов, скрипачей, виолончелистов, певцов, танцоров, актрис, литераторов.

Празднование 1150-летия российской государственности дало повод вспомнить о некоторых представителях этого славного рода.

Выдающийся композитор, дирижёр, педагог и музыкально-общественный деятель Анатолий Константинович Лядов (1855–1914), родившийся в Петербурге, нигде в своих письмах не упоминал о нашем городе и никогда в нём не бывал. Не приезжали в наш город в XIX веке и другие представители рода Лядовых. Кроме одного. Но то был особый случай.

Анатолий Лядов. 1871 г.

Жизнь Анатолия Константиновича делилась, в основном, между северной столицей и Боровичским уездом Новгородской губернии, с которым музыкант был связан около пятидесяти лет. В детстве и юности он приезжал в боровичские места на каникулы, которые проводил в имениях своих тётушек со стороны отца и рано умершей матери. После женитьбы в 1884 году на Надежде Ивановне Толкачёвой Анатолий Константинович почти ежегодно до самой своей смерти проводил летний отпуск в доме родителей жены в усадьбе Полыновка[1] под Боровичами.

В Петербурге Лядов работал в Консерватории и Придворной певческой капелле. Среди его учеников были составившие впоследствии славу советской музыки композиторы С.С. Прокофьев, Н.Я. Мясковский, Б.В. Асафьев, дирижёры Н.А. Малько и А.М. Пазовский, певцы П.З. Андреев и И.В. Ершов и многие-многие другие. Как стало известно относительно недавно, Сергей Рахманинов тоже некоторое время занимался у Лядова[2], как и автор музыки нынешнего гимна России А.В. Александров.

Преподавательская работа отнимала много сил и времени, не оставляя их для сочинения, и поэтому Анатолий Константинович сразу после завершения учебного года (в конце мая) уезжал в Полыновку, чтобы там, в тишине и покое, создавать свои произведения.

Поскольку и в те времена Новгород был тупиковой железнодорожной станцией, композитор ехал поездом из Петербурга, минуя Новгород, прямо в Боровичи. Оттуда до Полыновки — три версты на лошадях.

...152 года назад Новгород, как и в 2012 году, был центром общегосударственных торжеств. Открытие памятника «Тысячелетие России» ознаменовалось приездом царской семьи с обширной свитой, видных светских и церковных сановников, военачальников, и, разумеется, авторов проекта и его исполнителей. Город был наводнён военными, прибывшими для проведения парада. Газеты и журналы наполнялись подробными и красочными описаниями событий тех праздничных дней.

Согласно программе праздника, в воскресенье 9 сентября, с 9 часов вечера, новгородское дворянство давало государю императору[3] бал. Бал проходил в здании Дворянского собрания, соответственно украшенного и снаружи, и внутри. Кроме «очень красивого главного танцевального зала» и «роскошного буфета» один из современников[4] отметил, в частности: *«Оркестр музыки помещался в зале на эстраде* (так в тексте — ***В.Д.***), *отделенной и убранной цветами и зеленью»*[5]. Другой[6] вспоминал (орфография сохранена — ***В.Д.***): *«Все мужчины, кроме художника Микешина, были в мундирах. Около 10 часов вечера государь император, государыня императрица, государь цесаревич и все лица, принадлежавшие к высшему семейству, прибыли на бал. Музыка (известный оркестр Лядова) заиграла, и бал открылся, по обыкновению польским»*[7]. *«После польского начались кадрили, польки, вальсы и мазурки, превратившиеся к концу бала в котильон»*[8].

Вот, собственно, и всё, что известно об оркестре и его репертуаре. О дирижёре не сообщалось ничего. Даже инициалы не были проставлены, как будто речь шла о человеке, всем давно и хорошо известном.

Кто же этот таинственный музыкант? По прочтении вышеприведённых строк я сразу же подумал об Александре Лядове. Собственно, точно также ответили бы на поставленный вопрос и многие меломаны в XIX веке: Александр в воспоминаниях современников представал «чародеем блистательных балов», «любимцем императора». А его оркестр был украшением многих петербургских праздников.

А.Н. Лядов

Александр Николаевич Лядов (1808–1871) был талантливым скрипачом, учившимся, в основном, у отца[9]. В девятнадцать лет он по прямому приказанию члена театрального комитета графа М.Ю. Вильгорского стал артистом бального оркестра Императорских театров. Это могло означать только одно — признание незаурядного таланта юноши. Благодаря способностям и пробивному характеру молодой человек, самостоятельно освоив дирижирование, быстро выдвинулся, но, к сожалению, погубил свой талант пьянством. Вот один из характерных документов (*орфография сохранена — **В.Д.***):

«Конторе Императорских театров.

При представлении 8 октября в Александринском театре замечен в нетрезвом виде находившийся в театре и заснувший в бенуаре дирижер балетной труппы Александр Лядов. Подобное предосудительное поведение в виду всей публики не извинительно вообще, и в особенности для артиста, долженствующего по званию своему (дирижера оркестра) служить примером для младших противу себя. В следствие этого и предписываю конторе сделать на сей раз строгое замечание дирижеру Лядову с подтверждением вести себя впредь приличнее.

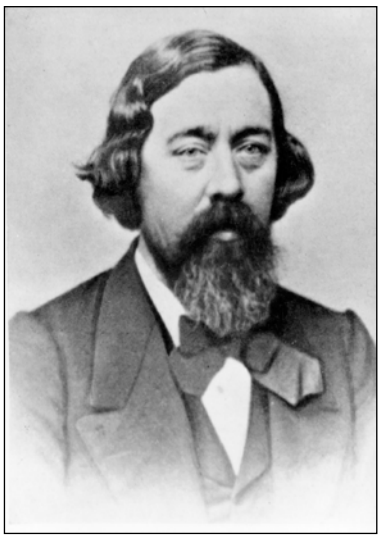
СПб 9 октября 1851 г.

Директор Императорских театров

Действительный статский советник Гедеонов (подпись собственноручная)».

Проступок был не первым, но и на сей раз всё обошлось: шутка ли — приближённое к императору лицо! К тому же, Александр не стеснялся к месту напомнить, что он *«управлял оркестром и был употреблён на балах и маскарадах при дворцовых и **особенных комнатных дворцовых** (выделено мной — **В.Д.**) балах»*[10].

Из-за своей порочной склонности музыкант был кругом в долгах. В частности, в его личном деле имеется счёт буфетчика Александринского театра за десять бутылок вина и «долг за прошлое время» с просьбой о взыскании с А. Лядова. В 1850 году долги Александра превышали его годовое жалованье, а было оно по тем временам немалым — 1040 рублей. Двенадцать лет длилась судебная тяжба с кредиторами, сопровождавшаяся описью имущества.

К.Н. Лядов

Но полно! Тот ли это Лядов, упоминавшийся в газете в связи с празднествами? Ведь были же и другие! Например, младший брат Александра Константин (1820–1871), талантливый композитор и тоже дирижёр. Вот что много лет спустя писал о братьях в своих воспоминаниях А.А. Нильский[11] (*орфография сохранена — **В.Д.***):

*«В другом случае его (Константина — **В.Д.**) музыкальное дарование сказалось в еще большей силе, но лавры достались уже не ему, а его родному брату, А.Н. Лядову, балетному дирижеру и непременному капельмейстеру на балах при высочайшем дворе. Это было так: В день придворного бала Александр Николаевич получил приказание явиться рано утром к государю Николаю Павловичу и, конечно, в назначенный час он был уже во дворце.*

– Не знаешь ли ты (такого-то) вальса, игранного в Берлине в прошлом году?

– Не знаю.

– Жаль! Он очень понравился императрице. Надо сделать ей сюрприз.

– Но в Петербурге нет возможности его достать. К следующему балу я его выпишу.

– Нет, я бы хотел именно сегодня. А что если я тебе мотив просвищу, я его помню отлично. А ты не сумеешь его переложить на оркестр?

– За успех ручаться не посмею, но постараюсь.

Лядов набросал насвистанный вальс на клочке нотной бумаги, прямо из дворца отправился к брату и упросил его помочь разрешить эту трудную задачу. Константин Николаевич присел к письменному столу и через два с половиной часа вручил брату аранжировку берлинского вальса, который был быстро разучен. Вечером он исполнялся во дворце, император остался доволен и А.Н. Лядов получил дорогой царский подарок»[12]. В других источниках подарок расшифровывается как перстень стоимостью свыше 1000 рублей. Константин же не получил ничего. Вот так обошёлся с ним старший брат.

Естественно, что Александр Лядов симпатии не вызывал. Поэтому неудивительно, что его молодой племянник, ученик Петербургской консерватории Анатолий Лядов, тот самый, о котором шла речь в начале данной статьи, в письме к мужу своей сестры, И.А. Помазанскому[13], писал: *«Александра Лядова один раз видал — и довольно, больше не хочу»*[14]. Более того, во избежание путаницы с дядей он впоследствии подписывался только «Ан. Лядов».

* * *

Материалом для данной статьи послужило исследование Анатолия Евгеньевича Помазанского. Этот правнук Александра и Константина Лядовых, 1919 года рождения, проживает в Петербурге. Исследование под названием «Лядов Константин Николаевич. Первый капельмейстер Мариинского театра» было написано им в 2000 году. Очистив имя своего прадеда Константина от незаслуженных наветов со стороны недобросовестных историков, безответственных газетчиков и небрежных чиновников, автор пишет, в частности, о путанице между братьями Александром и Константином, которого многие считали алкоголиком[15]:

*«Вот теперь, почему я вернулся к этому вопросу? Ведь они оба — мои родственники. Мне их обоих жаль. Одного (Константина — **В.Д.**) потому, что к нему несправедливы история и историки. Другого (Александра — **В.Д.**) потому, что я его разоблачаю, вынужден говорить о нем плохое. Документы документами, а вдруг... И я решил заручиться независимой экспертизой. В наше время в каждом районе Петербурга имеются наркологические учреждения, в которых находятся на учете наркоманы и алкоголики. Обратившись к практикующему врачу, психотерапевту-наркологу Приморского района, я спросил:*

– Можно ли по фотографии определить алкоголика?

– Да, конечно, — ответил он.

Ничего не объясняя, я положил ему на стол две фотографии — Александра и Константина, попросив определить, кто алкоголик. Он внимательно посмотрел и, уверенно указав на Александра, заявил: „Этот наш, его надо ставить на учет, а тот — нет". Я объяснил ему, что оба умерли более ста лет тому назад, объяснил суть и поблагодарил за экспертизу. Теперь я спокоен: ошибки нет».

Так всё-таки кто же из Лядовых побывал в Новгороде 152 года тому назад? Ответ на этот вопрос нашёлся неожиданно и совсем недавно. 19 октября 2012 года в телефонном разговоре с вышеупомянутым А.Е. Помазанским я узнал о найденном им документе. Вот он:

Рапорт

режиссёра балетной труппы Ивана Мареeля.

«Министру Двора угодно было, чтобы Александр Лядов дирижировал оркестром при балете „Дочь фараона"[16] в воскресенье 21 числа января 1862 года. Вместо этого он прислал прошение об отставке с приложением докторского свидетельства. 20 января 1862 года».

В свидетельстве ординатора Валовского отделения больницы чернорабочих было написано об Александре: *«Заболел ночью с 19 на 20 января 1862 года приливом крови в легком и... ему... мною запрещено выходить из дому».*

До спектакля оставались сутки. В этих условиях заменить уволенного Александра было под силу только Константину. Таким образом, мы можем смело утверждать, что в торжествах сентября далёкого 1862 года участвовал именно Константин Николаевич Лядов, который оказался единственным из Лядовых, посетивших Новгород.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ныне окраина города.

[2] Михеева М.В. Лядов — учитель Рахманинова // Непознанный А.К. Лядов / ред.-сост. Т.А. Зайцева. Челябинск, 2009. С. 270–277.

[3] Александру II.

[4] Тысячелетие России. 862–1862 г. в Новгороде / сост. В. Колохматов. Новгород, 1863. С. 59.

[5] Там же. С. 58.

[6] Из воспоминаний современника. 8 сентября 1862 года // Русская старина. 1888. Т. 57. С. 12.

[7] Полонез.

[8] См. сноску 4.

[9] Лядов Николай Григорьевич (1777–1831), скрипач и дирижёр.

[10] Записка А.Н. Лядова капельмейстеру К.А. Кавосу о прибавлении жалованья. 1829 г. // Вольф А. Хроника Петербургских театров. СПб, 1877.

[11] Нильский Александр Александрович (1840–1899), актёр Александринского театра.

[12] Нильский А.А. Закулисная хроника. СПб, 1897.

[13] Помазанский Иван Александрович (1848–1918), арфист, композитор, дирижёр, хормейстер Мариинского театра.

[14] [20 писем А.К. Лядова к И.А. Помазанскому]. ОР РНБ. Ф. 449. ед. хр. 44.

[15] Одной из невольных жертв этой дезинформации оказался Н.А. Римский-Корсаков. Приведу следующие его слова о Константине Лядове: «Отец Анатолия, **говорят** (*выделено мной — **В.Д.***), под конец жизни чувствовал себя несчастным по утрам, пока не выпивал стаканчика водки, а вечером дремал, сидя за дирижерским пультом. В беспрерывных кутежах и попойках заглохли его блестящие музыкальные способности». (Римский-Корсаков Н.А. «Летопись моей музыкальной жизни». М., 1955. С. 116).

[16] Балет Ц. Пуни (1802–1870). Это был второй спектакль. Премьера состоялась 18 января 1862 года в петербургском Большом Каменном театре.

Л.В. Федина

ГОСТЕВАЯ КНИГА ЦЕНТРА МУЗЫКАЛЬНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ В.И. ПОВЕТКИНА

«...И хорошо, что есть высокая светлая горница —
Дом Владимира Ивановича Поветкина — Центр
бесконечного круга друзей, единомышленников,
где можно молчать и слушать...»
Анатолий Ануров

Кто сегодня в Великом Новгороде не знает этот небольшой красивый дом с бревенчатой пристройкой, деревянным коньком на крыше и дивной красоты резным крылечком, приютившийся на живописной поляне, неподалеку от Ярославова Дворища. Это знаменитый на весь мир Центр музыкальных древностей. Его создатель, Владимир Иванович Поветкин — выдающийся учёный и блестящий публицист, реконструктор и реставратор, художник и музыкант. Судьба иногда создаёт таких людей, характер, духовный мир и дарования которых столь замечательны и велики, что им уготован высокий удел очищать души и будить сердца людей. Таким был Владимир Иванович. И свидетельством тому — сотни записей посетителей Центра музыкальных древностей, представителей разных народов России и мира, высказавших свой взгляд на дело его жизни в Книге посетителей или Гостевой книге Центра.

В определённом смысле эта книга представляется уникальной. Она является не только хроникой создания, жизни и деятельности единственного в своём роде культурного центра, но и своеобразным памятником народного самосознания в очень сложный, переломный период российской истории — 1980–1990-е годы. В ней как в зеркале отразились настроения, взгляды, восприятие жизни и духовно-нравственной атмосферы, царящие в нашей стране в этот период. Количество оставленных в ней записей, их авторство свидетельствуют о широкой представительности её как исторического источника. Большинство обычных граждан не ведут дневников, не пишут мемуаров, содержащих их личные оценки и настроения, связанные с жизнью общества. А здесь звучит хор живых голосов русского народа, в который органичным образом вплетаются голоса других народов мира. Вполне очевидно, что в будущем эта книга поможет полнее воссоздать картины наших дней, понять глубинные социокультурные процессы, происходившие в нашем обществе на рубеже XX–XXI веков.

Первая запись в книге сделана 30 лет назад, за шесть лет до открытия Центра, заведующей отделом культуры Новгородского горисполкома Л.М. Почтовской и датируется 10 апреля 1984 года. Она сообщает, что книга была заведена по совету В.Л. Янина[1], указавшего однажды на необходимость вести учёт выступлений В.И. Поветкина перед новгородцами и гостями города о результатах научных исследований в области древней музыкальной культуры. Так изначально задумывалась эта книга — для учёта лекций. Л.М. Почтовская сообщает в книге о первых двух официальных выступлениях В.И. Поветкина перед новгородцами 7 и 10 апреля 1984 года совместно с фольклорным ансамблем Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Но уже после первых учётных записей в книге появились записи иного порядка, оставленные зрителями и слушателями. В них человеческие эмоции — удивление, восхищение, гордость, размышления о жизни, о времени, о себе, о судьбах Родины и народов, её населяющих. Самую первую запись такого характера оставил Савелий Ямщиков[2]: *«<...> 1 июня 1984 г. состоялась встреча с художником, музыкантом, реставратором Владимиром Поветкиным <...> Его выступление превратилось в блестящую демонстрацию того, как человек, влюблённый в своё дело, может возродить смысл и духовную красоту нетленного искусства наших предков».* С первых же страниц книга стала чем-то гораздо большим, чем учётный документ. Сегодня она насчитывает 13 завершённых томов, в которых оставили свои записи около 27 000 одиночных посетителей и руководителей групп.

До открытия в январе 1990 года Центра музыкальных древностей Владимир Иванович выступал со своими лекциями-концертами в самых разных местах: студенческих столовых, новгородских школах, просто случайных помещениях, но в основном в своей маленькой однокомнатной квартире, где он встречал художников, журналистов, музыкантов, музейных работников, археологов, школьников, студентов, реставраторов, спортсменов, физиков,

математиков, писателей, преподавателей. Пожалуй, нет такого рода человеческой деятельности, представитель которого не отметился бы в книге. Даже геологи космоаэрогеологической экспедиции. Восхищённые отзывы о выступлениях Владимира Ивановича чередуются с сожалениями об отсутствии специальной мастерской и демонстрационного зала. Преподаватель государственного музыкального училища им. Гнесиных пишет: *«Одно из самых сильных впечатлений в Новгороде — Ваш дом, Ваш мир ...»*. Впоследствии эта же мысль была не раз высказана гостями Центра музыкальных древностей.

Фотокорреспондент журнала «Вокруг света» А.В. Зверев 19 июля 1984 года, фотографировавший Владимира Ивановича для журнала в домашней мастерской и за игрой на старинных русских музыкальных инструментах, записал: *«Глубоко убежден, что такие люди являются гордостью нашего Отечества»*.

Известный писатель Д.М. Балашов записал в книге: *«<...> работе Поветкина настоятельно необходимо придать экономически и организационно серьёзный характер (нужны ученики, лаборатория, финансы и прочее). Это — (то, что делает он) — национальное и мировое открытие»*.

Старший редактор Курского облкинопроката С. Малютин в июле 1984 года пишет: *«Грандиозный по усилиям, художническому и научному прозрению, значению для русской культуры подвижнический труд этот вернул к жизни то, что подспудно сохранялось в памяти народной, но не находило места в современной музыкальной практике. Могучая и неуправляемая река сегодняшних звуков повернута В.И. Поветкиным вспять и возвращена к своим истокам, от которых когда-то слишком далеко и неосмотрительно отступила. Слушая музыку древних гуслей, сопелей, гудков, испытываешь трепет, как при самых сладких и дорогих воспоминаниях ясного детства. Бессмертен народ и неизбывен мир, покуда живы эти всесильные звуки»*.

Московские студенты благодарят Владимира Ивановича за чудную, светлую, удивительную музыку и пишут в книге: *«Спасибо Вам за то, что Вы помогаете людям помнить наше прошлое и наслаждаться красотой. Именно это — русское — воспитывает в нас уважение к нашим предкам, к нашей родной земле»*. Им вторят студенты Уральского государственного университета и ещё многие и многие молодые люди со всех концов России и Советского Союза: *«Сейчас нам необходимо услышать истинную народную музыку и знать ее»*. Впоследствии на знаменитых «археологических пятницах» Владимир Иванович прочитал только для студентов-археологов и историков около ста лекций. А вообще для молодёжи (студентов и школьников, в том числе — иностранных) таких лекций была прочитана не одна сотня. На этих лекциях родились его многочисленные ученики и последователи по всей России, которые сегодня с глубочайшим почтением и любовью пишут о Владимире Ивановиче.

Ещё в 1984 году министр культуры РСФСР Дементьев был *«<...> убеждён, что деятельность и подвижничество В.И. Поветкина заслуживает поддержки и внимания, как новгородских организаций, так и столичных. Учёные, музыковеды, фольклористы, Министерство культуры, Союз композиторов — все заинтересованы в результатах Вашей, Владимир Иванович, деятельности. Думаю, что наступающий 1985 год будет годом решения проблем, от которых зависит ваша работа»*. 29 декабря 1984 г.

Однако должно было пройти ещё не менее шести лет в подвижническом труде, порой в отчаянии от непонимания и сопротивления новгородских властей. Но Центр музыкальных древностей фактически уже существовал в маленькой квартирке на Боровичской (Нутной) улице и молва о нём ширилась. Велась и Гостевая книга. Пролистывая её страницы 1985–1989 годов, приходишь в недоумение — что за злая сила чинила препятствия и сколько же можно терпеть? Но Владимиру Ивановичу Поветкину Богом была уготована некая особая миссия, и он ощущал её. В этой миссии его не могли не утвердить и отзывы гостей его дома:

«Дорогой Владимир Иванович! То, что Вы делаете и то мастерство исполнения — и самих инструментов и игры на них — подтверждает, что музыка — единственная подлинная форма общения с Богом. Инструменты, которые Вы делаете и с таким изумительным вдохновением и совершенством озвучиваете, даёт для понимания души и истории нашего народа гораздо больше, чем целые тома книг и курсов лекций. Член Союза писателей доктор исторических наук Федоров, август 1984 г.»

«Большое и важное дело для русской культуры делается Владимиром Ивановичем Поветкиным! Ему принадлежит честь открытия особого мира Древней Руси. <...> С осени 1981 года по поручению академика Д.С. Лихачёва слежу за работой Владимира Ивановича. В числе большой армии музыковедов-фольклористов, историков, этнографов, палеографов и пр. крайне заинтересован в продолжении его исследовательской работы и с нетерпением жду публикации его открытий. Ст. преподаватель Ленинградской консерватории, кандидат искусствоведения С.В. Фролов (1985)».

Интересна запись, сделанная гостями из Латвии: *«Труд Владимира Ивановича некоторым может показаться лишь сильным увлечением отдельного человека. Но здесь, на Новгородской земле, особенно остро ощущается то, что эта музыка нужна. Нужна для всех, но в первую очередь для русского народа. Ибо эта музыка — это путь осознания русским народом того светлого и сильного, что в себе имеет каждый народ. И осознание этого ведёт к взаимопониманию и сотрудничеству между народами»* — пять подписей (врач, экономист, воспитательница детского сада, студент, школьница).

Целая серия записей, сделанных людьми, буквально ошеломлёнными и по-настоящему взволнованными, относится к концу 1985 — началу 1986 годов. Среди них главный редактор журнала «Наш современник» поэт Сергей Викулов. Речь идёт об участии Владимира Ивановича в вечерах и лекциях-концертах, посвящённых 800-летию «Слова о полку Игореве», состоявшихся в Новгороде, Ленинграде, Вильнюсе (в Союзе композиторов Литовской ССР, в Государственном Эрмитаже) в феврале 1986 года.

В 1987–1990 годы записей в книге практически нет. Лишь во время праздника Дней славянской письменности и культуры, посвящённого 1000-летию Крещения Руси, отмечавшихся в это время в Новгороде, съёмочная группа Свердловской киностудии оставила запись 22 июня 1988 года, в которой благодарит судьбу за встречу с В.И. Поветкиным и ещё есть запись руководителя съёмочной группы Программы «Пятое колесо» Ленинградского телевидения Б. Курковой.

Возобновились записи только в июле 1991 года — уже из Центра музыкальных древностей. С этого времени книга ведётся регулярно (почти ежедневно). При её прочтении поражает не только количество записей, но и всё расширяющийся их авторский состав. Читаешь и, кажется: *«Все дороги ведут к Поветкину»* — как написала в Гостевой книге Центра музыкальных древностей новгородская журналистка Л.Ф. Морохова. Корреспонденты сотен различных газет и журналов, центральных и периферийных, советских и иностранных, профессора и студенты ВУЗов и университетов из разных стран мира, режиссёры (в том числе иностранные) и съёмочные группы многочисленных документальных телевизионных и художественных фильмов снимали и писали о Поветкине. В Гостевой книге Центра во множестве присутствуют автографы знаменитых людей — академиков, известных писателей и поэтов, музыкантов, артистов, послов и дипломатов различных государств мира, известных политиков. А рядом впечатления простых людей самых разных профессий, возрастов, национальной принадлежности, мест проживания. Никому не было отказано в возможности написать, что думаешь. Поэтому в книге есть даже детские рисунки и каракули посетителей детсадовского возраста.

Нужно сказать, что Владимир Иванович сам придавал этой книге большое значение. В конце каждой лекции он обращал внимание, что в Центре имеется Книга посетителей, в которой можно писать всё, что посчитаешь нужным. И совершенно не обязательно стремиться написать похвалы в адрес хозяев. Если появились какие-то мысли критического плана, советы, предложения они будут приняты с большим вниманием и благодарностью.

В 11-ти томах книги, написанных при жизни В.И. Поветкина, прочитывается история создания Центра музыкальных древностей, история его становления и развития, его трансформация в нечто большее, чем музейное учреждение или научная лаборатория — его превращение в общественное явление, называемое в народе «Дом Поветкина». В них отражены 26 лет ежедневного доказательства того, что Центр нужен, необходим Новгороду и России, 26 лет ежедневного подвига его создателя, когда каждый день — как на битву. Это чувствуют и понимают, об этом пишут посетители Центра. Есть записи просто исповедального характера, по некоторым понятно, что человек писал сквозь слёзы. Впечатления от встречи с самим В.И. Поветкиным, восторженные отзывы об его игре на музыкальных инструментах чередуются с рассуждениями о судьбе России, о молодёжи, взглядами самых разных людей на духовный мир народа.

Посетители Центра оставили восхищённые отзывы обо всём: о внутреннем и внешнем убранстве Центра, о построенной руками Владимира Ивановича бревенчатой пристройке-светёлке, о коньке на крыше, о последнем творении Владимира Ивановича — сказочной красоты крылечке. Знатоки разглядели и удивительную рукотворную поляну, на которой стоит Центр — любовно ухоженный сад лекарственных трав и цветов, удивительный уголок природы.

Посетители оставили многочисленные отзывы о событиях, пережитых ими в стенах Центра. Это не только великолепные лекции-концерты Владимира Ивановича, но и музыкальные вечера старинной граммофонной музыки, русских романсов, организованных и проведённых академиком Валентином Лаврентьевичем Яниным, и выступления академического женского хора Дворца культуры и досуга им. Н.Г. Васильева под руководством Марины Поповой, и удивительные лекции о берестяных грамотах академика Андрея Анатольевича Зализняка[3], и «археологические пятницы», и заседания Новгородского общества любителей древности, и встречи — «бесёды» в Доме Поветкина, посвящённые праздникам народного календаря. Это бесплатные лекции и занятия по изготовлению русского народного костюма, обучение детей русским народным играм и песням. Это выставки живописи и графики новгородских художников Семёна Пустовойтова, Веры Глущенко, Николая Дунина, вологодской художницы Джаны Тутунджан. У выставок говорящие названия: «Огонь воспоминаний», «Поющее дерево», «Симеонъ», «Лики храмов», «Будни и праздники»... Открытие этих выставок никогда не проходило в формальной обстановке. Посетители всегда отмечают их особую атмосферу.

Центр музыкальных древностей своим долгом считал и считает обязанность чтить память тех людей, которые помогли ему состояться и которые были в числе его друзей: академика Д.С. Лихачёва и художника С.И. Пустовойтова, писателей Д.М. Балашова и Б.С. Романова. В Центре каждый год проходят вечера памяти этих людей, организуются посвящённые им историко-документальные выставки. Посетители очень искренне благодарят за это Владимира Ивановича и сотрудников Центра, дают оценки роли этих личностей в жизни Великого Новгорода и в их личной судьбе.

О многих событиях свои размышления оставили сотрудники и участники хора Центра — «поветкинцы», как стали их называть «с лёгкой руки» В.Л. Янина. И жемчужинами редкостной красоты разбросаны в книге записи, сделанные самим В.И. Поветкиным.

Невозможно в рамках одной статьи дать серьёзный источниковедческий анализ такого объёмного и необычного исторического источника, как многотомная Гостевая книга Центра музыкальных древностей. Невозможно в рамках одной статьи даже перечислить полностью тематику её записей, их проблематику. Можно только попытаться привлечь к ней внимание. Содержание книги достойно внимательного последовательного прочтения и серьёзного осмысления. В заключение хотелось бы привести провидческие слова Д.С. Лихачёва, побывавшего в Центре музыкальных древностей в мае 1995 года и сделавшего следующую запись: *«Замечательная школа В.И. Поветкина сыграет и будет играть в нужное время нужное большое значение в восстановлении русской духовности. Спасибо от всех русских людей».*

Вниманию читателей предлагаются отзывы из Гостевой книги (тт. 1-11), охватывающие период работы Центра музыкальных древностей под руководством В.И. Поветкина (1991–2010 гг.). В силу объёмности книги текст записей передаётся в извлечении. Из 25 000 записей к публикации представлено 164. Сохраняется авторский стиль записей, выполнена лишь их незначительная литературная правка и отдельные купюры, отмеченные отточием, заключённым в угловые скобки. Подписи и термины, не поддающиеся расшифровке, заключены в квадратные скобки.

«Благодаря любви, которую испытывают к Вам люди, Ваше дело будет жить вечно...»

Фрагменты Гостевой книги Центра музыкальных древностей

Гостевая книга, том 1 (02.06.1984 — 17.12.1995)

«Не смотря ни на что, верю, Музыкальный центр В.И. Поветкина станет для многих одной из достопримечательностей Великого Новгорода. Владимир Иванович положил на него всю жизнь и это будет по достоинству оценено. С уважением к Вашему таланту О. Очин[4]. 02.11.91».

«17 сентября 1992 г. Благодарим Бога за встречу с Вами. Мы много узнали и увидели, чего не чаяли здесь найти. Да поможет Вам Бог в деле возрождения наших русских культурных ценностей. Татьяна А. Родзянко, Нью-Йорк, США. Олег Михайлович Родзянко, Таня Родзянко, Нью-Йорк, США».

«Владимир Иванович! Большое спасибо! Душа истосковалась по истинно русскому в это тяжёлое время, время хаоса. Надеюсь, что звуки прошлого, древней русской культуры не останутся в стенах этого небольшого здания. Верно, что из таких мест и от таких людей идёт возрождение России, поруганной, но не потерявшей гордости. Спасибо! Депутат *(Новгородского — **Л.Ф.**)* горсовета Прохорова Л.Г. 30.09.92».

«<...> Не хватает слов и теперь поблагодарить Владимира Поветкина, Сергея Кузьмичёва и других сотрудников Центра за умелые руки, теплоту, а особенно — любовь и внимание к своим народным ценностям и людям. Спасибо за то, что идея, наконец, превращается в жизнь. Нам ещё трудно представить себе значение этого Центра для культур соседних народов. Пусть хватит сил бороться с недоброжелателями, пусть хватит здоровья строить и улучшать этот уютный уголок в Новгороде! Да поможет Тебе Бог да все небесные силы, дорогой приятель и литовских любителей фольклора! Novgorodas, 1992.10.12». *(Участники фольклорного ансамбля «INTAKAS» из Вильнюса (Литва) — **Л.Ф.**).*

«Счастлив, что увидел плоды трудов великого подвижника русской музыкальной старины Владимира Ивановича Поветкина. Это только начало, а впереди ещё много открытий и новых начинаний. Дай Бог ему и его сотрудникам здоровья и удачи. Спасибо! И Слава! 16.06.93. С. Фролов, СПб консерватория».

«Доклад изумителен. Большое спасибо Центру, в котором идет большая «академическая» научная работа. В докладах Зализняка, кроме глубины, и ясности, и новизны содержания привлекает форма подачи, совершенно лишённая сухости, увы, портившей в своё время чуть не все научные доклады. Мысль становится ясной, прозрачной для любого непрофессионального понимания. Д. Балашов[5]». *(Июль 1993 г. — **Л.Ф.**)*

«Хорошее дело в хороших руках. Спасибо за Ваши труды. Успехов Вам, Владимир Иванович. Новгородский посадник В.Н. Иванов. 22.12.93».

«Не перестаю восхищаться Вами, уважаемый Владимир Иванович. Преклоняюсь, Шубин[6]. 22.12.93».

«24 сентября 1985 г., г. Новгород. Невежин Владимир Николаевич. Боже! Сколько впечатлений, радости искренней от того, что делает Владимир Иванович Поветкин и его «Дом». Светло на душе становится после того, что увидишь и услышишь от Добрых Людей. Спасибо!»

Гостевая книга, том 2 (06.01.1996 — 13.04.1997)

«Ну, вот и свершилось ещё одно великое таинство — Душа нашего дорогого и горячо любимого человека Семёна Ивановича Пустовойтова навечно поселилась в гостеприимном Доме, каковым является Центр музыкальных древностей. И если при жизни художника он, по ряду причин, не имел возможности принимать друзей у себя, а бывал в наших домах, то теперь для нас, осиротевших, поклонников и почитателей этого великого Человека и Художника, распахнулись широко двери Дома его новой, духовной семьи, возглавляемой Мастером и «генералиссимусом искусства» (по определению С.И. Пустовойтова) Владимиром Поветкиным. <...> Ольга Сеина. 16 мая 1996».

«13.05.95 г. Великолепная, удивительная выставка! <...> Когда художник (В.И. Поветкин) создаёт выставку о художнике, получается двойной эффект. Как естественно, органично звучат краски Пустовойтова в стенах этого гостеприимного дома! Спасибо Центру музыкальных древностей, Владимиру Ивановичу Поветкину за это чудо. Лариса Ланская, редактор отдела культуры журнала «Чело», г. Новгород».

«Мы — астрономы из Москвы — из Московского университета им. М.В. Ломоносова — из Гос. Астрономического института [ГАИИ] — восхищены безмерно! Словно в машине времени за два часа перенеслись в глубины нашей отечественной истории! В наши дни, увы, захлёстываемые низкопробной и чуждой нам «культурой» — с экранов и по радио она врывается — и вдруг увидеть и услышать голоса и изделия предков народа. И всё это — результат безмерного энтузиазма, бескорыстного творчества Владимира Ивановича! И его небольшого коллектива помощников. Спасибо Вам огромное за это подвижничество! Здоровья и больших творческих успехов! Хорошо бы к Вам почаще заглядывали «учёные люди» — поучиться и глубине творческой и научной работы и высоте Вашего духа! Ещё раз выражаем своё восхищение. А.И. Ефремова, Ф.А. Цицин, научные сотрудники. (27 июля 1996)».

«И быть бы нам совсем уж нищими духом без алтарей, помогающих и прозреть, и очиститься. Земные храмы создаются там, где появляется подвижник: слово, а за ним и дела забывающиеся, но с именами Семёна Ивановича Пустовойтова и Владимира Ивановича Поветкина — вновь обретающие смысл и великое влияние на судьбы наши. Легко срываемся мы в бесцветную мирскую повседневность — так и застряли бы в ней без дивных наших вспомогателей и целителей. <...> Руками Владимира Ивановича и славных его помощниц и помощников осуществлена экспозиция ёмкая, художественно осмысленная, самым добрым намерением подсказанная и доведённая до значения того храма, алтаря, к которому хочется вновь и вновь возвратиться. Да так и будет: пройдут годы, уведёт нас жизнь невесть куда, а мы всё же — в трудную-то минуту — выйдем на старый след — вспомним, от крыльца до зальца, это место, где увиделось нами большее, нежели всё то, что рассуетилось по его обочинам. С. Мантейфель, 30 июля 1996 г. г. Новгород».

«09.10.96 г. <...> А сегодня на земле «золотая осень» памяти талантливого, благородного человека Семёна Ивановича Пустовойтова. И хорошо, что есть высокая светлая горница — Дом Владимира Ивановича Поветкина — Центр бесконечного круга друзей, единомышленников, где можно молчать и слушать, или благодарно плакать. Спасибо каждому, кто умеет переплавить свою боль в радость для друга (близкого или дальнего), потому и бываю здесь редко — боюсь заиграть как любимую пластинку. С уважением Анатолий Ануров, телерадиокомпания «Славия».

«20.10.96 г. Я Румянцева Ира, мне 13 лет, учусь в 7 классе. Хожу в Центр музыкальных древностей первый год, и мне очень нравится посещать его. Здесь есть поразительная выставка картин. Одна картина завлекает всю душу. Я бы хотела, чтобы эту выставку не убирали, а наполняли. Ира».

«Большое спасибо Центру и Вам, Владимир Иванович! Вы все сделали очень большое ДЕЛО! Вы дали возможность людям сказать слова признательности человеку, который, очевидно, никогда не надеялся услышать их. На встрече было видно, что Вера Ивановна *(о выставке «Цветы Веры Глущенко» — **Л.Ф.**)* прожила сложную жизнь. Ясно и то, что её ремесло было отрадой для неё. В её произведениях много света, добра, всего того, что принято называть НАРОДНОЙ МУДРОСТЬЮ. Простое людское внимание очень важно для Веры Ивановны, поэтому мы скажем: «Дорогая Вера Ивановна! Желаем Вам крепкого здоровья! Никогда не отчаивайтесь! Пусть жизнь преподнесёт Вам радость и удачу! 15.03.97 г. Воликов Артём и Ямнова Юля, студенты НовГУ, г. Новгород».

«Спасибо Вере Ивановне за тихую, мягкую, нежную красоту её цветов. Владимир Иванович, у Вас вовсе не Музыкальный центр, у Вас Общекультурный центр. Спасибо огромное! Николаев Л., Николаева. 16 марта 97 г.».

«Красота на выставке неописуемая. Посмотрев на одну из картин, можно улететь в другой мир. На картинах бесконечное пространство. Мне очень понравилась выставка. 29.03.1997, Холкин Никита Андреевич. Я учусь в школе № 10, 3-а класс. Увлекаюсь историей и литературой. Живу в Старой Руссе».

Гостевая книга, том 3 (08.05.1997 — 30.19.1997)

«Члены Научно-методического Совета Минобразования России выражают своё восхищение и глубокую благодарность за подвижнический труд по восстановлению и сохранению русской национальной музыкальной культуры. Мы рады тому, что Администрация города находит возможность поддерживать это уникальное творчество. Мы считаем, что материалы об этом уникальном Центре — одной из главных достопримечательностей Новгорода — несомненно, должны быть опубликованы в отдельной монографии на нескольких языках и стать достоянием всей мировой общественности. Председатель Совета, профессор Таиров Ю.И (г. С-Петербург). Члены Совета: <...> 03.06.97». *(Всего 14 подписей профессоров из Москвы, Санкт-Перетбурга, Пензы, Нижнего Новгорода, Воронежа, Ставрополя, Нальчика, Минска, в том числе (по визитным карточкам): Кузнецов Г.Д., доктор технических наук, зав. кафедрой Московского Государственного института стали и сплавов; Пихтин А.Н., доктор физико-математических наук, Санкт-Петербургский Государственный Электротехнический университет, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук; Синельников Б.М., доктор химических наук, профессор, ректор Ставропольского политехнического института — **Л.Ф.**).*

«Я — впервые в Новгороде! Специально приехала в этот славный город подышать духом древностей, прикоснуться к деяниям предков. Но то, что я увидела, потрогала, прочувствовала, меня поразило! Музеи, монастыри, церкви, храмы — это всё не прошлое России, а её продолжение в веках. А ваш Центр — одно из изумительнейших хранилищ традиций культуры древних славян! Спасибо Вам за Ваше подвижничество, Ваш подвиг в возрождении Русского духа. А уж русские костюмы — это изумление! Прелесть, которую словами передать невозможно! Желаю всем сотрудникам «Центра» здоровья, процветания и успехов. Вы нам и всей России очень нужны. 13.08.97 г. Войтенко Альмира Николаевна. г. Москва. Переводчик».

«Приятно удивлён, услышав звучание древнерусских инструментов. Надеюсь, что эта музыка даёт не только правильное познание «седой старины», но и Истины, живущей в душе каждого человека. Дорогой Владимир Иванович, надеемся увидеть Вас на Московской земле. Лымарев Алексей, Московская Духовная Академия, Московская область, г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра. 16.08.1997».

«15.09.97 г. Группа гостей из США получила огромное удовольствие, обещаем рассказать в штате Колорадо обо всём, чтобы все знали о дивном музее и удивительном человеке В.И. Поветкине». *(И ещё семь отзывов на английском языке — **Л.Ф.**).*

«12.10.97. Преображение! Только так и можно назвать то, что происходит с ЦМД. Если сравнить то здание, что сдали строители, и центр сегодня, то другое слово трудно подобрать. И всё это — вложенный талант золотых рук великого *(слово неразборчиво — **Л.Ф.**)* В.И. Поветкина. Честь и слава ему и доброго здравия на долгие годы. г. Новгород *(подпись неразборчива — **Л.Ф.**)*, пенсионер».

«Екатерина Фёдорова (перевод). Какой прекрасный урок, данный нам Владимиром Поветкиным. Вот секрет, чтобы дать новую жизнь инструментам прошлого. Прежде всего, первое качество — должна быть скромность в отношении наследия наших отцов, затем понять, зачем они делали эти инструменты, для чего они служат в жизни человека, анализировать материальное устройство, конструкцию без попыток личного переустройства этих инструментов. Просто понять. Вот, что я и мои друзья поняли из этой великолепной демонстрации. Великое спасибо. Со всем моим восхищением, органист Королевской капеллы в Версале, член высшей комиссии по историческим памятникам Франции, профессор Мишель Шапюн. 30.12.1997».

Гостевая книга, том 4 (05.01.1998 — 13.07.1999)

«10 января 1998 г. в 15:00 состоялась встреча (по предварительной договорённости) учителей музыки школ г. Новгорода, интересующихся проблемами преподавания фольклора и регионализации программы «Музыка» в массовой школе с Поповой Натальей Николаевной. Состоялось очень интересное общение, были затронуты важнейшие вопросы народной культуры, её духовных, философских основ, календарно-обрядовых праздников, взаимоотношений нар. культуры и христианства, связей с современностью, путей существования и развития современных фольклорных коллективов. Вышли на очень важный разговор о минимуме регионального фольклора, обязательного для преподавания в содержании основных уроков музыки. Появилась идея цикличности подобных встреч для разработки этого вопроса в силу необходимости общения заинтересованных людей. Учителя выразили огромную благодарность специалисту по фольклору Центра музыкальных древностей Поповой Наталье Николаевне за отзывчивость, заинтересованность и желание поделиться накопленным опытом и знаниями по многим профессиональным вопросам. Руководитель МЦ музыки и мир. худ. культуры, методист ЦТР и ГО «Визит» Степанова А.В.».

«25.04.98 Спасибо! Впечатляет не только история, но и подвижничество тех, кто её трепетно хранит! Депутат Государственной Думы РФ Н. Губенко». *(И ещё четыре подписи — **Л.Ф.**).*

«То, что вы делаете — это великое дело. Каждый мечтает о том, чтобы сделать что-нибудь великое, но не делает. Вы — люди дела, а не праздных мечтаний! Эрвиц Ирина, Семёнов Дмитрий, студенты исторического факультета и иностранных языков, г. Новгород. 03.06.98».

«<...> Новгороду очень повезло, что здесь живёт и трудится такой человек — Владимир Иванович Поветкин, и не только Новгороду, а всей нашей Родине, а может быть, и всему миру. Архитектор-реставратор Нинель Кузьмина, Великий Новгород. 14.06.98 г.».

«18 июня 1998 г. Побывала у вас в музее. Как прекрасны эти древние инструменты! Просто чудо! Но получила от Поветкина Владимира Ивановича большой разгром за своё неправильное воспроизведение гуслей в своих работах. Что же делать? Он прав. Нужно знать древнюю Русь, а не лепить отсебятину. Спасибо Вам за консультацию. Конева, художник, скульптор».

«19.06.98 г. Дорогой Владимир Иванович, Ваша изумительная лекция окончательно убедила меня в том, что Ваш Центр и Вы лично являетесь культурным и духовным достоянием земли Новгородской и всей нашей Святой Руси. Вы оживляете историю. Храни Вас Бог! Ваш покорный слуга В. Проньков, преподаватель и сотрудник Администрации Владимирской области».

«02.07.98 г. Каждый новый мой приход в Центр В.И. Поветкина открывает новые грани его таланта, души и творчества. Всем нам надо гордиться, что мы имеем счастье общаться с личностью, уже вошедшей в историю. Удивительный человек — Владимир Иванович! Таких преданных служителей раз избранному в жизни направлению (или полю) деятельности, к сожалению, очень мало. Поражаешься глубине исторического мышления Владимира Ивановича, широчайшему кругозору, охватывающему огромнейшие пласты культуры — от стародавних времён до настоящего — и великой гражданской цели, что Владимир Иванович перед собою поставил и успешно реализует: сохранить всё найденное для будущего. Грядущие поколения будут благодарны В.И. Поветкину — первооткрывателю и сберегателю бесценных экспонатов. Впечатляет и научная работа Владимира Ивановича. Новых Вам свершений на избранном поприще, новых счастливых находок, удачи и здоровья на долгие годы. Искренне преклоняюсь перед Вами! Пенсионер Невежин В.Н. г. Новгород».

«<...> Сильное впечатление (вместе тревожное, но и светлое) внушает выставка, посвященная 20-летию, отданному В.И. Поветкиным воссозданию древних музыкальных инструментов. Искусное мастерство реставратора зримо явствует в самых уникальнейших предметах — но они рассказывают лишь о чутких руках, о знаниях исследователя и умельца — сотворца, о любви, вложенной в работу. Зато фотографии! ... — о, они объясняют, чего стоила эта вдохновеннейшая, но и мучительная работа. Мучительная не потому, что сама по себе сверхтрудна, но потому, что в нашем Отечестве (увы, славном неблагодарностью) в пытку превращается служение чистым помыслам, красоте, любому непродажному искусству. Из чёрных дней, врывавшихся в жизнь и творчество В. Поветкина, сложатся — годы, и некоторые фотоснимки рассказывают об этом откровеннее, чем не тронутые смычком или пальцами гудки и гусли. Кто-то, возможно, мимоходом усмехнётся: «А чегой-то здесь Владимир Иванович получился мрачный ... и эти, будто отчаявшиеся, руки ...». Стоит ли таким объяснять, что подобный снимок не случайность, это ещё и портрет — мрачного времени. Как любая из серии «слишком тёмных» акварелей С.И. Пустовойтова. Да, фотографии с секретом: нужно смотреть — и вспоминать. Если человек способен помнить.

Главное, конечно, это одоление всяческих препон и воскрешение любой, в данном случае музыкальной, сферы нашего национального искусства. И тут уж подлинно неоценима заслуга подвижника Владимира Поветкина. 21 июля 1998 г. С. Мантейфель».

«31.07.98 г. В объятиях родной — сырой земли Спал древний город ...» (так я бы говорил, перефразируя стихи

известной писательницы моей страны — Италии). А пробуждение Древнего Новгорода происходит не только на знаменитых раскопках, но и в этом очень хорошем и чрезвычайно интересном Центре музыкальных древностей, благодаря драгоценным усилиям и заботам Владимира Ивановича Поветкина и его сотрудников. Поэтому было бы необходимо дать Центру возможность всё больше и больше развивать свою деятельность. Во всяком случае, мы все — россияне и иностранцы — от души признательны В.И. Поветкину и его сотрудникам за их глубинную, творческую работу, обогащающую нашу внутреннюю жизнь. Центр — это место habite pur le Divin! Remo Faccani[7] (Тревизо, Италия)».

«Балашов Иван, 7-А класс. Для меня очень важен ваш Центр музыкальных древностей в пути познания нашей родной культуры. Мне нравится приходить к вам, играть в народные игры с ребятами. Мне бы хотелось, чтобы Центр сохранился очень и очень долго, и чтобы происходило много интересного из нашего прошлого. 1998 год!».

«Мои дорогие Володя, Наталья Николаевна и весь ваш Центр! Спасибо за то, что Вы есть, и за то, что с такой душой, теплотой, самозабвенным энтузиазмом относитесь к людям и к своему делу. Я это вижу постоянно. Теперешняя выставка «Поющее дерево» подарит много светлых минут и вызовет много добрых чувств у разных людей. Тема «дерева» необъятна, но вам удалось показать всё многообразие его жизни в природе и в жизни Человека. Столь разные художники — и живописцы, и скульпторы, и резчики, и мастера фотографии, — оказались объединёнными очень умело и удачно под вашей Крышей. Спасибо вам и всем авторам выставки за душевное тепло и ощущение уюта в собственной жизни, которое остаётся после выставки. Ваша Е. Рыбина[8], Москва, МГУ. 28.01.1999 г.».

«Дорогой Владимир Иванович! Оказывается, дерево поёт не только в гуслях, а во всей окружающей нас жизни. Спасибо тебе и твоим сотрудникам. И всем замечательным художникам, собравшимся под крышей выставки, за то, что эту песню удалось показать так прекрасно. 30.01.99. В. Янин».

«Поющее дерево ...» В сутолоке открытия выставки не понимаешь до конца её замысла. Осознание приходит потом, наедине с собой. Замысел этот прост и понятен — он отражён и в подборе экспонатов, и в самом этом доме, и в духе, что в нём обитает, и в необычайно ёмком кратком тексте о древе жизни, ставшем лейтмотивом всего, что сейчас — да и всегда — происходит здесь. <...> Каждый может сложить свою песню о дереве — и в силу своих чувств, мыслей и воспоминаний. Это может быть гимн дереву, а может быть, и тихая, сокровенная песнь, какой, по-моему, и является эта выставка. Спасибо Вам, Владимир Иванович, и всем, кто помогал Вам. Одному Богу известно, что думаете и чувствуете Вы, мудрый человек, наверняка знающий, что можно любить не только целое дерево, но даже трещинку в нём; наверняка никто не поймёт всего, что хотели бы Вы сказать и показать людям — да это и не надо. То, что делаете Вы, побуждает к раздумьям, воспоминаниям, чувствам — только твоим личным, но усиливающимся с помощью других людей ... 2 февраля 1999 г. Дарья Максимова».

«Владимир Иванович, огромная благодарность Вам, сотрудникам, участникам! Господи, какое духовное богатство уносим..., уходя. Е. Дубровская». (*Февраль 1999 г. — **Л.Ф.***)

«11 февраля 1999 года. Людям свойственно всегда искать опору для души. А вот она — здесь, на выставке «Поющее дерево» и вообще в Новгородском Центре музыкальных древностей! Как почетно быть среди друзей этого замечательного содружества талантов, подвижников! Моя молодая подруга — учительница из Волота Раиса Сергеевна Шмелёва недавно сказала мне: «Если бы в Новгороде был только Центр музыкальных древностей и ничего более, — город можно было бы назвать Великим». Спасибо за яркие порывы души нашей! Доброго здоровья и успехов хозяевам и гостям! Л. Почтовская».

«17.03.99 г. Сегодня мы посетили занятие, на котором узнали много интересного о традиционном народном празднике «Сороки», разучили заклички о весне, о птицах жавороночках. Большое спасибо Наталье Николаевне и всем работникам Центра за доброе отношение к детям, за то, что свои знания и умение они передают нам, за то, что прививают любовь к традициям родной земли и родной культуры. С уважением ученики 1-А класса школы № 4, их родители и учитель Максименко [О.]В.».

«21.03.99 г. С великим удовольствием осмотрел выставку. Удивлён и тронут увиденным. Особо тронула атмосфера выставки. <...> Красивые девушки в русских сарафанах, надетых не для представления. Поветкин в русской рубахе. Восторг! К сожалению, понимаю, что абсолютно ничего не знаю о новгородской культуре — песнях, сказаниях, праздниках и быте. После просмотра и общения с В.И. Поветкиным, выслушав его хоть и беглый рассказ (не лекцию), хочется очиститься от всего наносного, заокеанского — хочется сделать добро, доставить кому-то радость. Понимаю, что всё тленно — тряпки, деньги и т.п. Культура, наследие, народное творчество — вечно. К сожалению, понимаю, насколько нищ духом, что не умею радоваться жизни как они. Хочется, чтобы мои дети побывали здесь, пообщались со сверстниками и старшими. Я думаю, для них это будет здорово, может не сейчас — потом, позднее они поймут и осознают всё величие русского духа! Станут лучше, светлее и добрее нас! Очень запало в душу! Спасибо. Родин Дмитрий».

«Дорогой Владимир Иванович! Я очень рад, что Ваша мечта организовать музей древних музыкальных инструментов осуществилась. Я познакомился с Вами и Вашими работами лет 20 назад, когда Ваша мастерская была на Ярославовом Дворище. У меня много работ есть Пустовойтова С.И. Я его очень люблю. Господи, как быстро время. Здоровья Вам и удач! Дюбуа Борис Чеславович. 26.03.1999. P.S. Меня Вы вряд ли помните, но это не важно».

«Уважаемый Владимир Иванович! Искренне сожалею, что не застал Вас. <...> Ознакомился (видимо, одним из последних) с выставкой — впечатляет! Просто нет таких слов, коими можно было бы выразить восхищение тем большим Делом, которое Вы делаете со своим коллективом. Замечательно! Ведь здесь, в Центре Вашем, оживает вся наша «мертвая» до некоторой степени вещеведческая

археология. Большое спасибо! С уважением и надеждой на скорую встречу — Денис Пежемский» 27.03.1999, вечер».

«Когда попадаешь в Ваш храм истинной гармонии, то чувствуешь, как исцеляются и душа и тело. Огромное Вам спасибо за прекрасную атмосферу, Вами здесь созданную. Если бы большинство жителей нашей страны чаще находились в таких условиях, то в стране было бы намного меньше преступлений и больных. 21.05.99 г. Врач-психотерапевт из Санкт-Петербурга М.А. Ильященко».

«24 мая 1999 года — перед концом очередного столетия опять белые ночи, светлее надежды, пасхальность обновления нашего тихого, умытого половодьями Севера. Снова скромный День памятных земле Русской братьев Кирилла и Мефодия. Как белые-белые облака на ясном чистом своде небесном. Праздничность пройдёт, жизнь покатится далее к новым датам, юбилеям с утратами и обретениями, радостями и слезами, трудами и ожиданиями. Вечный, вечный круговорот вокруг и около, и повсюду. Одна память не даёт ошалеть, но даёт возможность оглянуться кругом и подумать, и вспомнить. 11 лет (Боже мой!) назад в этот же солнечный день впервые, впервые новгородцы увидели и почувствовали Праздник! Великий день, великий праздник был всем на радость. Вспомним (в тогдашнем беспамятстве и не знали) что устроил, затеял, придумал, добился, организовал, гостей созвал и по хозяйски встречал — Борис Степанович Романов. Со святыми упокой его, Господи! Славно послужил Великому Новгороду поморский капитан. Помним тебя. Благодарен за сердечное поминание о светлых днях и людях Владимиру Ивановичу, за тонкую, чуткую выкладку памятных письменных и светописьменных листов и листочков о минувшем для будущего. С поклоном, Евгений Казанцев, НовГУ».

«05.09.99. Елена Шамрай, учительница нем. яз. из п. Парфино, а также сын Дима и племянники Лена и Андрей Тихоновы. Я посещаю Центр музыкальных древностей уже второй раз и с большим удовольствием делаю это. После первого посещения я долго думала над тем, как мы далеко ушли от своих народных русских традиций, насколько мы стали жестокими, думающими только о материальной физической стороне жизни. Очень часто мы неправильно воспитываем своих детей, не даём им того, что так необходимо для каждого человека в жизни. Только связь со своими народными традициями поможет нам выжить и не потерять своё «русское лицо». Вот такие размышления у меня после общения с прекрасными русскими людьми из Центра музыкальных древностей. Я приеду сюда вновь и привезу с собой моих друзей».

Гостевая книга, том 5 (15.07.1999 — 18.09.2000)

«Дорогие наши Новгородцы! Восхищён Вашим энтузиазмом, Вашим мужеством, Вашей увлечённостью! Вы делаете великое дело! Среди сатанизма и беспредела, заполнивших наши СМИ, которые стали средством массового уничтожения нашей культуры, истории, традиций, самого русского народа, Вы затеплили свечу русской национальной культуры. И она светит! Я очень, очень желаю Вам увидеть, как от Вашей свечи зажгутся тысячи, миллионы огней русской культуры и их свет рассеет черные тучи зла, нависшие над нами. Спасибо Вам огромное и низкий поклон за Ваше служение! Чумак Олег Васильевич, г. Москва, МГУ, Астрономический институт им. Штернберга, ст. научный сотрудник, член-корр. МАИ, член Нью-Йоркск. АН. 6 ноября 1999».

«В эти предновогодние дни мы пришли полюбоваться и подышать чистым свежим воздухом в вашем доме. Спасибо Вам за духовную чистоту ваших душ и умелые русские творческие руки, за мир и покой в вашем доме. С Новым 2000 годом! Искреннее благословенное спасибо. 30.12.1999 г.». *(Три подписи неразборчивы — **Л.Ф.**).*

«P.S. Гости приходили посмотреть на оформление Центра: полати, светильники, карнизы, потолок сводчатый. У знакомых дом оформлен таким же потолком и полатями — идея, взятая из нашего Центра — всех приводит это в восхищение. И гости пришедшие, смотрели, чтоб подобное воплотить у себя дома. <...> С уходящим 1999-м годом! С наступающим 2000-м! 30-31 декабря 1999 г. Попова Н.»

«Наконец-то нашли, что давно искали. Здорово, что вы есть. 21.02.2000 Таня и Илья».

«20.03.2000. Это опять мы, Таня и Илья. Зашли просто для того, чтобы Таня узнала, как скроить сарафан. А я почитал эту книгу записей. Думаю, что не осознаётся до конца значение этого Центра и того, что делает Владимир Иванович и сподвижники. Не осознаю я. Наверное, это не на уровне ума. Понимаешь лишь, что это всё — настоящее. А древность манит. И это не прошлое, а настоящее».

«09.05.2000. Я сегодня побывала на выставке художника С.И. Пустовойтова. Эти картины вызвали у меня большое чувство. В каждой картине заложена его душа. Я узнала через его картины и его... фамилия останется в моей душе. Необычный человек, необычные картины. Вот, что надо для счастья. Поэтому ... Приношу благодарность Владимиру Ивановичу, без него люди бы не узнали такого замечательного человека... Мне особенно понравилась картина «На кухонном столе». Она была написана в Риге 1950 г. Иванова Ксения Григорьевна. 10 лет. Занимаюсь русскими народными танцами «Гусельки», г. Новгород».

«Я опять вижу одну из жемчужин Новгорода, великолепный Центр музыкальных древностей. Ещё на подходе к Центру вдруг ощущаешь себя как бы в далёком времени. Само здание и окружающая территория, благоухающая травами, цветами, кустами и всей зеленью, увеличивает это прекрасное ощущение былого. Отступает суета города, рождается великими трудами В.И. Поветкина чудо-терем. Скоро увидим его во всей красе. Бог Вам в помощь, неутомимый великий труженик. Спасибо Вам, что трудами Вашими родился Центр. Спасибо всем принимавшим участие в его создании, низкий вам поклон от старой новгородки Закревской Клавдии Ивановны 1910 года рождения. По поручению запись делает её дочь Н.А. Белюнас. 02.06.2000 г.».

«Нас сегодня было много. Мы — это семиклассники, учителя, родители из московской школы № 734, что в Измайлово. Очень важно, что мы смогли погрузиться в нечто подлинное, глубокое и серьезное. Какое потрясающее светлое служение Отечеству, как соединяется вместе дом,

живопись, музыка — целый мир, к сожалению почти неведомый. Спасибо огромное! Я знаю Вас очень давно и с радостью вновь сегодня встретилась, рада, что дети мои все это почувствовали. <...> Спасибо! Спаси и сохрани Бог! На радость людям. 09.06.2000 г. М.Ф. Головина — учитель музыки школы 734 г. Москвы».

«Буду долго размышлять после вашей лекции, она меня очень взволновала. Сама я украинка, так хочется узнать побольше о русской культуре. И только здесь я почувствовала ту глубину, искренность, которые искала и пыталась понять долгие годы. Спасибо вам за всё. Волотовский р-он д. Верехново, Виноградова Т.А.». *(Июнь 2000 г. — **Л.Ф.**).*

«Господь привёл меня в это благодатное место, где я вдохнула глоток истины, вернулась в детство, увидев знакомую колотушку ночного сторожа. В 60-х годах во Владимирской области, в Ковровском районе, в селе Большие Всегодичи мы, дети, со своей бабушкой ходили ночью по деревне и по очереди стучали в эту колотушку, как бы говоря жителям села, что всё хорошо и можно спать спокойно. А музыка, звучавшая от этих инструментов, всколыхнула во мне что-то такое, что мне ещё неизвестно. Большое спасибо за этот миг. Храни вас Господь. Красова Елена Михайловна. Зав. Отделом народного творчества Камешковского РДК Владимирской обл. 22.06.2000 г. (Эта колотушечка в форме лопаточки с деревянным шариком)».

«7-го июля была археологическая пятница. Лекцию о новгородской археологии, о началах истории Новгорода прочитал В.Л. Янин. Коротко и ясно. Слышал не раз, но всегда ощущаю для себя пользу. Горжусь тем, что именно в Центре музыкальных древностей, в нашем маленьком зале проходят столь важные большие встречи. Спасибо. Великий Новгород — Поветкин В.И. 7 июля 2000 г.».

«14 июля — учитель с Кубани Т.К. Буянова, здесь уже второе лето подряд. Почему? Здесь всё истинно, искренно; истинная глубина, талант. Истинная глубина, не нуждающаяся в дешёвых блёстках украшательства. Преклоняюсь перед одержимостью и необыкновенной одарённостью, перед душевным светом и человечным обаянием Владимира Ивановича. Он действительно — Человек-Солнце! Восхищаюсь вами всеми».

«Не в первый раз я здесь, в том числе не первый раз с телекамерой. Но сегодня день, в который уют этого дома не смог развеять неизмеримой тоски, поселившийся в душе: погиб Дмитрий Михайлович Балашов... Теле и прочие СМИ трубят про криминал, смакуют версии... А надо бы другое говорить... Он ушёл не по своей воле, не время, а «времечко» его утащило. Нам остаётся хранить то, что он нам оставил — уважение, почитание, беззаветную любовь к Отечеству... Начинаю об этом фильм в Доме Поветкина. Лариса Морохова. 22 июля 2000 г.».

«9-ый день. Девять дней прошло великой неутешной скорби. Как нам всем, знавшим Д.М. Балашова, невыносимо больно от этой утраты. <... > Центр Поветкина. Как хорошо, что он есть! Уже 17-го вечером много людей узнав об этой беде, шли и шли в Центр. Центр объединил нас в этом горе. Спасибо Вам, В.И. Поветкин, за Центр, объединяющий нас. 25.07.2000 г. Н. Белюнас, г. Новгород».

«Дорогой Владимир Иванович, огромное спасибо за Вашу лекцию о древнерусских музыкальных инструментах и за всё, что Вы делаете для возрождения традиций Русского народа. Ваша миссия в нашей стране в наше печальное время беспрецедентна и спасительна для многих душ. Понимаю, как Вам нелегко. Но кому много дано, с того много и спросится. Отрадно, что Центр музыкальных древностей стал живительным источником для многих россиян, а для кого-то и отрезвляющим рассолом от систематического бездумья и окостеневших стереотипов. 28.07.2000 Борис Киселев г. Одинцово, Московская обл., гл. редактор журнала «Стройплощадка».

Гостевая книга, том 6 (20.09.2000 — 08.09.2001)

«Да благословит Господь создателей и работников этого Центра! Вы делаете самое благородное и самое нужное дело для России — возрождаете русское национальное самосознание. Специальный корреспондент газеты «Трибуна», автор журнала «Русский дом» А.В. Полынский. <...> 20.09.2000».

«17.10.2000 г. Съёмочная группа японской телекомпании NHK NEP 21 благодарит за возможность проведения фрагмента передачи «Малые города мира — Новгород». Восхищены Вашим искусством, возрождающим великую культуру русского народа», режиссёр Дзюнко Наката, оператор Хадзимэ Нагаи, переводчик Наталья Горячева» (*далее запись на японском языке — **Л.Ф.***).

«16.01.01 г. Спасибо за сердечность и тепло Вашего Дома. Как хотелось бы и как важно для всех нас, чтобы Ваше, Владимир Иванович и Наталья Николаевна, бережное отношение к народной культуре, к народным традициям открылось и передалось множеству наших соотечественников, для которых эти традиции ещё не стали жизненной необходимостью. Мечтаю о публикации Ваших статей на страницах журнала «Искусство в школе», чтобы учителя России, а через них и их воспитанники прикоснулись, насколько это возможно, к духу Вашего Центра музыкальных древностей. Зав. лаб. с.н.с. лаборатории музыкального искусства Института художественного образования РАО, редактор журнала «Искусство в школе» Ел. Дм. Критская г. Москва».

«Это снова я, Захарова Татьяна. Как я и обещала, мы снова пришли сюда закликать птиц. Мне очень понравилось. Я узнала, что пояса делаются руками, а не на станках. Большое спасибо тому, кто создал этот Центр музыкальных древностей, потому что мне очень нравится здесь» *(запись сделана детским почерком, март 2001 г. — **Л.Ф.**).*

«22.03.01 г. Мы ходили закликать птиц. Это очень здорово!» *(запись сделана детским почерком — **Л.Ф.**).*

«31 марта 2001 г. Мы всегда знали, что Новгород отличался своим уникальным (древним) духом — но то, что мы увидели и услышали у Вас сегодня, нас поражает — Эта работа просто чудесная! Продолжайте с Богом! Мы, и надеюсь, весь мир, будем очень благодарны. Эндрю Мейер, Мия Фостер, «Тайм».

«9 мая 2001 г. На вечере памяти Семёна Ивановича Пустовойтова — воина, живописца и человека было много

гостей, полный зал. Мы в шестой раз собирались вместе и высказывались как на исповеди — вот оно воздействие на всех нас Семёна Ивановича. Не случайно дано название убранству нашего зала (выставке) «Симеонъ», ибо многие уже давно относились к нему, и я тоже, как к святому. К его восьмидесятилетию вдруг, словно небесный подарок, обнаружилась видеозапись 1993 года, когда в этом же зале он рассказывал о своих акварелях, показывал одну за другой — и мы все это сегодня, затаив дыхание, наблюдали. Благодарю всех гостей, собравшихся в День Победы и в День рождения С.И. Пустовойтова в нашем доме. Благодарю всех, кто способствовал созданию нового убранства в память о редкостном человеке. Благодарю сотрудников Центра и участников нашего хора В. Поветкин».

«12 мая 2001 г. <...> В этом зале — особая аура, возвышающая и успокаивающая. Л. Бодрова г. Новгород».

«Центр — подлинный «островок» чего-то высокого и вечного, сродни церкви, посреди океана суеты, хаоса, обмирщенности... Здесь — тепло, тепло глазу, сердцу, душе. Здесь столь же тёплый цвет (и свет) живого, «незалаченного» дерева. А ещё (и главное) — люди, хранители всего этого тепла и света. Нужно быть воистину «не от мира сего» — в высоком, религиозном смысле — чтобы не щадя ни времени, ни нервов, ни сил сохранять и приумножать то, что не должно быть уничтожено. Ибо с уничтожением национальной духовности и культуры, кончится и Россия... Начальник отдела комитета по делам молодёжи и физической культуре и спорту области Сергей Майоров. 16.05.2001».

«Очень рад был увидеть выставку, посвящённую Борису Степановичу Романову, замечательному человеку и писателю. Было очень приятно увидеть фотографии и материалы Дней славянской письменности и культуры 1988 г., которые тогда состоялись в Новгороде во многом благодаря кипучей энергии и организаторскому таланту Б.С. Романова. Замечательно, что традиция этих Дней живёт и вовлекает с каждым годом всё больше людей. Огромное спасибо сотрудникам Центра музыкальных древностей, В.И. Поветкину за их неоценимый вклад в восстановление и сохранение памятников русской письменности, найденных в новгородских раскопах. О.В. Демидов, специалист Администрации Великого Новгорода. 06.06.2001».

«30.06.2001 г. Аксёнов Андрей Алексеевич. Менеджер по сертификации. К сожалению, «узок Ваш круг, страшно далеки вы от народа», живущего 2001 годом. Тем не менее — огромное спасибо, узнал очень много нового о жизни наших предков. Очень красивая музыка! Танцы, песни, костюмы — прекрасны».

«Сотрудники Государственной Третьяковской галереи горячо благодарят Владимира Ивановича Поветкина и его сотрудников за их гостеприимство, и за то, что они украшают мир своим трудом, своими открытиями, любовью к нашей великой стране и любовью к людям. Некоторые из нас в Вашем Центре впервые, другие бывали здесь многократно, но чувства благодарности, радости и признательности, чувство захватывающего открытия то же, что в первый раз. Будьте здоровы и счастливы. Сотрудники галереи, их друзья и родные (всего 12 чел.) 06 июля 2001 г.».

«27 июля 2001 г. — Знал много лет Владимира Ивановича, впервые довелось услышать рассказ о музыкальных инструментах и музыкальной народной традиции русского народа. Так просто о сложном может говорить только человек, пропустивший через себя всё многообразие русской культуры. Так изъяснялись и всегда были поняты слушателями академики Д.С. Лихачёв, Н.Н. Моисеев. Спасибо, с уважением О. Очин».

«06.09.01 г. То, что делает Владимир Поветкин, не сделает никто. Дай Бог ему долгих лет жизни, чтобы продлить музыкальную память своего народа. Борис Рощин, член Союза писателей России, Псков».

Гостевая книга, том 7 (16.09.2001 — 15.09.2003)

«Представители партнёрского города Новгорода Билефельд, в это время председательница куратория, желает Вам, чтобы ситуация мира разрешает нам всем сохранить свою культуру, свои корни, чтобы с надеждой смотреть в будущее. Ваш сегодняшний доклад окрыляет нас в этом смысле. Спасибо! Ваша Брунхильд Хильф. 25 сентября 2001 г.».

«Сей музей, редкий в наше время очаг истинно русской культуры — явление любви и сыновнего долга. Помоги, Господи, подвижникам-хранителям богатства нашей земли и красоты русского духа в их благих и очень нужных для воспитания молодежи делах. Наше искренне спасибо всем тем, кто отдал и отдаёт свои душевные и физические силы ради сохранения и утверждения нашей русской культуры в душах наших соотечественников. Участники конференции «Духовные начала русской культуры», 10-13 мая 2002 г. в городе Великий Новгород».

«Владимир Иванович! Вы лучше всех вместе взятых филармоний и консерваторий. Вы — откровение. 16.07.02. С-Пб, врач Салютин С.Н.»

«26.11.2002 г. Мы участники семинара для журналистов. Спасибо за этот прекрасный вечер, который вы нам подарили. Мы уверяем вас, что подобных чувств и ощущений не испытывали уже давно. Именно с этого вечера мы имеем более чёткие представления о музыке, традициях великого русского народа. Спасибо вам за то, что вы сохранили несмотря ни на что это огромное достояние, чем русский народ должен гордиться. Мы испытали неописуемое удовольствие на вашей лекции. Здоровья вам и долгих лет жизни. (журналисты Асель Айтматова из Кыргызстана и Севда Балаева из Азербайджана)».

«26.11.2002 г. Большое спасибо вам всем за прекрасный вечер. <...> Именно у вас ощущается общность наших культур (добрая общность). Михаил (Беларусь)».

«28.01.03 г. Потрясены увиденным и услышанным! Как хорошо, что есть в России такой уголок. <...> Надеемся на плодотворное сотрудничество. Мы создаём учебники по музыке для детей и на одной из страниц Ваш Центр найдет своё место. Гости из Москвы. Директор института художественного образования РАО — Л.В. Школяр, научный сотрудник, композитор Усачева В.О.»

«04.02.2003 г. Иванова Анна Васильевна — уроженка Новгородской области. В войну попала в Ленинград — с родителями. В блокаду все умерли. Попала в детдом. Там научилась рисовать. Кончила художественно-педагогическое училище. Преподавала в Новгороде в школе рисование и черчение. Сейчас в С-Петербурге подвизаюсь в старообрядческой церкви. Зашла полюбоваться и удивляюсь, что до сих пор не была у вас. Вот где учиться старине и рассказывать детям о старине. Благодарю вас, что вы есть».

«Мы — две представительницы молодого поколения пришли сегодня, 9 мая 2003 года, почтить память замечательного художника С. Пустовойтова, а также посетить Центр музыкальных древностей. Попав сюда, мы ощутили огромное тепло удивительного, русского мира, в котором хранится наше общее прошлое... Спасибо за эту ценность, подаренную молодому поколению, спасибо — мы будем чтить прошлое, благодаря Вам. Это посещение мы запомним надолго. <...> Ученицы гимназии № 3 г. Великий Новгород: Бушуева Мария и Зыкова Ирина».

«Каждый раз поражаюсь уникальности такого явления, как Центр музыкальных древностей, возвращающий нам через музыкальные инструменты, звуки, всё многообразие народной традиционной культуры — наше естественное состояние души и тела, в котором так органично пребывали наши предки, весь народ — без деления на классы и сословия. Этот труд Владимира Ивановича и его единомышленников ещё не оценен по достоинству, но, слава Богу, даёт свои плоды, ибо после лекций и всего, что их сопровождает (звуки инструментов, народные костюмы, древние песни и движения), невозможно по-прежнему внимать бесовству и беспамятности современной культуры и делать вид, что мы не знаем законов, по которым надо жить, чтобы ощущать каждый миг свою слитность с Природой и Красотой мира. <...> Нельзя не сказать и о той части деятельности Центра, которая часто остаётся в тени. Это бесплатные, благотворительные лекции (в том числе и лекция 9-го июня, средства от которой пойдут на восстановление памятника новгородцам — ополченцам Отечественной войны 1812 года). <...> 9-13 июня 2003 г. С.Д. Малютин, директор Курского облкиновидеофонда».

«21.07.03 г. Я работаю над циклом радиопередач «Россия как цивилизация» для радио «Свобода». Приехала в Новгород, чтобы делать передачу об археологических работах. В Музыкальный центр попала после беседы на раскопе. Раньше о нём не знала. Впечатление очень глубокое. Не только масштаб исследовательской мысли, но настоящий артистизм, без которого реконструкция не была бы столь масштабной и впечатляющей. Владимир Иванович — настоящий художник. Всё это будет отражено в передаче радио «Свобода». Спасибо! Елена Ольшанская. Москва».

«21.07.03 г. Я изучаю лингвистику в Мерилендском университете (США), также немного помогаю Е.Н. Ольшанской в подготовке передач. Много лет интересуюсь классическими и народными музыкальными традициями всех краёв мира. То, что я услышал здесь, произвело на меня огромнейшее впечатление своим сочетанием исторической доскональности, теоретической глубины и непосредственной яркости в изложении, доступной всем. <...> Спасибо! Михаил Субботин».

«Спасибо преогромное художнику *(Н.И. Дунину — **Л.Ф.**)* и Центру музыкальных древностей за столь прекрасную выставку! Неужели даже в наше беспредельно страшное, трагическое время ещё находятся люди с таким запасом действительно здоровых положительных, позитивных эмоций и мыслей?!! С благодарностью — Алексей Курбанов, музыкант (Новгород/Ауре, Норвегия). 05.08.03 г.»

«26.08.05 г. Спасибо большое! Уже не первый раз у вас в гостях. Уже такие родные лекции Валентина Лаврентьевича и Владимира Ивановича — второй год слушаем (и будем слушать год за годом). У вас очень хорошо. Студенты МГУ, 2 курс, археологи».

«Раньше я скептически относилась к словам о том, что русский женский сарафан способен изменить женщину и её мироощущение. Испытала сегодня на себе. Скепсис прошёл. В брюках я одна из многих, а в сарафане я почувствовала себя женщиной, а не рядовым сотрудником или гражданкой. Благодарю Вас за это! <...> Пудалова Анна, аспирант НГПУ, г. Нижний Новгород. 9 августа 2003 г.».

«С громадным удовольствием посетил во второй раз Центр музыкальных древностей. Пять лет назад был в первый раз и всё это время мечтал снова попасть сюда. Сбылось. То, что делает г-н Поветкин В.И. — подвижничество в самом лучшем смысле этого слова. Думаю, что выражу общую мысль — это святое дело — возрождать то, что живо где-то в душах: доброе, светлое, красивое. Музыкальная культура при этом расцветает и обогащается. Спасибо!!! Сотрудники Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург: И. Перевознин, зам. директора РЭМ по научно-просветительной работе. Л.К. Александрова, исполнительный директор Союза музеев России, г. СПб. Баранов Д., заведующий отделом этнографии русского народа РЭМ. А.В. Коновалов, зам. директора РЭМ». *(Август 2003 г. — **Л.Ф.**).*

Гостевая книга, том 8 (21.09.2001 — 10.07.2005)

«23.09.2003 — 24.09.2003. Не каждому дано пронести любовь к своему делу через всю жизнь, несмотря на все трудности, не сломившись и не преклонившись, отстоять право на творчество, не оглядываясь на злобные усмешки и косые взгляды недалёких недоброжелателей, оставаясь при этом самим собой. Ваше подвижничество, а я могу назвать Ваш путь только так, доказало, что у всеразрушающего и всепоглощающего времени можно вырвать его тайны, оживить их и явить миру. Жаль, что не все наши современники осознают это и не способны по достоинству оценить Ваш труд. Что ж, возможно, это ещё одна задача, которую мы постараемся помочь Вам решить. С уважением и искренней благодарностью, представитель молодого поколения новгородцев Тимофей Худяков (обозреватель газеты «Время Новгородское»).

«Выставка стала для меня очередным открытием, откровением. 25 лет — мало это или много? То, что сделал Владимир Иванович за эти годы — уникально. Поразили скульптуры. Они — живые, говорящие, даже — мыслящие. Пусть эта выставка действует как можно дольше! Спасибо! Наташа Пунжина, филолог, 02.11.2003, Великий Новгород».

«Спасибо Владимиру Ивановичу за всю деятельность в Новгороде. Новгород немыслим без Поветкина. Сожалею о том, что до сих пор не реализован ни один проект его монументальных работ. Сегодня, будь жив Дмитрий Михайлович Балашов, он был бы рад за Центр музыкальных древностей несказанно. И благодарен каждому работнику и доброхоту, всем помощникам Владимира Ивановича и Натальи Николаевны. Низкий им поклон. В.С. Кутковой, 5 ноября 2003 г., Великий Новгород».

«11.02.2004 г. Уважаемый Владимир Иванович! Как тот 14-летний юноша, который мог построить дом и сотворить топором гусли, Вы абсолютно и безгранично очаровали нас своим невероятным делом, творчеством, умением, философией. Вернёмся домой и постараемся не только по-новому взглянуть на своё творчество, но и подарить своё новое понимание другим. Этно-музыкальный коллектив из Удмуртии «Птица Тылобурдо» (Ижевск)».

«Радость, ощутить хорошую атмосферу дома/музея, и радость, увидеть, какие хорошие люди привлечены Вашей деятельностью. Мы участвовали в беседовании на пятницу со старой музыкой и танцами *(в репетиции хора — **Л.Ф.**)*. Там такие приличные, воспитанные люди, молодые и старшие. Очень интересно и восторженно узнать что-то из чистой русской души! Это стимулирует у меня старые идеалы общественной жизни. Спасибо! От посетителя Вальтера Клейна из Амстердама. 29.05.2004».

«Дорогие друзья! То, что мы, участники фольклорного ансамбля «Воля», услышали — одна из самых потрясающих лекций в жизни каждого из нас. Я уверена, что эта встреча будет самой памятной для студентов — будущих этномузыкологов. Они получили урок — пример настоящего служения идее, делу, людям, истории, культуре... Спасибо Вам, Владимир Иванович и вам всем, дорогие его помощники! Дай Бог Вам понимания, всяческой поддержки и здоровья! От участников III фестиваля фольклора «Садко» — 5 июня 2004 г. Участники фольклорного ансамбля «Воля» Воронежской Государственной академии искусств, худ. рук. — Галина Яковлевна Сысоева, профессор, Заслуженный деятель искусств. Студенты: *(семь подписей — **Л.Ф.**)*»

«11 августа 2004 года в Центре музыкальных древностей в 20-00 А.А. Зализняк выступал с докладом о берестяных грамотах, в частности о новгородской 952-й и старорусских 39-й и 40-й. Спасибо Вам, Андрей Анатольевич, от всех слушателей и участников археологических раскопок нынешнего сезона — волгоградцев, екатеринбуржцев, питерцев, москвичей... а ты — чей? Каждый хотел получить Ваш автограф, поэтому не отметились в книге гостей. Я сделал эту запись, но остался без автографа... До следующего лета! В. Поветкин. Великий Новгород»

«Когда-нибудь на Земле останется всего несколько «Святилищ духа». Одно из них будет здесь ... 23 октября 2004 г. Кирбай А. х 2 (Анна и Александр)».

«Сегодня, 19 марта 2005 года, состоялась лекция-концерт памяти благородного воина музыки Виктора Григорьевича Бабанова. Её название — «Многозвучный мир Новгородской земли. От самых истоков». Лекция публичная, для всех новгородцев. Но главные гости — музыканты Новгородского филармонического оркестра русских народных инструментов имени В.Г. Бабанова. Это крайне редкий случай, когда новгородские музыканты проявили интерес к музыкальной культуре древнего Новгорода. Можно надеяться, что такой интерес будет продолжен. В лекции принимали участие: шесть женщин и девушек, двое парней и двое мужчин из нашего хора. Дорогие Наталья Николаевна, Людмила Васильевна, Валентина Николаевна, Марина Николаевна, Настя и Яна, Сергей Александрович и Александр Сергеевич, Антон и Дмитрий! Благодарю Вас за участие в настоящей и других лекциях-концертах, которые составляют гордость программы Новгородского Центра музыкальных древностей. Будем стараться во славу наших предков и во имя красоты Новгородской земли, на которой нам выпало счастье жить. Спасибо и нашим внимательным и терпеливым слушателям. Владимир Поветкин.

P.S. Богатство сегодняшней лекции было ещё и в том, что она завершилась выступлением Л. Муравьёвой, исполнившей на концертных гуслях звончатых произведения современных композиторов. Таким образом, всё соответствовало объявленному названию — «Многозвучный мир Новгородской земли. От самых истоков». И, добавим, — до наших дней».

«25 марта 2005 г. состоялась встреча членов Новгородского Общества любителей древности с Аркадием Ростиславичем Небольсиным — председателем американского Общества сохранения памятников русской культуры, советником ИКОМОСа, культурологом, потомком известного дворянского рода. Состоялась обстоятельная и живая беседа о судьбах русской эмиграции, культуре, Новгороде. Встреча прошла при участии Почетного члена НОЛД В.Л. Янина, председателя комитета культуры области Н.В. Григорьевой, Президента фонда культурного наследия В.С. и Вл.В. Передольских — А.В. Передольской».

«Эта запись сделана С.В. Трояновским, который был активным участником означенной встречи. Он забыл расписаться. А это я, Вл. Поветкин, Великий Новгород, полночь с 25 на 26 марта 2005 г.»

«23.04.05 г. Сегодня я впервые в городе моей мечты! В передаче по радио «Званый вечер», которую вёл Никита Ильич Толстой, я услышала о Владимире Ивановиче Поветкине. На одном дыхании прослушала я передачу о гуслях, узнала, что в Великом Новгороде есть Центр музыкальных древностей! Несколько лет я мечтала сюда приехать. Перешагнув порог этого удивительного дома, я попала в мир, где хочется остаться, жить среди дерева, половиков и слушать удивительного хозяина этого дома. Я, Леванова Августа Александровна, учитель начальных классов, приехала из города Екатеринбурга. Мне хочется пожелать Вам удачи, учеников и доброго здоровья. Спасибо, что Вы сохранили ту удивительную красоту, которой так не хватает в современной жизни. Леванова А.А.»

«15.05.2005 г. Удивительная встреча состоялась в этом народном музее. Всё, что было до этого в Великом Новгороде за два дня пребывания — померкло. Я получил столько положительных эмоций. Жить хочется! Любить хочется! Изучать Российскую культуру хочется! <...> Фотохудожник Лысенко В.В. 1946 г. СПб, преподаватель».

«Я приехала из Италии, чтобы посетить ваш замечательный Центр. Спасибо большое за вашу помощь и внимание! Я занимаюсь былиной о Садко, мифологический гусляр ... было очень интересно слушать, как гусли звучат. (Извините за мой не очень правильный русский ...). Надеюсь ещё приехать. Желаю вам удачи! Элиза Морони». *(Июнь 2005 г. — **Л.Ф.**).*

«12.06.2005. Роман Печёнкин. Благодарю! Побывал на Руси! Ура! Может быть впервые в жизни. А всего-то приехал на День города поторговать флажками. Москва».

«Попал случайно, очень благодарен, что принимали и рассказывали о русской старой духовности и музыке. Будь таких людей больше, так и мир становится лучше! Олев Ремсу, писатель и режиссёр, г. Тарту — Таллин, Эстония. 3 июля 2005».

«Жив Господь и жива душа Русского народа! Благодарим и благословляем Ваши труды. Иерей Алексий, храм Рождества Богородицы г. Изборск, в неделю всех святых в Земле Российской просиявших. 04.07.2005 г.».

Гостевая книга, том 9 (12.07.2005 — 18.05.2007)

«Девятого, десятого и одиннадцатого августа почти непрерывно бушевал ветер. В ночь на десятое упал наш старый новгородский Дуб. Он начинал жить ещё в Великом Новегороде. Он упал не от порыва ветра, а от человеческого нерадения и многоречивой суеты. Он устал от нас. Порыв ветра был лишь поводом. Рухнул. На прощание с ним горница наша убрана его ветвями и фотографиями. Когда-то под его кроной мы собирались по праздникам с песнями. Под ним ежегодно из желудей принимались молодые дубочки. Парни увозили их вместе с землей в другие города. На Север и Юг. Три дубочка от старого кряжистого Дуба прижились и возле нашего дома между Рогатицей и Ильиной в Славенском конце. Растите наперекор человечьей дурости» *(запись сделана В.И. Поветкиным в августе 2005 г. — **Л.Ф.**).*

«Посмотрел выставку о Дубе. Одолела грусть. Всё хотелось снять его для фильма. Не успел. Очень жалко. Мы лишились 600-летней истории, а наши потомки свидетеля этой истории. Гл. редактор «iMediaTour» Леонид Лопаницин». *(Август 2005 г. — **Л.Ф.**)*

«Удивительные музыкальные инструменты. Прекрасный язык русской народной музыки. От Союза писателей КНР Джоу Синь.

Великая нация. Древняя простая, но прекрасная музыка. Джао Ян Бяо — писатель, потомок древнего китайского императорского рода.

Переводчик — профессор Ли Чен, Пекинский университет. <...> 23.11.05».

«Сегодня (28 ноября 2005 г.) у нас в Центре музыкальных древностей состоялся удивительный вечер — Вечер памяти академика Д.С. Лихачёва. Открывшийся воспоминаниями В.И. Поветкина о его встречах с Д.С. Лихачёвым, об его участи в создании Центра, вечер продолжился живым голосом Дмитрия Сергеевича, прозвучавшим с пластинки. Вступительное слово и комментарии этого великого учёного и великого патриота к записи «Слова о полку Игореве» — звучат как завещание нам — беречь нашу великую культуру. <...> Плач Ярославны, прочитанный Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, звуки гуслей Владимира Ивановича Поветкина, древний псковский причёт, исполненный Натальей Николаевной Поповой — всё это трогает душу, заставляет её одновременно и петь и плакать. Заключительным аккордом вечера стало выступление женского академического хора Дома культуры им. Васильева под управлением М.Н. Поповой. <...>. Л.В. Федина — участница хора Центра музыкальных древностей (историк-архивист)».

«26.07.06 г. Состоялась встреча руководителей области и города с руководителями археологической экспедиции и научной общественностью. На встрече присутствовали М.М. Прусак, М.С. Дягилев, Н.И. Гражданкин, Н.Н. Гринёв, Н.В. Григорьева. С.В. Трояновский от арх. экспедиции и научной общественности: академик В.Л. Янин, Е.А. Рыбина, А.А. Зализняк, Хорошев А.С., А.А. Гиппиус, П.П. Гайдуков и др. Произошёл конструктивный, деловой, заинтересованный разговор о планах, о проблемах археологов, о действиях, которые необходимо организовать вместе. Н.В. Григорьева — председатель Комитета культуры и туризма области».

«26.07.06 г. Большое спасибо Центру за гостеприимство. Центр — душа Новгорода! Всегда ваши: член-корр. РАН А. Молдован, доктор фил. наук В. Живов, Институт русского языка РАН».

«С восторгом взирали на восковую церу и всё остальное! Благодарим и восхищаемся! А. Пичхадзе, 28.07.2006».

Гостевая книга, том 10 (20.05.2007 — 09.07.2009)

«20 сентября *(2007 г. — **Л.Ф.**)* Подобные беседы вызывают в душе благородные мысли. Идёт возрождение человеческой души. Возникают самые светлые чувства. Огромное спасибо!!! Мы потрясены!!! Участники III Всероссийской конференции по охране культурного наследия».

«Дорогие гости, слушатели наших лекций — и лекции сегодняшней, в частности! Спасибо за Ваши письменные и устные добрые слова и пожелания. Они придают силы и смысл нашей работе. Единодушие было и остаётся дорогим подарком судьбы. Вот и завершился день 20-й сентября 2007 года. День был солнечный, тёплый. И вечер тоже. Бабье лето. Спасибо ... В. Поветкин, Великий Новгород. 20.09.2007 г.».

«Низкий поклон! Сегодня у наших детей началась новая точка отсчёта. Им захотелось приехать сюда в самых своих красивых костюмах. Говорят: «Поколения слабеют». Не хочется в это верить. У нас должна быть смена. Низкий Вам поклон за то, что вы вдохновляете молодых. Емельянова Г.В. Детский этнокультурный центр «Китежград», «Белозерье», Питер». *(Ноябрь 2007 г. — **Л.Ф.**).*

«22.11.07. Владимир Иванович! Не хочется употреблять затасканное «уважаемый», потому что Вы — светоч Русской Культуры. Ваш Центр музыкальных древностей — это тот

росток, который обязательно даст побеги и плоды, которыми будут питать свою душу и сердце всё большее число людей. Здесь — главная национальная идея. Я желаю Вам большой стойкости и много телесного здоровья, чтобы продолжать начатое дело. Ваше солнце уже вышло из-за туч. Покорена и благодарна Вам за рукотворные шедевры муз. Руси. Наша с Вами беседа хоть и для газеты холдинга «Акрон», в действительности является выражением позиции человека, убежденного в своей правоте, а для меня это маленькая исповедь Великого гражданина Великого Новгорода. С почтением, корреспондент корпоративной газеты «Химик» Ольга Юдинцева».

«Благодаря любви, которую испытывают к Вам люди, Ваше дело будет жить вечно. 05.01.08 Илья Л.»

«А мы Масленицу провожали :) Блинами объедались, соорудили костёр, хоть ёлок мало было, но мы собрали ... по дворам. Костер замечательный был, и снегирей по веткам насажали, и снежками пулялись, и Владимир Иванович на гармони играл, и плясали, и песни пели. Здорово было! Пост — редьки хвост. Алексей, Петербург, 9-10 марта 2008».

«Невозможно выразить словами тот восторг и восхищение от увиденного и услышанного в Вашем Центре! Спасибо Вам огромное и дай Вам Бог многая лета, сил, здоровья и новых находок! Михаил Славкин, композитор, художественный руководитель Детского хора Союза композиторов России «Преображение». *(Апрель 2008 г. — **Л.Ф.**).*

«Спасибо Владимиру Ивановичу и всему коллективу Центра музыкальных древностей. Наши встречи для студентов и преподавателей Музыкального колледжа им. М.П. Мусоргского (Санкт-Петербург) стали почти регулярными и традиционными. В воспитании и просвещении молодых музыкантов это особенно важно — услышать и прикоснуться к своим истокам, к древней национальной культуре. А. Никоноров. 20.04.2008».

«По окончании лекции для первого короткого знакомства в Центр музыкальных древностей приходил С.Г. Митин с сотрудниками областной и городской администрации. Губернатор поинтересовался нашей программой, отметил чистоту воздуха, хотя в зале было много людей, обратил отдельное внимание на скульптуру Кирилла и Мефодия, на икону Георгия Победоносца, на потолок — понравилось. 20 апреля 2008 г. Поветкин В.И.».

«27.04.2008 г. Большое спасибо от Полины, Димы и Андрея из Великого Новгорода. Теперь мы будем шить настоящие рубахи из нормальных материалов. Хотелось бы и песню настоящую разучить и спеть и сыграть, но начнём с рубашек ... Спасибо! Полина Соловьёва, Дима Иванов –Народный университет, Андрей Николаев».

«12 мая 2008 г. Владимир Иванович, спасибо Вам за Ваш труд, на таких людях, как Вы, держится мир. Фотокорреспондент «Российской газеты» г. Москва, [Колыбалов] Аркадий Иванович. Публикация в журнале «Вокруг света» предполагается в июне — июле «Большое путешествие по малым городам» — Тема».

«Верьте вы, не верьте, Вы на самом деле полностью переменили моё сознание. Студентка 5 курса БГУ». *(Подпись неразборчива, июль 2008 г. — **Л.Ф.**)*

«20 июля 2008 г. Укладывая детей спать, мамы рассказывают сказки. У каждого ребёнка есть своя сказка, любимая. Сегодня вы спели сказку. И это самое главное в нашей жизни. Ведь колыбельная это то, что мы пронесём через всю жизнь. От всех мам спасибо вам большое за эти несколько минут настоящей сказки. Мама Аня Широкова».

«8 августа 2008 г. школа «Муми-тролль», Москва. Лекция заставила о многом задуматься, причём не только о музыке, которая занимает значительную часть моей жизни, но и о пути нашей страны и народа. Во многом смог систематизировать свои взгляды и мысли. От музыки все в полном восторге».

«9 августа 2008 года. Наша съёмочная группа *(кинокомпания «Тигр» г. Москва — **Л.Ф.**)* посетила Центр во второй раз, сегодня мы снимали интервью с В.И. Поветкиным. Поражены этим человеком. Интерес, мастерство и любовь к своему делу. А какое это дело? Вся наша история. История России, земли нашей, костюмов, обычаев, и конечно, музыки, то, что всегда окружало людей. И всё это не для себя, а для нас, русских людей, где-то забывших об истоках, окунувшихся в современную жизнь. Мы очень рады, что фильм про Великий Новгород подарил встречу с Владимиром Ивановичем Поветкиным и его помощницами. Попова Ольга *(директор — **Л.Ф.**)*, Чекалина Ольга *(кинорежиссёр — **Л.Ф.**)*. P.S. Очаровательно, записали «Колыбельную *(Великому Новгороду — **Л.Ф.**)*» в исполнении Натальи Поповой и Марины Поповой, играл на гуслях В.И. Поветкин».

«14 августа 2008 г. Слушали «Колыбельную» в исполнении Владимира Ивановича и Натальи Николаевны. Восхитительная мелодия, душевное исполнение. Запомнится на всю жизнь. Обязательно разучим с детками и будем дома петь и для друзей. Огромное спасибо. С уважением семья Руденок из Москвы».

«16 августа 2008 г. Были в полном изумлении — сколько звуков и мелодий можно извлечь из всего шести струн!!! Гусли в руках Владимира Ивановича — потрясающий инструмент, способный передать самый невероятный диапазон чувств и настроений — от радостной плясовой до нежнейшей колыбельной. Это ожившие звуки от наших предков. Спасибо! Константин и Вячеслав Шурыгины, Москва».

«Сегодня 29 августа 2008 года произошло немаловажное событие: Владимир Иванович Поветкин подарил областному радио «Славия» позывные, которые украсят программы, посвящённые истории Великого Новгорода. Кроме того, сегодня в эфире будет премьера «Колыбельной», также сочинённой и исполненной В.И. Поветкиным и сёстрами Поповыми. Огромное спасибо от всего коллектива журналистов радио «Славия». Будем вместе спасать наши уши и души от засилья «попсы» и другого примитива! Да здравствует Музыка и люди, её сохраняющие! От коллектива радио — С. Дубовицкий».

«29.09.2008 г. Очень жаль, что не застали Владимира Ивановича[9]. Но нам очень понравился рассказ Натальи Николаевны о работе Владимира Ивановича и Центре, о том, как он создавался. Мы увидели и услышали древние музыкальные инструменты. Большое спасибо! Семья Осиповых и семья Савченко».

«07.11.08 г. Приходила к вам сего дня, дабы получить консультацию по пошиву рубахи, т.к. мало людей в городе знающих, как это делать правильно. На вопросы, интересующие меня, ответы получила, но возникли новые. Обязательно приду ещё. Филатова Наталья, педагог дошкольного образования в Панковке и участница фольклорного театра «Круговина».

«19 ноября 2008 г. Я, Попова Т.И., научный сотрудник старорусского филиала НГОМЗ, узнала о вашем Центре по радио, когда приглашали всех желающих на занятие по пошиву сарафанов. Я работаю с детьми, каждый год провожу «Зелёные святки» (3 года), сейчас необходимо в эти занятия — праздник включить наш фольклор и русский костюм, т.е. чтобы все участники были в русском костюме. Сегодня получила консультацию в вашем Центре, о пошиве русского костюма от Поповой Н.Н. Надеюсь, что это не последняя встреча и надеюсь на сотрудничество, с удовольствием хочу у вас учиться, чтобы полученные знания и опыт передавать детям. Спасибо за гостеприимство и до новых встреч!».

«Сегодня, 22 февраля 2009 г. — год свадьбы Усольцевых Павла и Кати — совет да любовь! Сегодня Антон Каменский рассказал на лекции о гуслях — и традиционных, и археологических — молодец! Сегодня канун Дня защитника Отечества — ура! Попова Н.Н.».

«13.03.09 г. К празднику города задумала иметь русский костюм: рубаху и сарафан. (В Прибалтике у всех есть на этот случай). Имею литературу на предмет этот. Однако, лучше, чем в «Центре музыкальных древностей», нигде не проконсультируют — опыт. В методичке, вышеупомянутой, нет важных подробностей; и, к сожалению, имеются неточности. Как хорошо, что есть такое место, где помогут выбрать фасон, раскроить и дать бесценные советы. А просто примерить сарафан из коллекции Центра — улучшается самочувствие! Чудо! Думается, что Новгород Великий может не хуже Прибалтики. Люди! Шейте платья из ситца. Очень просто — может каждый (набор прямоугольников). Украсим свой город к юбилею собой, почтим предков и порадуемся, сорадуемся. Елена Александровна Татаренкова, архитектор, художник, поэт. Спасибо!».

«18.03.09 г. Совершив круг почёта вокруг здания, всё-таки попала внутрь и уж точно не пожалела. От обычной жизни и от обычного музея отличает буквально всё: от запаха, тишины, простора до одежды работников. Надеюсь, что первое посещение не станет последним. Мария *(фамилия неразборчива — **Л.Ф.**)*».

«26.05.09 г. К моему стыду, первый раз я нахожусь здесь; восхищён и поражён. Хочу выразить искреннюю благодарность В.И. Поветкину и его сотрудникам за любовь к нашему городу, к его истории. Думаю, мы просто обязаны хранить память о наших традициях, чем Вы и занимаетесь. Большое Вам спасибо, готов всячески помогать в Вашем благородном деле. Мэр Великого Новгорода Ю.И. Бобрышев».

«Многие годы посещаю различные мероприятия Центра музыкальных древностей. Уже стало традицией выступление академического женского хора под управлением Поповой М.Н. в рамках дней славянской письменности. Прослушали прекрасные произведения как духовного, так и светского содержания. ОСОБЕННО порадовали слушателей Гимн и Колыбельная Великому Новгороду, написанные В.И. Поветкиным. С удовольствием посмотрела выставку, посвящённую празднику 1988 года и писателю Б.С. Романову. Спасибо всем работникам Центра, а особенно В.И. Поветкину, силой и трудом которого здесь создано всё. Желаю ему и всем работникам Центра успехов, здоровья и дальнейшего процветания этому, так необходимому очагу культуры. Спасибо Вам! 30.05.09. Пенсионерка и коренная новгородка *(подпись неразборчива — **Л.Ф.**)*».

«Уважаемый Владимир Иванович! Уважаемый коллектив! Благодарю Вас за столь важные ныне труды по возрождению нашей родной культуры. И особенно хочется отметить, что сегодня важно научное, обоснованное возрождение традиций в противовес разрастающемуся неоязычеству, профанирующему русскую духовную культуру! Спасибо Вам! Здоровья и успехов! Много грантов Вам! Аспирантка Института философии РАН, Кузьмина Мария. 19.06.09».

«Огромное спасибо за очень интересную лекцию! Отдельное спасибо от нашей 8-летней Арины, которая с увлечением прослушала всю двухчасовую лекцию, запомнила названия всех инструментов. Надеемся, что полученные знания помогут ей найти свой путь к осознанию принадлежности к великому народу и продолжить изучение его великой истории. <...> С уважением семья Прудниковых из Брянска. 19.06.09».

«Дорогие хозяева этого чудесного мира фольклорной музыки, пусть ваши песни согревают сердца странников Новгорода. Сердечно благодарим и за любовь к литовской культуре. Студентки Вильнюсского Университета, Каунасского гуманитарного факультета». *(Июнь 2009 г. — **Л.Ф.**).*

Гостевая книга, том 11 (10.07.2009 — 19.11.2010)

«Сего дня 16-го июля (29 н.с.) Божиею милостию освящён Музыкальный Центр. Звените гусли — пойте голоса, да радостью исполнятся сердца, разбуженные сладким Русским словом. Иерей Алексий , г. Изборск». *(Июль 2009 г. — **Л.Ф.**)*

«Впечатление невероятное (особенно после городского шума и ритма жизни) ... Спасибо! Глубоко тронула Колыбельная — завораживающе, трогательно, торжественно, по-новгородски ... Удачи и долгих лет! С уважением Е.Ф. Филиппова 13.08.2009 г. Дума Великого Новгорода».

«01.11.2009 г. Спасибо огромное за память! Спасибо за научения! Вы как мудрые учителя дали нам урок, что традиционную культуру нужно сохранять, любить и бороться за неё! <...>. г. Воронеж. Фольклорный ансамбль

«Паветье» (детская группа) Александра Самотягина. Российская фольклорная детская ассамблея».

«14.11.2009 г. Дорогие наши Владимир Иванович, Наталья Николаевна и все, все, все хранители чего-то, чему очень трудно найти... (обозначить словами) определение. Низкий Вам всем поклон. Когда-то А.де Сент-Экзюпери написал: «Знаете, чем хороша пустыня? Где-то в ней скрываются родники». Я подумал, что такие родники созидаются и поддерживаются чьими-то руками, сердцами. Спасибо за родник в нашей пустыне. Ведь вода нужна ещё и сердцу. Отдельное спасибо за вашу скромность и настоящесть. Сама выставка «Праздники и будни» не указует перстом, не блестит режущим светом, не подталкивает под локоть, не кричит... Она чиста и проста как всё подлинное. Спасибо за возвращение к Тишине. С огромным уважением и любовью Савочкин Михаил, НГКОО «Новый Акрополь». P.S. Пожалуйста, не стесняйтесь нас приобщать и звать, когда необходима помощь любого плана. Ведь то, что вы делаете, делаете для нашей матушки России (не для себя). Заранее спасибо за доверие...»

«14 ноября 2009 г. Таковы первые отклики о выставке памяти Д.М. Балашова «Будни и праздники», в которой нашли замечательное созвучие с предметами народного быта, женскими и мужскими рукоделиями, с песнями, былинами Русского Севера удивительные зарисовки с трепетными словами жителей Вологодского края, сделанные Джанной Таджатовной Тутунджан. Спасибо Вам, дорогая Джанна Таджатовна. Вы — скромный человек — говорите о скромных людях. Потому и в людях Ваших, и в Вас — подлинное доброе величие. Вы отвечаете на главный вопрос: чем должен заниматься художник. Он должен оберегать лучшие культурные традиции народа, внутри которого он живёт. В. Поветкин».

«26 ноября 2009 г. <...> Очень понравились работы Тутунджан Джанны Таджатовны. В жизни бы не подумала, что рисовал не русский человек: какое проникновение в русскую душу, природу, русскую философию. Каждая картина — это история человека, изображенного на ней. Лица — чистые, мудрые. Руки тружеников, видно, что женщина или мужчина всю жизнь работали. А глаза, глаза ... Спасибо Вам, Джанна Таджатовна, за подарок! Давно не видела таких прекрасных картин о Руси. Спасибо всем сотрудникам Центра за ту любовь и теплоту к стране нашей, любовь, которую впитываешь на этой выставке, которую вы несёте всей работой Центра. Думаю, Дмитрий Михайлович был бы счастлив посетить эту выставку. Балашова Ольга Николаевна, зав. Балашовским центром исторического чтения ЦГБ им. Д. Балашова, В. Новгород».

«Уважаемые устроители выставки «Будни и праздники...»! Большое вам спасибо за возможность соприкоснуться с творчеством прекрасной вологодской художницы Д. Тутунджан! Не помню другого такого художника (тем более художницы), который бы так рассказывал о простых русских людях! С такой любовью, так правдиво, с таким уважением и добротой. Предметы народного быта, представленные на выставке, и графика Д. Тутунджан очень гармонично дополняют друг друга! Тем, кто ищет «русскую идею» нужно посоветовать вглядеться в людей, которые живут на полотнах и рисунках Д. Тутунджан. Они и без слов очень много расскажут о России. С уважением, новгородский архивист О.В. Снытко 29.11.2009. (Государственный архив Новгородской области)»

«Неоднократно бывая в Центре музыкальных древностей, я испытывал двоякое чувство, когда глядел на графические работы Джанны Таджатовны. Первое чувство — чувство радости. Радости детства, радости жизни, радости Родины. Радости от того, что есть ещё русские люди, русские традиции, жива ещё русская деревня. И второе чувство — чувство горечи. Горечь от того, что видишь уход и гибель русской деревенской жизни наяву, полное почти исчезновение основ крестьянской жизни. Горечь от того, что человек нерусской национальности более русский, чем я сам и окружающие меня люди. Очень благодарен художнице за всё! Спасибо ей за то, что своими рисунками, произведениями она заставляет нас, русских, вспомнить об этом, вспомнить, что мы русские, а беречь и лелеять свою культуру и традиции — это наш долг. Низкий поклон художнику Джанне Таджатовне Тутунджан. 07.01.2010 А.С. Лебедев, ведущий технолог лаборатории твёрдотельной оптоэлектроники НовГУ».

«К сожалению, мне не привелось увидеть работы Джанны Тутунджан в подлинниках. Но познакомившись ещё в прошлом году с прекрасным альбомом её разнообразных работ, я буквально была заворожена ими. <...> Как разнообразны сюжеты: здесь и портреты, и натюрморты, и сценки из жизни, работы — размышления. И за всем этим видна Душа Художника. Мастерство Джанны Тутунджан непревзойдённо. Люди на её портретах как живые и кажутся хорошо знакомыми. Глубина философских размышлений потрясает. В них вечные истины — Жизнь, Земля, Природа, Человек! Мечтаю увидеть работы Джанны Тутунджан в подлинниках, очень надеюсь на это. Спасибо, что Она есть! Профессор кафедры археологии МГУ им. Ломоносова Е.А. Рыбина» 26.01.2010.

«29 января 2010 года. Уважаемые сотрудники Центра!!! Сердечно поздравляю Вас с юбилеем — 20-летием со дня основания Центра Музыкальных древностей. Ваше замечательное учреждение, а самое главное Ваша работа, любовь к Родному краю, делают Ваш Центр кладезем народных традиций, искусств и культуры. Большое Вам спасибо за Вашу работу. Желаю Вам успехов и процветания. Искренне Ваш Губернатор Новгородской области Митин С.Г.».

«31.01.2010 г. Поздравляю с 20-летием Центра Музыкальных Древностей! Радости Вам и Вдохновения! Прекрасный уютный, гостеприимный Центр музыкальных древностей! Замечательные русские люди — Владимир Иванович и Наталья Николаевна! Чувствуешь себя тут уютно, как дома! Вы несёте Свет и чувство Гордости своему Народу и Родной Земле. С уважением, Захаров Алексей Владимирович, Новгородская область, п. Любытино».

«16 февраля — Да, сегодня уже начался Великий пост. Нынешний годочек с самого начала закрутился очень крутенько: и по погоде, и по событиям, по всему. Даже Зима с Весной встретились как по-писаному — в понедельник! На первой великопостной неделе! Так-то вот так! И у восточных народов тоже — с 14-го начался Новый весенний

год. В общем, «так Природа захотела, почему — не наше дело, для чего — не нам судить». И Пасха как сейчас подойдет — 4 апреля. Раньше Благовещения что-ли? Ну, да ладно: золу из под масленичного костра убрали — для цветочков, и листочков, и кусточков, и так далее... Сегодня молодой месяц-серпок блеснул своим тонким лезвием на уже просветлевшем по-весеннему февральском небесном полотне. Живём ... в круглом 2010 — году ... С. Васильева». *(Член хора Центра музыкальных древностей — **Л.Ф.**).*

«Огромный низкий поклон работникам Центра, особенно Владимиру Ивановичу за их нелёгкий труд, за сохранение традиций русского народа для будущих поколений. Желаем Вам огромного здоровья, сил, вдохновения для дальнейших поисков. Владимир Иванович! Выздоравливайте!!! Работники ЦДБ им. В. Бианки, В. Новгород». *(Апрель 2010 г. — **Л.Ф.**)*

«05.06.2010 г. Фольклорный ансамбль «Василиса» из Санкт-Петербурга, г. Пушкин. Спасибо музею за уникальный экскурс в мир древней русской музыки. Возрождая и сохраняя традицию русского народа, мы способствуем укреплению нашего государства — России, восстановлению самости нашего народа. Если бы каждый город России так любил и сохранял свою историю как новгородцы, наша страна была бы снова крепкой великой Державой».

«Очень приятно бывать здесь, в этом истинно русском уголке. Спасибо Владимиру Ивановичу! Мы, новгородцы, обязаны хранить эти «странички» нашей истории. Приношу слова искренней благодарности за ту громадную патриотическую работу всем работникам Центра. Поздравляю всех вас с праздником — 1151 годовщиной Великого Новгорода! Мэр Великого Новгорода Ю.И. Бобрышев. 12 июня 2010 г.».

«Спасибо за очередную выставку Семёна Ивановича. Казалось бы, что за все прошедшие годы видела много его работ и не подозревала, что увижу что-то новое. Сколько души, не говоря о таланте, вложено в эти акварели. Глядя на них, кажется, что встречаешься с Семёном Ивановичем, слышишь его речь... Особенно отрадно, что выставка была подготовлена, не смотря на болезнь Владимира Ивановича, главного организатора всех выставок и хранителя наследия Пустовойтова. Будем надеяться, что следующую выставку Володя подготовит сам. Дорогие наши Поветкинцы, всем сердцем желаем вам добра, тепла, здоровья. Мы с вами! В.Л. Янин, Е.А. Рыбина. 15.06.2010 г.».

«Огромное спасибо Центру музыкальных древностей за возможность проведения репетиции народного хора церкви Апостола Филиппа. Пелось и думалось совсем по-другому, чем в обычном доме. <...> Участницы хора 13.17.10.».

«Господи! Как хорошо! Как можно выразить словами, и в каких тайных закоулках своей души можно их найти, чтобы передать те чувства, которые зарождаются в сердце от посещения Вашего Центра?!? Всё здесь проникнуто единым духом глубочайшего уважения к народному творчеству, его самобытной культуре. Прекрасно, что есть такая благодатная возможность приобщиться к этому бесценному наследию и с чувством благодарности и незаслуженной гордости осознать, что это твои предки и принадлежишь ты к этому народу, и понимаешь, что налагает это на тебя великую ответственность. Спасибо Вам за Ваш Центр и помогай Вам Господь в Ваших благословенных трудах! 19 августа 2010 г. В. Новгород. Щетинин Н.П., учитель математики гимназии «Эврика».

«Гордимся нашим земляком. Считаем его гением в воссоздании старинных музыкальных инструментов. Почётный гражданин Великого Новгорода Владимир Иванович Поветкин оставил свой след и в истории Курска. Его имя внесено в Большую Курскую энциклопедию. Выражаю благодарность коллективу интереснейшего музея за гостеприимство. Тамара Анатольевна Грива, журналистка». *(Сентября 2010 г. — **Л.Ф.**).*

«Сколько труда, сколько умения!! Спаси Христос Вас и простите нас. Желаем долголетия всем, кто трудится в этих стенах. Владимиру Поветкину особая благодарность от всех казаков Тихого Дона, Кубани и Терека, всех тех, кто знает и почитает русскую культуру. По истечении времени мы понимаем, что мы сделали так мало, по сравнению с тем, что сделал один МАСТЕР — это Владимир Иванович Поветкин. Желаем ещё раз ему здравия и долголетия. Многая и благая Лета! От казаков «Казачьего Круга» кланяемся Вам низко. <...> С уважением В.Н. Скунцев — руководитель Тв. центра и ансамбля «Казачий Круг» г. Москва. 2 октября 2010 год, г. Вел. Новгород».

«Спасибо за Ваше подвижничество, любовь к Родине, к своей культуре. 2 октября 2010 г. Нижний Новгород. Агафонова Ирина Святославовна, архитектор».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Янин Валентин Лаврентьевич — историк, археолог, доктор исторических наук, академик Российской академии наук (РАН), зав. кафедрой археологии Московского государственного университета (МГУ), руководитель Новгородской археологической экспедиции (НАЭ) с 1962 года, Почётный гражданин Великого Новгорода (1983).

[2] Ямщиков Савелий — советский и российский реставратор, историк искусства, публицист, Заслуженный деятель искусств России.

[3] Зализняк Андрей Анатольевич — лингвист, доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, Почётный гражданин Великого Новгорода (2011).

[4] Очин Олег Фёдорович — Председатель Новгородского городского Совета народных депутатов (1990–1991), заместитель Главы администрации Новгородской области (1991–1992).

[5] Балашов Д.М. — русский писатель, фольклорист, историк, Почётный гражданин Великого Новгорода (1997).

[6] Шубин Юрий Александрович — Заслуженный работник культуры РФ, Председатель комитета культуры кино и туризма Новгородской области (по 2004). В настоящее время директор Департамента Генерального секретариата Министерства культуры РФ.

[7] Ремо Факкани — филолог, славист, профессор русского языка и литературы университета Удино (Италия).

[8] Рыбина Е.А. — историк, археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии МГУ, зав. лабораторией НАЭ (1962–1997).

[9] В период с сентября 2008 г. по апрель 2009 г. В.И. Поветкин находился в г. Курске.

[10] Протоиерей Алексей (Вовченко) — настоятель церкви св. Георгия Победоносца погоста Камно (Псковская область).

Л.В. Антонова

НА ДРЕВНЕЙ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Посёлок Батецкий стоит на древней Новгородской земле, где зародилась Российская государственность. Славная история Великого Новгорода прервалась после завоевания его великим князем московским Иваном III Васильевичем. После первого похода в 1471 году Новгород потерял внешнеполитическую независимость, и было установлено его судебно-административное подчинение Москве, а после второго — в 1478 году произошло уничтожение республиканского строя и полное подчинение Новгорода власти великого князя. В последующие годы более семи тысяч представителей привилегированных сословий были выведены из Новгорода в Москву и другие города, а их земли конфискованы и затем переданы в поместья московским боярам и служилым людям, перемещённым из Москвы.

На территории нынешнего посёлка Батецкий находилась деревня Дубцы, которая с крестьянами и землями была жалована «фамилии Обольяниновых за дворянскую службу престолу в разных чинах в 7090 (1572) годах». Обольяниновы оставались владельцами этого поместья до 1890 года, когда оно было ими продано Николаю Валентиновичу Сазикову, потомственному почётному гражданину, происходившему из семьи ювелиров-серебряников. Молодой, 27-летний, энергичный человек, получивший образование в Санкт-Петербургском коммерческом училище, он с интересом стал заниматься хозяйством. Вникая в земские дела, стал членом экономической и землеустроительной комиссий Лужского уездного земства, поддерживал идею Столыпина о хуторском расселении крестьян.

В 1899 году правительством было принято решение о строительстве железной дороги, соединяющей Петербург с Витебском. «Высочайше утверждённым дополнением к уставу» выполнение этой задачи было возложено на Московско-Виндаво-Рыбинское акционерное железнодорожное общество. Это общество было в то время одним из самых успешных, построившее в 1870 году дорогу, соединившую Рыбинский речной порт со станцией Бологое на Николаевской железной дороге и далее с Петербургским портом и начавшее строительство дороги от Москвы до Виндавы. К этому времени в южном направлении от Петербурга была только дорога до Царского села — первая в России железная дорога, построенная в 1837 году. Ширину её колеи надо было нормализовать, то есть перевести колею с 1829 мм до 1524 мм, ибо эта ширина была принята с тех пор и по настоящее время по всей России, и продлить её до станции Дно.

На участке дороги от Дно до Царского села на расстоянии 150 км от последнего была запланирована станция, названная Батецкой. Эта станция существует и сегодня. Ей уже больше ста лет, но до сих пор название её вызывает разные толкования. Дело в том, что была она поставлена на земле поместья Дубцы, принадлежавшего потомственному почётному гражданину Сазикову, на расстоянии одного километра от деревни Дубцы, а деревня Батецко, давшая название станции, находилась в пяти километрах от неё. Существует мнение, что крестьяне Батецко не захотели, что бы железная дорога прошла рядом с их деревней и добились каким-то способом, чтобы её перенесли. А другое мнение, что Сазиков, высоко оценив экономические выгоды от станции и железной дороги, принял меры, чтобы дорога была перенесена на его землю, а первоначально данное название сохранилось. Строительство было закончено за четыре года, и 1 августа 1904 года началось движение по железной дороге от Петербурга до Витебска и в этот день стали функционировать все станции, включая Батецкую. Все они были 4-го класса, деревянные, построены по типовому проекту и включали в себя вокзал, дома для начальника участка связи, для старших и младших служащих, для аптеки, приёмного покоя и фельдшера, для отдыха паровозных бригад, баню, водоёмную башню и другие службы.

Николай Валентинович стал обживать свою территорию близ станции: построил несколько домов, отдал в аренду Борису Брюну де Сент-Гипполиту, лужскому землевладельцу, участок земли под строительство паровой мукомольной мельницы. А в 1913 году Сазиков и его мать — Евдокия Павловна Маслова (по второму браку) решают построить близ станции Батецкая церковь в память 300-летия Дома Романовых.

История строительства церкви Святого Духа

В 40-50-х годах XX века были ещё в Батецком люди, помнившие последнего владельца усадьбы Дубцы Николая Валентиновича Сазикова и его мать генеральшу Евдокию Павловну Маслову. Говорили, что она была богата значительно больше сына, и связывали это с её вторым мужем. Но, хотя Николай Николаевич Маслов и дослужился до высокого чина генерала от инфантерии, он жил только на жалование, позволявшее ему безбедное существование, но богатством это вовсе не было. А вот её первый муж — Сазиков Валентин Игнатьевич — был ювелиром, так же как его отец и дед, купцом первой гильдии, поставщиком императорского двора, потомственным почётным гражданином, и изделия их фирмы были известны во всём мире. По завещанию мужа, Евдокия Павловна

наследовала всё его движимое имущество, «как благоприобретенное, так и перешедшее по наследству от родителя», то есть драгоценные металлы и ювелирные изделия, а так же фабрику и право продолжать производство и дом на Большой Морской в Петербурге, ранее купленный на её имя. А сыновьям, Павлу и Николаю, отец оставил только свою часть недвижимого имущества в Москве, находящегося в общем и нераздельном владении с братом Сергеем Игнатьевичем. Видно, воспользоваться таким наследством было не просто, так что правы были местные жители, когда полагали, что средств у Николая Валентиновича было значительно меньше, чем у матери.

В 1913 году Россия готовилась отмечать 300-летие Дома Романовых, и было вполне естественным желание Николая Валентиновича вложить собственную лепту в это празднование. Ведь с 1837 года его дед, Игнатий Павлович, владелец фирмы Сазиковых, согласно указа императора, носил звание «придворного фабриканта». В течение многих десятилетий фирма выполняла заказы от членов императорской семьи. Поскольку Евдокия Павловна была более двух десятилетий членом семьи Сазиковых и после смерти мужа «под ее присмотром» продолжалась работа ювелирной фабрики, она охотно поддержала идею сына о постройке храма в память 300-летнего юбилея Дома Романовых. Материальное участие матери в этом строительстве было для Николая Валентиновича, по-видимому, не только желательно, но и необходимо. А что касается места постройки храма при станции Батецкая, то это был символический шаг в направлении будущего посёлка, который непременно должен был возникнуть при железнодорожной станции.

Храм Святого Духа в пос. Батецкий

Для строительства храма был приглашён епархиальный архитектор Андрей Петрович Аплаксин. Ещё совсем молодым человеком после окончания Института Гражданских инженеров в 1906 году он был принят на должность архитектора в Санкт-Петербургскую епархию. К 1911 году, когда Аплаксин приступил к работе в поместье Сазикова, им уже было выполнено не менее 20 построек в Санкт-Петербурге и в Петербургском уезде, в том числе две церкви в Лужском уезде: в селе Вычелобок и в Новом Островно. В задачу архитектора входило составить проект и довести его до воплощения.

Николаю Валентиновичу, наверное, так хотелось закончить строительство к празднованию юбилея в марте 1913 года, что к работам приступили до утверждения проекта. Однако 23 сентября 1911 года в Санкт-Петербургское губернское правление поступил рапорт Лужского уездного исправника «о намерении потомственного почетного гражданина Н.В. Сазикова строить в своем имении храм, не имея на то разрешения». Строительство было приостановлено, и, как оказалось, на долгое время. Началась переписка Духовной Консистории со Строительным отделением Санкт-Петербургского губернского правления. В дополнение к представленным сведениям требовалось сообщить данные исследования грунта под будущей постройкой на глубину в два раза большую, чем та, что была указана в проекте, а так же сообщить о границах участка и его принадлежности, а ещё проверить расчёт прочности церкви. После выполнения всех этих требований проект был отправлен на заключение в Императорскую Академию художеств, где в целом он был одобрен, но предлагалось увеличить входную часть и «вместо показанной на проекте малой главки на звоннице, сделать главку в стиле Новгородско-Псковских церквей». Наконец, в марте 1912 года проект был утверждён, строительство возобновилось и без каких-либо осложнений закончилось к лету 1913 года.

1 июля (по старому стилю) храм был освящён во имя Святого Духа протоиереем собора Св. Екатерины города Луги Анатолием Остроумовым и в Санкт-Петербургскую епархию послан следующий рапорт.

«В 1913 году закончена постройка и по благословлению Владыки Владимира (Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского), Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры священно-Архимандрита, 1 июля освящена А. Остроумовым каменная церковь при станции Батецкой, построенной в память 300-летия Царствования Дома Романовых — потомственным почетным гражданином Николаем Валентиновичем Сазиковым и матерью его, вдовою генерала от инфантерии Евдокией Масловой на собственные их средства».

Это свидетельство о рождении нового храма. Скромный и вместе с тем торжественный встал он на древней новгородской земле, неся в себе черты новгородских храмов средних веков, их лаконизм и гармонию. Белоснежные его стены чётко прорисовывались на фоне лесного массива, притягивая к себе взгляды и сердца. Он сразу стал любим жителями Дубец и Косова, всего состава железнодорожных рабочих и служащих станции Батецкая. И никто не знал, какая нелёгкая судьба ожидала этот храм.

Сазиковы — династия ювелиров-серебряников

В 2013 году жители посёлка Батецкий, отмечали 100-летие церкви Святого Духа, построенной Николаем Валентиновичем Сазиковым. К сожалению, на протяжении почти всего XX века его семья, четыре поколения ювелиров-серебряников, своим трудом и творчеством послуживших славе России, были не заслуженно

забыты. На слуху у всех было имя ювелирного дома Фаберже, действительно замечательных мастеров, выполнявших изысканные ювелирные изделия для царственных особ. Большой известностью пользовались пасхальные яйца с секретом, которые в наше время стоят баснословных денег.

Путь Сазиковых к известности был нелёгким. В 1796 году отец и сын — Фёдор Ермолаев и Павел Фёдоров, экономические крестьяне Московской губернии, того места, которое сейчас называется Павловым Посадом, приехали в Москву и записались в купечество. Они обладали, очевидно, не плохими навыками работы с серебром, так как изготовленные ими изделия нашли спрос и вскоре они открыли мастерскую с двумя-тремя рабочими, число которых год от года увеличивалось. По приезде они не имели ещё фамилии, и только в 1811 году Московский магистрат дал им право официально именоваться фамилией Сазиковы. В 1820-е годы производство их значительно разрослось, и мастерская стала получать заказы от дворцовой палаты. Первоначально они изготовляли преимущественно оклады икон, но вскоре стали поступать заказы светского назначения. Уже во втором десятилетии XX века к работе подключился сын Павла Фёдоровича — Игнатий. В 1836 году их мастерская получила статус фабрики, а в следующем году Игнатий Павлович лично получил «высочайшее дозволение именоваться придворным фабрикантом серебряных изделий». В эти годы он посещает Европу для ознакомления с особенностями ювелирного производства на Западе, а в середине 1840-х годов Сазиковы открывают ещё одну фабрику в Петербурге и два магазина на Невском. Петербургский филиал фирмы возглавляет Игнатий Павлович, позже к нему присоединяется младший сын Валентин, средний, Сергей, начинает работать с дедом в Москве. На старшего сына Павла, получившего образование в Академии художеств и имевшего звание неклассного художника, было возложено руководство художественной частью. Игнатий Павлович впервые внедряет разделение труда, что повышает его производительность, особенно при изготовлении предметов утилитарного назначения: столовых и чайных приборов, пользовавшихся большим спросом. Будучи не только талантливым организатором, но и большим художником, он обращается к новой в то время национальной тематике и создаёт предметы в «русском стиле». Имитируя в серебре фактуру дерева, бересты, тканей, Сазиковы создавали серебряные сухарницы, в виде плетёных корзинок с накинутыми на них салфетками, солонки в виде туесков, мешочков, пепельницы в форме лаптя. Гармоничность изделий и филигранность исполнения способствовали их востребованности в разных слоях населения, в том числе и аристократических, приобщая их к эстетике народного «русского стиля». Сазиковы были первооткрывателями в литье круглых фигур в отечественном серебряном деле, причём и здесь они использовали национальные мотивы. На историческую русскую тему была сделана грандиозная композиция в два метра высотой «Дмитрий Донской, раненый на Куликовом поле». Это был канделябр, на изготовление которого пошло 130 кг серебра. Он, наряду с другими изделиями, был выставлен на Первой Всемирной выставке в Лондоне в 1851 году и получил Большую золотую медаль первого достоинства. Следует отметить, что на этой выставке такую медаль мог получить только один экспонат! Павел Игнатьевич в одно мгновение сделался известным всей Европе. Эта работа была выполнена при участии скульптора Петра Клодта, автора памятника Николаю I на Исаакиевской площади и конных групп на Аничковом мосту. При создании многочисленных круглых скульптур: «Витязь с конём», «Сани», «Тройка», «Чернильный прибор в виде паровоза», «Мальчик со свирелью» и бесконечно многих других, Сазиковы всегда сотрудничали с известными скульпторами и художниками: Солнцевым, Далем, Монигетти, Горностаевым, Лансере и другими. Также в основу изделий брались эскизы Павла Игнатьевича. Естественно, Сазиковы работали не только в русском стиле, у них были изделия и в других, более традиционных стилях — барокко, рококо, и даже у них есть работы, предвосхищающие грядущий модерн («Чернильница и парные подсвечники», 1877).

В 1877 году умер Валентин Игнатьевич, через два года умер его брат Сергей, работавший в Москве.

После ухода из жизни представителей третьего поколения династии Сазиковых наступил спад производства, но сохранялось очень высокое художественное и техническое качество изделий. В Петербурге работал старший сын Валентина Игнатьевича — Павел, продолжали функционировать фабрика и магазин на Большой Морской, в Москве работали наследники Сергея Игнатьевича. Фирма продолжала экспонировать свои изделия на всемирных выставках под названием «Наследники придворного фабриканта Сазикова». Последний раз они участвовали в такой выставке в 1893 году в Чикаго. Вспомним первые шаги их в Москве в 1796 году, и перед нами пройдёт жизнь четырёх поколений мастеров, на протяжении целого столетия не изменивших своему делу и достигших признания не только в своей стране, но и в мире.

Сенсационная находка, сделанная в марте 2012 года в Санкт-Петербурге, явилась прекрасным заключением этого рассказа. При реставрации особняка В.Л. Нарышкина на ул. Чайковского 29 был обнаружен уникальный клад, состоящий из 2168 серебряных предметов: сервизов, столовых приборов, предметов быта, орденов, медалей, в том числе 562 — работы фирмы Сазикова (большой столовый, чайный сервизы и другие изделия). Это при том, что в Эрмитаже хранится только 86 предметов их работы. Эта находка способствовала тому, что имя Сазиковых стало знакомо не только специалистам — ювелирам и искусствоведам, но широкому кругу людей, небезразличных к достижениям отечественного искусства и просто к миру прекрасного.

Вспоминает Галина Павловна Булатова — внучка Николая Валентиновича Сазикова:

«Первые годы моей жизни прошли в Дубецкой усадьбе, где я жила с отцом — Павлом Николаевичем, матерью — Екатериной Валентиновной и младшим братом Игорем. Воспоминаний об этом времени, естественно, у меня не сохранилось, ведь в 1929 году, когда после смерти моей мамы от родовой горячки, отец, взяв меня и брата, навсегда покинул родной дом, мне было всего пять лет. Отец устроился шофером на заводе Электробалт в поселке Разлив под Ленинградом. Работал он очень много, а заработок был небольшой, и вся наша жизнь в детстве и юности запомнилась мне как скудная и полуголодная. Мы жили в мезонине какого-то деревянного дома, там было просторно, но пусто, потому, что мебели у нас почти не было. Кто присматривал за нами, детьми, не помню, но через несколько лет к нам приехала из Дубец

тётя Катя и взяла домашние дела в свои руки. Когда-то в усадьбе она, молоденькая крестьянская девчонка, была нашей нянькой, и была без ума влюблена в отца. И теперь, она ли каким-то образом нашла его, он ли позвал её, сам не в силах справиться с детьми, но тётя Катя, как я и брат называли её, поселилась у нас, и наша жизнь изменилась к лучшему. В 37-ом году у неё родился сын Володя, и с тех пор жизнь навсегда соединила её с моим отцом.

Отец мой был очень деликатным, мягким человеком, я никогда не слышала от него не только ни одного бранного, но даже грубого слова. Не смотря на то, что он работал шофёром на грузовой машине, я назвала бы его интеллигентным человеком. Он ничего не рассказывал о своей жизни в молодые годы, и если бы не тётя Катя, я не знала бы и того малого, что стало мне известно. А она рассказала, что усадьба, где я родилась, принадлежала деду моему, помещику, Николаю Валентиновичу, что летом там жила его мать, которую называли генеральшей Масловой, и она построила в усадьбе двухэтажный дом. И ещё она рассказала, что отец окончил реальное училище и поступил в политехнический институт, но учение в нём пришлось прервать, потому что началась Первая мировая война и его призвали в армию. И ещё была у него сестра Мария, которая в войну стала сестрой милосердия, как и моя мать. Я восприняла эти сведения, как нечто нереальное, не имеющее к нам никакого отношения. Да это так и было. И ничего не изменилось после того, как тётя Катя взяла меня с собой, когда ездила навещать своих родственников в Дубцах, и я побывала в усадьбе и в деревне, но запомнилась мне только изба родителей тёти Кати, в которой мы проводили, в основном, всё время.

Сын Н.В. Сазикова Павел Николаевич и его сестра Мария Николаевна. 1914 г., начало Первой мировой войны

В войну мы, дети, были эвакуированы в Кировскую область, а отец оставался в блокадном Ленинграде и работал на Дороге жизни, за что был награждён медалями „За отвагу“ и „За боевые заслуги“. После войны он работал завгаром в совхозе Детскосельский и жил в Пушкине с женой и сыном Володей, в доме, построенном им собственными руками. Умер он в 1956 году от рака горла.

Я, окончив после войны техникум, работала на заводе Электросила техником, потом инженером. Вышла замуж, родила и вырастила дочь и сына, которые, как и отец их, окончили Институт авиаприборостроения, успешно работали по специальности, завели свои семьи. И все мы хранили светлую память о моём отце и их дедушке и не думали, не знали, какую опасную тайну держал он в себе, не выдавая её ни словом, ни намёком. Раскрытие этой тайны грозило гибелью ему, а значит и нам, ведь он был для нас всем: отцом, матерью, единственным на свете родным человеком. Тайна эта была не позорная, не постыдная, а, напротив, прекрасная, но так не совместимая с нашей жизнью. Она заключалась в том, что мои предки в трёх или даже в четырёх поколениях были ювелирами, да не простыми, а знаменитыми, одними из лучших в России и известными в мире. А в советской стране было опасно принадлежать к семьям знатным или богатым. И хотя мои предки вышли из крестьянской среды и достигли известности и богатства своим трудом и талантом, они всё равно были бы причислены к купцам-мироедам, эксплуататорам, которым, в нашей стране, строящей социализм, не было места. Отец мой это знал и потому уехал из Дубец, из Батецкой, где были люди, знавшие о нём больше, чем крестьянская девочка, наша няня, и потому ничего, совсем-совсем ничего не говорил нам, детям. Ведь какое-нибудь случайное слово могло стать роковым. Я думаю иногда, что такая долгая жизнь (ведь мне сейчас 88 лет) была мне дана, чтобы я всё-таки узнала о моих предках, чтобы перестала быть Иваном, не помнящим родства. А множество совпадений, приведших к этому знанию, наводят меня на мысль, что это были не случайности, а Промысел Божий. Ведь надо же было, что бы сестру жены брата моего. Анну Васильевну, после окончания техникума по распределению направили работать в райцентр Батецкий, далёкий от тех мест, где она родилась и выросла, и она осталась там жить. Брат с женой пару раз приезжали к ней и брат, посмеиваясь, как о чём-то анекдотичном говорил: „А тут где-то была усадьба моего деда“. Прошло 50 лет. И вот однажды Анна Васильевна позвонила нам и рассказала, что прочла в районной газете, в маленькой заметке о названии станции Батецкая, упоминание о том, что отец автора этой заметки, Антоновой Любови Вениаминовны был в юности знаком с моим отцом. Мы созвонились, встретились и от неё только узнали о своих знаменитых предках. Теперь мы это знаем, но знаем только умом, потому что представить, что это мой прадед Валентин Игнатьевич (а прадед — это же так близко, я ведь и сама уже прабабушка!) сделал то множество серебряной утвари, которую недавно нашли в особняке Нарышкина, а теперь выставляют в Павловском и Константиновском дворцах. Или представить, как моего прапрадедушку Игнатия Павловича награждают в Париже орденом почётного легиона за высокохудожественные серебряные изделия. Мне очень жаль, что здоровье не позволяет мне приехать в Батецкий и в усадебном парке, где прошли первые годы моей жизни, вспомнить, не умом, а сердцем, так рано ушедшую мать, и помолиться в церкви, построенной дедом, за людей, восстановивших её, и поблагодарить Господа за восстановленную память».

Возрождение храма

Позади столетний юбилей церкви Святого Духа в посёлке Батецкий. Вспомним же, какими были для неё эти сто лет.

Неизвестно, когда прекратились богослужения в этой церкви, но по воспоминаниям местных жителей уже в предвоенные годы она была недействующей. После окончания Великой Отечественной войны в конце 1940-х годов в ней была развёрнута электростанция, при этом церковь лишилась купола и звонницы. Электростанция эта была маломощной и после подключения посёлка к проведённой линии электропередач была законсервирована, а здание обезглавленной церкви заколочено. В начале 1960-х годов было принято решение разобрать церковь и на её месте построить типографию. Разобрать капитально построенное здание оказалось не так просто — церковь сопротивлялась, как могла, но когда подогнали грузовик с подъёмным краном и металлической «бабой» и начали бить по её стенам, с сопротивлением было покончено. Типографию построили и о церкви стали потихоньку забывать, пока память о ней совсем не исчезла. Этому забвению способствовал переход старожилов преклонного возраста в мир иной и отъезд в города молодых. На их место приезжали другие: специалисты, окончившие институты и техникумы, жители отдалённых деревень района, люди, переселённые из Ленинграда за 101 километр. Все они местную историю не знали.

Архитектор А.П. Аплаксин

Прошло несколько десятилетий и на смену времени разрушения храмов пришло время их восстановления или строительства. В первые годы нового тысячелетия встал вопрос о строительстве церкви в районном центре Батецкий. Губернатор Новгородской области М.М. Прусак был против этого строительства, аргументируя это тем, что в пяти километрах от Батецкого в деревне Городня была восстановлена к этому времени большая пятиглавая каменная церковь Димитрия Солунского, и предлагал возить туда желающих на специально выделенном автобусе. Глава сельской администрации Т.Н. Иванова настаивала на строительстве церкви в посёлке, её поддержал владыка Лев, Архиепископ Новгородский и Старорусский. Он же нашёл спонсоров, которые и взяли на себя расходы по строительству церкви. В 2004 году епархией был заказан проект церкви и стали подыскивать место для её строительства. И тут нашлись старожилы, которые вспомнили, что ведь была церковь, рассказали историю её превращения в электростанцию и последующего разрушения для строительства на её месте типографии. В 2005 году краеведами был обнаружен в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга отчёт протоиерея Остроумова об освящении церкви Святого Духа при станции Батецкая, что документально подтверждало её существование. А потом там же были найдены чертежи, разрезы, планы, изображение фасадов этой церкви, выполненные её строителем — архитектором Аплаксиным. Сведения об этих документах были переданы в Новгородскую епархию. Начальник отдела реставрации епархиального управления В.Н. Карагодина получила в архиве копии чертежей, и воссоздание храма было произведено по этим чертежам, с сохранением части первоначальных стен, которые были обнаружены при разборке типографии, и на прежнем фундаменте. Начатое в 2006 году строительство было закончено летом 2007 года и 18 августа церковь Святого Духа освящена владыкой Львом, Архиепископом Новгородским и Старорусским. На освящении присутствовали внук и правнучка Николая Валентиновича Сазикова — Владимир Павлович Сазиков и Елена Александровна Булатова.

Судьба архитектора Андрея Петровича Аплаксина, строителя церкви, была схожа с судьбой ювелиров Сазиковых — его имя и творчество тоже были забыты более, чем на 70 лет. Он был последним епархиальным архитектором Петербурга. Вступив в эту должность в 1906 году сразу после окончания Института гражданских инженеров, он занимал её до 1917 года, когда она была упразднена. За одиннадцать лет он выполнил 55 самостоятельных работ. Было построено 39 сооружений, из них 23 церкви в Петербурге и Петербургской губернии, подготовлено 16 проектов, из них пять церковных, которые не были осуществлены. Кроме того, он много занимался ремонтными и реставрационными работами. Самые ответственные из них были произведены в Казанском и Сампсониевском соборах. Огромная работа в интерьерах Казанского собора и по приведению в порядок фасадов была выполнена к празднованию его 100-летнего юбилея 15 сентября 1911 года. К этому юбилею Аплаксин издал монографию «Казанский собор», которая и сегодня считается лучшей об этом храме, бывшем до постройки Исаакиевского главным собором Российской Империи.

Если первые храмы Аплаксин строил в русско-византийском стиле, почти обязательном в России со второй половины XIX века, то в дальнейшем он переходит к «неорусскому» стилю, которых предоставляет большую свободу творческой фантазии архитектора. Этот стиль включал черты новгородско-псковского зодчества и асимметрию, характерную для модерна, белые оштукатуренные стены оживлялись яркими расписными фризами. Все постройки Аплаксина очень своеобразны и гармоничны. После 1917 года напряжённая творческая жизнь архитектора прекратилась. Уже при его жизни началось разрушение построенных им храмов, а умер он в 1931 году на 52-м году жизни. На сегодняшний день из 23-х церквей сохранилось, восстановлено или находится в стадии восстановления всего пять, и в числе этих пяти — церковь Св. Духа в посёлке Батецкий. 8 февраля 2013 года в

Государственном Музее городской скульптуры Санкт-Петербурга открылась выставка, посвящённая Андрею Петровичу Аплаксину, на которой были представлены чертежи, макеты, архитектурные проекты, архивные материалы. Идея выставки возникла несколько лет назад у игумены Введено-Оятского монастыря Иоанны. Подворье этого монастыря в Санкт-Петербурге находится в храме, построенном архитектором Аплаксиным в честь святой Анны Кашинской. В том же феврале месяце была проведена презентация книги Марии Фишер «Творчество добра», посвящённой жизни и творчеству А.П. Аплаксина. Выставка и книга явились восстановлением исторической справедливости и символично совпадение во времени этого события со столетним юбилеем церкви Святого Духа в посёлке Батецкий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Великий Новгород : энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 352-400.

Альбом гражданских инженеров Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. СПб., 1908.

Русский биографический словарь в 20 томах. М., 2001.

К гл.: *История строительства церкви Святого Духа*

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 105. Д. 62. Л. 163об. «Состояние церквей С.-Пб. епархии». 1914.

ЦГИА СПб. (Строительный отдел губернского правления). Ф. 256. Оп. 30. Д. 209. Л. 11–126. 1814–1917 гг.

К гл: *Возрождение храма*

Фишер М. «Творчество добра». Петербургский архитектор Андрей Петрович Аплаксин. 1879–1931. СПб. 2013.

К гл.: *Сазиковы — династия ювелиров-серебряников*

Мухин В. Петербургское отделение фирмы «Сазиковъ» и русское серебряное дело XIX–начала XX века // Блестящая эпоха Фаберже. СПб, 1992. С. 43–60.

Володаева В.Ю. Ювелирная фирма Сазиковых. К проблеме историзма в русском искусстве XIX века / автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М. 2009.

Володаева В.Ю. Ювелирная фирма Сазиковых // Вестник МГУ. 2007. № 3. С. 91–97.

ЦГИА СПб. Ф. 402. Оп. 1. Д. 198. «Дело о имении умершего С.-Петербургского купца 1 гильдии, мануфактур-советника Валентина Игнатьевича Сазикова, последовавшей 25 октября 1877 года».

ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1344. 1865–1878 год. (О покупке женой мануфактур-советника Сазикова — Евдокией Павловной дома по Морской 29).

ИЗ ОПЫТА КРАЕВЕДА

Краеведение — это не профессия, не работа, это состояние души, образ жизни. Краеведы народ увлечённый, находки, хотя бы и незначительные, приносят им радость и удовлетворение, несоизмеримые подчас со значимостью открытия. И главное их желание — донести новые сведения до людей и, в первую очередь, до тех, кто живёт в местах, к которым эти открытия относятся. И тут встаёт вопрос, как ознакомить людей с этими новыми сведениями об истории их родных мест.

Я хочу сообщить о тех способах распространения, которыми я пользовалась. Местом моих исследований был посёлок Батецкий Новгородской области, являющийся районным центром, и, в меньшей степени, ближайшие деревни. За пятнадцать лет мне посчастливилось восстановить двухсотлетнюю историю усадьбы Дубцы, находящейся на территории посёлка, и одновременно посодействовать возрождению усадебного парка; выявить судьбу исчезнувшей во второй половине XX века церкви при станции Батецкая и этим способствовать её восстановлению на прежнем месте и по первоначальным чертежам; обнаружить документы, раскрывающие историю создания железной дороги и станции Батецкая, явившейся предшественницей посёлка.

Главным средством распространения информации для жителей посёлка и района явилась газета «Батецкий край». В ней печатались довольно многочисленные мои статьи по мере их написания, начиная с 2000 года. Не менее ценным оказалось содружество с краеведческим кружком средней школы, руководимым учителем математики Ларисой Владимировной Логуновой, и как результат — проведение экскурсий для школьников Батецкой и других школ района в усадебном парке. Там были установлены ламинированные таблички на металлических подставках с информацией об усадьбе и парке.

За собственный счёт были изданы книги: «Станция Батецкая», «Столетие церкви Святого Духа», «Дубецкая усадьба Обольяниновых». Книги раздавались в библиотеки, районную и школьную, в краеведческий музей, в комитет по культуре, в администрации — районную и поселковую и просто жителям посёлка, проявляющим интерес к истории родного края.

Как краевед приняла участие в двух Всероссийских конференциях по теме «Русская дворянская усадьба»: в Великом Новгороде в 2003 году с информационным сообщением об усадьбе Дубцы и в Москве в 2009 году с сообщением о «Применении методики очистки и реставрации пруда в парке усадьбы Дубцы». Проводились презентации книги «Дубецкая усадьба Обольяниновых» коллективам учителей, работникам библиотеки и комитета культуры и поселковой администрации. Батецкой школе был подарен календарь 2012 года «Времена года» с видами Дубецкого парка, и фотографии деревни Мроткино, записанной в писцовую оброчную книгу 1500 года, с исторической справкой.

В 2014 году оформлены две фотовыставки в холле дома культуры:

– «Историко-культурное наследие», включающая четыре стенда: «Парк Дубецкой усадьбы», «Станция Батецкая», «Столетие храма Святого Духа», «Деревня Мроткино».

– «Ювелирный дом Сазиковых», рассказывающая об истории и творчестве династии всемирно известных ювелиров, к семье которых принадлежал последний владелец Дубецкой усадьбы — Николай Валентинович Сазиков.

Такое размещение фотовыставок я считаю очень удачным, так как в Дом культуры приходит много людей по разным поводам — в кино, на концерты, на празднование юбилеев, на организуемые администрацией встречи и т.д., и в светлом, просторном холле эти выставки невольно привлекают их внимание. При открытии выставки «Историко-культурное наследие» с нею были ознакомлены все руководители внутрирайонных отделений культуры, собравшиеся на семинар.

К моему огорчению, пока никто из сотрудников комитета культуры не заинтересовался по настоящему историей посёлка и не освоил имеющийся материал настолько, чтобы смог рассказать у стенда подробности или провести экскурсию об усадьбе в парке.

Невыполненными остались запланированные экскурсии по теме «История посёлка Батецкий». Территория посёлка относительно не велика, но не настолько, чтобы экскурсию сделать пешеходной. Обращение в администрацию с предложением включить автобусную экскурсию в план мероприятий по празднованию Дня посёлка возражений не вызвало, однако реализовано не было...

Ю.А. Симонов

ЗИМНИЕ ЭСКИЗЫ

Зима... Заснеженная, завьюженная Новгородчина. Сегодня морозит. Крепко морозит... Ветра нет. И стоит необыкновенная тишина. Воздух кажется прозрачным, но глаз улавливает какую-то туманность, но это не обычный туман, а какое-то его подобие, потому что он позволяет видеть далеко-далеко... И в морозном воздухе хорошо видны и полюшко укрытое снегом, и берёзки, его окаймляющие, и за берёзками — череда бугров поросших сосняком, и за ними — наше любимое озеро Карабожа. Летом эти места хожены-перехожены, знакомы все тропки, все потаённые места... Сейчас это всё укрыто снегом. Зима на зиму не бывает похожей. В этом году снег лёг пышно, оттепелей ещё не было, поэтому звук над снегом гаснет, вязнет и на просторе возникает тишина...

Два чудака, городских жителя, вышли из натопленой гостеприимной деревенской избы тёти Ириши слушать тишину! На всякий случай оделись тепло: валенки, овчинный тулуп, да и треух овчинный домашней работы.

На вечереющем небе — разноцветье... Сзади нас — на небе уже темнота стоит, звёзды зажглись. Над нами — глубокая синева с золотыми точками звёзд. А перед нами — костёр! Заходит солнце. В морозном тумане оно уже вот-вот коснётся горизонта, но светит нам в глаза истово, ярко... И вдруг, в полной тишине возникает нечто удивительное, фантастическое... Вокруг солнца, подскочившего над горизонтом, вдруг возникли круги гало, а всё видимое, светящееся, полыхающее море света оказалось сверху вниз пронизанным лучом света, похожим на меч!

Нет! Такое в городе никогда не увидишь... Буйство ярого света, переливы оттенков света вызывают какое-то странное чувство. Мы соприкоснулись с одной из тайн рождения красоты. Теперь понимаю трепет живущих до нас. Всё чудо природы, все красоты природы — они воспринимали возвышенно, с трепетом, как нечто божественное, недоступное пониманию. Много времени прошло с той поры, а вот не забыть мне это чудо.

В это время березнячок вдали вдруг оделся чернеющими точкам и отвлёк на мгновение нас от моря света.

– Валюшка! А это ещё что такое? Откуда эти точки?!

– Юр! Так это же тетерева готовятся на ночлег! Ну и ну! Смотри внимательно, они на ночь сейчас нырять в снег будут!

И правда. Где-то в момент, когда солнышко погасло, эти чернеющие точки незаметно исчезли. Наступила полная темнота. Мы, очарованные виденным, не смогли шагнуть с места. Просто стояли, молчали. Молчали...

Молча вернулись в избу к тёте Ирише, поужинали поманниками с тёплым парным молоком. (А вы знаете что такое поманник? Это корж из теста, заполненный картофельным пюре, замешанным со сметаной и яйцом, смазанный яйцом и допечённый в русской печи! Это — вкуснющее гостевое блюдо.)

Легли спать. В 6 часов утра радио нас разбудило. Тётя Ириша занялась своим хозяйством, печкой, скотинкой, а мы стали планировать будущий день. В те годы стрелки часов не гоняли по циферблату, как худой пастух скотинку по выпасу... И вот в разговоре родилась идея, чтобы вечером попытать охотничье счастье в охоте на тетеревов.

Молодые были, горячие! И всё-то для нас было простым, очевидным. Пришли мы в деревню от станции Хвойная своим ходом, на лыжах. Да и дистанция — не олимпийская, всего-то 32 км! Но, шли мы не по целине, шли мы не по лыжне, а шли мы по следу от шин грузовых автомобилей! И вот незадача! Ноги пришлось держать всё время в напряжении, в колее задних колёс: ноги и не раздвинешь, и в один след не сдвинешь. Уже через три-четыре километра поняли, простой эта дорога не будет. Но, преодолели! Вышли мы в путь в шесть часов утра, а пришли к избе тёти Ириши только в четыре часа вечера. Мы, натренированные офицеры, сутки отходили от такой дороженьки. Отдохнули, всё усталое забылось, а началась спокойная повседневность. Отпуск, короткий отпуск!

Лыжи у нас были фирменные, карельские, гоночные, крепления — «ратафелы». В те годы — это считалось отличным комплектом. На них по Комаровским перелескам, да по лыжне — бегать было и легко, и празднично. И скорость была...

А здесь — пухлявый, рыхлый снег, никаких следов от лыж (да и кому в деревне придёт в голову — лыжню

ладить?!), а показать себя хочется. Встали мы с Валентином на край Столбовской горы у крутого спуска, гикнули, рванули вниз. На такой момент всегда некстати оказываются свидетели-зрители. А дальше было вот что. Поза спортивная, начальная скорость приличная, уклон крутой, мы летим и чувствуем, что тонем в снегу! Снег-то глубокий, гоночные лыжи нас не держат, и вначале в снег ушли носки лыж, затем ботинки, затем наши ноги по колено, затем лыжи остановились, а мы упали в снег лицами вниз! И пока мы выкарабкивались из снега и поднимались обратно на гору — наверху нас встречал громогласный женский хохот! Оскоромились!..

Но вот наступил вечер, время заката. Мы за световой день подготовили и лыжи, и ружья. Оделись тепло, и как было принято тогда — поверх всех свитеров были надеты байковые лыжные костюмы. Лыжи, хорошо натёртые, стояли на улице, привыкали к холоду. Надели рюкзаки, патронташи, охотничьи ружья повесили за спину и вышли из избы на мороз. Осмотрелись. Солнце уже было почти у горизонта. Закат сегодня был обычный, без особых красот... Но тишина была над полем... Стараясь не шуметь, неторопливо, без фасона, пошли к березничку, где вчера с горы видели чернеющие точки тетеревов. Подошли довольно близко, чтобы всё происходящее увидеть. Выбрали местечко за кустами и замерли. Сколько мы стояли неподвижно — я не знаю. Но были вознаграждены зрелищем прилёта стаи тетеревов. Сначала прилетели птицы-разведчики. Они шумно обследовали вершинки березничка, притихли. Через короткое время воздух заполнила стая птиц. Они неторопливо расселись по берёзкам, занялись последним кормлением берёзовыми почками. Но вот — затихли... Стало быстро темнеть... И вдруг совершенно бесшумно стая исчезла. Я был на охоте на тетеревов первый раз, поэтому очарованный красотой вечера, деревьев с птицами, тишиной, пропустил момент исчезновения стаи. Вот они были, вот я моргнул, и вот их нет! До сих пор помню это чудо. И в этот момент солнце село. Но некоторое время слабый отсвет позволял нам ориентироваться.

Валентин впереди, а я на небольшом расстоянии от него, тихо-тихо, потаённо, двинулись к месту ночлега тетеревов. Охотничьи ружья заряжены, держим их в руках, лыжные палки воткнуты в снег, чтобы не мешать нашей охоте. Идём, смотрим на снег во все глаза, но, к своему удивлению, ничего на снегу не видим. Мда... Раз птицы упали в снег, значит, на снегу должны быть следы! Но кругом — ровный, чистый снежный покров, без намёка на вмятины. Растерялись. Тихо кругом, чисто, морозно... Постояли.

Мы посмотрели друг на друга, хохотнули негромко, решили, что мы в полумраке не смогли точно определить места падения птиц. Ну, что делать, раз не повезло. Решили немного покружить у березничка. Покружили. Ничего. Мороз стали замечать... А затем, махнули рукой, одели ружья на плечо, взяли свои лыжные палки, пошли к дому. То ли мы в полумраке не смогли попасть в свой след, или нас что-то отвлекло, но оказалось, что мы идём по целине у того самого березничка.

Иллюстрации с сайта:
http://ohota-v-sibiri.ru/835-ohota-zimoy-foto.html

Валентин — впереди, я на некотором расстоянии от него. И смотрю — Валентин на снегу вдруг танцевать начал, ну точно танцевать. Вначале прыгал на одной ноге (это с лыжей-то), а потом — на другой! А какие пируэты он вытворял! И вдруг... из-под лыжины Валентина выскочил ошалевший тетерев, за ним другой... Валентин, стараясь держать равновесие, бросил лыжные палки, стал рвать с плеча ружьё, от неожиданности и потрясения руки его не слушались, а танец на лыжах продолжался! Я замер по стойке смирно. Картина была невероятная! Бывалый охотник танцует на спинах взлетающих птиц, орёт что-то несвязное, одновременно хохочет. А птицы спасаясь от нас, уже не соблюдая осторожность, тишину, громко хлопая крыльями, всё взлетали, взлетали, взлетали... Наконец ружьё у Валентина оказалось в руках, вдогонку одной из птиц выстрелил. Грохот выстрела... перьев нет, птицы нет, она в этой суматохе и в полумраке успела улететь. Наступила тишина.

Наконец всё успокоилось, тетерева все благополучно удрали. Мы в состоянии, близком к истерике — глядя на лица друг друга, стали неуёмно хохотать! Наверное — это был самый разумный выход из ситуации. Увы, без хвастливо обещанной «богатой добычи», пошли к деревне, к избе тёти Ириши.

Уже наступила темень, когда мы сняли лыжи, отряхнулись от снега, вошли в избу. Тётя Ириша не спала, ждала нас ужинать... Зажгла керосиновую лампу-семилинейку, отнесла её на стол у русской печки. На столе для нас уже стояла кринка парного молока, лежали ломти чёрного душистого хлеба, испечённого в русской печке. Из печи тётя Ириша деловито достала большущую сковороду с картошкой, жареной на свином сале, поставила её в центр стола. Нам, как гостям, — положила в центр сковороды по хорошему куску свинины.

Мы были молоды, отсутствием аппетита не страдали, поэтому с энтузиазмом взялись за еду... С мороза, да в натопленной избе, да поев от души — разомлели, стали, подшучивая друг над другом, рассказывать тёте Ирише свой поход за тетеревами, да всякие охотничьи байки. Слушала она нас внимательно, улыбалась еле-еле, но глаза её смеялись.

Но вот нас стал смаривать сон. Устали. День был необычный. Расположились на ночлег, погасили лампу. Легла спать и тётя Ириша... Вдруг в темноте прозвучали её слова: «Хорошие вы робяты. Лесу урона не дали... Зима... Всем тяжело».

Санкт-Петербург, 1964–2013 г.

Алиса Денисова

Стихотворения

Алиса Денисова родилась в 1996 году в Великом Новгороде, окончила с золотой медалью гимназию. В настоящее время учится на факультете журналистики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Занималась в театральной студии при Дворце детского и юношеского творчества, была ведущей детской телепередачи «Комната сказок» на Новгородском областном телевидении.

Стихи пишет с семи лет, с восьми начала участвовать в различных литературных конкурсах, дважды была победителем поэтического конкурса «Открытая дверь». В 2013 г. вышел её первый сборник стихов «Немного о...».

Фото Дмитрия Тришина

Солдатская мать

На амбразуру они бросались,
Сгорали, бились, взрывались — гибли.
И безымянными оставались
На камне сером, что на могиле.

Они сражались, сил не жалея,
Теряли друга, терялись сами...
Они стремились к священной цели
И забывали порой о маме.

А материнское сердце билось,
И спать ночами ей не давало.
В душе по сыну тоска копилась,
Но мать надеялась, не сдавалась.

И матерей таких было много,
Одним везло — возвращались дети.
Другие с верою и тревогой
Молили Бога при полусвете:

«Верни сыночка, верни родного,
Всесильный, сжалься, прошу, над старой.
Не надо, Господи, мне другого.
Как быть страшно солдатскою мамой!

Глаза б увидеть моей кровинки,
Обнять сынишку и приголубить.
Моей частичке, моей крупинке
Дать хоть воды, хоть кваску пригубить.

Верни, Всевышний, солдата-сына,
Мне жизни нет без его участья.
А если умер... то на могилу
Путь укажи для меня, несчастной».

И где страшнее жилось — не знаю:
В бою солдату под грохот взрыва,
Или его ждущей с фронта маме,
Смотрящей в небо взглядом тоскливым.

Юности

Чего ты хочешь, юность, от меня?
Зачем зовёшь в таинственные дали
И просишь бесконечного огня,
Когда сама к нам погостить едва ли?

Куда бежишь, молчание храня?
К чему ведёшь, сознание тревожа?
Чего ты хочешь, юность, от меня?
Не торопись, ведь мне не стать моложе.

Одноклассникам

Обернись! За спиной мы оставили детство –
Наши лучшие школьные дни.
И друзей-одноклассников нет по соседству,
Мы теперь без опоры: одни.
Но ведь только недавно мы были едины,
Помогали друг другу в беде...
Даже страшно представить, что скоро седины
Вдруг начнут проступать кое-где.
И тогда, умудрённые опытом, сядем
И откроем свой школьный альбом,
Пересмотрим оценки в забытых тетрадях,
И повеет из детства теплом.
А пока!.. А пока перестанем о горьком,
Мы же встретимся с вами опять.
Но, любимый мой класс, обещайте мне только
Школьной юности не забывать.

МЫ

Мы, наверное, из тех,
кому нервно курить в сторонке,
дожидаясь трамвая
на пустой остановке...
Тех, кого, рассмотрев между прочим,
чьи-то дикие взгляды
сочтут «не очень»
и отбросят в коробку «брак».
Мы, ужалившись обществом
(как бы ни так!),
создадим для себя необузданный мир
и уйдём с головою в него,
отделившись от вечно-целого.
Нам, скорее, привычна такая жизнь
отстранённого наблюдателя
и свободного созерцателя,
у которого нет преград.
Мы пока ещё молоды,
верим в прекрасное
и не миримся с мнением остальных.
Мы отброшены обществом:
одинаково-разные,
одинаково-странные для других.

***

Мне иногда вдруг слышатся шаги
Безмолвно подступающей кончины.
И шепчет ветер, кажется: «Беги!»,
И эхом откликаются осины.
А ты стоишь на выбранном пути,
Но убегать не хочешь, понимая,
Что, улыбаясь, должен путь пройти,
Последних дней своих не ожидая.

30.11.2012

Этот район

У этого района нет лица:
Пустые взгляды проходящих мимо,
Дома, как скалы, непоколебимы
И улицы, которым нет конца.

У этого района нет души:
Беспомощные бабушки на лавках,
Протухшие продукты на прилавках,
Растущие на стройке камыши.

У этого района нет мечты:
Поющие под окнами пропойки,
Заполненные мусором помойки
И старые, забытые мосты...

Весна

Она стучится к старым в двери...
Весна стучится к ним опять!
Одни откроют: «В самом деле
Весна пришла, пора встречать!»
Другие, чуду не поверив,
Не пустят счастья на порог...

Весна не открывает двери
Для тех, кто ей открыть не смог!

***

Петербургу

Новый город целует мне пальцы, щекочет дыханьем,
Шепчет на ухо ночью десятки немыслимых слов.
Этот город рождает во мне миллионы желаний,
Но не дарит мне муз, не приносит мне новых стихов.

Его тёмный асфальт покрывают тоскливые лужи,
В его сердце гуляют сто тысяч холодных ветров.
И ты в нём не один, но как будто другим и не нужен,
Словно здесь и не ждали твоих запоздалых стихов.

И не ждали тебя, и не знали, что ты существуешь.
Второпях проходя, не подняли тяжёлых голов.
Новый город, зачем, ну зачем ты мне пальцы целуешь?
Разбуди во мне сотни ещё нерождённых стихов.

***

Колоколится жизни суровый звон.
За вчерашней улыбкой таится меч.
Я хотела нести людям светлый сон,
Но его не смогла сберечь.

Вечереет на улице и внутри,
Перебежками двигаемся вперёд.
Я глаза открываю на «раз-два-три»,
А снаружи никто не ждёт.

Затуманится ночью любая явь,
Помутнеют мысли и выйдут вон.
Только самые важные сам оставь,
Колоколится жизни звон.

Мария Ковржко

Редактор альманаха «Чело», Кулиничева Мария Константиновна (творческий псевдоним Мария Ковржко), стала серебряным лауреатом 2014 г. Национальной Литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка». Конкурс «Национальная Литературная премия ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» признан элитарным среди писателей русскоязычного мира. Оргкомитет конкурса по праву считается венцом содружества писательских и творческих союзов планеты. Премия выдаётся за творческие способности, истинный талант, либо поддержку лучших русских литературных традиций. Мария удостоилась звания «Серебряный лауреат» за сказку «Заповедный клад».

Заповедный клад

Пролог

На просторах русских, между городов,
В заповедных дебрях, посреди лесов,
В маленькой деревне очень много лет
Люди охраняют сказочный секрет.
Там дорог не тянут, стройку не ведут,
В первозданном виде чащу берегут,
Чтут родную землю, не спешат тужить,
Что в глуши дремучей довелось им жить.
Потому что знают — зачарован лес,
Старожилам много ведомо чудес.
Вижу, возникает у тебя вопрос:
«Как бы сунуть в тайну любопытный нос?»
Свиток есть волшебный, быль расскажет нам,
Правда, сказ уводит к давним временам.
Хочешь знать, читатель, древнюю молву?
Открывай скорее первую главу.

·1·

Весело и мирно славный жил народ.
Был весенний праздник, вился хоровод.
Дружно разгулялись люди допоздна,
Да осталась дома женщина одна.
Марья не гуляла, мёда не пила,
Печь в избе топила — на сносях была.
Дрёма одолела, всполохнул очаг,
Пламя засияло, разгоняя мрак.
Матушка-Природа вышла из огня,
Свет окутал Марью ярче бела дня.
Женщина очнулась, косы расплела,
К полночи тихонько кроху родила.
Дочь родную Ладой Марья нарекла.
Много лет минуло. Плавно жизнь текла.
Отросла у Лады русая коса,
Нежностью лучились ясные глаза.
Но не внешним видом славилась она,
Берегиней деву нарекла молва.
С детства был подвластен ей любой недуг,
Исцелять умела лишь касаньем рук.
Сказывали — в чреве дар свой обрела,
Что благословила Мать-Сыра-Земля.
Лада безотказно помогала всем,
Хоть порой лишалась сна и сил совсем.
Между тем, взрослея, дева расцвела
И в тревожных думах Марья не спала:
«Дочка — загляденье! Ей ли быть одной?
Да обходят сваты двор их стороной».
К Ладе люд нежданно приходил снять боль,
Труд в избе бросала — исцеляла хворь.
Сыновьям внушали: «Женишься на ней,
Не всегда горячих сыщешь в печке щей».
Жил Вадим, однако, на краю села,
Не дурён собою, голова светла,
Вот кто берегиню искренне любил,
Да и щи порою сам себе варил.
Он один остался с юных лет в избе,
Так угодно было смерти и судьбе.
Случай в одночасье родичей забрал,
Мальчик не сдавался, как-то выживал.
Возмужал достойным молодцем Вадим,
Стали заниматься ратным делом с ним.
В воинском искусстве был он лучше всех,
С гордостью наставник отмечал успех.
На беду Вадима прохудился дом,
Ни отца, ни братьев — всё лежит на нём.
Мастер на все руки — смог всё залатать,
Но на откуп сватам нечего отдать.
Некому Вадиму полотно соткать,
Вышивкой украсить, красно дом убрать.
Он трудился много, ремеслом владел,
Накопить на свадьбу уж почти сумел.

Но однажды утром постучалась в дом,
Путница седая на коне гнедом.
Отворил Вадим ей. Попросила пить.
Он не поскупился завтрак предложить.
Прикоснулась к пище гостья лишь едва,
Но зато сказала вещие слова:
«Соберёшься вскоре ты в нелёгкий путь,
Мудрого совета, сокол, не забудь.
В сторону заката за судьбой иди,
Первым делом древо чудное найди».
Он пожал плечами и сказал тогда:
«Я не собираюсь, вроде, никуда.
Дай ответ мне лучше на вопрос иной –
Согласится Лада стать моей женой?»
Может быть, напрасно лишнее спросил,
Но ответ суровый всё же получил:
«Мужем берегине будет непростой
Славный и богатый доблестный герой».
После предсказанья загрустил Вадим,
Где ему тягаться с женихом таким?
Спрятал воин чувство, только в царстве снов
Он делил с любимой одинокий кров.
Впрочем, огорчаться долго не пришлось,
С первою грозою горюшко стряслось.

·2·

Молния сверкала, грозно гром шумел.
Прячась от ненастья, в избах люд сидел.
Кошки зашипели вдруг во всех домах,
Шерсть подняли дыбом, выражая страх.
Ведал, в чём тут дело, только Домовой...
Над селом раздался леденящий вой.
Знать — беда лихая! Спрыгнули с печи,
Ринулись мужчины доставать мечи.
Враг исподтишка их ход переиграл,
Средства обороны загодя украл.
Испарились копья, вилы, топоры.
Возмущённый рокот огласил дворы.
Жуткий до озноба повторился звук,
И не побоялись люди пустых рук.
Двинулись увидеть дружною гурьбой,
Что за образина рушит их покой.
Жителей селенья ужас поджидал,
С необычной свитой сам Невзор стоял.
Молвили в народе: «Двоедушец он,
Не душа людская, а злой дух силён.
Карачун вселился в тело колдуна,
Между ними сделка чёрная была.
Власть над тёмной силой дух Невзору дал,
Служат в его свите Аспид и Шармал.
Из летучих тварей Аспида нет злей.
Птичий клюв имеет огнекрылый змей.
Хобота два страшных крепятся на нём,
Ими ящер воет и плюёт огнём.
В небе он опасен, но куда скверней,
Если приземлится окаянный змей.
Только камень может не сгореть дотла
От прикосновенья Аспида крыла».
С мордой серой крысы сиживал Шармал
Возле ног Невзора, был росточком мал.
Лишь с аршин та нечисть, но коварный плут,
Пакостить украдкой — его главный труд.
То Шармал без спроса за мечами влез,
Вмиг перемещаться может этот бес.
Краденные вещи в кучу побросал,
Мерзко ухмылялся, лапы потирал.
Также помогали двоедушцу те,
Кто переметнулся в свиту из людей,
Без стыда и чести их двенадцать душ,
Посулил Невзор им от разбоев куш.
Голос двоедушца глухо зазвучал,
Едкую насмешку ядом источал:
«Вижу –мне не рады! Горько, хоть рыдай!
Мне ж на загляденье нравится ваш край.
Земли плодородны, работящий люд,
Ваши руки быстро замок возведут.
Я теперь хозяин, вас могу казнить,
Встаньте на колени — милости просить!»
Воины застыли как оглушены,
Но не страх причина вязкой тишины.
Кровь в висках стучала, шум звенел в ушах,
Ярость клокотала в доблестных мужах.
Родослав был самым опытным бойцом,
Приходился Ладе он родным отцом.
Плен оцепененья первый отряхнул,
Снял с себя рубаху и вперёд шагнул.
Молвил старый воин: «Этому не быть!
Я рождён свободным по земле ходить!
Перед негодяем на колени встать,
Это значит — предков славный род предать.
Может сверху Аспид всё испепелить,
А твои холопы с лука прострелить.
Верно, в одиночку ты лишь жалкий трус?
Биться в поединке вызываю, гнус!»
Голосом елейным дал Невзор ответ:
«Хочешь побороться? Почему бы нет?
Выйду безоружным в рукопашный бой.
Ох, легко ли будет справиться с тобой?»
Чуяли селяне, что Невзор солгал,
Затаив дыханье, люд исхода ждал.
Только лишь коснулся Родослав врага,
Прилепились руки к телу чужака.
Почернели пальцы, дальше полз ожог,
Оторвать ладони Родослав не мог.
Закричала Марья: «Люди, это ложь!
Честный поединок с колдуном не гож!»
Зов её мгновенно поддержал Вадим:
«Защитим селенье, честь мы отстоим!»
На врага отважно бросился боец.
Люди одолели ступор, наконец!
До зубов холопы вооружены,
Но селяне гневом праведным сильны.
Аспиду в потеху на земле возня,
Свиту защищая, волны лил огня.
Но прошла сквозь пламя Лада к подлецу,
Оттолкнуть сумела, помогла отцу.
Злой колдун, на диво, ей не помешал.
Мёртв почти, на травы Родослав упал.
Лада, невзирая на кошмар кругом,
Время не теряя, занялась отцом.
Злыдень исцеленье молча наблюдал,
Вожделённым взором деву изучал.
Битва продолжалась, полыхал пожар,
Дождик так некстати литься перестал.
Хоть числом и меньше — побеждало зло.
Но, внезапно, людям чудо помогло!

·3·

Из-за мрачной тучи, вниз с небесных троп,
Птицы две спустились — Гамаюн и Скоп.
Скоп огромен, когти источают яд,
Перья тушат пламя, вовсе не горят.
Налетел на змея Скоп, когтями драл,
Что есть мочи буйной Аспида трепал.
Птичий яд под шкуру змея проникал
И нутро надолго болью обжигал.
Гамаюн — вещунья с женской головой,
Поодаль летала, наблюдала бой.
Обо всём на свете ведает она,
Песнь её благая, весть её верна.
Предсказала Скопу Гамаюн беду,
Как проклятый Аспид подлетит к гнезду,
Уничтожит жаром маленьких скопят,
Как птенцы без перьев в пламени сгорят.
Но ещё не поздно горя избежать,
Если помощь в битве людям оказать.
Вестью той селенье Гамаюн спасла.
Схватка в поднебесье змея отвлекла.
Перестало пламя сверху поливать,
Свита врассыпную бросилась бежать.
Призывать обратно их Невзор не стал,
Лишь с досадой понял — битву проиграл.
Знак подал Шармалу, Ладу подхватил,
Через миг в том месте их и след простыл.
Аспид заражённый с воем отступал,
Скоп до горизонта змея рьяно гнал.
Марья сокрушалась, мужа стан обняв,
Дочка испарилась, смерть едва прогнав.
Завершить леченье злыдень ей не дал,
В забытьи увечен Родослав лежал.
Гамаюн на землю села подле них.
Поутихли люди, птицу обступив.
Взор слезами полный Марья подняла,
В косах появилась седина бела...
«Дай ответ, Вещунья, соблаговоли,
Свидимся ли с Ладой, муж очнётся ли?»
Молвила ей птица: «Сгонишь с мужа хворь,
Травами, заботой изведётся боль.
Не завидна участь дочери твоей,
Неспроста с собою прихватил злодей.
Но вполне возможно одолеть напасть,
Если уничтожить колдовскую власть.
Чтобы это сделать, надо раздобыть
Средство, что поможет злыдня погубить.
Лабиринт подземный предстоит сыскать,
Там хозяйку кладов следует позвать —
Земляную кошку, попросить её
Даровать на благо Алатырь-копьё,
Что из тверди камня выковано встарь,
Алатырь бел-камень — добрых сил алтарь.
Тем копьём Невзора можно победить,
Но непросто будет кошку убедить.
Лишь тому под силу дочь твою спасти.
Кто любовь к ней в сердце сохранит в пути».
Гамаюн замолкла... «Значит, мне идти» —
Отвечала Марья. — «Муж ведь в забытьи.
Кто же ещё любит, как не мать с отцом?
Не покрыта Лада свадебным венцом».
Тут для всех нежданно слово взял Вадим:
«Я пойду за Ладой, я пойду один.
Родославу, Марья, ты сейчас нужна.
Мне, поверь, не меньше ваша дочь важна.
Деву-берегиню тайно я люблю,
Светлый образ в сердце бережно храню».
Гамаюн вещала: «Правду говорит!
Перед ним за Ладой верный путь открыт.
Это всё, селяне, чем могла помочь».
Птица взмыла в небо и умчалась прочь.
Сердцем материнским Марья поняла,
Что любовь благую нить судьбы спряла.
Так и порешили — Марья будет ждать,
А Вадиму доля — деву выручать.
Лишь мешок заплечный впопыхах собрал,
В сторону заката вскоре он шагал.

·4·

Воину далёко не пришлось уйти,
Рядом с поселеньем можно в лес войти.
Множество деревьев взор его видал,
Что конкретно ищет — ум не понимал.
Ясень рос двуствольный, пень, покрытый мхом,
Пышно цвёл кустарник, лес как лес кругом.
Брёл Вадим неспешно, головой крутил
И как будто смутно что-то уловил.
Он остановился, присмотрелся вдаль,
Крона в жёлтых листьях вызвала печаль.
Словно забегала осень невпопад,
Для одной берёзы принесла наряд.
Подошёл поближе — вздрогнул, удивлён,
Жирная пиявка обвивала ствол.
Ни в какой трясине крупных нет таких,
Да и на берёзах не бывает их.
Воин сомневался, надо ли стоять,
На лесных пиявок время зря терять?
Участился сердца вдруг привычный стук,
Лента берегини оплетала сук.
Что всё это значит, он ещё не знал,
Но спустя минуту дерево спасал.
Отдирать пиявку от берёзы стал,
Чувство омерзенья сразу испытал.
Скользким телом люто корчилась она,
Еле оторвалась гадость от ствола,
Да впилась Вадиму в правое плечо,
Кровушку тянула, было горячо.
Схватка длилась яро, на исходе сил,
Человек пиявку всё же победил.
Разрубил на части, отшвырнуть сумел,
Голова кружилась, воин ослабел.
Он обнял берёзу, лоб к стволу прижал,
Шелестящий голос тихо прошептал:
«Вот и берегиня, приходя ко мне,
Также нежно гладит древо по коре.
Я делюсь с ней силой, забираю грусть,
Все её печали знаю наизусть.
От тебя ж исходит горьких дум волна,
Ты тужишь, что Лада — в лапах колдуна».
Неспроста берёза говорить могла,
Девица живая вышла из ствола.
Вся почти прозрачна, косы до земли
Из травы с цветами с головы росли.
«Кто ты?» — любопытства не сдержал Вадим.
Девица секретом поделилась с ним:
«Древницей ты можешь дух мой называть,

А берёзу телом для меня считать,
До утра останься и доверься мне,
Радужные духи прилетят к заре».
Воин до рассвета силу набирал,
Да рассказу духа дивному внимал:
«Дерево Родимец на земле растёт,
У корней источник свежей силы бьёт.
Воды те целебны, их деревья пьют,
Во плоти которых Древницы живут.
После новолунья — радость на заре,
Радужные Духи жизнь даруют мне.
Вместе с ней приносят с листьев Родошок,
Усмиряет пламя дивный порошок.
Родошковой горстью кинешься в огонь,
Жгучую стихию подавляет он.
Вот зачем на свете Древницы живут,
От лесных пожаров чащу берегут.
Я жила спокойно, но в один из дней
Завелась пиявка у моих корней.
Прошлым новолуньем началась беда,
Воду, как обычно, вылила тогда.
Я и не гадала, жажду утоля,
Что пиявка тоже силу набрала.
Пухла с каждым часом, делалась сильней,
Становилась гадость толще и длинней
И кору сумела пастью прокусить,
Из моей берёзы стала силу пить.
Я почти зачахла, листья в желтизне,
Думала — рассвета не дождаться мне.
Ты мою погибель смог предотвратить,
Попрошу Родимец отблагодарить».
Утро наступило, лес росой сверкал,
Духов семицветье воин увидал,
Звуком не нарушил тишины оков,
Древница общалась с духами без слов.
Воду из сосуда в корни пролила,
Белая берёза мигом ожила.
Зеленела в кроне свежая листва,
В косах стала сочной вешняя трава.
Древница Вадиму молвила: «Пора!
Я зайду в берёзу. Ты встань у ствола!»
Семицветный вихрь залетал вокруг,
В незнакомом месте оказался вдруг.
Воин ствол Родимца обнимал уже
И спокойно как — то стало на душе,
Под рукой мерцала чешуя-кора,
И листва блестела как из серебра.
Стопы омывала тёплая вода,
Так, казалось, можно простоять года.
Будто там застыло время на века,
А вокруг Родимца только облака.
Вздох глубокий древа ощутил Вадим,
Семицветный ветер засвистел над ним.
Всё перемешалось — чешуя-кора,
Серебристый воздух, семь цветов добра.
Снова у берёзы человек стоял,
Словно вовсе с леса он не пропадал.
Древница сидела у своих корней.
На траве лежали вещи рядом с ней.
Подала Вадиму от Родимца в дар,
Родошок в мешочке, гасящий пожар.
Да ещё рубаху странную дала
И тогда сказала главные слова:
«Радужные духи для тебя сплели,
Чешую-кольчугу из его коры.
Если с Двоедущем вступишь в честный бой,
У него не будет власти над тобой».
Благодарно воин принял дар лесной
И продолжил дальше путь чудесный свой.

·5·

Где же в это время Ладушка была?
Испытать лишенья ей пришлось сполна.
В горное ущелье среди мрачных скал
Ладу и Невзора перенёс Шармал.
Вскоре вслед за ними Аспид прилетел
И на камни рухнул, яд внутри кипел.
Неслучайно выбор их на горы пал,
Злыдень там подземный грот облюбовал.
Протащил он Ладу сквозь пещерный лаз
И для берегини солнца свет погас.
Но не скрыл во мраке деву страшный плен,
Светлячки сияли со скалистых стен.
Водопад, сверкая, камни пробивал,
Ручеёк глубокий через грот бежал.
О потере свиты злыдень не грустил,
Созерцая деву, речи заводил:
«Дар твой защищает тело как броня,
От смертельной силы скрытого огня,
Только ты ребёнка можешь породить,
Мне родного сына в яви воплотить!
Соглашайся, Лада, обеспечь свой век.
Что дарует весте жалкий человек?
Я твоё потворство щедро оплачу,
Земли завоюю, властью облачу!»
Дева насмехалась: «Льстишь себе, Невзор!
Давеча видала боевой позор!
Обратился в бегство Аспид-мракобес,
Вслед и ты трусливо, взяв меня, исчез!»
«Глупая! — воскликнул двоедушец зло!
В этот раз селянам просто повезло!
Мы ещё вернёмся мстить и воевать,
Род людской не в силах с нами совладать.
Аспид снова взмоет небеса рассечь,
Повелю людишек до углей испечь.
Можешь, берегиня, жизнь им подарить.
Если пожелаешь преданной мне быть».
Лада отвечала: «Гадкий ты, Невзор.
Если бы слыхали этот разговор,
То единодушно матушка с отцом,
Мне бы запретили сделку с подлецом».
Долго берегиню злыдень искушал,
Соблазнял благами, карами стращал.
Неизменный дева молвила ответ.
Говорила Лада двоедушцу: «Нет!»
Доводов запасы исчерпал Невзор,
Вынес берегине страшный приговор.
Тёмное деянье в гневе сотворил,
Колдовством в русалку деву обратил.
«Солнца не увидишь больше никогда,
Станет твоим домом тёмная вода.
Но могу заклятье милостиво снять,
Если о пощаде будешь умалять!»
Пленница достойно участь приняла:
«Верю, час настанет, буду спасена!»
И на дно, поглубже, спряталась в ручей,

Поперхнулся злыдень яростью своей.
А пока далёко от земли родной
Лада тосковала, скрытая водой,
Где-то в чаще леса воин заплутал,
Лабиринт подземный тщетно он искал.

·6·

День сменялся ночью, шёл Вадим вперёд,
Безуспешно длился за копьём поход.
Воин к дубу, ветру и ручью взывал,
Чтобы лес дремучий знак ему подал.
В вечер тот дождливый путник весь продрог,
Он под сенью липы костерок разжёг,
Засмотрелся с думой грустной на огонь,
И плясали искры пламя посолонь.
Когда воин в дрёме головой поник,
Чудилось — крылатый пёс Симаргл возник.
Вдруг с верхушки ели совершив вираж,
Вниз слетел посевов легендарный страж.
Но мираж не таял в отблесках огня,
спрашивал: «Погреться — пригласишь меня?
Ливень крылья влагой насквозь измочил,
Дальше поздней ночью уж лететь нет сил».
Встрепенулся воин, то не сон в тиши:
«Доброму соседству рад я от души»
Он в мешок заплечный руку запустил
И краюху хлеба с гостем разделил.
Чувствовал он — сердце доверяет псу,
Разболтал в беседе — что искал в лесу.
Выслушал Симаргл и сказал в ответ:
«Змей с Невзором много натворили бед.
Нет от них покоя мирным существам,
Матушки-Природы оскверняют храм.
Все поля сожжёны, урожай пропал,
По весне посевы зря я охранял.
Аспид может в полдень уязвимым стать,
Он всегда ложится в это время спать.
Обезвредить змея очень тяжело,
Даже Алатырник не проймёт его.
Вспомнил я легенду про пастушью плеть,
С Родошком не сможет Аспид её сжечь.
Жил пастух когда-то, сам он мирным был.
Добрую колдунью крепко полюбил.
Чтобы его стадо не задрал медведь,
Чары наложила женщина на плеть.
На зверей те чары действовать должны,
Даже на волшебных, если злы они.
Как над зверем грозным плеть та просвистит,
Превращался в мелкий, безобидный вид.
Пастуха на свете много лет уж нет,
Вещь его пропала, затерялся след.
Я подозреваю, где она лежит,
Кошка в лабиринте эту плеть хранит.
Колдовские вещи, что других ценней,
Рано или поздно попадают к ней».
Ведомы Симарглу были те пути,
Что Вадим пытался, но не смог найти.
Замышляли силы в бой объединить,
Их к утру связала крепкой дружбы нить.
В поисках крылатый спутник не подвёл,
Тайной тропкой к месту нужному привёл.
Под большой корягой в лабиринт был вход.
Пёс решил — с Вадимом дальше не пойдёт.
Проворчал Симаргл: «Лучше без меня.
Вредничает кошка, когда рядом я».
Он помог корягу в сторону убрать,
Пожелал удачи и остался ждать.

·7·

Своды лабиринта застилал туман,
Жёлтый пар клубился, источал дурман.
Каждый вздох Вадиму ясный ум мутил,
Словно околдован, воин там бродил.
Он блуждал, теряя времени отсчёт,
Вспоминал всё реже для чего идёт.
Под ногами россыпь — злато, жемчуга,
Землю выстилали как ковры меха.
Своды засияли, блеск слепил уже,
Но наживы жажда не близка душе.
Воин не поддался, цель он не забыл.
«Где ты, Кошка?» — крикнул и глаза закрыл.
«Здесь я!» — мягкий голос рядом прозвучал –
«Кто здесь объявился и хозяйку звал?»
Речь услышав, очи разлепил Вадим,
Земляная кошка — прямо перед ним.
Смолью шерсть лоснилась, яхонтом в глазах
Отражались кисти — пламя на ушах.
«Если за богатством ты ко мне пришёл,
Неужели мало в закромах нашёл?
Мог с моих запасов полной горстью взять,
Скрыться восвояси, бедности не знать!
Отчего тревожить мой покой решил?» –
вопрошала кошка. Воин говорил:
«Не серчай, хозяйка, я не красть пришёл,
По веленью рока в лабиринт зашёл.
Алатырь — копьё мне надо раздобыть,
Чтобы у Невзора девицу отбить».
Всё, как приключилось, кошке рассказал...
Взгляд её, казалось, в душу проникал...
Помолчав, хозяйка кладов изрекла:
«Вескую причину, воин, я учла.
Но подумай — страшен с двоедушцем бой,
Может, ты напрасно жертвуешь собой?
Я тебе послаще участь предложу,
За лихие годы щедро награжу.
Много тут воришек шастать норовит,
Гибельно чарует их сокровищ вид.
Лишь тебя благами одарю, Вадим,
Если согласишься стражем стать моим,
О пропавшей деве больше не тужить,
Охранять богатства, верно мне служить.
Молодость не бойся всю протосковать,
В праздники тебя я буду отпускать.
Ярмарки, гулянья сможешь посещать,
Обретать всё то, что взор будет прельщать.
А когда отслужишь отведённый срок,
Будешь вновь свободен, да с богатством впрок».
Вкрадчивый тон кошки в транс Вадима ввёл,
Чудные картины ум воспроизвёл
Беззаботной жизни, негой искушал...
Где-то, сквозь пространство, голос Лады звал...
Не затмить к ней чувство, спала пелена
И Вадим очнулся от шального сна.
Молвил воин: «Участь мне судьбой дана
Следовать за Ладой, помощь ждёт она.
Пусть Невзор опасен, я пока живой.

За любовь сражаться — будет выбор мой.
Стражем лабиринта не сумею быть,
Деву-берегиню сердцу не забыть».
Кошка благосклонно приняла отказ,
В призрачном блаженстве воин не погряз,
И хозяйка кладов подвела итог,
Что Вадим достойный гость её чертог.
«Право, я позволю Алатырник взять
И не буду боле дух твой истязать,
Но, копья помимо, я хочу тебе
Даровать каменья. Выбери себе,
Что по нраву больше — жемчуга, топаз,
Без сомнений лишних выбирай сейчас».
Но Вадим о цели продолжал радеть:
«Не сочти за дерзость, подари мне плеть,
Ту, которой можно превращать зверей,
Мне она ценнее дорогих камней».
Фыркнула хозяйка: «Знал о том Симаргл...
И ему по нраву ты, выходит, стал».
Не прощаясь, кошка прыгнула в туман,
Схлынул вслед за нею жёлтый пар-дурман.
Воин обнаружил возле ног своих
Плеть и Алатырник, с трепетом взял их.
К выходу дорога быстро привела,
Ни одной развилки не преподнесла.
Но сокровищ вместо открывалась жуть,
Угольки да кости устилали путь.
Пёс в Вадима верил и не улетел,
Ждал на том же месте, за него радел.
Всё, что было нужно, воин приобрёл.
Проводник крылатый в горный край повёл...

·8·

Время пролетело, счёт потерян дням,
Спутники к закату подошли к горам.
Видели, как Аспид вдалеке летал,
Разминая крылья, силу набирал.
Затаились в скалах человек и пёс,
Глупо раньше срока сунуть к змею нос.
Подождали полдень, знойный час настал,
Аспид рядом с гротом беспробудно спал.
Тихо подбирались к чудищу друзья,
Оказалось, план их был придуман зря,
Потому что делу помешал Шармал,
Он возник внезапно и врасплох застал.
Увидал бесёнок, что враги пришли,
Камушек тяжёлый подхватил с земли,
Бросил его в змея, прямо в клюв попал.
Аспид пробудился, ярче запылал.
Тут к Шармалу ловко воин подскочил,
Прихвостень Невзора плетью получил.
Дар перемещаться сразу потерял,
Стал обычной крысой пакостник Шармал.
В трещину на скалах юркнул побыстрей,
О спасении шкуры думал он своей.
Пёс отважный близко к змею подлетел.
Крылья опалило, но Симаргл сумел,
Боль превозмогая, над лихим врагом,
Вытряхнуть мешочек сверху с Родошком.
Но неспящий Аспид перед тем успел
Осознать опасность, пса взять под прицел.
Прежде чем потухло злое пламя в нём,
С хоботов в Симаргла выстрелил огнём.
Сильно обожжённый, храбрый пёс упал,
А Вадим на змея с плетью нападал.
От ударов жгучих Аспид зашипел,
Но не превращался, много сил имел.
Он крылом могучим бешено взмахнул
И врага об скалы яростно швырнул.
Воин смог подняться, волю всю собрал,
Что есть мочи буйной Аспида хлестал,
И когда, слабея, стал уже хрипеть,
Змея в сколопендру превратила плеть.
Мелкой многоножкой грозный Аспид стал,
Между тем, Симаргл от боли погибал.
Облегчить страданья псу Вадим не мог,
Только Лада сможет вылечить ожог.
Он уже к пещере злыдня подходил,
Но в тот миг услышал, как Симаргл взвыл.
Понял, что на помощь друг его позвал,
Бросился обратно, верно угадал.
В тельце сколопендры Аспид мстить решил,
Спрятаться как крыса он не поспешил.
Тварью ядовитой, хоть и мелкой стал
Сразу мог погибнуть тот, кого кусал.
Пёс не мог подняться, взвыл как увидал,
Что коварный недруг к морде подползал.
Мог бы сколопендрой Аспид дальше жить,
Да ему хотелось очень пса кусить.
Но Вадим проворность раньше проявил,
Камнем многоножку злую раздавил.
Больше воин время не посмел терять,
Поспешил в пещеру — злыдня к бою звать.
Вместо честной схватки ждал его подвох,
Спрятан у Невзора был особый мох,
Для живых опасный, источает смрад,
В жидкостях смертельный выделяет яд.
Как Колдун завидел Алатырь-копьё,
Спесь с гордыней мигом схлынули с него.
Он охапку моха чёрного схватил
И в ручей с отравой жгучею ступил.
«Не один погибну, яд с руки падёт,
Берегиня тоже, мучаясь, умрёт.
Что ж, бросай прицельно меткое копьё,
Смерть твоей любимой принесёт оно!
Выбирай — русалку и меня сгубить
Или Алатырник сдать и отступить.
Нечего терять мне, так решайся, враг!» —
Крикнул двоедушец и разжал кулак.
...Гибель на ладони опускал к воде...
«Стой!» — Вадим воскликнул
— «Вот копьё тебе!»
Посерёдке между злыднем и собой
Алатырник кинул... Не свершился бой...
Вдруг землетрясенье содрогнуло грот!
Забурлила силой мощь подземных вод!
Гневалась природа, бил фонтан со дна,
И на сушу Ладу вынесла волна.
Без воды русалка долго не живёт,
Вне ручья погибель её скоро ждёт.
Лада трепыхалась, трудно ей дышать,
А Вадим метнулся Алатырник взять.
Также резво прыгнул до копья колдун
И врага руками только оттолкнул.
Распалился Злыдень, сильно поражён,
Оттого, что воин не был обожжён.

Понял двоедушец, что за чешуя
Защищает тело лучше, чем броня.
Недруги сцепились в яростный клубок,
Оба повалились в дикой схватке с ног.
По камням катались в бешеном бою,
Каждый жизнь свирепо защищал свою.
Воин дотянулся до копья почти,
Тут-то извернулся злыдень и словчил,
Руку под кольчугу пропихнуть сумел,
Власть над человеком снова он имел.
Боль терзала спину, жизнь Невзор сосал,
Но Вадим всё ближе к цели подползал.
Воин Алатырник всё же ухватил
И копьём волшебным колдуна пронзил!
Не помог Невзору дух Карачуна,
Плоть взорвалась, пали чары колдуна!
Берегиня снова девицей была,
Воздух полной грудью вдоволь набрала.
Приходя в сознанье, глянула вокруг —
Раненый на камни рухнул милый друг.
Бросилась к Вадиму, дух переведя:
«Смерти, Сокол ясный, не отдам тебя!»
Воин же в ответ чуть слышно произнёс:
«Поспеши, снаружи умирает пёс».
Исцелила Лада гибельный ожог,
Да и псу Симарглу дар её помог.
Покидали горы трое на заре,
Все были здоровы и сильны вполне.
Расцветала в душах счастья красота,
Воплощалась в яви двух сердец мечта.

·9·

Дивная природа радовала глаз,
Лада любовалась, словно в первый раз,
Видя, слыша, чуя красоту кругом,
Млела от блаженства в мире жить таком.
Птах многоголосье в шелесте листвы,
Стрёкот и жужжанье из густой травы,
Солнца луч по коже ласково скользил,
Заключил в объятья берегиню мир.
С песней колосилась Матушка-Земля,
Жизнь благословляя трелью соловья.
Пёс Симаргл серьёзность будто растерял,
Как щенок резвился и стрекоз гонял.
Воин, благодарный за урок судьбе,
Предавался молча внутренней борьбе.
Самый бой тяжёлый — справиться с собой,
Сам себе соперник, сам себе герой.
Одолеть сомненья смог Вадим любя,
Вдохновлённый воин принял для себя
Твёрдое решенье — мужем Ладе быть.
Все блага он сможет ей трудом добыть.
В радость путь-дорога, что ведёт домой,
Вместе воротились трое в край родной,
У заветной липы, где Симаргл возник,
Орошая корни, новый бил родник.
Ключевой водицей жажду утоля,
Страж сказал крылатый: «Мне пора, друзья».
Попрощались с верным спутником тепло,
Тополиным пухом след пса замело.
Травы да колосья Лада набрала,
Песню напевала да венок плела,
А Вадим кострищем занялся пока,
Переждать решили ночь у родника.
Вновь под той же липой молодец сидел,
Но теперь с любимой на огонь глядел.
От избытка чувства в горле ком застрял
И, едва чуть слышно, воин прошептал:
«Выходи, родная, замуж, за меня,
Быть надёжным мужем обещаю я,
И в наш дом достаток сноровлю нажить,
Если в нём хозяйкой ты изволишь быть».
Взял румянец Ладу, светлый лик алел,
Словно гром небесный шёпот ей гремел.
Нежность, что лучилась из девичьих глаз,
Снег бы растопила, будь студёным час.
Лада слов заветных много лун ждала,
Избранному сердцем свой ответ дала:
«Свет мой, ясный сокол, быть женой тебе
Соглашусь и рада буду я судьбе,
Там, в пещере тёмной, всё я поняла,
Главное богатство жизнь уже дала –
Счастье быть любимой, здравие дарить,
Босиком по травам хоровод водить.
Рассмеялся воин — Что теперь тужить?
Обнял крепко Ладу, стал её кружить.
Их навек связало волшебство любви,
Женихом с невестой дальше к дому шли.
Тихой звёздной ночью завершался путь,
Поворот к селенью приглашал свернуть,
Но внезапным вихрем из-за камышей,
Полчище летучих поднялось мышей.
Хоровод опасный пару окружил,
Воин настороже Ладу заслонил.
Тонкий голосочек писком ночь пронзил:
«Тайный мир вас к свадьбе щедро наградил.
Мы кружим здесь с целью вам дары отдать.
Принимайте, люди, с лабиринта кладь».
Мыши передали им ларец резной
И во мглу умчался шелестящий рой.
Лада любопытство не смогла сдержать,
Стала дивный ларчик сразу открывать.
Знал Вадим, сокровищ дорогих он цел,
Кошку вспоминая, на ларец глядел.
В дар лежал невесте свадебный убор -
В жемчугах кокошник, чудных бус узор,
А под ними россыпь золотых монет,
Жить теперь вольготно паре много лет.
За добро, за веру, бескорыстный дух
То была награда для влюблённых двух.
Жениха с невестой мир благословлял,
А над отчим домом уж рассвет сиял.
Их пастух приметил, тот, что стадо гнал,
Бить в набат сигнальный у колодца стал.
– Люди, воротились Лада и Вадим!
Спас он берегиню! Сам жив-невредим!
Весть быстрее пары по селенью шла,
Марья услыхала — тесто пролила,
Бросилась из дома — дочь скорей встречать,
Причитать да плакать, крепко обнимать.
Во дворе собрался весь честной народ,
Бросили хозяйство, пастуха ждал скот,
На вопросы долго отвечал Вадим,
Как всё приключилось — с Ладой, с ним самим.
Берегиня тихо юркнула с толпы,
Удалилась с Марьей внутрь родной избы,

Там их на пороге Родослав встречал,
Всё ещё ослаблен, через силу встал.
Боль превозмогая, к сердцу дочь прижал,
В череде бессонниц он о том мечтал.
Лада исцеленье принесла отцу
И повествованье близится к концу.
Заглянуть на свадьбу лишь осталось нам,
Прежде чем предаться сказочным мечтам.
Праздник поджидая, сил не берегли,
Всем селеньем к свадьбе пироги пекли.
Молодым подали пышный каравай,
Радость и веселье били через край.
Лада вся сияла, проходя обряд,
Затмевала счастьем свадебный наряд,
А Вадим, в рубахе, вышитой женой,
Не желал вовеки участи иной.
Музыка звучала до рдяной зари,
В честь молодожёнов, в честь родной земли,
Складывали песни, услаждая слух,
Обрела любовь их легендарный дух.

Эпилог

Гуслей звонкогласых струнный перелив
По сей день, в глубинке заповедной жив.
Наигрыш старинный сокровенных гамм
Исподволь взывает к тайным существам,
Тем, что клад незримо древний берегут,
В трудный час на помощь страждущим придут.
Приведут дороги в лабиринт опять
Тех, кто злу способен противостоять.
Волшебство поныне среди нас живёт,
Вот о чём чудесный инструмент поёт.
И на этой ноте оборвётся сказ.
То ли ещё будет... Но не в этот раз!

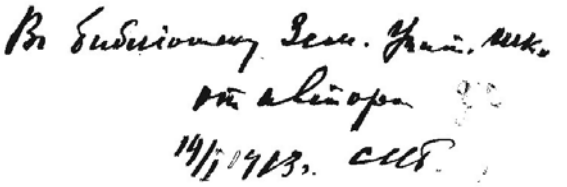
В.В. Рукавичникова

ОТ АВТОРА

Автографы на книгах редкого фонда научной библиотеки НовГУ

На книгах редкого фонда имеется большое количество различных автографов: владельческих, дарственных, наградных, читательских. Особый интерес представляют дарственные автографы известных учёных и литераторов. Изучая эти порой небрежные надписи на титульных листах, мы вспоминаем авторов и адресатов с их непростыми, часто трагическими судьбами.

Книги всегда презентовали библиотекам. Так в Петроградскую земскую учительскую школу попало исследование «Импрессионизм как господствующее направление Японской поэзии» *Мойчи Ямагучи* с его же предисловием. Автор — профессор русской литературы, поэт, переводчик и литературовед. Его переводы из японской поэзии послужили подстрочником для переводов К.Д. Бальмонта.

В библиотеку Земской учительской школы от автора. 14/I 1913 г.

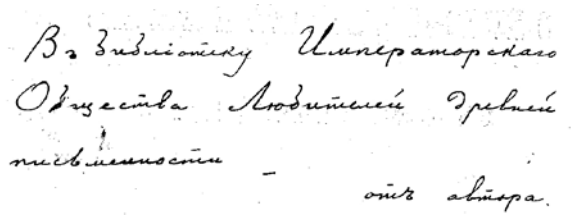
Автограф М. Ямагучи

Текстовой экслибрис библиотеки Земской учительской школы

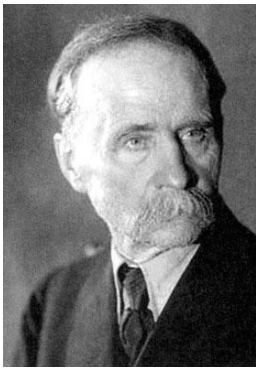
Библиотеке Императорского общества любителей древней письменности подарил своё «Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике», выпущенное в 1902 г., *Д.И. Абрамович.*

При поступлении в библиотеку этот том был переплетён. На кожаном корешке сохранилось золотое тиснение: *Абрамович, Исследование о Киево-Печерском патерике* и суперэкслибрис: ИОЛДП.

В библиотеку Императорского общества любителей древней письменности от автора.

Автограф Д.И. Абрамовича

Абрамович Д.И. (1873–1955)

Абрамович Дмитрий Иванович *— историк литературы, кавалер орденов св. Анны и св. Станислава 2-й и 3-й степени. Член-корреспондент АН РСФСР, затем СССР. Преподавал в Санкт-Петербургской Духовной семинарии, на Высших женских курсах, Высших педагогических курсах Общества экспериментальной педагогики и др. С 1910 г. он — сотрудник Рукописного отделения Публичной библиотеки в Петербурге. Находясь в должности главного библиотекаря Государственной Публичной библиотеки и заведующего её филиалом — Библиотекой бывшей Санкт-Петербургской Духовной академии, в 1927 г. Абрамович был арестован и пробыл в заключении на Соловках пять лет. В 1939–1941 гг. он преподавал в Смоленском педагогическом институте. После войны — профессор, преподаватель истории русского литературного языка в Вильнюсском университете.*

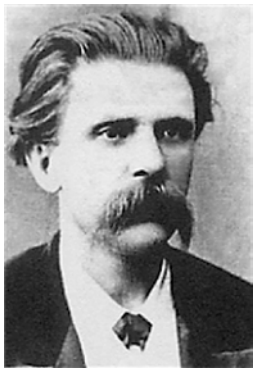
Среди адресатов не раз встречается имя известного военного педагога А.Н. Макарова.

Макаров А.Н. (1840–1917)

Макаров Аполлон Николаевич *— генерал от инфантерии, известный военный педагог и писатель. Начал службу в 1856 г. мичманом в 16-м флотском экипаже, в 1859 г. окончил курс офицерских классов морского корпуса, а в 1864 г. был прикомандирован ко 2-ой Санкт-Петербургской военной гимназии на должность воспитателя. В 1870 г. был назначен директором учительской семинарии военного ведомства, а в 1878 г. директором 2-ой Московской военной гимназии и в конце того же года — директором 2-ой Санкт-Петербургской военной гимназии. На этом посту Макаров пробыл до 1891 г., когда был назначен директором Педагогического музея военных учебных заведений. С 1900 г., оставаясь директором Педагогического музея, он становится руководителем курсов для подготовки офицеров-воспитателей к педагогической деятельности. В 1906 г. Макаров, не сочувствовавший тем новым веяниям, которые стали проникать в учебно-воспитательное дело российских кадетских корпусов, вышел в отставку, продолжая оставаться директором музея. Умер 27 апреля 1917 г. в Петрограде.*

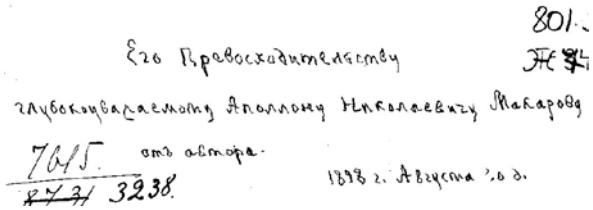
А.Н. Макарову, в знак уважения, подарили свои сочинения П.И. Житецкий и А.П. Флёров.

Житецкий П.И. (1836–1911)

Житецкий Павел Игнатьевич *— филолог и этнограф, член-корреспондент Петербургской АН, доктор русской словесности. Исследователь малорусского языка и литературы. Житецкий — один из основателей Старой Киевской Громады, автор многочисленных исследований и учебников по поэтике, значимая личность в истории украинского национального движения.*

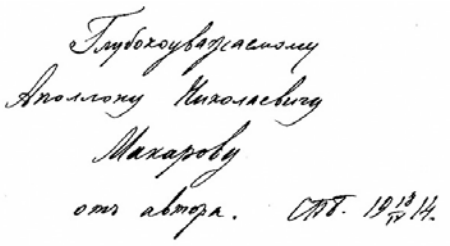
Автограф П.И. Житецкого стоит на титульном листе книги «Теория поэзии», вышедшей в Киеве в 1898 г.

Его превосходительству глубокоуважаемому Аполлону Николаевичу Макарову от автора. 1898 г. Августа 30 д.

Автограф П.И. Житецкого

На титульном листе методического пособия «Капитанская дочка. А.С. Пушкина», изданного в Одессе в 1912 г., находится автограф А.П. Флёрова.

Глубокоуважаемому Аполлону Николаевичу Макарову от автора СПб, 18/IV 1914.

Автограф А.П. Флёрова

Флёров Алексей Павлович *(1866–1954) — известный русский педагог, филолог, преподаватель русского языка и словесности 1-го и 2-го кадетских корпусов, Мариинской гимназии и Александровского лицея в Одессе, председатель педагогического отдела Историко-филологического общества при Новороссийском университете, директор Черниговского учительского института. Флёров А.П. огромное значение в деле воспитания придавал чтению достойной и понятной ребёнку художественной литературы и изучению русского языка, массу сил отдал становлению женского образования в России. Из-под его пера вышли более 300 новаторских научных и методических работ. Флёров был глубоко православным человеком и не скрывал своих убеждений, из-за этого в 1923 г. он был отстранён от занимаемой должности, лишился пенсии и до конца жизни находился в трудном материальном положении.*

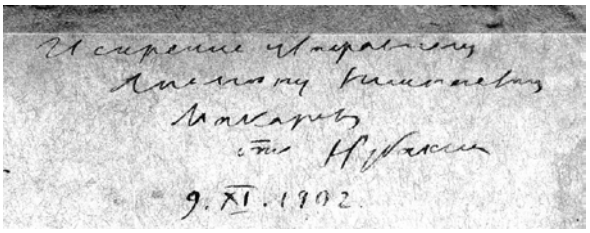
Русский книговед, библиограф и писатель *Н.А. Рубакин* подарил А.Н. Макарову первый том библиографического указателя А.В. Мезиера «Русская словесность с XI по XIX столетия включительно».

Рубакин Н.А. (1862–1946)

Рубакин Николай Александрович *— Окончил естественный, физико-математический и юридический факультеты Петербургского университета. Участвовал в*

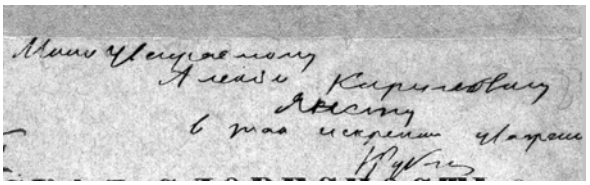
нелегальной студенческой организации, был арестован. В 1901 г. Рубакина выслали на год в Новгород. В этом же году он переехал в Крым, но в июне 1902 г. вернулся в Новгород — к брату, где пробыл ещё два года. За этот период Николай Александрович написал 37 книг, брошюр и статей, с братом Михаилом они устроили в Новгороде нелегальную библиотеку. С 1907 г. Н.А. Рубакин жил в Швейцарии. Он внёс значительный вклад в теорию и практику самообразования, а также в библиотековедение. Собрал две большие библиотеки (около 200 тыс. томов). За заслуги в области просвещения правительство установило Н.А. Рубакину с 1930 г. персональную пенсию.

Искренне уважаемому Аполлону Николаевичу Макарову от Н. Рубакина. 9.XI.1902.

Автограф Н.А. Рубакина (А.Н. Макарову)

Вторую часть этого указателя, изданную в 1902 г., Н.А. Рубакин подарил А.К. Янсону.

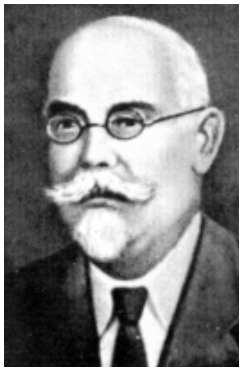
Многоуважаемому Алексею Кирилловичу Янсону в знак искреннего уважения. Н. Рубакин 23.X.

Автограф Н.А. Рубакина (А.К. Янсону)

Янсон Алексей Кириллович *(1866–1941) — русский педагог, общественный деятель. В 1888 г. был назначен инспектором начальных училищ Петербургской губернии, дослужился до чина статского советника. На рубеже веков был назначен директором народных училищ в Новгородской губернии.*

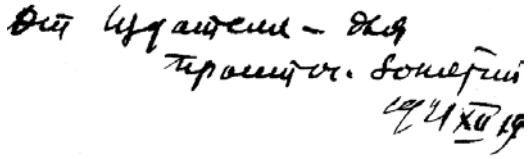
В 1906 г. А.К. Янсон был приглашён инспектором (т.е. директором) реформируемой в то время Петербургской земской учительской школы. Он составил проект реформы школы, основанный на передовых идеях К.Д. Ушинского. С 1917 г. А.К. Янсон заведовал отделом народного образования Петербургского областного комитета Союза Городов, состоя в то же время товарищем председателя Российской Лиги спасения детей. Одновременно он редактировал петербургский «Губернский Земский Вестник». В 1921 г. А.К. Янсон уехал в Эстонию и был назначен советником министерства народного просвещения. 7 июля 1922 г. он занял пост русского национального секретаря, на котором пробыл до 1927 г. Был одним из руководителей Русской социалистической партии Эстонии, организованной в 1927 г. В сентябре 1941 г. А.К. Янсон был арестован оккупационными властями и расстрелян.

Советский литературовед *Перетц В.Н.* подарил неизвестному нам адресату своё пособие «Памятники русской драмы эпохи Петра Великого», напечатанное в 1903 г.

Перетц В.Н. (1870–1955)

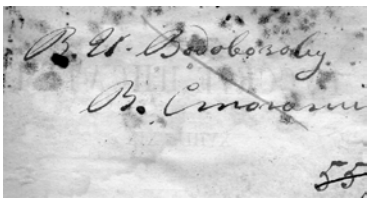
Перетц Владимир Николаевич *— академик Петербургской АН (1914) и АН УССР (1919). Занимался общими вопросами литературоведения, взаимоотношениями литературы и фольклора, связями русской и украинской литератур, историей народного театра XVII–XVIII вв. Уделял внимание археографии, текстологии. Профессор Киевского университета Св. Владимира (кафедра русского языка и словесности), где создал «Семинарий русской филологии акад. В.Н. Перетца» (с 1907 г.). Его учениками были: В. Адрианова-Перетц, Н. Гудзий, Н. Зеров, П. Филипович, В. Каверин, М. Драй-Хмара, А. Багрий, С. и В. Масловы и др. В 1914–1917 гг. — профессор Саратовского университета, с 1917 г. — профессор Петроградского (Ленинградского) университета.*

От издателя — для практических занятий. 21.XII.1919

Автограф В.Н. Перетца

Книги дарили коллегам-учёным, так, *Водовозов Василий Иванович* — русский педагог, переводчик, детский писатель получил в дар от *Владимира Яковлевича Стоюнина*, известного русского педагога и методиста сборник сочинений Кантемира (СПб., 1867) со статьёй и примечаниями автора.

Автограф В.Я. Стоюнина

В.И. Водовозову. В. Стоюнин.

Стоюнин Владимир Яковлевич *— известный русский педагог и методист-словесник. Принимал участие в работе петербургских педагогических собраний, Комитета грамотности, руководил воскресной школой, преподавал в Мариинском училище, а затем в Мариинском институте. Выступал против школы, «дрессирующей»*

Стоюнин В.Я.
(1826–1888)

Шахматов А.А.
(1864–1920)

детей для экзаменов. Стремился к созданию бессословной национальной школы. Многое сделал для разработки теории и практики женского образования. В.Я. Стоюнин впервые представил методику преподавания литературы как целостную систему. Организовал комиссию по упрощению орфографии русского языка. Был инспектором Московского Николаевского сиротского института.

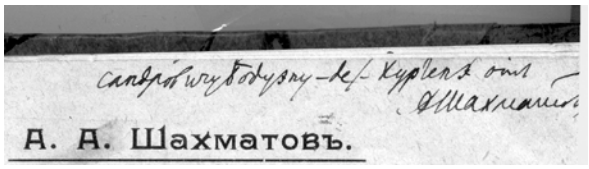

Водовозов В.И.
(1825–1886)

Водовозов Василий Иванович *— русский педагог, переводчик, детский писатель. Один из основателей новой русской педагогики. Водовозов содействовал установлению нового метода в преподавании истории литературы, определяя ценность художественного произведения главным образом по его нравственному смыслу и общественному значению. Водовозов доказывал, что в основу гимназического курса должны быть положены литература, история, география, естествознание и математика. Более 700 000 экземпляров составленной им в 1871 г. «Книга для первоначального чтения» в течение последующих двадцати лет нашли своих читателей.*

Известный русский филолог Алексей Александрович Шахматов преподнёс первый том «Повести временных лет» Ивану Александровичу Бодуэну де Куртене, магистр истории Пресняков Александр Евгеньевич — книгу «Образование великорусского государства: очерки по истории XIV–XV столетий». Н.С. Михельсону, журналист Сыромятников Сергей Николаевич «Сагу об Эрике Красном» (СПб., 1890) — геологу, географу, полярному исследователю Арктики Рудольфу Лазаревичу Самойловичу.

Шахматов Алексей Александрович *— известный русский филолог и историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы. Член Императорского Православного Палестинского общества. Адъюнкт Петербургской Академии наук, член Правления Академии наук, самый молодой за всю историю её существования (34 года), действительный член АН. С 1901 г. является действительным статским советником. С 1910 г. — профессор Петербургского университета, с 1906 г. — член Государственного Совета от академической курии. Член Сербской Академии наук, доктор философии Пражского университета, доктор философии Берлинского университета, член-корреспондент Краковской Академии наук, почётный член Витебской Учёной архивной комиссии и др.*

Ивану Александровичу Бодуэну де Куртене
от А. Шахматова.
Автограф А.А. Шахматова

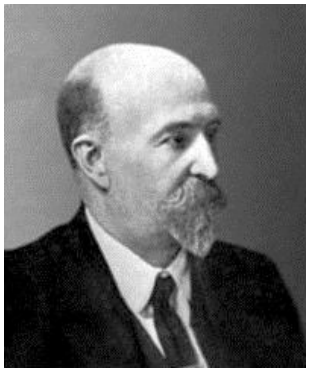
Исследователи истории Древней Руси обращаются к работам А.А. Шахматова. Учёный заложил основы текстологии как науки. Под его руководством Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук стало центром отечественной филологии. По инициативе Шахматова Академия наук издала монографии, словари, материалы и исследования по славянским языкам. В 1897 г. Шахматов возглавил работу над академическим словарем русского языка. Участвовал в подготовке реформы русской орфографии, осуществлённой в 1917–1918 гг.

Бодуэн
де Куртенэ И.А.
(Ян Игнаций)
(1845–1929)

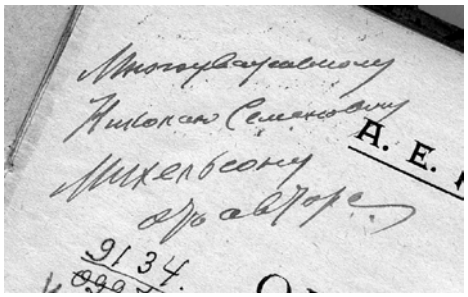
Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (Ян Игнаций) *— русский и польский лингвист. Работал в России, Австрии, Польше писал на русском, польском, немецком, французском и других языках. Защитил докторскую диссертацию в 1874 г. Профессор университетов в Казани (1875–1883), Юрьеве (Тарту) (1883–1893), Кракове (1893–1909), Петербурге (1900–1918). Член-корреспондент Императорской академии наук с 1897 г. Выступал*

в защиту прав языков национальных меньшинств России, за что в 1914 г. был арестован. В 1918 г. вернулся в Польшу, где занимался политической деятельностью. Бодуэн создал целых две крупных лингвистических школы: Казанскую (Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий и др.) и позднее — Петербургскую (Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов и др.) Умер Бодуэн де Куртенэ в Варшаве.

Пресняков А.Е. (1870–1929)

Пресняков Александр Евгеньевич *— магистр русской истории, доктор русской истории, профессор по кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета, профессор Института красной профессуры, профессор Педагогического института им. А.И. Герцена. Пресняков был одним из организаторов (в 1921 г.) и директором (1922 г.) Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете. Затем был директором Ленинградского отделения Института истории РАНИОН. С 1920 г. член-корреспондент РАН. В работах по историографии Пресняков одним из первых сформулировал концепцию «петербургской исторической школы» как школы «восстановления права источника и факта вне зависимости от историографической традиции» в противовес московской — историко-социологической.*

Многоуважаемому Николаю Семеновичу Михельсону от автора.

Автограф А.Е. Преснякова

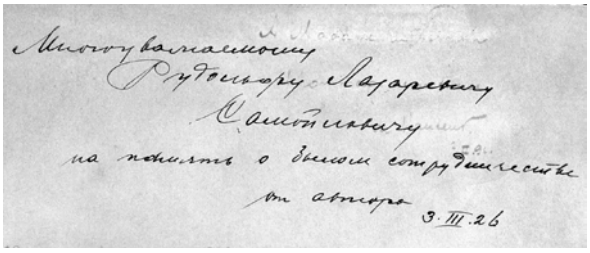
Сыромятников Сергей Николаевич *— действительный статский советник, журналист, писатель, член-учредитель, товарищ председателя Русского Собрания. По окончании университета в 1908 г. служил в Министерстве юстиции. В 1897 г. ездил на Дальний Восток при посольстве кн. Э.Э. Ухтомского в качестве корреспондента «Нового времени», путешествовал по Китаю, Японии, Корее, Приморской и Амурской областям и через Америку возвратился в Россию, изучил китайскую письменность. В 1898 г. был командирован в Корею: из урочища Новокиевского проехал в Сеул верхом, обследовал Чембоксанский хребет северо-восточной Кореи и делал маршрутные съёмки. В 1900 г. был командирован на берега Персидского залива. 23 ноября 1901 г., как член-соревнователь «Общества ревнителей военных знаний» сделал по результатам своей командировки на берега Персидского залива сообщение: «Мировое значение Персидского залива и Куэйта».*

Сыромятников С.Н. (1864–1933)

1 июля 1904 г. Сыромятников уехал на русско-японскую войну. Состоял чиновником особых поручений наместника на Дальнем Востоке, был на театре боевых действий в Манчжурии (Ляоян, Янтай, Шахэ, Телин, Мукден). Вернувшись в Петербург, в 1905–1906 гг. вёл рубрику «Заметки писателя» в ежедневной газете «Слово». В 1906 г. познакомился с П.А. Столыпиным, стал его активным сторонником, редактировал правительственную газету «Россия». После гибели Столыпина написал о нём очерк «Железный министр».

Во время Первой мировой войны в 1915 г. в чине действительного статского советника был командирован в Америку. После революции, по воспоминаниям родственников, Сыромятников вернулся в Россию. Во время «красного террора» был арестован и приговорён к расстрелу. Однако, после обращения к В.И. Ленину, был освобождён.

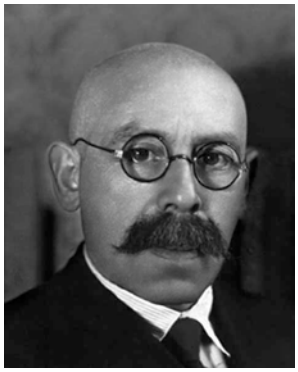

Многоуважаемому Рудольфу Лазаревичу Самойловичу на память о былом сотрудничестве от автора. 3.III.26.

Автограф С.Н. Сыромятникова

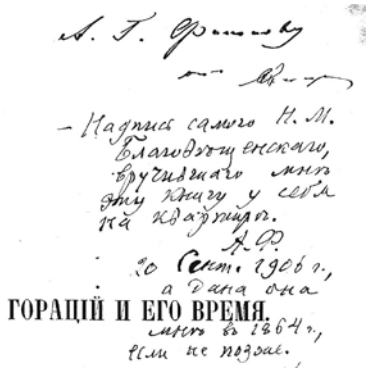
Рудольф Лазаревич Самойлович *— выпускник Горной академии в Фрейбурге (Германия, 1904), профессор (1928), доктор географических наук (1934), с 1934 г. — заведующий кафедрой полярных стран ЛГУ. Член РСДРП(б), был длительное время в ссылке в Архангельской губернии, в 1912–1913 гг. вёл исследования угольных залежей о. Шпицберген. После Октябрьской революции возглавлял с 1920 г. научно-исследовательские организации по освоению Севера: Северную научно-промысловую экспедицию, Институт по изучению Севера, Всесоюзный арктический институт, участник многих*

высокоширотных экспедиций — 21 экспедиция в Арктике. Арестован органами НКВД летом 1938 г., в марте 1939 г. расстрелян по сфальсифицированному обвинению в шпионаже (приговор ВК ВС СССР 04 марта 1939 г.) Реабилитирован посмертно в 1957 г.

Самойлович Р.Л. (1881—1939)

Конечно же, книги дарили ученикам, родственникам и знакомым — в память о знаменательных событиях. Книгу «Гораций и его время» подписал своему ученику, некоему А. Г. Ф. доктор филологии и философии Благовещенский Николай Михайлович.

Автографы Н.М. Благовещенского и владельца книги

Кроме подписи самого Благовещенского на титульном листе книги имеется автограф не установленного владельца книги, сделанный в 1906 г.: *Надпись самого Н.М. Благовещенскаго, вручившего мне эту книгу у себя на квартире. А. Ф. 20 сент. 1906 г., а дана она мне в 1864 г., если не позже.*

На кожаном корешке издания золотое тиснение: **Гораций**, и суперэкслибрис владельца: **А. Ф.**

Благовещенский Н.М. (1821—1892)

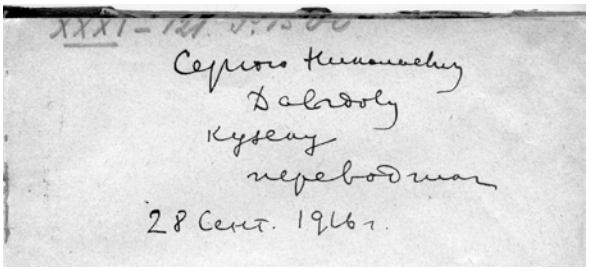
Благовещенский Николай Михайлович *(1821–1892) — филолог, доктор философии и древней филологии, профессор римской словесности Казанского и Санкт-Петербургского университетов и Главного педагогического института. С 1860 г. член Учёного Комитета Министерства народного просвещения, в 1872–1883 гг. — ректор Варшавского университета. Член Совета министра народного просвещения. Произведения Благовещенского отличаются изяществом изложения, которое при строгой научности делает их доступными широкому кругу читателей-неспециалистов.*

Режиссёр и драматург С.Э. Радлов подарил свой перевод «Близнецов» Плавта, только что вышедший из печати, кузену Давыдову С.Н.

Радлов С.Э. (1892—1958)

Радлов Сергей Эрнестович *— режиссёр, драматург, теоретик и историк театра, филолог-классик, ученик Ф.Ф. Зелинского. В 1918 г. Радлов поставил комедию Плавта «Близнецы» в своём переводе. В 1930-е гг. возглавлял ленинградскую Акоперу, затем — Акдраму (1936–1938), вёл занятия в техникуме искусств и продолжал педагогическую работу в организованном им Молодом театре (1929–1935), названном потом театром-студией под руководством Радлова (1935–1939) и переименованном с 1939 г. в Ленинградский театр им. Ленсовета. Работал в Москве — «Король Лир» в Государственном еврейском театре (ГОСЕТ) и «Отелло» в Малом театре. Когда началась война, популярный Молодой театр Радлова не был эвакуирован. В блокадном Ленинграде шёл спектакль «Дама с камелиями» с Тамарой Якобсон в главной роли. В тяжёлом состоянии артистов в марте 1942 г. эвакуировали в Пятигорск, где театр продолжает работать. В августе в Пятигорск вошли немцы, театр не успели эвакуировать. В начале февраля 1943 г. немцы перевезли театр в Запорожье, а в сентябре — в Берлин. Часть театра во главе с Радловым оказалась на юге Франции, где они показывали для русского зрителя спектакль «Без вины виноватые» А.Н. Островского. После освобождения Франции Радловы приезжают в Париж, а затем вылетают в Москву. На родине их ждал арест, обвинение в*

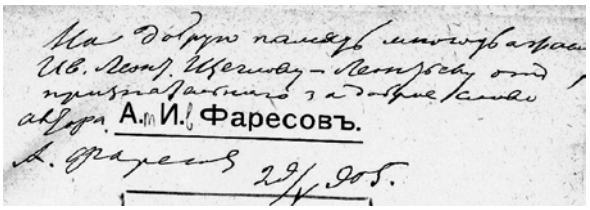

Сергею Николаевичу Давыдову, кузену переводчика. 28 сент. 1916 г.

Автограф С.Э. Радлова

измене Родине и приговор — 10 лет заключения. Жена С.Э. Радлова — Анна Радлова, поэтесса и переводчик Шекспира, в феврале 1949 г. умирает в лагере под Рыбинском. Радлов отбывает весь срок. В 1953 г. он был освобожден, в 1957 г. — реабилитирован. Освободившись из заключения, работал вначале в Даугавпилском, затем в Рижском театре.

В благодарность за добрые слова писатель и публицист Анатолий Иванович Фаресов подарил свою книгу «Против течений» коллеге Ивану Леонтьевичу Щеглову-Леонтьеву.

На добрую память многоуважаемому Ив. Леонт. Щеглову-Леонтьеву от признательного за добрые слова автора. А. Фаресов $^{29}/_{V}$ 905

Автограф А.И. Фаресова

Фаресов А.И. (1852–1928)

Фаресов Анатолий Иванович *— русский революционер, народник, писатель, публицист, литературовед. беллетрист. Принимал участие в «хождении в народ». Был замешан в политическом деле и просидел несколько лет в одиночном заключении. Поменял свои революционные убеждения на земско-либеральные и отошёл от революционной деятельности в 1877 г. Им написано большое количество беллетристических очерков, историко-литературных статей, рецензий, биографических очерков.*

Леонтьев Иван Леонтьевич *(псевдоним Иван Щеглов) — писатель, драматург, теоретик театра. Родился в Петербурге. Окончил Павловское военное училище, офицер-артиллерист, принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.. В 1883 г. вышел в отставку и стал профессиональным литератором. Автор рассказов и повестей, посвящённых военному быту (»Первое сражение», 1881; «Поручик Поспелов», 1881), жизни актёров (»Кожаный актёр», 1889; «Корделия», 1889), любовно-бытового романа «Гордиев узел» (1887), комедии «В горах Кавказа» (1887), множества водевилей, книги «О народном театре» (1895) и «Народ и театр» (1911). Особой популярностью пользовалась комедия Леонтьева «Дачный муж» (1888), написанная по мотивам его юмористических очерков; название пьесы на какое-то время стало нарицательным. Леонтьев был дружен с А. Чеховым, вёл с ним активную переписку, написал мемуары «Из воспоминаний об Антоне Чехове» (1905).*

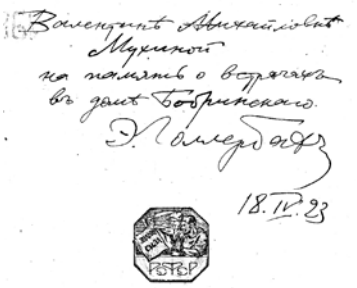
Леонтьев И.Л. (псевдоним Иван Щеглов) (1856–1911)

Адресатов нескольких автографов получивших книги в дар «на память» установить не удалось. Это некая Мухина В.М., встречавшаяся с известным русским искусствоведом Эрихом Фёдоровичем Голлербахом в 1923 г. в доме Бобринского и Александр Людвигович К., добрый приятель Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова, действительного статского советника, историка и учёного.

Но сами авторы оставили несомненный след в русской культуре.

Голлербах Э.Ф. (1895–1942)

Автограф Э.Ф. Голлербаха

Валентине Михайловне Мухиной на память о встречах в доме Бобринского. Э. Голлербах 18.IV.23*

Голлербах Эрих Фёдорович *— известный русский искусствовед, художественный и литературный критик, библиограф и библиофил. С 1918 г. научный сотрудник Царскосельской художественно-историче-*

* Дом Бобринского — дворец, главным фасадом выходящий на Галерную ул., а вторым фасадом — в сад, в сторону Мойки и Адмиралтейского канала. Екатерина II подарила его своему фавориту Платону Зубову, но когда после воцарения Павла Зубов оказался в опале, дворец перешёл к сыну Екатерины — графу А.Г. Бобринскому. Его потомки владели дворцом до революции.

ской комиссии, в 1919–1921 гг. работал в Отделе по охране памятников искусства и старины, в 1921–1924 гг. научный сотрудник Русского музея. С 1923 г. заведовал художественным отделом Петроградского отделения Госиздата, один из организаторов Общества библиофилов и его председатель. Научный сотрудник Ленинградского Института книговедения и Института книговедения Украинской АН, член Русского общества друзей книги.

Во время Великой Отечественной войны Голлербах с женой пережили превую блокадную зиму 1941–1942 гг. В марте 1842 г. во время эвакуации через Ладожское озеро машина с блокадниками пошла под лёд — жене спастись не удалось. Умер Э.Ф. Голлербах по пути в эвакуацию от голода. Похоронен в Вологодской области.

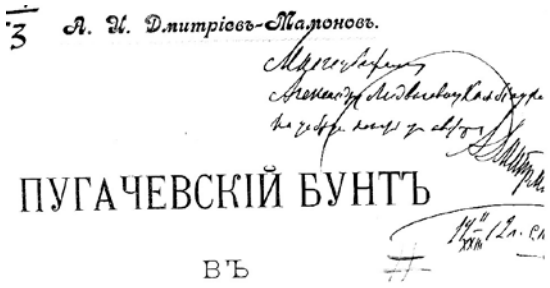
Автограф Э.Ф. Голлербаха стоит на титульном листе книги «Портретная живопись в России XVII век» (М.-Пг., 1923).

Дмитриев-Мамонов А.И. (1847—1915)

***Дмитриев-Мамонов Александр Ипполитович** — действительный статский советник; в 1876–1898 гг. вице-губернатор в Томской, Тобольской губерниях и в Акмолинской области. Александру Ипполитовичу Дмитриеву-Мамонову, действительному статскому советнику, чиновнику Министерства путей сообщения, именным Высочайшим Указом 1913 г. дозволено потомственно пользоваться графским титулом Всероссийской Империи с правом передачи его старшему в роде.*

Дмитриев-Мамонов был известным историком и учёным. Составил первое описание Великого Сибирского пути (Транссибирской магистрали), издал работы по истории пугачёвщины и пребывания декабристов в Сибири и Зауралье, являлся председателем Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества и действительным членом Общества

На добрую память Александру Людвиговичу К[далее нрзб.] на добрую память от автора Дмитр. Мамонов XXIII.II. 1912 л. с.г.

Автограф А.И. Дмитриева-Мамонова

любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

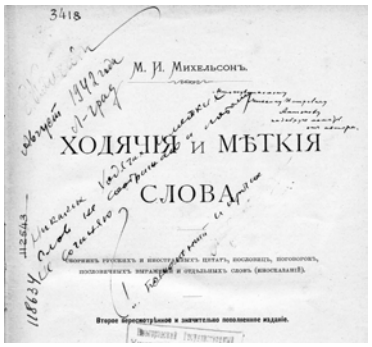
Автограф А.И. Дмитриева-Мамонова сопровождает книгу «Пугачевский бунт в зауральской Сибири. Исторический очерк по официальным документам», изданную в 1907 г.

Так и остался неизвестным нам Антонов М.П., получивший в подарок от педагога и писателя Морица Ильича Михельсона книгу «Ходячие и меткие слова» где-то на рубеже XIX–XX вв.

Михельсон М.И. (1825—1908)

***Михельсон Мориц Ильич** — действительный статский советник, педагог и писатель, собиратель и толкователь русской фразеологии, энциклопедист, автор нескольких учебников, инспектор училищ Санкт-Петербургского учебного округа, гласный Санкт-Петербургской городской думы. В 1898 г. учредил при Академии Наук премию своего имени за труды в области науки о русском языке. Перевёл на немецкий язык Кольцова. Кроме учебников, издал ценное собрание «Ходячие и меткие слова» (СПб., 1892; 2-е изд. — 1896) на семи языках, и «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (1903–1904). Основатель Общества попечения о бесприютных детях.*

Автограф М.И. Михельсона

Многоуважаемому Михаилу Петровичу Антонову на добрую память от автора.

Кроме дарственной автора на титульном листе имеются ещё несколько автографов, в том числе надписанный в Ленинграде в 1942 г. Но они, к сожалению, не атрибутируются.

Представленными автографами коллекция редкого фонда не ограничивается. Их исследование продолжается и мы будем рады поделиться с читателями результатами нашей работы в следующих выпусках альманаха.

Н.И. Морылёва

«ЛИШЬ ПИСЬМЕНА ИМЕЮТ ПАМЯТЬ...»

С этой древнеегипетской мудрости начинается книга В.Г. Смирнова, посвящённая 1150–летию славянской письменности. С равным успехом её можно отнести ко всему тому многообразию вышедших в свет изданий, посвящённых истории и культуре Новгорода, которые доносят до нас исторические свидетельства разных эпох и знакомят с научными изысканиями российских учёных и сотрудников Новгородского университета.

Смирнов В.Г. Тайны древних манускриптов. Великие книги Великого Новгорода / В.Г. Смирнов. — М., 2014. — 192 с.: ил.

Книги — как люди, у каждой своя судьба. Древние манускрипты, много рассказывающие о давно ушедших временах, по-прежнему хранят в себе неразгаданные тайны. Эти книги создавались в разное время разными людьми, но у всех у них есть общая родина, носящая гордое имя, — Господин Великий Новгород.

У Великого Новгорода особая роль в русской истории и культуре. По праву он может носить титул главной книжной мастерской средневековой Руси. В эпоху раннего средневековья, особенно после татаро-монгольского нашествия, именно Новгород стал центром русского книгописания. Рукописные мастерские возникали не только в монастырях и храмах, но и в частных домах. Книги духовного, светского содержания переписывались и лицами духовного звания, и грамотными мирянами, для которых это стало хорошим межсезонным приработком. В городе открывались книжные лавки, где можно было купить не только книгу, но и всё необходимое для письма.

Чем же, на чём и как писали древнерусские писцы? На этот вопрос помогает найти ответ специальная глава: «Таинства ремесла». Вся технология создания рукописной книги, начиная от выработки пергамена и кончая созданием переплёта, подробнейшим образом изложена в этой главе. Особое внимание уделено оформлению рукописной книги, украшенной затейливыми буквицами, заставками, изящными миниатюрами, составляющими ту меру красоты, что радует глаз и согревает душу, создавая особое, непередаваемое чувство соприкосновения с чем-то подлинным и вечным.

Точно такие же чувства испытает и читатель книги, написанной новгородским историком В.Г. Смирновым, потому что издатели и автор постарались превратить её в подлинное произведение книжного искусства. Переплёт, имитирующий старинные оклады, высококачественная бумага цвета топлёных сливок, отсылающая нас к цветовой гамме древних пергаменов, сочные иллюстрации, цветные фотографии, изысканные орнаменты и шрифты.

На страницах этой книги читатели найдут увлекательный рассказ о том, как благодаря своему торгово-экономическому развитию, политическому устройству, принятию христианства, созданию Ярославом Мудрым в 1030 году школы на 300 учеников, появлению первых скрипториев, старейшим из которых стала рукописная мастерская при монастыре Святого Лазаря, и формированию при Софийском соборе библиотеки, сложился высокий уровень образования в разных слоях новгородского общества.

Издание знакомит читателей с историей находки, изучения, спасения, Новгородской Псалтири и с замечательными учёными — академиками А. Зализняком и В. Яниным, реставратором В. Поветкиным — теми, кто раскрыл нам загадки этой древнейшей русской книги. Одна из глав помогает узнать и об истории Новгородского летописания. Смирнов увлекательно и легко вводит нас в реалии новгородской истории в годы создания уникального «Остромирова Евангелия» (1056–1057), делает попытку исторической реконструкции с целью разобраться, где и при каких обстоятельствах шла предварительная работа, и как создавался сам текст рукописи. А также рассказывает о новгородском заказчике Евангелия, посаднике Остромире, его жене византийской принцессе Феофане, епископе Луке Жидяте и писце и иллюминаторе диаконе Григории, написавшем эту первую датированную в русской истории книгу.

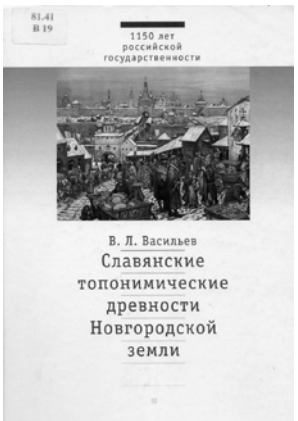
Не остались без внимания и два, говоря современным языком, крупнейших проекта, которые создавались на Новгородской земле. Один из них — создание полного перевода Библии, под руководством архиепископа Геннадия, предпринятое, во многом для борьбы с ересью жидовствующих. Геннадий собрал в Новгороде интернациональную команду, состоявшую из новгородцев: Герасима Поповки, который ведал Софийской библиотекой; его брата Дмитрия Герасимова, переводчика с греческого, путешественника, дипломата, литератора, получившего образование в европейском университете; монаха-доминиканца Вениамина, переводчика с латыни; Василия Игнатова, переводчика и будущего путешественника; греков братьев

Траханиотов — Дмитрия и Юрия. За десять лет они сумели создать полный кодекс славянской Библии, закончив свой труд в 1499 году.

Второй проект, в котором тоже принял участие Дмитрий Герасимов, это создание Великих Миней Четьих, под духовным руководством архиепископа, а позже — митрополита Макария. Работа началась в 1529 году со сбора всех книг «чтомых, какие на Руси обретаются», а закончилась через четверть века созданием трёх списков, включающих в себя по 12 томов. Один из списков был положен в Софийский собор в Новгороде, ведь именно накопленный веками массив новгородской книжности лёг в основу Миней Четьих. Рукописи также собирались по всем русским монастырям, книгохранилищам. Они правились, приводились к единообразию, более 2000 были переведены с греческого, переписывались, распределялись по годовому циклу. Ведь в принцип систематизации была заложена идея — создать годовой круг ежедневного чтения православного христианина. Причём в этот круг входили и религиозные, и светские книги. Включены в сборники были даже некоторые сведения по медицине, антропологии, юриспруденции, философии, грамматике, математике. И в этом нет ничего удивительного, ведь традиция математических расчётов пасхалий ведёт своё начало с Новгородской земли. Именно Кирик Новгородец — доместик Антониева монастыря в Новгороде создал первый математический труд на Руси в 1136 году. А в знаменитом «Домострое», произведении, которое связывают с именем новгородского священника Сильвестра, содержались хозяйственно-бытовые основы жизни русской семьи, раскрывались религиозные и нравственные начала, на которых строились взаимоотношения между её членами, а также приводился свод правил приличного поведения в обществе.

Двумя великими Новгородскими проектами практически заканчивалась эпоха многовекового царствования рукописных книг, начиналось время книгопечатания. 1564 — год появления «Апостола» Ивана Фёдорова. Но ещё за несколько лет до этого в Москве работала Анонимная типография (1554–1560), где трудились выходцы из Новгорода — Маруша Нефедьев и Васюк Никифоров, а руководил ею, как считает Смирнов, священник Сильвестр и его сын Анфим.

Кончались «дни, когда смиренный инок, в келье тесной, близь икон» трудился, часами переписывая старинные манускрипты. Но многовековой труд, безызвестных, большей частью, книжников позволил собрать сегодня в главных библиотеках страны сотни новгородских рукописных книг, среди которых есть немало подлинных шедевров, вошедших в сокровищницу мировой культуры.

Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. — М: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 816 с. — (1150-летие российской государственности).

Постоянный интерес к происхождению названий вполне понятен. При качественной интерпретации это ценный источник для познания лингвистической и этнической истории, приоткрывающий завесу над путями сложения местных говоров и процессами заселения отдельных территорий. Ведь топонимы «консервируют» прошлое языка, а язык, как известно, важнейший признак этноса, наиболее значимый в дописьменные эпохи.

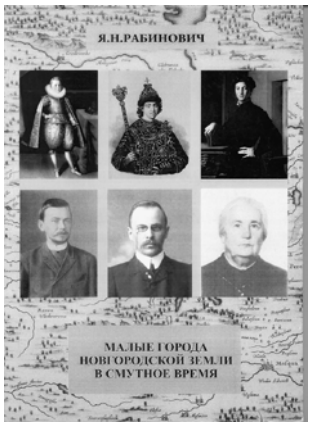
В книге подробно исследованы географические названия, оставленные населением центральных районов средневековой Новгородской земли, ограниченной областью бывших Новгородских пятин: Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской. В плане естественной географии это почти вся площадь озёрно-речного Ильмень-Волховского бассейна (окрестности озера Ильмень и течения крупных рек Ловати, Мсты, Шелони, Полы, Волхова) с прилегающими сюда бассейнами Луги, Плюссы, Оредежа на северо-западе и верховьями Мологи и Сяси на востоке и северо-востоке. Ведь реки и озёра служили путями славянского расселения и, что не менее важно, местами первичного славянского хозяйственного освоения.

В.Л. Васильевым рассматриваются две основных категории топонимов — названий вод и названий селений, начиная с первых веков освоения славянами окрестностей Ильменя и до утраты Великим Новгородом политической независимости. Микротопонимы — названия пожен, урочищ, болот, дорог, памятных мест, рассматриваются, только в том случае, если зафиксированы в новгородских писцовых книгах XV–XVI веков, которые являются главным источником настоящего исследования. Преимущественно уделено внимание слою новгородских топонимических древностей славянского происхождения, появившихся главным образом до XVI века на основе собственных наименований людей и общеязыковой нарицательной лексики. Немало средневековых имён и названий, привлекаемых к исследованию, фиксируют новгородские памятники письменности древнерусского и старорусского периодов: новгородские летописи XI–XVI веков и актовые материалы XII–XVI веков, широко использован материал берестяных грамот. Все эти источники, а также использование большого объёма историко-географических трудов, Списков населённых мест Российской Империи, Новгородской губернии, словарей и справочников позволяют рассмотреть топонимы в историко-лингвистическом плане, преимущественно со стороны происхождения, эволюции и словообразовательной типологии.

Анализ новгородских географических названий дан на широком сравнительном фоне межславянских параллелей и соответствий, обнаруженных в разных регионах исторической и современной Славии.

Очерчивая круг гипотез учёных, связанных с двумя дискуссионными вопросами: о происхождении древненовгородского диалекта и о путях движения в Ильмень-Волховский бассейн ранних славян, Васильев на основе анализа новгородских славянских названий и диалектной лексики обрисовывает преимущественный, с его точки зрения, южный путь славянского проникновения на Русский Северо-Запад из Галиции и Волыни по рекам Верхнего Поднепровья.

Книга адресована не только специалистам-филологам, но и историкам, археологам, географам, краеведам

и всем тем, кто интересуется древней историей Российского государства.

Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время / Я.Н. Рабинович; под ред. Г.М. Коваленко; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2013. — 433 с. — (Новгородская историческая библиотека).

В начале XVII в. Россия пережила грандиозное потрясение, поставившее под вопрос её государственное единство и суверенитет — так называемую Смуту. В борьбе против захватчиков большую роль сыграли «рядовые» россияне-жители малых городов, проявившие гражданское мужество, политическую сознательность и патриотизм. Этот опыт преодоления кризиса актуален и для нашего времени. Шведская интервенция, которая приходится на 1610–1617 годы, не принадлежит к числу популярных и разработанных сюжетов, считает автор работы, кандидат исторических наук, документовед кафедры Истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

В предисловии к своей монографии, Я.Н. Рабинович даёт подробный обзор всех основных отечественных и зарубежных исследований, затрагивающих события Смутного времени в Новгородской земле. Начиная с «Временника» дьяка Ивана Тимофеева и кончая хорошо нам известными по современным публикациям работам Г.А. Замятина, А.А. Селина, Г.М. Коваленко.

Среди причин слабой изученности этой темы Рабинович отмечает её «неудобство», так как, по его мнению, в первоначальный период смуты это была не столько интервенция, сколько альянс между Новгородом и Швецией, совместно продвигавшими на русский престол Карла Филиппа, шведского королевича, который был весьма реальным претендентом. И только после воцарения Михаила Романова (февраль 1613), когда шведы отказались признать его царём, в новгородской земле начались восстания против них. Новгородцы потянулись в Москву, и именно тогда альянс и перешёл в интервенцию. Ещё одна из причин — недоступность многих источников. Основные документы Новгородской приказной избы были вывезены и находятся в государственном архиве Швеции, Личный архив Делагарди — в библиотеке Тартуского университета.

Источниковая база этого исследования строится и на документах Новгородского оккупационного архива, и на документах Московской стороны. Это: разрядные книги, боярские списки, росписи русского войска, приходно-расходные книги Казённого приказа, десятни, а также акты Смутного времени, летописи, дипломатические документы. Рабинович не ограничивается письменными источниками и черпает информацию из устных исторических преданий, результатов археологических раскопок, находит её в иконографических, изобразительных, картографических материалах. Всё это позволяет реконструировать события Смутного времени на Северо-Западе.

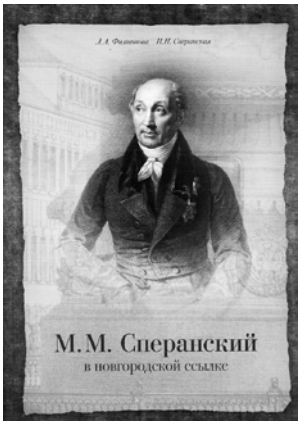
Книга повествует о событиях, происходивших с 1608 по 1617 гг. в таких городах как Ивангород, Ям, Копорье, Корела, Орешек, Старая Ладога, Тихвин, Старая Русса, Порхов. Эти события имели важное значение для судеб всей страны. Города переходили из рук в руки, осады крепостей чередовались с полевыми сражениями, на всей этой территории действовали крупные казачьи отряды, заставлявшие власти принимать экстраординарные меры. Автор подробно восстанавливает запутанную хронологию событий, показывая, как происходила борьба за малые города в период противостояния Новгорода и тушинцев, борьбы Пскова против Новгорода, рассматривает процесс присоединения малых городов к шведско-новгородскому альянсу после захвата Новгорода шведами.

В монографии подробно изучается внутренняя жизнь Тихвина, Ладоги, Порхова, Старой Руссы во время шведской оккупации, когда правительство Делагарди-Одоевского пыталось наладить в них мирную жизнь. Автор, реконструируя некоторые стороны городской повседневности, устанавливает имена и социальный статус горожан. И именной указатель, заключающий монографию, демонстрирует читателям, что автору удалось вернуть истории не одну сотню имён жителей новгородской земли, принимавших активное участие в событиях Смутного времени. Подробнейшим образом рассматриваются события 1613 года, когда произошло избрание Михаила Романова и по малым городам прокатились антишведские восстания. Особенно внимательно исследуются восстания в Тихвине и Порхове. Судьба малых городов рассматривается вплоть до момента заключения Столбовского мира в марте 1617 года, когда благодаря активной партизанской борьбе местных жителей, объединившихся с московскими отрядами, и сопротивлению новгородцев присяге шведскому королю, по условиям мирного договора Старая Русса, Порхов, Гдов, Старая Ладога и, конечно же, Новгород были возвращены шведами Русскому государству. Однако выход к Балтике для России был потерян.

Малые города, считает Рабинович, играли в Смутное время отнюдь не малую роль: без союза с ними здесь не могла удержаться никакая власть, они обеспечивали функционирование торгово-экономических связей, от их политической ориентации зависели успехи военных мероприятий.

Филиппова Л.А. М.М. Сперанский в новгородской ссылке / Л.А. Филиппова, И.Н. Сперанская. — Великий Новгород, 2014. — 79 с.

В этой небольшой книге, чрезвычайно информационно насыщенной, мы можем познакомиться с биографией Михаила Михайловича Сперанского (1872–1839), по праву принадлежащего к крупнейшим государственным деятелям России. Сын священника, он в эпоху Павла I, сделал головокружительную карьеру, благодаря своим выдающимся умственным способностям, энциклопедическим познаниям,

целеустремлённости, феноменальной работоспособности. В «...дней Александровых прекрасное начало» Сперанский становится вторым человеком в самом важном министерстве России — министерстве внутренних дел. После участия во встрече Александра I и Наполеона в Эрфурте, где он был уже в звании статс-секретаря императора, наступает время его наивысшего влияния на государственные дела. В 1808–1811 годах он создаёт план реформ государственного управления. Основным принципом его политических реформ стало разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Истинная сила правительства, по его мнению, состояла из пяти элементов: закона, образа управления, воспитания, военной силы и финансов. Как видите, идеи, заложенные в его реформах, не потеряли своего значения и в наше время. Увы, этот план так и не был осуществлён, но некоторые его элементы, проводимые в жизнь, вызвали сильнейшее противодействие в разных слоях российского общества. Опалы Сперанского в обществе ждали и добивались целенаправленными действиями. Последовала ссылка в начале 1812 года сначала в Нижний Новгород, затем в Пермь. И только после многочисленных обращений к императору в сентябре 1814 года Сперанскому было разрешено поселиться под надзором в новгородском имении Великополье.

Этот период его жизни практически не отражён в литературе. Авторы книги, обратившись к архивным источникам и личной переписке Сперанского с дочерью и другими адресатами, постарались как можно подробнее осветить интеллектуальные и хозяйственные занятия Михаила Михайловича во время проживания в новгородском имении, познакомить с кругом его общения в те годы. Жизнь в имении сблизила Сперанского с обитателями Савва-Вишерского монастыря, позволила уделить много времени воспитанию дочери, ставшей одной из образованнейших женщин своей эпохи. Он общался с вице-губернатором Н.Н. Муравьёвым, под надзором которого и находился, с графом Аракчеевым, через которого пытался повлиять на императора и вернуться к государственной работе. Заступничество Аракчеева сыграло свою роль, и после почти пяти лет опалы Сперанский в 1816 году становится гражданским губернатором Пензенской губернии, а в 1819 году генерал-губернатором Сибири. После двух лет деятельности, размах которой поражал современников, Сперанский завоевал право вернуться в Петербург.

Новое восхождение Сперанского на политический небосклон произошло в Николаевскую эпоху. В отличие от Александра I, начало царствования которого отмечено реформами государственного управления, Николай I своё царствование начал с реформ законодательства. Уже в 1830 году было опубликовано «Полное собрание Российских законов», а в 1832 году — «Свод законов Российской Империи» в 15-ти томах, охвативших всю историю российского законодательства от Уложения Алексея Михайловича до Николаевской эпохи. Оценив этот титанический труд, Николай Павлович во время заседания Государственного совета снял с себя звезду Андрея Первозванного и возложил её на Сперанского. В 1839 году, незадолго до смерти, возвёл Михаила Михайловича в графское достоинство.

Книга содержит большое количество иллюстраций: исторических портретов, картин, карт, фотографий. И подробнейшим образом рассказывает об истории усадьбы с момента первого упоминания сельца Великое поле в писцовой книге Обонежской пятины в 1563–1564 годах до основания помещичьей усадьбы фельдмаршалом Минихом в XVIII веке. Имение недолго находилось в руках Сперанского: покупка состоялась в 1811 году, а уже в 1819 году он продал его в казну. Но авторы книги прослеживают историю «Великополья» вплоть до сегодняшних дней, когда, к сожалению, на месте уничтоженной войной усадьбы остался лишь заброшенный парк, полуразрушенный фундамент и маленькая деревенька Сперанская мыза в трёх километрах от посёлка Савино, на излучине реки Вишера.

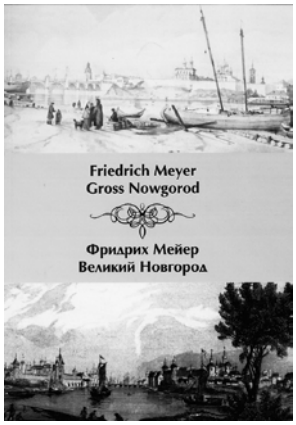
«Опальный и отставленный сановник,
Что ранее умом украсил трон,
Теперь в деревне барин и сановник,
Отец, философ, местный филантроп...
.....
Два года, что провёл в «Великополье»,
Он лучшими впоследствии сочтёт:
Смех дочери, холодный в зной свекольник,
Вид Хутыни и птиц весенний лет...»

Этот отрывок из стихотворения «Сперанский в Великополье» новгородского поэта А.Н. Кириллова является поэтическим дополнением к рассказу авторов. Опираясь на исторические описания, они проводят нас по усадьбе, воскрешая для нас времена пребывания там Сперанского. Устройство усадьбы, жилой дом, хозяйственные постройки, плодовый сад, теплицы, птичий и скотный двор, окружающие усадьбу деревни Жадово и Родионово. И подробнейшее описание внутреннего устройства, интерьеров, обстановки барского дома и ежедневного уклада обитателей усадьбы. И тех интеллектуальных занятий, которым посвящал себя «великопольский изгнанник».

В общем можно сказать, что эта книга стала столь же достойным памятником М.М. Сперанскому на Новгородской земле, как и увековеченная на памятнике тысячелетию России его скульптурная фигура.

Мейер Фридрих. Великий Новгород = Meyer Friedrich. Gross Nowgorod / сост, вступ. ст., коммент. Г. Коваленко; пер с нем. А. Щукиной и С. Цветковой под ред. Г. Коваленко; пер с рус., вступ. ст. и коммент. Е. Егоровой. — НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2013. — 167 с.

Фридрих Иоганн Лоренц Мейер (1760–1840) — немецкий религиозный деятель, юрист, писатель-путешественник, занимался изучением старины и памятников искусства и был автором нескольких работ, написанных в жанре путевых заметок об Италии, Франции, Германии и России. Его путевые заметки о России являются самыми русофильскими из европейских травелогов того времени, а новгородские страницы - самыми подробными из немецких источников описания Новгорода XIX века.

Это билингвальное издание. На немецком представлен сам текст записок Мейера и вступительная

статья. Она дублируется и на русском, где можно познакомиться не только с биографией путешественника. Г.М. Коваленко даёт характеристику основным темам, содержащимся в путевых записках Мейера, и рисует широкую картину истории немецкой Новгородики, начиная с первых упоминаний о Новгороде ещё в XIII веке в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского и «Ливонской рифмованной хронике».

Развитие торгово-экономических и политических связей Новгорода с Западной Европой привело в последующие столетия к более подробным описаниям истории Новгородской республики, жизни и быта горожан. Новгород посещали самые различные представители немецких государств. Имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн, учёный-энциклопедист Адам Олеарий, учёный-натуралист Иоганн Георг Гмелин, ландмаршал лифляндского дворянства Унгерн-Штернберг, немецкий поэт и публицист Иоганн Готфрид Зейме. Особый интерес и симпатия к республиканскому Новгороду, символом которого была Марфа Посадница, возник у демократических и либеральных кругов западной интеллигенции в XIX веке, европейцев «влекла тень великого имени», ставшего частью национального символа и поэтического образа России. Некоторых Новгород, потерявший своё былое значение, разочаровывал. Такое впечатление он произвёл на немецкого поэта и публициста Э.М. Арндта, а вот уроженец Силезии Э. Раупах, воспитатель детей И.Н. Новосильцева находил город достаточно привлекательным и делится с читателями не только сведениями о достопримечательностях и древностях Новгорода, но и знакомит их с его религиозно-литературными памятниками. «Повестью о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» и «Сказанием о церкви св. Софии...», в которой объясняется необычное изображение Вседержителя на куполе храма со сжатой дланью и рассказывается о пророческой легенде, связанной с гибелью Новгорода.

Одним из сюжетов сочинений немецких путешественников первой половины столетия были Новгородские военные поселения. В записках Мейера их описание занимает важное место. Мейер даёт высокую оценку этому институту, учреждённому императором Александром. Высоко он оценивает саму идею сочетания занятий военным делом с самостоятельной заботой о своём пропитании государственных крестьян и солдат, выделяет организацию воспитания, начального образования и профессионального обучения юношества. И считает военные поселения, которые он посетил в пору их расцвета в 1828 году, лишь начальным этапом большой реформы, направленной на снижение расходов и повышение боеспособности армии, которую он не считает угрозой и вызовом Европе. Записки дополнены в 1835 году, когда военные поселения вступили в полосу упадка вызванного и холерными бунтами, и сменой на троне Государя, и отстранением от дел графа Аракчеева.

Новгород был для Мейера исконно русским древним городом и в то же время процветавшим более шести столетий европейским свободным государством, утратившим, к сожалению, многие свои торговые и политические традиции, но сохранившим благодаря исторической памяти социума настоящий русский характер, во всей своей самобытности и первозданном виде. Поэтому, уделяя многие страницы своих записок истории Новгородской республики, таким достопримечательностям, как Святая София, Юрьев монастырь, описывая внутреннее устройство города и не забывая обычаи и нравы высшего сословия, он наибольшее внимание уделяет простому народу, его быту, обычаям, традициям. Его подкупают многие качества русского народа: способность приспосабливаться, прирождённый талант, доброжелательность, порядочность, стойкость, набожность, однако ему непонятно безразличие русских к своей судьбе, к своей свободе, полное незнание своих прав.

Главная задача записок, поставленная и решённая Мейером, как считает переводчик А. Щукина в своей статье «Жанрово-стилистические и культурологические особенности сочинения Ф. Майера», была увидеть, отметить и зафиксировать то, что нашло отражение в душе, обратило на себя внимание, заставило переживать, размышлять, сопоставлять. Поэтому в своих путевых заметках автор фиксирует не только происходящие события, мнения людей, мифы и сказания, обычаи и традиции, о которых ему рассказывали или свидетелем которых он был, но и собственные впечатления.

И как многие немецкие путешественники, побывавшие в Новгороде в эти годы, Ф. Мейер возлагал определённые надежды на то, что в будущем этот «увенчанный венком свободы, торговли и международных связей» город подобно Фениксу вновь возродится из пепла, как это уже бывало в его истории. И сможет развиваться как один из культурных центров империи.

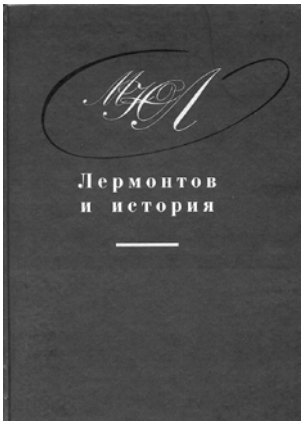
Лермонтов и история: сборник исторических статей / отв. ред. Кошелев. — Великий Новгород-Тверь, 2014. — 468 с.: ил.

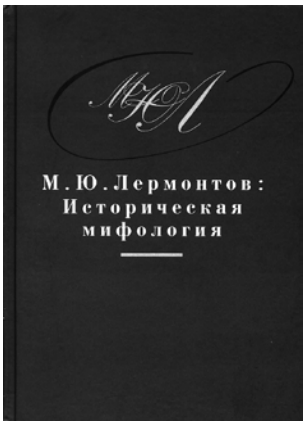
М.Ю. Лермонтов: Историческая мифология. Исследования и материалы. — Великий Новгород — Тверь, 2014. — 664 с.: ил.

Эти издания осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках целевого конкурса «Творческое наследие М.Ю. Лермонтова и современность».

В 2013 году в Великом Новгороде прошла международная конференция, посвящённая 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова.

«Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой.

Который отзвонил ее уничтоженье
И сколько гордых душ увлёк в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?»

Эти стихи написаны Лермонтовым летом 1832 года, когда он вместе с бабушкой проезжал через Новгород из Москвы в Петербург для поступления в школу гвардейских подпрапорщиков. Лермонтову всего 17 лет. Именно благодаря тем впечатлениям, что прочитываются в приветствии легендарному городу, и сформировалось в молодом поэте особенное ощущение историзма, ощущение своего времени как неотъемлемой части «безвредно протёкших» веков, а себя самого как потомка «гордых душ», вольных славян.

Раскрытие этой темы и составляет основное содержание конференции «Лермонтов в истории». Новгородская конференция прошла в дни 199-летия со дня рождения поэта, открыв череду мероприятий, готовившихся в России к 200-летнему юбилею.

Настоящий сборник является попыткой объединить и осмыслить разнородные суждения по поставленной проблеме. Российские и зарубежные исследователи, филологи, историки, искусствоведы, высказывая порой противоположные суждения, пытались осветить две основных проблемы, рассмотренные на заседаниях конференции: исторические реалии и аллюзии в творческом наследии Лермонтова и Лермонтов как культурный герой XIX–XXI веков.

В последующие годы Лермонтов ещё не раз проезжал через Новгород, а уже будучи зрелым поэтом, жил и служил несколько месяцев в 50 верстах от города, в Первом округе пахотных солдат Аракчеевского поселения, в так называемых Селищенских казармах. Ныне эти казармы находятся в полуразрушенном состоянии. Конференция стала ещё и попыткой обратить внимание властей на проблему спасения от окончательной гибели этого памятника русской культуры.

Продолжением тем, заявленных на конференции, стали две монографии, вошедшие во второй сборник. Это исследование В.А. Кошелева «Историческая мифология. Россия в творчестве Лермонтова» и Т.В. Игошевой «Лермонтов как культурный герой в художественном мире Александра Блока».

Исторические представления Лермонтова сложились в эпоху, когда в России активно формировалось историческое мышление, переключающее внимание с личности на народ. Народ начинал восприниматься движущей силой всемирной истории. Именно в «лермонтовскую» эпоху появилось представление об историческом мифе, когда было осознано, что любое историческое событие предстаёт перед потомками не в истинном виде, а заключённым в оболочку мифа, несущего в себе определённую оценку давнего события. Причём это может быть как миф, пришедший из глубины веков, так и современная идеологизация древних событий.

Лермонтов с самого начала своего творчества осознал ту историософскую идею, которая была высказана в начале XX века Н. Бердяевым: *«...история есть миф. Миф же не есть вымысел, а реальность, но реальность иного порядка... Миф есть в народной памяти сохранившийся рассказ о происшествии, совершившимся в прошлом, преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную...».* Национально-исторический миф возникает параллельно с историческим событием, и для последующих поколений главным становится именно «мифологизированное» отношение к действию или персонажу события.

Такого рода «сопряжение времён» и давало почву для нового осмысления исторических событий, становящихся предметом литературного изображения. Наиболее естественным здесь становился путь «возвратного» движения: от известной истории — к исходному мифу и к людям прошлого, ставшими его действующими лицами. В своей работе В.А. Кошелев пытается восстановить основные контуры литературной мифологии Лермонтова, покоящейся на строгой историософской и поэтической концепции. И для этого обращается к разветвлённой мифологии его произведений. В круге его интересов:

– миф о «призвании варягов» и о первом радетеле «вольности» и разбойнике Вадиме новгородском («Последний сын вольности» и ряд «Древнерусских замыслов»);

– миф о грозе «боярской поры», славном и могучем самодержце Иване Грозном («Боярин Орша», «Песнь про... купца Калашникова»);

– миф об изменившем мир «завоевателе Европы» в «Сером походном сюртуке» («наполеоновский цикл» произведений);

– миф о «богатырях» 1812 года, свалivших «великана»-завоевателя («Бородино» и ряд сопутствующих произведений);

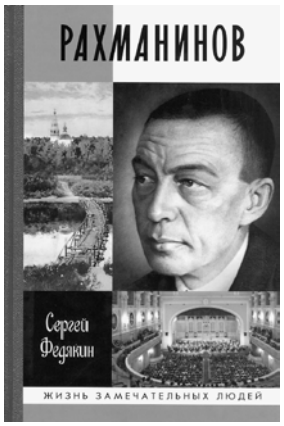
– миф о покорении Кавказа («Валерик», и цикл кавказских стихотворений, поэм и повестей). И так далее ...

Во второй части книги Т.В. Игошева рассматривает специфику «лермонтовского мифа» в русской культуре Серебряного века, прежде всего в творческих поисках А.А. Блока.

Образ Лермонтова в сознании человека XX века формировался во многом как образ мифологизированный по ряду причин.

Во-первых, биографических и творческих источников о Лермонтове сохранилось меньше, чем о любом другом писателе-классике. Сохранилось около 50-ти писем самого Лермонтова (большинство — семейного характера), никаких писем к нему, немного о нём в письмах знавших его людей и довольно большой по количеству, но бедный по содержанию мемуарный материал. Вот и всё, чем владеет исследователь Лермонтова, кроме его произведений. Поэтому ничего удивительного в том, что научное освоение его наследия затруднено и порождает у исследователей потребность в субъективной реконструкции, что ведёт в той или иной степени к мифологизации образа Лермонтова.

Во-вторых, представление о судьбе поэта и творчестве приобретало черты мифа в силу общесимволистской тенденции к мифотворчеству. Мифогенная энергия символистской культуры оставляла свой след не только при создании оригинальных образов и сюжетов, но и в их критической деятельности при создании образов деятелей литературы и истории, превращая их в культурных героев собственных мифов, подчиняя их собственным эстетическим законам, создавая из их жизни символистское художественное произведение. Стремление дать оценку и понять опыт Лермонтова, связанный с внутренними событиями его личной жизни, выраженными в его поэтическом слове, и сформировали символистский миф, культурным героем которого стал сам автор «Ангела» и «Демона».

В приложениях приведены малоизвестные материалы из творческого наследия Лермонтова и Блока.

Федякин С.Р. Рахманинов / С.Р. Федякин — М. : Молодая гвардия, 2014. — 478[2] с. : ил. — (Жизнь замечательных людей)

Книга, вышедшая в легендарной серии, посвящена выдающемуся музыканту XX века, чьё удивительное творчество как великого композитора, выдающегося пианиста, блестящего дирижёра давно покорило материки и народы, а громкая слава и популярность исполнительства могут соперничать лишь с мировой славой П.И. Чайковского. Автор книги сумел ёмко и выразительно воссоздать личность и обрисовать творческую судьбу Рахманинова на фоне тех потрясений, через которые прошла Россия в XX веке. Жизнь началась для Рахманинова с распада дворянских гнёзд и семейного разлада, закончилась во времена всемирных разрушений (1873–1943). Последние его произведения обращены и к России, и к миру, и к дали. В его музыке слышится вечное движение вдаль, к неоглядному горизонту. Но рядом встаёт и несокрушимая вертикаль колокольных звонов. Когда композитор жил в Америке, он вспоминал новгородские земли, изрезанные реками и речушками с заливными лугами. Вспоминал и озеро Ильмень, его неоглядный простор, каменистый берег с травой, синевато серые волны под небом с белоснежными кучевыми облаками. Вспоминал и монастыри, разбросанные вокруг Новгорода, и их вечерние звоны. Семёновка — место рождения. Онег — немногие годы счастливого детства, первые занятия музыкой, когда музыка вошла в жизнь. И радость, и беда — всё стало музыкой. Борисовка — где он провёл последнее лето перед отъездом в Москву с бабушкой. И Новгород, где в детские годы и позже он бывал не раз. Новгород с его белостенной со шлемовидными куполами Софией, Детинцем красного кирпича с зубчатыми стенами, круглыми и квадратными башнями, накрытыми островерхими шатрами. А рядом медленные волны Волхова, в неустойчивой ряби которых штрихами — отражение стен и башен. Новгород в биографии Рахманинова обрёл значение символическое. Недаром Павел Муратов писал: «Новгородская земля — вот земля наших древних искусств, и Новгород — бесспорная их столица»

Что такое музыка?!
Это тихая лунная ночь;
Это шелест живых листьев;
Это отдалённый вечерний звон;
Это то, что родится в сердце и идёт к сердцу;
Это любовь!
Сестра музыки — это поэзия, а мать их — грусть!

Этот набросок, найденный в бумагах Рахманинова, и это не о нотах, тембрах, это о музыке, разлитой по Вселенной, и одним из самых значимых уголков этой Вселенной была для Рахманинова новгородская земля. Он был из той породы людей, кто привязан к родным местам со страстью, но судьба обрекла его на вечные разлуки.

«Странствующий музыкант» — так с юности повторял Сергей Рахманинов. Бесприютное отрочество, неустроенная жизнь, скитания из дома в дом, Зверев, Сатины, временные пристанища у друзей, родственников, комнаты внаём. Те же скитания и внутри личной жизни. Озорной прогульщик в Петербурге — упорный и настойчивый ученик в Москве. Блестящий выпускник консерватории в начале 1890-х годов — потерявший себя музыкант в конце того же десятилетия. Композитор из редкой плеяды тех, кого можно назвать национальным — ярчайший пианист XX века, который лишь изредка являл новую, неповторимую музыку. Лишь в середине его земного пути — настоящий дом — Ивановка — без которой он смог сочинить лишь малую часть своих произведений. Её утрата в 1917 году была равносильна утрате жизни. На чужбине он как будто напророчил сам себе знакомое поприще — стал скитальцем, странствующим музыкантом, который принёс с собой русский мелос и русскую душу, без которых не мог сочинять. Судьба отечества не могла не задевать его «заграничной жизни». Помощь русским и всему миру, посылки нуждающимся и пожертвования на оборону и Красную Аармию — всех благодеяний музыканта не перечесть. Но главное — музыка Рахманинова поддерживала человеческие души. Соединяя их в годины беды и победы.

Любимым поэтом Рахманинова был Лермонтов, для которого в стихах звучала та же «музыка небес», что звучала в музыке для композитора. Но мне хочется закончить свой обзор не строчками Лермонтова, а стихами И. Бунина. Перекликаясь с древнеегипетской мудростью, они как бы закольцовывают времена и несут нам ощущение неразрывности и вечности. Понимание того, что пока человек существует в пространстве книги, поэзии, музыки, истории, культуры, пока познаёт, осваивает и созидает что-то новое, до тех пор и будет существовать человеческое общество. А письмена... они становятся непрерываемыми нитями, что соединяют нас, людей XXI века, и с теми, кто был до нас, и с теми, кто придёт после нас:

«Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена...»

Информация об авторах

Антонова Любовь Вениаминовна, врач-офтальмолог, краевед, г. Санкт-Петербург.

Булыгин Василий Степанович, заведующий методическим кабинетом секции социологии СБО ИНПО НовГУ им. Ярослава Мудрого, литератор с 1965 г., г. Великий Новгород.

Витушкин Сергей Фёдорович, заведующий отделом публикации документов ГОУ «ГАНИНО», главный редактор областной Книги Памяти, г. Великий Новгород.

Вихрова Нина Николаевна, доцент кафедры педагогики и методики начального образования НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Данько Татьяна Александровна, заведующая отделом краеведения Новгородской областной универсальной научной библиотеки, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Демидов Валерий Васильевич, преподаватель Новгородского областного колледжа искусств им. С.В. Рахманинова, заведующий музеем А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова, заслуженный работник культуры РФ, г. Великий Новгород.

Денисова Алиса, г. Великий Новгород

Зозуленко Татьяна Борисовна, искусствовед-критик, член Союза журналистов России, член Союза художников России, г. Великий Новгород.

Кузнецова Татьяна Евгеньевна, историк, г. Великий Новгород.

Кулиничева (Коврижко) Мария Константиновна, редактор альманаха «Чело», серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси», г. Великий Новгород.

Ланцова Оксана Владимировна, студентка 5 курса филологического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Морылёва Наталья Ивановна, главный библиотекарь НБ НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Рукавичникова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая сектором редкой книги НБ НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Савельев Николай Сергеевич, аспирант НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Савинова Ирина Дмитриевна, член Союза журналистов России, Кавалер ордена Святой равноапостольной Великой княгини Ольги, г. Великий Новгород.

Секретарь Людмила Андреевна, ведущий документовед учебно-научной лаборатории социально-экономической истории Северо-Запада России НовГУ им. Ярослава Мудрого, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Симонов Юрий Анатольевич, блокадник, ветеран труда и Великой Отечественной войны, г. Санкт-Петербург.

Сорокин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Федина Людмила Васильевна, историк-архивист, Заслуженный работник культуры РФ, сотрудник Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина, г. Великий Новгород.

Хохлов Илья Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, г. Великий Новгород.

Шмелёва Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Ядрышников Владимир Алексеевич, старший научный сотрудник отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов

Адрес редакции:
173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507
Телефон: (816-2) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 17.12.2013. Заказ № 1018068. Бумага 80^{2}г/м.^{2}
Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (8162) 73-76-76

Художественное оформление — В.И. Поветкин

Техническая обработка материалов, вёрстка — Э.Н. Белоножка

Над номером работали:
Главный редактор — Е.В. Барканова
Редактор отдела — Е.М. Ипатова
Редактор — М.К. Кулиничева